

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова
Философский факультет

Учебник
для вузов

И.А. Гобозов

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Москва
Академический Проект
2020

УДК 1/14
ББК 87
Г57

Рецензенты:

д-р фил. наук, проф. *В.И. Метлов*,
д-р фил. наук, проф. *С.И. Гончарук*

Гобозов И.А.

Г57 Социальная философия: Учебник для вузов. — 2-е изд. — М.: Академический Проект, 2020. — 352 с. — (Gaudeamus).

ISBN 978-5-8291-3252-1

В учебнике излагаются фундаментальные темы социальной философии на современном уровне ее развития; предмет социальной философии; специфика социального познания; социальный детерминизм; субъекты истории; социальное время и социальное пространство, типология общества; единство и многообразие человечества; гражданское общество; социально-философский анализ глобализации; духовное бытие общества; социальная философия и постмодернизм и др. Изложение материала базируется на принципе историзма. Оно носит системный и строго логический характер.

Учебник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей философии, а также для тех, кто интересуется актуальными проблемами социальной философии.

УДК 1/14
ББК 87

ISBN 978-5-8291-3252-1

© Гобозов И.А., 2007
© Оригинал-макет, оформление.
Академический Проект, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
Предисловие	5
Глава I. Предмет социальной философии	7
§ 1. Социальная философия — наука об обществе	7
§ 2. Функции социальной философии	17
§ 3. Место социальной философии в системе обществознания	32
Глава II. Общество — целостное социальное образование	39
§ 1. Общество — качественно новое образование	39
§ 2. Общественные отношения	44
§ 3. Общество и его законы	47
Глава III. Социальная структура общества	53
§ 1. Социальные классы	53
§ 2. Социальная стратификация	58
Глава IV. Социальный детерминизм	62
§ 1. Географический детерминизм	62
§ 2. Идеалистический детерминизм	66
§ 3. Материалистический детерминизм	67
§ 4. Теория факторов и технологический детерминизм	73
§ 5. Детерминанты и доминанты	74
Глава V. Типология общества	79
§ 1. К истории типологии общества	79
§ 2. Формационная типология	84
§ 3. Цивилизационная типология	89
§ 4. Миросистемная типология	101
Глава VI. Единство и многообразие человечества	104
§ 1. Основы единства человечества	104
§ 2. Многообразие человечества	111
Глава VII. Социальное пространство и социальное время	117
§ 1. Социальное пространство	117
§ 2. Социальное пространство современного мира	120
§ 3. Социальное время	133
§ 4. Время и историческая эпоха	138

	стр.
Глава VIII. Общественный прогресс	142
§ 1. Общая характеристика общественного прогресса	142
§ 2. Критерий общественного прогресса	149
§ 3. Современные интерпретации общественного прогресса	155
Глава IX. Пути общественного развития	161
§ 1. Эволюционный путь	161
§ 2. Революционный путь	163
§ 3. Проблема выбора путей общественного развития	165
Глава X. Субъекты истории	174
§ 1. Понятия «этнос», «народ», «нация»	174
§ 2. Великие личности в истории	182
§ 3. Харизматический лидер	191
Глава XI. Проблема человека в социальной философии	206
§ 1. Индивид. Человек. Личность	206
§ 2. Человек. Свобода. Ответственность	211
§ 3. Гуманизм и человек	223
Глава XII. Социально-философские проблемы политики	227
§ 1. Общая характеристика политики	227
§ 2. Государство — ядро политической организации	236
§ 3. Политика и мораль	245
§ 4. Война и политика	256
Глава XIII. Гражданское общество	264
§ 1. Проблема гражданского общества в истории социальной философии	264
§ 2. Сущностные черты гражданского общества	270
Глава XIV. Социально-философский анализ глобализации	278
§ 1. Рост интеграционных процессов в современную эпоху	278
§ 2. Противоречивый характер глобализации	283
Глава XV. Духовное бытие общества	296
§ 1. Духовное производство	296
§ 2. Духовная культура	300
§ 3. Общественное сознание	303
Глава XVI. Социальная философия и постмодернизм	311
§ 1. Истоки возникновения постмодернизма	311
§ 2. Постмодернизм и социальное познание	340

ПРЕДИСЛОВИЕ

Писать учебники по философии очень трудно, так как философия — это такая отрасль знания, где наблюдается огромное количество диаметрально противоположных концепций, теорий, течений и направлений. Поэтому невозможно представить в учебнике все это многообразие как некое единое целое.

Еще труднее писать учебник по социальной философии. Во-первых, потому что социальная философия — часть философии вообще и, следовательно, в ней тоже наблюдается это огромное многообразие. Во-вторых, потому что в силу специфики самого предмета социальной философии очень сильно сказываются мировоззренческие позиции философов. Платон, Аристотель, Декарт, Кант, Гегель, Маркс и другие корифеи мировой философии имплицитно или эксплицитно выражали свое отношение к тем или иным социальным феноменам и процессам. Кроме того, в социальной философии существуют различные учения, концепции, направления, течения и т. д., в которых встречаются диаметрально противоположные рассуждения по одним и тем же проблемам. Поэтому в учебнике практически невозможно совместить все эти рассуждения. Но учебник потому и называется учебником, что в нем должны быть зафиксированы устоявшиеся знания. Тем не менее это невозможно при наличии самых разных философских теорий и учений.

И все же выход есть. Он заключается в следующем: прежде всего нужно выяснить, в каком философском аспекте будет написан учебник. На мой взгляд, чтобы определить этот аспект, условно всю философию можно разбить на три вида: философию мирообъяснения, философию мироощущения и философию миропостижения. К **философии мирообъяснения** относятся те философские течения, направления и концепции, сторонники которых для объяснения и подтверждения своих философских воззрений обращаются к достижениям конкретных наук. Так поступали, например, Кант, Гегель, Маркс и другие великие философы. Они считали философию такой же наукой, какими, например, являются физика, химия, математика и т. д. Они использовали определенные категории как инструменты познания объективной действительности. К **философии мироощущения** можно отнести те философские теории, авторы которых обращались к внутреннему миру человека. Это, прежде всего, философия жизни, эксис-

тенциализм и персонализм. Приверженцы этих философских направлений изучают экзистенцию человека с точки зрения его внутренних переживаний, психических ощущений и т. д. Для них философия не наука, а инструмент описания человеческих переживаний и рефлексий. Что касается **философии миропостижения**, то к ней относится религиозная философия, которая стремится постичь мир через Бога. Ясно, что эта философия ничего общего не имеет с наукой.

Автор данного учебника является приверженцем философии мирообъяснения. Он считает, что социальная философия есть наука об обществе и, следовательно, она руководствуется всеми научными принципами исследования природной и социальной действительности. Она имеет свои законы и категории, свои методы познания и изучения общества как структурированного целого.

В настоящее время в философии доминирует резко отрицательное отношение к классическим философским традициям: отвергаются классические категории философии, полностью игнорируются проверенные практикой философские методы исследования объективного мира, отвергаются принципы строгого научного мышления и доказательности. Словом, отвергается все, благодаря чему философия тысячелетиями успешно развивалась и добивалась великих научных результатов. Но зато все сводится к дискурсу, т. е. к пустому разговору обо всем и ни о чем.

Автор категорически не разделяет дух тотального отрицания. Он исходит из того, что философия, как и любая отрасль знания, может развиваться только на базе прежних научных результатов. Поэтому в учебнике материал представлен с учетом достижений классической философии, что, естественно, предполагает творческий подход ко всему философскому знанию. Автор постарался изложить фундаментальные темы социальной философии на современном научном уровне и представить общество как целостное социальное образование.

Глава I. Предмет социальной философии

§ 1. Социальная философия — наука об обществе

Социальная философия является частью философии вообще, которая возникла в античную эпоху (VI век до нашей эры). Уже в трудах античных философов в той или иной степени затрагиваются разные проблемы обществознания. Так, **Платон** (427—347 до н.э.), пожалуй, является первым философом, давшим широкую панораму социальной структуры общества, форм государственного правления и нравственных отношений, складывающихся между людьми в процессе их совместной жизни, а также вопросов о справедливости.

Платон размышляет о том, что такое справедливость, как ее характеризовать. Следует ли подразумевать под справедливостью честность? Является ли одно и то же действие в некоторых случаях справедливым, а в других несправедливым? Платон полагает, что простой ответ на эти вопросы не приведет к выяснению сущности справедливости. Тем не менее он утверждает, что справедливость можно рассматривать как воздаяние должного каждому, никому не причиняя вреда.

В социальной философии Платона основное место занимает идеальное государство. В таком государстве все слои общества чувствуют себя счастливыми. В нем царствует справедливость, тогда как в неидеальном государстве доминирует несправедливость. Великий философ убежден в том, что богатство и бедность портят людей. «Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая, кроме новшеств — к низостям и злодеяниям»¹.

В идеальном государстве существенное значение имеет правильное воспитание людей. По мнению Платона, есть два вида воспитания: мусическое и гимнастическое. Мусическое воспитание — это воспитание для души, а гимнастическое — для тела. Мусическое воспитание включает в себя поэзию, музыку, мифы, моральные нормы и принципы. Надо оберегать государство, не нарушать заведенные в нем порядки и законы, несоблюдение которых приводит к разрушению нравов, что в конечном итоге наносит огромный вред государст-

¹ Платон. Соч.: В 3 т. М., 1971. Т. 3, ч. 1. С. 209.

ву. Дети должны получать хорошее воспитание, уважать старших, уступать им место, вставать в их присутствии.

В идеальном государстве у всех должны быть общие цели и общие интересы, а также общая собственность. Правителями же должны быть философы. Но не всякий является философом и, следовательно, не всякий может управлять государством. Философом (любителем мудрости) следует считать того, кто постоянно стремится учиться и заниматься науками, кто ищет истину. А истина есть прекрасное. Философы-правители должны быть правдивыми, решительно отвергать всякую ложь и любить истину.

Ученик Платона **Аристотель** (384—322 до н.э.) — величайший философ античности. Он заложил основы логики, оставил свой вклад в этике, эстетике, политологии, психологии, социальной философии, биологии и других науках. Вслед за Платоном он анализирует проблемы справедливости и приходит к выводу о том, что понятие справедливости есть относительное понятие. Если справедливость есть равенство, то не для всех, а только для равных, и неравенство есть справедливость, но только для неравных.

Аристотель очень много внимания уделял вопросам государства и государственного правления. Он считал, что государство есть общение, организуемое для блага граждан и охватывающее все другие формы общения. Государство, подчеркивает Аристотель, есть продукт естественного возникновения, т. е. оно, как и общение, произошло естественным путем.

Государство, продолжает Аристотель, существует по природе, а человек по природе своей представляет собой существо политическое. Человек, живущий вне государства, по убеждению мыслителя, ненормален. Здесь надо иметь в виду, что в античную эпоху понятия государства (полиса) и общества отождествлялись. Поэтому человек справедливо не мыслился вне полиса, т. е. вне общества.

Аристотель большое значение придавал анализу собственности. Прежде всего, он различает собственность и искусство наживать состояние, которое Аристотель сравнивает с наукой о домохозяйстве. Он считает, что это не одно и то же, ибо в одном случае — искусство наживать состояние — речь идет о приобретении средств, а в другом — наука о домохозяйстве — о пользовании ими. В искусстве наживать состояние никогда не бывает предела в установлении цели, а целью оказывается богатство и обладание деньгами. В области, относящейся к домохозяйству, такой предел имеется, ибо целью домохозяйства является не накопление денег, а их использование.

Будучи противником общественной собственности, Аристотель писал, что люди плохо заботятся об общем благе, в то время как каж-

дый постоянно думает о своей собственности. Лучше, чтобы собственность была частной, а пользование ею — общим. К этому должны подготовить людей законодатели. Продолжая защищать частную собственность, Аристотель пишет, что человек получает наслаждение потому, что у него есть собственность. Но вместе с тем он понимает, что частная собственность может усилить эгоизм людей, их корыстолюбие. И все же Аристотель твердо уверен в том, что именно частная собственность способствует тому, что люди оказывают друг другу безвозмездную помощь.

В средние века все обществознание превратилось в служанку теологии и поэтому оно фактически не развивалось. Только с эпохи Возрождения, а особенно в новую эпоху, происходит интенсивная разработка проблем социальной философии. Гоббс, Локк, Руссо, Гольбах, Гегель, Маркс и другие корифеи мысли решили многие фундаментальные проблемы социальной философии. В их трудах нашли освещение вопросы социального прогресса, свободы и необходимости, социального детерминизма, естественного права, социального равенства и социальной справедливости, происхождения государства, гражданского общества и др.

Гоббс (1588—1679) исходит из теории естественного права. Он утверждает, что люди рождаются с одинаковыми физическими и умственными способностями. Из естественного равенства вытекают и естественные возможности людей для достижения одних и тех же целей. Иначе говоря, каждый человек имеет такое же право на те или иные блага общества, как и все остальные. Но такое положение вещей приводит к конфликтной ситуации. И пока люди живут без общей власти, которая всех держит в страхе, они, по Гоббсу, воюют друг против друга. Гоббс делает такой общий вывод: естественное состояние людей есть состояние войны всех против всех. В таком обществе у людей отсутствуют трудолюбие, стремление к производству благ, ибо никто не застрахован от насильственного грабежа результатов своего труда. Плохо развивается экономика, нет торговли, судоходства, в ужасном состоянии находятся культура, литература — короче, нет нормального общества и жизнь человека беспросветна.

Чтобы люди не уничтожили полностью друг друга, они договариваются создать некий верховный орган, которому отдают часть своих прав, но который их защищает и охраняет. Так, по мнению Гоббса, возникает государство на договорной основе.

Локк (1632—1704) — выдающийся английский философ-материалист, один из создателей теории разделения властей. Он жил в эпоху бурных революционных событий, закончившихся компромиссом

между виги, т. е. крупной буржуазией, и тори — крупными землевладельцами.

Локк различает естественную свободу и общественную свободу человека. В первом случае свобода состоит в том, что человек на земле никому не подчиняется, но руководствуется только законом природы. Во втором же случае — свобода человека в обществе — речь идет о подчинении только законодательной власти, принятой в государстве.

Весьма оригинально Локк излагает генезис частной собственности. Он пишет, что в естественном состоянии земля, плоды деревьев, животные и т. д. принадлежат всем и никто не имеет на них каких-то особых прав. Но даже в этом случае человек имеет нечто такое, что принадлежит только ему. Речь идет о труде. Таким образом, с точки зрения Локка, именно труд является основной причиной возникновения частной собственности. Когда человек, скажем, собирает готовые плоды, то тем самым он вкладывает свой труд, благодаря которому эти готовые плоды становятся его собственностью. Благодаря труду возникает и частная собственность на землю: человек отгораживает себе участок земли, обрабатывает ее и получает урожай.

Руссо (1712—1778) оставил глубокий след в социальной философии. Он выдвинул много интересных идей относительно формирования человеческого общества. В этой связи он прежде всего исследовал вопросы происхождения неравенства среди людей, из которого, по его глубокому убеждению, возникли все общественные и политические события, потрясающие человечество вообще и каждого индивида в отдельности.

Философ рисует идиллическую картину жизни первобытных людей, когда они пребывали в естественном состоянии, были невинны и добропорядочны, жили в мире и дружбе. В отличие от Гоббса, утверждавшего, что естественное состояние людей есть состояние войны всех против всех, Руссо исходит из тезиса, согласно которому люди в естественном состоянии были добродетельными существами и забота о самом себе нисколько не вредила самосохранению других. Сострадание — вот главное чувство людей.

Но шло время, и появилось неравенство. Руссо полагает, что причины всех бедствий — войн, преступлений, убийств, несчастий и ужасов — заключаются в возникновении частной собственности и неравенства среди людей. С появлением гражданского общества человек всюду оказывается лишенным свободы. Человек рождается свободным, считает Руссо, но повсюду он в оковах. Этот тезис Руссо аргументированно доказывает путем длительного экскурса в историю человечества и анализа его первобытного состояния. Руссо, как

и многие его предшественники, исходит из теории общественного договора происхождения государства. Люди, пишет он, заключили между собой соглашение, что предполагало добровольное ограничение своей свободы.

По мнению Руссо, люди в естественном состоянии руководствовались инстинктами. Но после перехода к гражданскому состоянию их поведение регулируется уже не инстинктом, а разумом. Голос долга сменяет, как выражается Руссо, плотские побуждения, а право — желание. При этом человек многое терпит, но приобретает еще больше, ибо развиваются его способности, облагораживаются чувства, возвышается душа. Вывод: «По Общественному договору человек теряет свою естественную свободу и неограниченное право на то, что его прельщает и чем он может завладеть; приобретает же он свободу гражданскую и право собственности на все то, чем обладает»². Здесь Руссо различает два понятия свободы. Во-первых, понятие естественной свободы, границей которой выступает лишь физическая сила человека; во-вторых, понятие гражданской свободы, ограниченной общей волей.

Гольбах (1723—1789) — крупнейший представитель французского Просвещения XVIII века. Он оставил глубокий след в мировой философии. Его воззрения отличаются оригинальностью, смелостью суждений и новаторством.

Гольбах в отличие от Гоббса, Локка и Руссо, утверждавших, что человек, находясь в естественном состоянии, был изолирован от общества, исходит из того, что человек всегда находится внутри социума, без которого немислима его жизнь. У него есть чувство общности, т. е. склонность жить совместно с подобными себе людьми. Любовь к обществу Гольбах определяет как естественное чувство. Человек сам вносил определенный вклад в общее благосостояние, и ему не было никакой необходимости покидать себе подобных и становиться добычей более сильных животных. Человек всегда нуждался в другом человеке, осознавал, что именно в обществе может иметь необходимые для себя жизненные блага.

Гольбах утверждает, что чувство общности есть следствие интереса или потребности. Целью любого общества является создание необходимых условий для совершенствования духовных и физических способностей людей. Общество обязано, во-первых, обеспечить гражданину благосостояние, помочь ему пользоваться теми благами, на которые он имеет право, если это не противоречит

² Руссо Ж.-Ж. Трактаты. М., 1969. С. 164.

общественным интересам; во-вторых, обеспечить человеку безопасность, без которой любые блага общества не имеют никакого значения. Отсюда вытекают и взаимные обязанности, т. е. обязанности, которые связывают людей, объединившихся в общество. В противоположность воззрениям Гоббса, Локка и Руссо Гольбах видит причины человеческого несовершенства в обществе.

Гольбах отвергает изолированное от общества существование человека, но зато принимает теорию общественного договора. Он утверждает, что общество и человек берут на себя взаимные обязательства. Одна сторона (человек) обязуется подчиняться принятым законам, а другая (общество) — заботиться о благополучии всех. Условия общественного договора: 1) человек добровольно отдает обществу свои способности; 2) совместный труд на благо всех и каждого; 3) обеспечение отдыха каждого члена общества; 4) обеспечение безопасности каждого члена общества; 5) любовь, уважение и услуги со стороны всех членов общества.

Происхождение социального неравенства французский просветитель связывает с природой, которая наделила людей различными способностями, физическими и духовными силами. Такое неравенство, считает он, способствует сохранению и совершенствованию общества. Если бы люди от природы были абсолютно одинаковыми, то в практической жизни они постоянно конфликтовали бы между собой. Зато естественное неравенство заставляет людей стремиться к достижению тех успехов, которых добились другие.

Для стабильного развития общества, пишет Гольбах, нужна власть, главной целью которой является счастье, безопасность и защита интересов людей, подчиняющихся законам и верховной власти ради реализации этой цели. Если же правители заняты своими личными делами, то граждане имеют полное право игнорировать их распоряжения. Гольбах убежден в том, что общество всегда является, как он выражается, хозяином верховной власти. А подлинной верховной властью он считает такую власть, которая подчиняется законам, одобренным народом. Верховный правитель должен любить свой народ, заботиться о его благосостоянии. Он должен жить жизнью народа, знать его желания и чувства.

Важное место в философии Гольбаха занимают вопросы свободы. Он выступает за свободу, так как уверен, что ни одно общество не может считать себя счастливым без свободы, которую французский мыслитель определяет как возможность делать все для своего счастья при условии, что твои действия не мешают счастью других людей. Критерием же свободы каждого члена общества является благо обще-

ства в целом. Чем выше это благо, чем свободнее человек, тем у него больше возможностей наслаждаться жизнью.

Фундамент свободы — разум и добродетель. Человек, утверждает Гольбах, свободен повсюду, где правит закон, где люди руководствуются разумом, а не страстями. Свобода, пишет Гольбах, выгодна всем. Во-первых, она выгодна государю, ибо ему легче править свободными гражданами; во-вторых, выгодна всем гражданам, так как благодаря свободе они могут трудиться, наслаждаться жизнью, подчиняться разумным законам; в-третьих, свобода обеспечивает безопасность граждан, неприкосновенность их личности и собственности; в-четвертых, она способствует развитию промышленности, земледелия, вообще экономическому процветанию общества; в-пятых, дает возможность людям исповедовать ту религию, которую они сами выбрали, или же не придерживаться никаких религиозных верований; в-шестых, нет отечества без свободы, ибо там, где она уничтожена, человек лишен счастья отдыха и безопасности; в-седьмых, государство сильно лишь тогда, когда его граждане свободны: без свободы могущество любого государства недолговечно; в-восьмых, только в свободном государстве люди добродетельны — у них проявляется любовь к общему благу, к справедливости, к уважению друг друга и т. д.

Немецкий философ **Гегель** (1770—1831) создал целую философскую систему, в которой нашли отражение многие вопросы общественного сознания, в частности проблемы свободы, государства, права, гражданского общества, социального прогресса, периодизации общества и т. д. Всемирную историю, которая развивается по восходящей линии, он рассматривал как прогресс в сознании свободы.

Гегель очень высоко ценил роль государства в обществе. Государство, считает он, есть субстанция, и индивид обладает истиной и нравственностью лишь потому, что он является членом государства. Государство для него есть шествие Бога в мире.

Много внимания Гегель уделял роли великих людей в истории. Он их называет героями, ибо они, по его мнению, появляются вовремя, когда созревают необходимые условия для принятия решительных действий, имеющих всемирно-историческое значение. Вместе с тем они обладают блестящим умом и понимают то, что нужно в данный момент обществу. Они делают своей целью то, что необходимо в настоящее время социуму, в чем давно нуждается сама история. Они лучше постигают суть дела, чем все остальные люди. Таким образом, с точки зрения Гегеля, появление великих людей на исторической сцене необходимо и неизбежно, так как дальнейший прогресс общества

становится невозможным из-за накопившихся противоречий между старым и новым.

Маркс (1818—1883) — великий немецкий мыслитель, оставивший глубокий след во всех областях общественнознания. В поле его научной деятельности находились проблемы политической экономии (он написал трехтомный труд «Капитал»), права, истории, политологии, философии, диалектики и др. Он открыл материалистическое понимание истории, согласно которому, прежде чем заниматься политикой, наукой, искусством, философией и т. д., нужно есть, одеваться и иметь крышу над головой, т. е. жилье. Все это создается в материальной (экономической) сфере. Поэтому люди в первую очередь должны заниматься экономикой, производить необходимые для них жизненные средства. Производя эти средства, люди тем самым производят свою материальную жизнь, которая является фундаментом общества. Материальная жизнь, материальные общественные отношения, формирующиеся в процессе производства материальных благ, определяют все другие формы деятельности людей — политическую, духовную, социальную и т. д. Идеи, даже туманные образования в мозгу людей, являются искажением их материальной жизни. Мораль, религия, философия и другие формы общественного сознания отражают материальную жизнь общества.

Хотя материальное производство играет решающую роль в жизни человеческого общества, тем не менее другие сферы общественной жизни — политическая, духовная, культурная, социальная и т. д. — тоже играют свою роль. Политика, например, пронизывает все общество и оказывает на его развитие сильное влияние. Кроме того, находясь в постоянном взаимодействии, все сферы общественной жизни влияют друг на друга и тем самым на все историческое развитие. Маркс разработал такие фундаментальные категории социальной философии, как: базис, надстройка, общественное бытие, общественное производство, общественное сознание, общественно-экономическая формация, способ производства материальной жизни, производственные отношения и др. Они используются в общественнознании при исследовании процессов и явлений общества как целостного социального образования.

Таким образом, краткий анализ истории социальной философии показывает, что предмет ее постепенно формировался и все время наполнялся новым содержанием, новыми проблемами и темами.

Социальная философия есть **наука об обществе**. А что такое наука? Наука есть систематизированное и теоретически оформленное знание об окружающей человека природной и социальной действительности. Но, чтобы получить систематизированное знание, необходи-

мо использовать определенные методы и категории как инструменты познания. Категории отражают наиболее общие, существенные, повторяющиеся свойства и связи феноменов и процессов объективной действительности. Всякая категория есть понятие, но не всякое понятие есть категория. Понятие стола, например, не есть категория, в то время как понятие общества представляет собой категорию. Почему? Дело в том, что категории не просто отражают общие черты предметов и вещей — они отражают повторяющиеся связи и отношения. Кроме того, они инструменты познания. С их помощью конструируются теоретические модели природы и общества. Каждая наука имеет свои категории. В социальной философии, например, используются такие категории, как общество, прогресс, общественное сознание, общественное бытие, социальный детерминизм, цивилизация, общественно-экономическая формация, гуманизм, типология общества, социальная структура, социальная стратификация и др.

Наука отвечает на вопрос «почему?», а не на вопрос «как?» Вопрос «как?» подразумевает простое описание изучаемых процессов и феноменов. В данном случае исследователь просто описывает то, что видит в природе или обществе. Его интересуют только явления. Вопрос «почему?» предполагает раскрытие сущности изучаемых процессов и явлений, выявление глубинных причин изменений и трансформаций предметов и вещей объективной действительности.

Но для построения науки одних категорий, представляющих своего рода строительный материал, недостаточно. Необходимо иметь определенные методологические принципы. Главный принцип — это **принцип монизма**. Нельзя науку строить исходя из двух или трех начал. Начало должно носить достоверный и очевидный характер. Оно не должно быть чем-нибудь опосредовано. Оно должно носить самостоятельный характер. Если взять философию, то здесь в качестве исходного принципа может выступать либо идеалистический монизм, либо материалистический монизм. Гегель, например, начинает с бытия в идеалистическом смысле слова, или, по терминологии Гегеля, с чистого бытия. Он прямо пишет: «Чистое бытие образует начало, потому что оно в одно и то же время есть и чистая мысль, и неопределенная простая непосредственность, а первое начало не может быть чем-нибудь опосредованным и определенным»³. Гегель был идеалист и под бытием он подразумевал идею, мысль, а не материю, существующую независимо от идеи или сознания.

³ Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 217.

В отличие от идеалистов материалисты в качестве исходного принципа, или начала, брали материю. В социальной философии исходным принципом для Маркса является материальное производство, которое, выражаясь словами Гегеля, представляет собой простую непосредственность. Исходя из этого монистического принципа, Маркс построил науку об обществе.

Социальная философия изучает общество. Но оно также изучается другими общественными науками: социологией, политологией, этикой, эстетикой, историей и т. д. Ясно, что ни одна наука не в состоянии охватить все многообразие социальной действительности. Поэтому каждая наука берет тот или иной срез общества. Этот срез обозначается понятием «предмет», а все общество — понятием «объект».

Понятие объекта по объему шире понятия предмета. Социальная материя (общество) как объект общественных наук, естественно, по объему шире, поскольку она охватывает все человеческое общество, представляющее собой сложную и многогранную систему отношений и связей индивидов, находящихся в постоянном взаимодействии между собой. Предмет же связан с тем или иным фрагментом социальной действительности.

Предметом социальной философии является общество в целом. Социальная философия — это наука об общих законах развития человеческого общества. Она изучает универсальные, сущностные черты общества независимо от его конкретного проявления, а также раскрывает имманентную логику социума, взаимодействие людей в процессе производства материальных и духовных ценностей, необходимых для удовлетворения многообразных потребностей человека. Она абстрагируется от конкретных социальных организмов и основное внимание уделяет исследованию имманентной логики развития человечества, показывает направленность исторического движения по восходящей линии, раскрывает глубинные причины тех или иных исторических событий, фактов, феноменов и процессов. Социальная философия изучает место и роль человека как творца материальных и духовных ценностей в социальной действительности.

Социальная философия выясняет единство и многообразие исторического процесса. Она показывает, что человеческое общество возникло на определенном этапе эволюции природы и как уникальное социальное образование представляет собой некое единое целое, но вместе с тем общество не только едино, но и многообразно.

Социальная философия — это философия общества и, следовательно, все, что есть в обществе, может быть проанализировано и исследовано с позиции социальной философии. Но социальная философия изучает общество с точки зрения становления и развития,

с точки зрения взаимодействия всех его сфер, сторон и отраслей. При этом социальная философия, как теория высшей абстракции, отвлекается от конкретных, случайных и несущественных сторон общественной жизни. Для нее главное — раскрытие имманентной логики общества, поиски глубинных причин тех или иных событий и феноменов.

§ 2. Функции социальной философии

Социальная философия, как теория высшей абстракции, выполняет, по крайней мере, такие функции: *методологическую, гносеологическую, мировоззренческую и прогностическую.*

Методологическая функция. Любая наука имеет свои методы, т. е. способы и средства познания мира. Наука строит определенную теоретическую модель, и поэтому она должна обладать соответствующими инструментами познания объективной действительности. Это касается и философии. Нельзя не заметить, что на это обращали внимание многие философы. Еще Платон в своих диалогах описывал способ диалектического познания. Он выделяет два способа, или метода, познания: «Первый — это способность, охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения. Так поступили мы только что, говоря об Эроте: сперва определили, что он такое, а затем, худо ли, хорошо ли, стали рассуждать; поэтому наше рассуждение вышло ясным и не противоречило само себе... Второй вид — это, наоборот, способность разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них...»⁴.

Декарт, разрабатывая правила для руководства ума, дал такое определение метода: «Под методом же я разумею достоверные и легкие правила, строго соблюдая которые человек никогда не примет ничего ложного за истинное и, не затрачивая напрасно никакого усилия ума, но постоянно шаг за шагом приумножая знание, придет к истинному познанию всего того, что он будет способен познать»⁵.

Вопросы методов исследования находились в центре внимания Канта, Гегеля и других представителей классической немецкой философии. Гегель, например, выделял такие методы, как аналитический, синтетический, спекулятивный, сравнительный и др.

⁴ Платон. Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 2. С. 205.

⁵ Декарт Р. Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 86.

Маркс тоже очень большое значение придавал методам исследования социальной действительности. Он подчеркивал, что от научного метода зависит построение подлинной теоретической модели общества. А таким научным методом он считал прежде всего диалектический метод.

Что касается методологии, то это учение о методах и средствах познания действительности. И когда мы говорим о методологической функции социальной философии, то имеем в виду прежде всего то, что она дает универсальные знания, пригодные для всех общественных наук. Ее выводы и результаты могут быть использованы другими обществоведами. Историки, например, могут использовать социальную философию как методологию при изучении разных конкретных социально-исторических организмов, культур разных народов и этносов. Социологам социальная философия помогает при выяснении, например, причин роста преступности или форм изменения семьи и семейных отношений и т. д.

В качестве общего методологического принципа в классической философии, в том числе в социальной философии, до недавнего времени выступала диалектика. Но в настоящее время многие обществоведы отвергают диалектику. Вместо нее теперь предлагается синергетика.

Как известно, термин «диалектика» греческого происхождения и буквально означает вести диалог, беседу. Все произведения Платона написаны в форме диалога. Именно путем споров и бесед, считали античные философы, познается истина. «Состязание в речах», говоря словами Платона, борьба мнений и свобода критики составили ту духовную атмосферу, в которой родились греческая философия и наука, в частности диалектика, как искусство доказывать и опровергать какой-либо тезис»⁶.

Крупнейшим представителем диалектики был Гераклит. Его знаменитое изречение «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» выражает один из важнейших принципов диалектики — принцип развития и изменения. И, как пишет Кессиди, «никто из мыслителей, живших до и после Гераклита, не выразил идею всеобщего движения и изменения столь впечатляюще и рельефно, как это сделал Гераклит»⁷.

Особо следует подчеркнуть, что Гераклит исходил из единства и борьбы противоположностей. Жизнь и смерть, например, представляют собой противоположности, но они существуют в неразрывном единстве. «Признав в качестве основной характеристики бытия борь-

⁶ Кессиди Ф. Гераклит. СПб., 2004. С. 20.

⁷ Там же. С. 83.

бу противоположностей, Гераклит в то же время в ряде афоризмов поясняет, что борющиеся противоположности не просто сосуществуют: они переходят одна в другую и переходят так, что при этом их переходе одной в другую сохраняется общая для обеих тождественная основа. Другими словами, переход противоположностей друг в друга Гераклит представляет вовсе не как такой, при котором возникающая новая противоположность уже не имеет ничего общего с той, из которой она возникла. Он представляет этот переход как такой, при котором всегда имеется в процессе перехода общая тождественная основа для самого перехода»⁸.

Гегель дальше развил учение о диалектике. Практически все его работы пронизаны духом диалектики. Многие, пишет Гегель, диалектику отождествляют со скептицизмом, представляющим собой не что иное, как простое отрицание. По мнению же других, диалектика есть не что иное, как искусственное нагромождение противоречий. В этой связи немецкий философ замечает, что действительно иной раз диалектика проявляется как субъективная игра, «которая по произволу выдвигает то доказательства, то опровержения — рассуждательство, в котором отсутствует содержание и пустота которого прикрывается остроумными соображениями. Однако в своей подлинной определенности диалектика, наоборот, есть собственно истинная природа определений рассудка, вещей и конечного вообще... Диалектика есть, следовательно, движущая душа всякого научного развертывания мысли и представляет собой единственный принцип, который вносит в содержание науки *имманентную связь и необходимость*, в котором вообще заключается подлинное, а не внешнее возвышение над конечным»⁹.

Гегель настаивает на том, чтобы правильно представляли себе диалектическое познание, поскольку «оно является вообще принципом всякого движения, всякой жизни и всякой деятельности в сфере действительности»¹⁰. Оно есть душа любого истинного научного познания. Гегель показывает, как нужно диалектически рассуждать. Если известное положение «человек смертен», отмечает он, рассматривают недиалектически, то причину смерти ищут во внешних обстоятельствах. Получается так, что у человека два свойства: быть живым и быть смертным. А если анализировать диалектически, то у человека оказывается одно свойство, поскольку жизнь в себе уже носит заро-

⁸ Асмус В.Ф. История античной философии. М., 1965. С. 29.

⁹ Наука логики // Энциклопедия философских наук. М., 1974. Т. 1. С. 205—206.

¹⁰ Там же. С. 206.

дыш смерти. Иначе говоря, жизнь — это и смерть. Если дальше расшифровывать Гегеля, то можно сказать: человек живет и вместе с тем умирает. Ведь старение организма есть не что иное, как приближение смерти.

Гегель предупреждает, что нельзя путать диалектику с софистикой. Софисты выдвигают абстрактные суждения, абсолютизируют те или иные явления и делают неверные выводы. Гегель приводит такой пример: для того чтобы жить, необходимо есть и пить. Но, абсолютизируя эту сторону человеческой жизни, можно прийти к выводу, что индивид имеет право воровать или предавать родину во имя спасения своей жизни. Это чистейший софизм, сознательный обман. Диалектик в отличие от софиста рассматривает все явления вместе и во взаимной связи. Софистика — это казуистика, а диалектика — научно-исследовательский метод.

Гегель открыл три закона диалектики: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные и наоборот и закон отрицания отрицания. Они являются всеобщими законами и действуют в природе, обществе и мышлении. Но Гегель-идеалист, как пишет Энгельс, выводит их только из мышления, хотя нередко он приводит примеры из истории и природы, подтверждающие эти законы. Так, в «Феноменологии духа» Гегель приводит блестящий пример закона отрицания отрицания: «Почка исчезает, когда распускается цветок, и можно было бы сказать, что она опровергается цветком; точно так же при появлении плода цветок признается ложным наличным бытием растения, а в качестве его истины вместо цветка выступает плод. Эти формы не только различаются между собой, но и вытесняют друг друга как несовместимые. Однако их текучая природа делает их в то же время моментами органического единства, в котором они не только не противоречат друг другу, но один так же необходим, как и другой; и только эта одинаковая необходимость и составляет жизнь целого»¹¹.

Конспектируя «Науку логики» Гегеля, Ленин выделяет такие элементы диалектики: «1) объективность рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе); 2) вся совокупность многообразных отношений этой вещи к другим; 3) развитие этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь; 4) внутренне противоречивые тенденции (и... стороны) в этой вещи; 5) вещь (явление и т. д.) как сумма... и единство противоположностей; 6) борьба, respective, развертывание этих противоположностей, про-

¹¹ Гегель Г.В.Ф. Система наук. Ч. I: Феноменология духа. М., 1959. С. 2.

тиворечивых стремлений и т. д.; 7) соединение анализа и синтеза, — разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе; 8) отношения каждой вещи (явления и т. д.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс и т. д.) связаны с каждой; 9) не только единство противоположностей, но и переходы каждого определения, качества, черты, стороны, свойства в каждое другое, в свою противоположность; 10) бесконечный процесс раскрытия новых сторон, отношений и т. д.; 11) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности; 12) от сосуществования к каузальности и от одной формы связи к другой, более глубокой, более общей; 13) повторение в высшей стадии известных черт, свойств и т. д. низшей; 14) возврат к старому (отрицание отрицания); 15) борьба содержания с формой и обратно, сбрасывание формы, перделка содержания; 16) переход количества в качество и *vice versa*¹².

Даже если использовать только эти элементы как принципы познания, а богатство диалектики ими не исчерпывается, то можно добиться неплохих научных результатов.

Прокомментируем некоторые элементы диалектики. Второй элемент предполагает учет всех отношений и связей одной вещи с другими. Иначе говоря, диалектика представляет собой учение о всеобщей связи предметов и явлений объективного мира. Если, скажем, мы хотим изучить современные политические проблемы, то должны учитывать экономические, духовные, социальные, культурные, этнические, религиозные и другие реалии современного человечества. Только в этом случае мы можем получить подлинную картину политической жизни нашей эпохи. Сейчас, например, на всех уровнях говорят и пишут о терроризме как главной опасности для человечества. Но никто не рассматривает этот социальный феномен комплексно, т.е. диалектически. Все ограничиваются либо просто осуждением террора, либо чисто публицистическими рассуждениями. Поэтому нет ясного и четкого представления об этом историческом и вместе с тем современном явлении.

Возьмем третий элемент — принцип развития и изменения. Как уже выше отмечалось, этот принцип был выдвинут еще Гераклитом, но в наиболее развернутом виде он был представлен Гегелем. «Если мы, — писал он, — теперь бросим взгляд на всемирную историю вообще, то увидим огромную картину изменений и деяний, бесконечно

¹² Ленин В.И. Философские тетради. М., 1965. С. 202—203.

разнообразных формирований народов, государств, индивидуумов, которые непрерывно появляются одни за другими... Общей мыслью, категорией, прежде всего представляющейся при этой непрерывной смене индивидуумов и народов, которые существуют некоторое время, а затем исчезают, является изменение вообще. Взгляд на развалины, сохранившиеся от прежнего великолепия, побуждает ближе рассмотреть это изменение с его отрицательной стороны. Какой путешественник при виде развалин Карфагена, Пальмиры, Персеполя, Рима не предавался размышлениям о тленности царств и людей и грусти о былой жизни, полной сил и богатой содержанием? Эта грусть не вызвана личными потерями и непостоянством личных целей, но является бескорыстной грустью о гибели блестящей и культурной человеческой жизни. Но ближайшим определением, относящимся к изменению, является то, что изменение, которое есть гибель, есть в то же время возникновение новой жизни, что из жизни происходит смерть, а из смерти жизнь»¹³.

Маркс создал материалистическую диалектику, суть которой он выразил так: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹⁴.

Для диалектики нет ничего раз и навсегда данного. Все изменяется и развивается. То, что сегодня считалось самым необходимым, завтра в новых условиях становится ненужным и мешающим развитию общества по восходящей линии. Одна из причин нелюбви к диалектике заключается как раз в том, что она не оставляет надежды на вечное господство одних и тех же людей. Не случайно Маркс подчеркивал: «В своем рациональном виде диалектика внушает буржуазии и ее доктринарам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму она рассматривает в движении, следовательно, также и с ее преходящей стороны, она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна»¹⁵.

¹³ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 119—120.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.

¹⁵ Там же. С. 22.

Ядро диалектики — единство противоположностей. Конечно, для постмодернистов и сторонников синергетики главное не противоречивое развитие общества, а консенсус. Но термин «консенсус» не есть философский термин. Это в лучшем случае понятие политологии. Но даже не это главное. А главное состоит в том, что трезвый, а не конъюнктурный взгляд на мир социальный показывает его противоречивость, связанную с противоположными интересами людей и социальных классов и государств. Это касается и нашей эпохи. Например, научное исследование современных глобализационных процессов, имеющих очень сложный и противоречивый характер, возможно только с помощью диалектики.

Противники диалектики утверждают, что современный мир не только изменился, что прежние методы исследования уже устарели и требуются какие-то новые методы и средства познания объективной действительности.

Конечно, социальный мир меняется и поэтому важно, чтобы методы его исследования совершенствовались, чтобы появлялись новые подходы к изучению социальных процессов и феноменов. Без этого нет развития науки. Но когда вводятся новые методы и новые категории, то надо аргументированно доказать неэффективность прежних методов и категорий. Сторонники же синергетического подхода к изучению общества не приводят серьезных аргументов в защиту этого подхода. Так, Т.Х. Дебердяева пишет, что «к концу XX в. обнаружилась ограниченность, присущая классической парадигме линейно-поступательного развития социума. Эволюционные изменения в мире характеризуются возрастающей нелинейностью, «неклассичностью» процесса трансформации социума и, как следствие, — изменениями и последствиями неожиданными, непредсказуемыми путем обычной экстраполяции или сопоставления с «классическими» образцами»¹⁶.

Этот тезис абсолютно неверен. Ни один философ, придерживающийся диалектических позиций, не может защищать так называемую линейность общественного развития. Очевидность многолинейного, или полилинейного, развития социума настолько бросается в глаза, что не требует особых доказательств. Мир социальный очень сложен и было бы абсурдно пытаться втиснуть его в какое-то монолинейное развитие. Что касается цикличности, то диалектика под цикличнос-

¹⁶ Дебердяева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2003. С. 3.

тью подразумевает не круговорот, а спиралевидное развитие, т. е. (13 и 14-й элементы) «повторение в высшей стадии известных черт, свойств, и т. д. низшей и возврат якобы к старому (отрицание отрицания)». Абсолютный возврат к старому исключается, но относительный возврат — необходимое звено во всей цепочке развития объективного мира.

Многие синергетику определяют как науку о сложных системах. Вот что пишут Е.Н. Князева и С.П. Курдюмов: «Наряду с понятиями «самоорганизация», «нелинейность», «открытость» и «хаос» синергетика концентрирует внимание на исследовании сложности. Синергетика есть познание и объяснение сложного, его природы, принципов организации и эволюции»¹⁷. Но впервые на сложный характер мира указали как раз приверженцы диалектики. Не случайно они критиковали метафизический метод исследования. Энгельс писал, что «для метафизика вещи и их мысленные отражения, понятия, суть отдельные, неизменные, застывшие, раз навсегда данные предметы, подлежащие исследованию один после другого и один независимо от другого»¹⁸. Метафизик мир упрощает, а диалектик видит его во всей сложности и противоречивости.

Сторонники синергетики особый упор делают на принципы самоорганизации системы. Та же Т.Х. Дебердяева пишет: «Главным условием самоорганизации является наличие двух типов информации и энергии (из среды и в среду). Противоречивое единство входящего и исходящего потоков обуславливает формирование и развитие саморегулирующихся целостностей, характер канала эволюции»¹⁹. (Какой постмодернистский язык!!! Как можно использовать такой стиль изложения сложнейших вопросов социальной философии? Бессмысленные термины «входящий и исходящий поток», «канал эволюции» звучат «революционно» в философии об обществе, но теоретической нагрузки никакой не несут.)

Общество не есть просто самоорганизующаяся система. Оно есть исторически сложившаяся форма совместной деятельности людей, которая носит целерациональный и целенаправленный характер. Иначе говоря, каждый человек сознательно ставит перед собой определенные цели и стремится к их реализации.

¹⁷ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетическое расширение антропного принципа // Синергетическая парадигма. Многообразие подходов. М., 2000. С. 64.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 203.

¹⁹ Там же. С. 16.

Но совместная деятельность людей немыслима без управления. Поэтому управление есть имманентная черта общества. Оно онтологично, т. е. бытие общества немыслимо без управления. А управление предполагает наличие субъектов и объектов управления. Стабильность общества во многом определяется эффективностью управления, компетентностью и ответственностью субъектов управления. Поэтому наивно думать, что в обществе все само собой образуется, все самоорганизуется. История человечества свидетельствует о том, что по вине субъектов управления многие цивилизации погибли. Другой вопрос, что развитие общества носит естественноисторический характер и нельзя волюнтаристски вмешиваться в это развитие.

Что касается природы, то здесь можно говорить о самоорганизации. Многие физики, например, пишут о самоорганизации многих процессов в микромире. Но если брать ноосферу, т. е. сферу разума, то о принципе самоорганизации природы можно говорить лишь условно, особенно в современную эпоху. Ведь мы переживаем глубокий экологический кризис. В результате безжалостной эксплуатации природных ресурсов и интенсивной урбанизации природа уже не в состоянии самоорганизовываться, самовосстанавливаться. В этом ей должны помочь люди, иначе будущее человечества может оказаться под угрозой.

Синергетики отвергают необходимость и все сводят к случайности и хаосу. Так, французский исследователь Д.Рюэль рассматривает проблемы случайности и хаоса в естественных науках. В целом он считает, что в природе господствуют хаос и случайность, поэтому ничего нельзя заранее предсказать. Но, оказывается, и в обществе хаос и случайность господствуют. Конечно же, детерминизму не находится места в этом хаотическом мире. «Практически несомненно то, что экономика и финансы обеспечивают примеры хаоса и непредсказуемого поведения (в техническом смысле слова). Однако сказать что-то еще сложно, потому что в данном случае у нас нет того типа тщательно контролируемых систем, с которым любят экспериментировать физики. Нельзя пренебрегать внешними событиями, которые экономисты называют нарушениями экономического равновесия»²⁰. Автор понимает, что природные и экономические процессы не тождественны и, следовательно, не могут быть одинаково объяснены, и тем не менее имплицитно он убежден в хаотичности и случайности социального мира, т. е. общества.

²⁰ Рюэль Д. Случайность и хаос / Пер. с фр. М.; Ижевск, 2001. С. 83–84.

Синергетики чем-то напоминают философов XVIII века, но с обратным знаком. Философы в отличие от синергетиков отвергали случайность и все редуцировали к необходимости. Они случайность, сводили к незнанию причин тех или иных действий. Гольбах прямо пишет, что «словом «случай» были обозначены действия, которых мы не можем предвидеть или необходимой связи которых с их причинами не знаем»²¹. Эти мысли он все время повторяет: «Необходимость есть постоянная и ненарушимая связь причин с их следствиями. Огонь необходимо зажигает горючие вещества, попадающие в сферу его действия. Человек необходимо желает того, что полезно или кажется полезным его благополучию. Природа во всех своих явлениях с необходимостью действует согласно свойственной ей сущности... В нас, как и в природе, ничто не происходит случайно, ибо случай, как мы это доказали, представляет собой лишенное смысла слово. Все, что происходит в нас или осуществляется нами, равно как и все, что происходит в природе или что мы ей приписываем, зависит от необходимых причин, которые действуют по необходимым законам и производят необходимые следствия, порождающие другие следствия»²².

Гегель, а затем Маркс и Энгельс показали неразрывное единство случайности и необходимости. Случайность есть проявление необходимости. Все в мире причинно обусловлено. Как случайность, так и необходимость причинно обусловлены.

В обществе действуют свои законы, показывающие направленность исторического развития. И если бы общество представляло собой хаотическое и случайное нагромождение совершенно разных событий и процессов, то оно давно прекратило бы свое существование. Очевидно, что в обществе со временем накапливаются противоречия, связанные с различными интересами групп, социальных классов, слоев, каст и т. д., и если они вовремя не разрешаются, то наступает кризис, или, на языке синергетиков, хаос, что в конечном итоге приводит к гибели общества. Но общество — продукт взаимодействия людей и люди, как существа разумные, разрешают накопившиеся противоречия, корректируют поставленные перед собой задачи в зависимости от сложившейся конкретно исторической ситуации. Это не рассуждения в духе кантовской этики. Они базируются на изучении опыта истории человечества.

Синергетики редуцируют общественные процессы к природным процессам. Иными словами, они не видят качественной разницы

²¹ Гольбах П.А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 352.

²² Там же. С. 99, 236.

между обществом и природой, хотя некоторые из них это понимают. Так, К.Майнцер пишет: «В социальных науках обычно проводится строгое разграничение между биологической эволюцией и историей человеческого общества. Причины такого разграничения заключаются в предположении о том, что развитие наций, рынков и культур происходит под влиянием интенционального поведения человека, т. е. решений, принимаемых на основе интенций, ценностей и т. д. С микроскопической точки зрения мы можем, конечно, наблюдать отдельных индивидов с их интенциями, убеждениями и т. д. Но с макроскопической точки зрения развитие наций, рынков и культур представляет собой нечто большее, чем сумма их составных частей. Как мы все знаем, монокаузальность в политике и истории есть ложный и опасный путь линейного мышления. Синергетику, по-видимому, можно рассматривать как стратегию, позволяющую успешно справиться со сложными системами даже в гуманитарных областях знания. Ясно, что для междисциплинарного применения синергетики совершенно не обязательно сводить историю культуры к биологической эволюции»²³.

Конечно, в обществе все нельзя сводить к намерениям отдельных личностей. Но, тем не менее, эти намерения обязательно следует учитывать не только на микроскопическом, но и на макроскопическом уровне. История культуры — это история людей, а не животных. У каждого человека есть свои интересы, которые не всегда совпадают с интересами группы, класса и в целом общества. Социум — более сложная система, чем любая природная система. В природе действуют слепые силы, а в обществе — разумные существа, поведение которых может измениться в любую минуту. Без учета интересов всех и каждого члена общества, без учета исторических традиций и ментальных особенностей народа невозможно создать какую-либо теоретическую модель общества. К.Майнцер правильно предостерегает против монокаузальности в политике и истории. Действительно, нельзя сводить к одной единственной причине те или иные политические или социальные события. Необходимо анализировать множество причин, породивших эти события. Но вместе с тем следует помнить, что есть менее глубокие и более глубокие причины исторических феноменов и процессов.

Таким образом, в социальной философии не синергетический, а диалектический метод представляет собой самый результативный и

²³ *Майнцер К.* Сложность и самоорганизация. Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков // Синергетическая парадигма. Многообразие подходов. М., 2000. С. 67.

плодотворный метод исследования общества. И какие бы изменения общество ни претерпевало, оно вполне будет поддаваться диалектическому анализу.

Нельзя не согласиться со сторонниками синергетики в том, что синергетика представляет собой междисциплинарную теорию, можно ее изучать и в рамках философии, но никак нельзя согласиться с тем, что синергетика представляет собой единственный философский метод, который может заменить диалектический метод исследования объективного мира.

Социальная философия использует также методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, исторического и логического, которые с успехом применяются в других общественных науках. Очень полезен также герменевтический метод, суть которого заключается в интерпретации текстов.

Гносеологическая функция. Социально-философские знания о целостном социальном мире имеют важное методологическое значение для обществоведов. Они помогают глубже раскрыть многообразные связи и отношения всех социальных феноменов и процессов. В мире, в том числе социальном, все взаимосвязано. Скажем, нельзя отрывать политические процессы от экономических или правовые отношения от нравственных. Но в науке приходится расчленять целое, и если в процессе расчленения забывать о том, что любой фрагмент этого целого связан с другими фрагментами, то мы можем получить фрагментарное знание, которое в научном отношении малопродуктивно.

Социальная философия дает общую картину социального мира. Эта общая картина отражает сущностные черты и стороны социальной действительности. Поэтому знание этой картины помогает обществоведам глубже раскрыть и объяснить изучаемый ими тот или иной срез социума. Кроме того, социально-философские знания способствуют повышению культуры мышления и тем самым содействуют созданию теоретической конструкции социальной действительности.

Мировоззренческая функция. Социальная философия изучает общество, а в обществе живут люди со своими интересами, целями и потребностями. Каждый человек имеет определенные воззрения на мир, в котором ему приходится жить и работать. Иначе говоря, у каждого человека есть свое мировоззрение. Мировоззрение — это совокупность философских, религиозных, научных, этических, эстетических и иных воззрений людей на окружающую природную и социальную действительность. В формировании мировоззрения решающую роль играет социальная среда: семья, социальный класс,

общество, государство. В зависимости от этой среды формируется мировоззрение человека: его взгляды на жизнь, на те или иные общественно значимые события, исторические факты, на страну и на общество. Очень важную роль играют средства массовой информации, особенно телевидение. Телепередачи могут сформировать разное отношение к жизни, к моральным и эстетическим ценностям, к гуманизму. Если, скажем, телевизионные программы носят сугубо развлекательный характер, то и у человека, особенно молодого, складывается легкое отношение к жизни. Он хочет брать от жизни все, но ничего не хочет отдавать.

Мировоззрение — сложный социальный феномен. Оно многообразно и проявляется в разных типах и формах. Можно выделить такие типы мировоззрения: *философское, религиозное и научное*.

Философское мировоззрение возникает вместе с философией. Уже первые философы задумывались над смыслом жизни, над социальными и природными процессами. Их волновали вопросы свободы человека, справедливости и несправедливости, бедности и богатства, происхождения космоса и др. Во все времена разные философы по-разному отвечали и отвечают на эти вопросы, но они остаются актуальными философскими вопросами. Если взять, например, вопрос смысла жизни, то он имеет важный мировоззренческий аспект. Человек — единственное существо, осознающее конец своего бытия. Поэтому перед ним встает вопрос: как прожить свою жизнь? Некоторые предпочитают жить в свое удовольствие. Они себя не слишком сильно утруждают, хотят меньше работать, но больше развлекаться. Эти люди смысл жизни видят в гедонизме, т. е. в наслаждении. Но другие считают, что смысл жизни заключается не в наслаждении, а в проявлении своих физических и духовных возможностей. Человек должен жить не для того, чтобы только наслаждаться, а для того, чтобы добиваться поставленных высоких целей. Действительно, человек, как существо разумное, ставит перед собой определенные цели. Чем выше эти цели, тем больше надо трудиться над их реализацией и, следовательно, тем меньше времени остается для наслаждения. Но зато человек может обессмертить свое имя и быть вечно живым. Пушкин прожил менее тридцати восьми лет, но он для всех поколений остается вечно живым. Физическая жизнь человека ограничена природой, но его «историческая жизнь» ничем не ограничена.

Религиозное мировоззрение связано с верой в сверхъестественные силы, в потусторонний мир. Оно носит иррациональный характер. Просто надо верить, что есть, например, Бог, который сотворил все, что есть не только на земле, но и во Вселенной. Оно не считается ни с научными данными, ни с жизненной практикой. Многие ученые

являются верующими, но когда они занимаются научными исследованиями, то личную религиозную веру исключают из своих научных изысканий, потому что главный принцип науки «все подвергай сомнению» религия категорически отвергает. А без соблюдения этого принципа никакая наука невозможна.

Научное мировоззрение формируется в основном в процессе овладения науками. Человек науки имеет мировоззренческие позиции, которые базируются на определенных научных данных и результатах. Знания о природе, полученные научным путем, и знания на обыденном уровне сознания отличаются друг от друга качественным образом. На обыденном уровне люди созерцают явления природы и, исходя из своего жизненного опыта, они делают соответствующие выводы. Ученый имеет дело с сущностью природных процессов, которая не совпадает с явлением. Так, на уровне явления Солнце всходит и заходит, а на уровне сущности не Солнце движется вокруг Земли, а наоборот.

Мировоззрение проявляется в политической, эстетической, правовой и других формах. Политическое мировоззрение связано с оценкой и пониманием политических событий и процессов; эстетическое мировоззрение — с красотой окружающего человека природной и социальной действительности, с освоением эстетических ценностей и т.д; правовое мировоззрение — со знанием правовых норм, законов и других актов, регулирующих правовые отношения людей и государств.

Социальная философия играет важную роль в формировании мировоззрения людей. Она помогает им познать законы общества и использовать их в своей жизнедеятельности, в сложной сети общественной жизни. Она ориентирует человека ставить перед собой такие цели, которые можно реализовать без ущерба для себя и для окружающих.

Социальная философия — мировоззренческая дисциплина. Ею нельзя заниматься, как, например, занимаются физикой, химией, биологией и другими науками о природе. Обществовед имеет дело не с растительным или животным миром, а с людьми, наделенными сознанием и понимающими сложности мироустройства. У них разные судьбы, разное отношение к жизни. И обществовед в своей научной деятельности не может игнорировать реальную жизнь людей. Поэтому ему приходится проявлять свои мировоззренческие позиции к этим жизненным реалиям. Все обществоведы так или иначе ангажированы, т. е. выражают свое отношение к изучаемым ими социальным феноменам и процессам. Но одни свою ангажированность проявляют открыто, а другие, так сказать, по умолчанию.

Но ангажированность может трансформироваться в конъюнктуру, т. е. в бытовое приспособленчество. Если, например, обществовед после смены политического режима начинает яростно критиковать прежние социально-экономические и политические порядки и хвалить вновь появившиеся порядки, то он становится просто бытовым приспособленцем. Он покидает почву науки, поскольку занимается лишь улучшением своего быта. Следует заметить, что большинство советских обществоведов после смены советской власти превратилось в бытовых приспособленцев.

Прогностическая функция. Социальная философия исходит из того, что развитие человеческого общества носит континуистский, т. е. непрерывный, характер. Прошлое, настоящее и будущее неразрывно связаны. Они представляют собой некое единое целое, состоящее из прошлого, настоящего и будущего. Настоящее есть продукт прошлого, и в этом смысле его нельзя отрывать от прошлого. Для того чтобы понять настоящее, нужно анализировать прошлое, продуктом которого выступает настоящее. Поэтому социально-философское рефлексирование над бытием настоящего обязательно предполагает такое же рефлексирование над бытием прошлого. Скажем, если мы хотим понять нынешние сложные и противоречивые процессы, происходящие в России, мы должны обратиться к российской истории.

Прошлое — это небытие, а не ничто. И это небытие постоянно присутствует в настоящем. Античная философия — это небытие, а не ничто. Мы постоянно обращаемся к творениям великих мыслителей прошлого, потому что без использования прошлых ценностей невозможно продвижение настоящего по пути социального прогресса.

Если в прошлом содержатся элементы настоящего, то в настоящем содержатся элементы будущего. Поэтому возникают возможности прогнозировать будущее человеческого общества. И, как свидетельствует история социальной мысли, такого рода прогнозы делались многими философами. Но научный прогноз возможен лишь на основе изучения общественных законов. Анализ внутренних связей и отношений социального мира, имеющих устойчивый и необходимый характер, позволяет выявить тенденции развития общества как целостного социального организма. При этом всегда в первую очередь следует рассматривать те феномены общественной жизни, без которых люди, как творцы собственной истории, не могут просто-напросто существовать. Речь идет о материальных ценностях. Люди прежде всего должны удовлетворять свои материальные потребности, а для этого им необходимо вступать в определенные производственные отношения и использовать наличные производительные силы, образующие, как пишет Маркс, основу их истории.

Вот почему главным принципом прогностики является анализ тенденции развития материальных общественных отношений. Конечно, отсюда не следует, что не надо учитывать духовные общественные отношения. Напротив, при прогнозировании тех или иных процессов нельзя игнорировать роль политических, религиозных, этических и других факторов. Надо учитывать и такой, казалось бы, на первый взгляд малозначительный фактор, как менталитет народа. От менталитета народа, проявляющегося в кодексе его поведения, очень многое зависит. А кодекс поведения, в свою очередь, определяется «внутренним духом» народа. Если этот «дух» имеет нерациональный характер, то народ имеет одно будущее, а если рациональный, то другое будущее.

Следует всегда помнить, что любой прогноз социального будущего носит вероятностный характер. Абсолютно точные прогнозы дают астрологи, хироманты и другие шарлатаны. Социальная философия ничего общего не имеет с такого рода прогнозами.

§ 3. Место социальной философии в системе обществознания

Обществознание включает в себя все науки, изучающие тот или иной срез общества: социальную философию, историю, юриспруденцию, социологию, этику, эстетику, культурологию, политологию и др. Мы не будем брать все дисциплины. Ограничимся лишь некоторыми из них. Прежде всего, рассмотрим соотношение социальной философии и истории. Социальная философия, как уже отмечалось, раскрывает универсальные характеристики человечества как целостного образования. Историческая наука тоже изучает все человечество, но изучает не философски, т. е. не дает философского обобщения всего исторического процесса, а исторически, т. е. каждый социальный организм рассматривается во всем своем богатстве и конкретном проявлении. В курсе всемирной истории, например, изучаются все страны мира, но изучаются конкретно, в хронологическом порядке и изолировано. Так, в истории Древнего мира рассматриваются наряду с первобытными племенами сложившиеся уже государственные образования (Китай, Индия, Персия, Мидия, Греция, Рим, Урарту и т. д.), которые, хотя и имели некоторые общие черты, тем не менее представляли самостоятельные социальные организмы. Историк главное внимание обращает не на их универсальные черты, а на специфические характеристики.

Историческая наука в отличие от социальной философии должна соблюдать временную последовательность событий и исторических фактов. Если социальная философия есть сущность, схваченная во

времени, т. е. такая сущность, которая постоянно меняется, но тем не менее сохраняется (скажем, цивилизации меняются, переходят от одного состояния к другому, но сущность их сохраняется), то историческая наука есть изложение фактов и событий в хронологическом порядке. Социальная философия является теорией высшей абстракции, но абстракции глубокой, адекватно отражающей объективную действительность. Она не есть схоластические и спекулятивные суждения о социальной материи.

Некоторые историки полагают, что историческая наука, подобно социальной философии, имеет свои собственные категории и является такой же теоретической дисциплиной, как и социальная философия. Так, М.А. Барг в качестве таких категорий выделяет следующие понятия: «всемирно-исторический», «локально-исторический», «целостность», «структура», «процесс» и др. А саму историю определяет так: «Историческая наука изучает закономерности пространственно-временного развертывания всемирно-исторического процесса, или, что то же, закономерности всемирно-исторического развития человечества как равнодействующих внутрiformационных и межформационных взаимодействий этнополитических общностей, являющихся носителями своеобразия этого развития»²⁴. На мой взгляд, с такой характеристикой исторической науки трудно согласиться. Во-первых, перечисленные М.А. Баргом категории, по существу, успешно используются и в социальной философии, что, конечно, не исключает их применения в исторической науке. Но последняя не занимается и не обязана заниматься их концептуальным анализом, т. е. исследованием их природы, места в системе других категорий и их теоретических функций. И если она все же вторгается в сферу концептуальных рассуждений, то перестает быть исторической наукой и переходит в область философии. Во-вторых, историческая наука не изучает «закономерности всемирно-исторического развития человечества». Это задача социальной философии. Но если под закономерностью подразумевается определенная упорядоченность исторического процесса, то история, безусловно, его изучает, но принимает как данность. Если же под закономерностью имеется в виду открытие каких-то законов истории, то, по моему мнению, историческая наука теоретически не формулирует эти законы. Их теоретическим обоснованием занимается социальная философия, поскольку она исследует объективные, внутренние, необходимые, повторяющиеся процессы и феномены действительности.

²⁴ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 23.

Историческая наука — это теория среднего уровня, т.е. теория средней абстракции, и поэтому не может заниматься теоретической разработкой таких высоких абстрактных понятий, как закон или категория.

В связи с анализом соотношения социальной философии и исторической науки нельзя не остановиться на одном важном, но очень сложном и трудном вопросе. Речь идет о ценностной ориентации исторической науки. Все общественные дисциплины так или иначе имеют мировоззренческий характер. Но в силу специфики самой исторической науки (предмет — прошлое человеческого общества) на ее выводах и обобщениях очень сказываются мировоззренческие позиции исследователя. Один и тот же факт можно изложить по-разному в зависимости от политической ориентации. Из-за этого исторические выводы часто теряют свою научность, поскольку научные результаты должны носить объективный и непротиворечивый характер. Историческое исследование как бы допускает вымысел, что терпимо в художественной литературе, но абсолютно исключается в науке. В этом смысле история больше похожа на искусство, чем на науку. Однако отсюда вовсе не следует, как это утверждают постмодернисты, что историческое повествование ничем не отличается от художественного произведения. Как пишет А.Я. Гуревич, «в интерпретации постмодернистов грань, казалось бы, четко отделяющая историческое повествование от художественного, делается не только зыбкой, но попросту стирается. Контуры прошлого, о восстановлении которых пекутся историки, расплываются, их заслоняют фигуры речи и риторические приемы. Однако понятия, которыми оперируют новейшие постмодернистские критики историографии, — «метафора», «синекдоха», «комедия», «ирония»... — имеют отношение не к ремеслу историка, а к стилистике литературного дискурса... Подчеркивая действительные трудности, неизбежно возникающие на пути исторического анализа, постмодернисты, по сути дела, отвлекаются от исторического контекста, в который объединялись разрозненные фрагменты прошлого, нашедшие свое преломленное источниками выражение. Нетрудно заметить, что постмодернистская критика уходит от проблематики социальной истории»²⁵.

Социальная философия не может развиваться без использования достижений исторической науки. Она не может делать научные обобщения без знания конкретных фактов и конкретной действительности. Поэтому она постоянно должна обращаться к результатам исто-

²⁵ Гуревич А.Я. Территория историка // Одиссей. 1996. С. 87.

рической науки. Но и последняя нуждается в социальной философии, так как благодаря ей получает мощный методологический инструмент познания и изучения исторического прошлого. Кроме того, она легко может скатиться в болото чистого эмпиризма, если не будет обращаться к достижениям социальной философии.

Социальная философия и социология. Термин «социология» (учение об обществе) был введен французским философом XIX века О.Конттом. В XX веке крупнейшими социологами были М.Вебер, Э. Дюркгейм, П.А. Сорокин и др.

М.Вебер пишет, что «социология (в том смысле этого весьма многозначного слова, который здесь имеется в виду) есть наука, стремящаяся, истолковывая, понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие»²⁶. Не всякое действие, продолжает Вебер, носит социальный характер. Социальным является такое действие, которое действующее лицо соотносит по смыслу с действием других людей и ориентируется на него. В этой связи немецкий социолог рассматривает мотивы социального действия, социальные отношения, социальное поведение, нравы и обычаи. Он считает, что социология призвана понять и объяснить эти явления, дать им соответствующую интерпретацию.

Таким образом, главную задачу социологии Вебер видит не в изучении и исследовании многообразных процессов и феноменов общественной жизни (это задача социальной философии), а в анализе социального действия и его причинного объяснения.

Много внимания уделял специфике социологической науки П.Сорокин. «Социология, — писал он, — изучает явления взаимодействия людей друг с другом, с одной стороны, и явления, возникающие из этого процесса взаимодействия, — с другой»²⁷. Сорокин выделяет теоретическую и практическую социологии. Теоретическая социология изучает явления взаимодействия с точки зрения сущего, а практическая социология — с точки зрения должного. В свою очередь, теоретическая социология делится на три части: на социальную аналитику, социальную механику и социальную генетику. Социальная аналитика изучает структуру социального явления, социальная механика исследует процессы взаимодействия людей, а социальная генетика — исторические тенденции развития как всей социальной жизни, так и отдельных ее сторон.

²⁶ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 602.

²⁷ Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. Социология аналитики. Пг., 1920. С. 2.

Практическая социология, пишет Сорокин, имеет прикладной характер, опирается на теоретическую социологию и дает человечеству возможность управлять социальными силами. Не всякое взаимодействие, продолжает Сорокин, является предметом социологии, а только такое, в котором присутствует психическое. Поэтому область явлений, исследуемых социологией, «ограничивается миром людей и высших животных, живущих в обществе себе подобных и находящихся в процессе взаимодействия»²⁸. Включение высших животных в объект социологии нельзя признать удачной мыслью маститого ученого, ибо даже высших животных нельзя считать обществом, потому что они не имеют сознания и их совместная жизнь не формирует никаких социальных связей и отношений. У них есть психические процессы, но они не носят сознательного характера, тогда как всякое взаимодействие людей есть сознательное взаимодействие.

Теоретическая социология Сорокина, в сущности, есть социальная философия, так как она занимается общими проблемами развития человечества. Наиболее глубокое освещение эти проблемы получили в фундаментальном труде П.А. Сорокина «Социокультурная динамика».

Таким образом, два крупнейших социолога XX века главное внимание в социологии уделили вопросам социального действия (Вебер) и взаимодействия (Сорокин). На мой взгляд, социология в ее современном понимании изучает общество, но на уровне средней абстракции. Это значит, что в поле ее зрения находятся вопросы взаимодействия и взаимообусловленности разных сфер общественной жизни — материальной, социальной, политической, духовной. Она их рассматривает на микроуровне, т. е. интересуется проблемами, касающимися социальных групп, коллективов, взаимоотношений индивидов, общества, государства и т. д. Возьмем, например, вопросы демократии. Демократия является объектом как социологии, так и социальной философии. Но социолога интересует конкретный механизм функционирования демократических институтов, политических партий, выборных кампаний и т. д. Социальный философ демократию рассматривает в историческом аспекте, вычленяет ее сущностные черты и особенности, сравнивает с другими формами государственного правления — монархией, олигархией, аристократией и т. д.

Социальная философия изучает общество как некий универсальный объект с универсальными характеристиками, социолог же анализирует его конкретное функционирование. Социальный философ

²⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 29.

имеет дело с обществом вообще, социолог же — с конкретным социальным организмом.

Социальная философия нуждается в социологии как в строительном материале, так как она поставляет конкретные факты и результаты. Опираясь на них, социальный философ делает универсальные обобщения и выводы относительно всего исторического процесса, которые отнюдь не носят спекулятивного характера, а представляют собой глубоко продуманные научные знания. Социология, в свою очередь, использует социальную философию как методологический принцип исследования общественных процессов и феноменов.

Социальная философия и философия истории. Русский философ С.Л. Франк, анализируя соотношение социальной философии и философии истории, пишет, что «философия истории есть конкретное самосознание человечества, в котором оно, обозревая все перипетии и драматические коллизии своей жизни, все свои упования и разочарования, достижения и неудачи, научается понимать свое истинное существование и истинные условия своего существования»²⁹. Что касается социальной философии, то она, по его мнению, занимается познанием вечного в общественной жизни.

С моей точки зрения, философия истории и социальная философия пересекаются и довольно близки друг к другу по содержанию и исследуемым проблемам. В самом деле, лучшее определение любой науки — раскрытие ее содержания. Что входит в содержание социальной философии? Общие законы развития и функционирования общества, вопросы социального детерминизма, прогресса или регресса в историческом процессе, периодизации и типологизации в истории, материальной и духовной жизни людей и т. д. Но ведь философия истории тоже изучает эти проблемы. Тем не менее философия истории и социальная философия имеют не только общие, но и специфические черты. Это проявляется прежде всего в методах исследования общественной жизни. Так, философия истории рассматривает исторический процесс большей частью как становящийся процесс в ходе длительного развития социума, тогда как социальная философия главное внимание обращает на процесс, находящийся на стадии завершения. Иначе говоря, философия истории рассматривает общество в динамике, а социальная философия — в статике, т. е. на конкретно-историческом этапе развития общества.

Социальная философия политики и политология. За последнее время политология заняла довольно солидное место в системе общест-

²⁹ Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С. 30.

вознания. Но проблемы политологии возникли вместе с политикой. Исследователи по-разному интерпретируют предмет политологии, или политической науки.

Немецкий исследователь М. Молс считает, что в центре внимания политической науки находятся политические институты и процессы, конфликты и политическая власть и т. д. Его английский коллега Д. Миллер, отождествляя политическую теорию с политологией, пишет, что «политическая теория — это систематическое отображение характера и целей правительства, включая анализ существующих политических институтов, и представление о том, как они должны изменяться»³⁰.

В учебнике «Политология» дается такое определение политологии: «В широком смысле политология (как политическая наука) включает в себя все политическое знание, представляя собой комплекс дисциплин, изучающих политику, тогда как в более строгом значении политология (или общая теория политики) изучает лишь специфическую группу закономерностей отношений социальных субъектов по поводу власти и влияния, исследуя особый тип механизмов отношений и взаимодействий между властвующими и подвластными, управляемыми и управляющими»³¹.

На мой взгляд, политическая наука, или политология, имеет в качестве объекта исследования только политическую сферу общества. Она изучает политические процессы конкретных социальных организмов, выявляет механизм функционирования и взаимодействия различных политических институтов и учреждений. Область политической науки — политическая жизнь общества, а не все общество. Политическая наука — это теория среднего уровня, т. е. теория, которая не претендует на философские обобщения политики. Этим занимается социальная философия, предметом которой является общество в целом, а не та или иная его сфера.

Итак, социальная философия занимает важное место в системе обществознания. Она не претендует на какой-то особый статус. Она использует все достижения других общественных дисциплин и вместе с тем оказывает им эффективную методологическую помощь. В конце концов, все общественные науки тесно связаны между собой и плодотворно сотрудничают.

³⁰ Мир политики. Суждения и оценки западных политологов. М., 1992. С. 6.

³¹ Политология. Курс лекций / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2003. С. 41.

Глава II. Общество — целостное социальное образование

§ 1. Общество — качественно новое образование

Общество возникло на определенном этапе эволюции природы. Для его возникновения на Земле должны были сложиться специфические природные условия, породившие социальную форму движения материи. Об уникальности социальной жизни на Земле В.П. Алексеев пишет: «Значительное своеобразие Земли как планеты объясняется наличием крупного спутника, вызывающего приливные волны, способствовавшие выходу жизни из воды на сушу, принадлежностью центральной звезды — Солнца — к плоской подсистеме звезд, не попадающих в области взрывных процессов в Галактике, что предохраняет жизнь на Земле от смертоносного воздействия термоядерных реакций, возраст которых заведомо больше времени существования жизни на Земле. Земля, как местообитание человечества, представляет собой, следовательно, нетривиальную точку Вселенной, она характеризуется известной уникальностью и под углом зрения астрофизических закономерностей»³².

Процесс антропогенеза (происхождения человека) и процесс социогенеза (происхождения общества) представляют единый процесс. Иначе говоря, человек и общество возникли одновременно и нельзя их противопоставлять друг другу. Формирование человека связано не только с его социализацией, в которой решающую роль сыграл труд (собственно говоря, без труда не было бы и человека), но и с изменением и совершенствованием его биологической организации.

Общество есть качественно новое образование, имеющее свои законы и имманентную логику. Поэтому при его исследовании необходимо исходить именно из этого качественного отличия, чтобы не скатиться на позиции натурализма и социального дарвинизма, широко распространенного в XIX веке.

Но что такое общество? На этот вопрос даются самые разные ответы. Приведем некоторые из них. Н.Д. Кондратьев пишет, что «человеческое общество есть реальная совокупность людей»³³. Но это не

³² Алексеев В.П. Становление человечества. М., 1984. С. 17.

³³ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики // Социология. М., 1991. Вып. 1. Общество и сферы смысла. С. 73.

есть определение общества, ибо оно не несет никакой научной и теоретической нагрузки, не раскрывает сущности общества. Совокупностями людей могут быть любые группы людей: студенческие, рабочие, профессиональные, спортивные, политические и т. д. и т. п. Но совершенно ясно, что их нельзя назвать обществами в научном смысле слова. Тривиальна истина о том, что нет людей без общества, но и нет общества без людей.

Н.Д. Кондратьев понятие общества применяет к животному и растительному миру. «Может показаться странным, — пишет он, — что мы рассматриваем человеческое общество лишь как вид общества в целом наряду с обществами животных в тесном смысле и даже с растительными сообществами. Однако в этом нет ничего ни странного, ни спорного. Если мы желаем понять ту или иную область действительности как она есть. Но это факт, что существуют растительные общества и общества животных в тесном смысле слова»³⁴. На мой взгляд, это ошибочное утверждение. Распространение понятия общества на растительный и животный мир может привести (о чем пишет сам Н.Д. Кондратьев) к исчезновению качественной разницы между человеком и органическим миром. А это абсолютно недопустимо, если мы хотим адекватно отражать реальную действительность. Нет общества без сознательной деятельности людей. Ни в растительном, ни в животном мире нет такой сознательной деятельности.

Ю.И. Семенов, правильно отмечая многозначность понятия общества, выделяет пять значений данного понятия. В первом значении понятие общества употребляется для обозначения отдельных, конкретных обществ (социально-исторических организмов), являющихся самостоятельными единицами исторического развития (например, французское общество, итальянское общество, китайское общество, российское общество и т. д.). Во втором значении понятие общества используется для выделения системы социально-исторических организмов (западное общество, восточное общество, африканское общество и т. д.). Третье значение термина «общество» — все существовавшие и существующие социально-исторические организмы, вместе взятые. Для передачи данного смысла этого слова обычно употребляется словосочетание «человеческое общество в целом», а иногда и слово «человечество»³⁵. Четвертое значение термина «общество» связано с понятием общества вообще, а пятое — общества во-

³⁴ Кондратьев Н.Д. Основные проблемы экономической статики и динамики // Социология. М., 1991. Вып. 1. Общество и сферы смысла. С. 73.

³⁵ Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. С. 25.

обще определенного типа (первобытное общество, феодальное общество, буржуазное общество и т. д.).

Приведенная Ю.И. Семеновым классификация общества играет важную методологическую роль для выяснения сущностных характеристик общества как целостного социального образования. Но тем не менее это еще не определение общества как специфического социального феномена.

Не претендуя на истину в последней инстанции, отметим, что общество представляет собой совместную форму деятельности людей по производству материальных и духовных ценностей. Оно, как уже отмечалось, возникло на определенном этапе эволюции природы. В основе его возникновения лежит труд, который носит коллективный, т. е. общественный, характер. В процессе совместного производства ценностей люди не могут не взаимодействовать, не могут не вступать в определенные производственные отношения (первобытный человек не мог охотиться в одиночку, нельзя производить в одиночку и современную сложнейшую технику). Поэтому Маркс был абсолютно прав, когда писал, что общество есть продукт взаимодействия людей.

Люди производят материальные и духовные ценности для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. Понятие «потребности» в социальной философии применяется для обозначения набора предметов, удовлетворение которых обеспечивает воспроизводство человека как биосоциального существа. Потребности носят объективный характер. Человек должен регулярно есть, пить, одеваться, иметь жилище для того, чтобы ежечасно воспроизводить себя, проще говоря, чтобы не умереть. В этом смысле человек мало отличается от животных, занятых только тем, чтобы удовлетворять свои потребности. Но удовлетворение потребностей человеком коренным образом отличается от удовлетворения потребностей животным. Человеческие потребности носят социально-естественный характер, а животные потребности — чисто естественный характер. Человек осознает свои потребности и сознательно стремится к их удовлетворению. Поэтому он при удовлетворении потребностей ведет себя как человек, а не как животное. Правда, когда человек попадает в экстремальную ситуацию, то он начинает вести себя как животное.

Потребности делятся на материальные и духовные. Материальные потребности первичны, и они связаны с воспроизводством человека как биосоциального существа. Поэтому люди в первую очередь должны удовлетворять свои материальные потребности. А для этого, естественно, они должны заниматься материальным производством. Духовные потребности связаны с духовным, т. е. внутренним (субъективным), миром человека. Человек — единственное существо,

имеющее духовные потребности. Собственно говоря, человек становится подлинным человеком лишь тогда, когда он начинает удовлетворять свои духовные потребности. Чем духовно богаче человек, тем он больше социализирован и цивилизован. Вообще в богатом материально обществе человек не должен думать об удовлетворении своих материальных потребностей, так как это само собой разумеется. Поэтому он должен думать о своем духовном обогащении, о проявлении своих духовных потенций и т. д.

У всех людей есть потребности, но не у всех людей есть возможность их удовлетворения. Богатые могут любую свою потребность удовлетворить, а бедные, т. е. большинство людей, иной раз даже не в состоянии удовлетворить свои элементарные потребности. Но если даже все члены общества будут удовлетворять свои потребности, то все равно встает вопрос о границах их удовлетворения. Дело в том, что многие не знают никаких границ. Они хотят иметь огромное количество квартир, дворцов, машин, вилл и т. д. и т. п. Они хотят жить в роскоши и нисколько не думают о других. Эта роскошь вызывает протест у других, который со временем может принять разные формы насильственных действий.

Для того чтобы каким-то образом определить границы потребностей, многие философы ввели понятие «разумные потребности». Под разумными потребностями они подразумевают удовлетворение таких потребностей, которые необходимы для элементарного выживания (некоторые их называют прожиточным минимумом).

Но на самом деле речь должна идти не о разумных потребностях, а об общественно необходимых потребностях. Под этими потребностями я подразумеваю такие потребности, которые порождаются данным уровнем общественного производства. Скажем, в XIX веке не было никакой потребности в телевизорах, поскольку производство их не выпускало. В настоящее время телевизор не роскошь, а общественно необходимая потребность. То же самое можно сказать о других предметах потребления, появившихся совсем недавно.

Потребности непосредственно связаны с интересами. Если потребность объективна, то интерес субъективен. Чтобы удовлетворить свои потребности, человек должен осознать свой интерес и соответствующим образом действовать. У человека, скажем, есть потребность в пище, но он не проявляет интереса к работе.

Интересы бывают личными, групповыми, классовыми, словесными, общественными и т. д. Они не всегда совпадают между собой, и это несовпадение нередко приводит к конфликтным ситуациям.

Таким образом, общество коренным образом отличается от природы, и было бы неверно редуцировать его к природным процессам и

феноменам. Но было бы неверно также игнорировать влияние природы на формирование общественных отношений. Природа и общество — две стороны одной медали, и потому изучение общества без анализа природных явлений, без выяснения их влияния на развитие и функционирование социума (общества) немислимо, ибо хотя человечество в процессе своего развития как бы постоянно отдаляется от природы, тем не менее оно всегда должно помнить, что в основании его лежат природные факторы и что природа для него всегда будет *alma mater*. На формирование общественных отношений огромное влияние оказывали (и оказывают) природные условия. Люди селились в местах, пригодных для жизни, их хозяйственная деятельность во многом определялась географической средой. Так, жители берегов рек и морей занимались рыболовством, тогда как в степных районах — скотоводством, земледелием и т. д. А в жизни горских народов центральное место отводилось охоте и скотоводству, так как горные районы почти не были пригодны для земледелия, но зато диких животных было в изобилии.

На Востоке (Китай, Индия), как известно, не было частной собственности на землю, что объяснялось в первую очередь климатическими условиями. Земледелие нуждалось в оросительных системах, а частные лица не имели ни средств, ни сил для строительства крупных каналов. Поэтому государство сосредоточивало в своих руках всю собственность на землю. Оно поддерживало в хорошем состоянии старые ирригационные системы и вместе с тем всячески стремилось к строительству новых. Поливное рисоводство средневекового Востока привело к экономическому превосходству над Западом.

Особенно важно учитывать значение природы для общества в современную эпоху, переживающую глубокий экологический кризис. Вообще человек всю свою жизнь беспощадно обращался с природой. На это обратил внимание еще Энгельс: «Людям, которые в Месопотамии, Греции, Малой Азии и других местах выкорчевывали леса, чтобы получить таким путем пахотную землю, и не снилось, что они этим положили начало нынешнему запустению этих стран, лишив их вместе с лесами центров скопления и сохранения влаги... Еще меньше они предвидели, что этим они на большую часть года оставят без воды свои горные источники, с тем чтобы в период дождей, эти источники могли изливаться на равнину тем более бешеные потоки»³⁶.

Эти строки Энгельс написал в XIX веке, когда еще никакого экологического кризиса не было. Но наше время — это время глубокого

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 496.

экологического кризиса. В связи с ростом эксплуатации природных ресурсов и дальнейшим загрязнением окружающей среды возникла угроза гибели земной цивилизации. Человек неразумно вмешивается во все сферы природы, что приводит к резкому ухудшению ландшафта земли, многие животные либо совсем исчезли, либо находятся на грани исчезновения. Появление озоновых дыр свидетельствует о том, что может измениться не только биосфера, но и атмосфера Земли.

Мы требуем от природы столько, сколько она, по существу, не может дать, не нарушая своей целостности. Современные машины позволяют нам проникнуть в самые далекие уголки природы, изъять любые полезные ископаемые. Мы даже готовы вообразить себе, что нам все дозволено в отношении природы, поскольку она не может оказать нам серьезного сопротивления. Поэтому мы не задумываясь вторгаемся в природные процессы, нарушаем их естественный ход и тем самым выводим их из состояния равновесия. Добиваясь своих эгоистические целей, мы мало заботимся о будущих поколениях, которым из-за нас придется столкнуться с огромными трудностями.

Итак, общество не есть механический агрегат, оно представляет собой целостное социальное образование, в котором все элементы связаны между собой и постоянно взаимодействуют. Оно есть самодостаточная система. Это значит, что для своего развития оно не нуждается ни в каких внешних толчках или силах. Источники изменения и функционирования находятся внутри самого общества.

§ 2. Общественные отношения

В процессе совместной жизни людей складываются определенные отношения, которые принято называть общественными отношениями. Нет человека вне общества. Еще Аристотель писал, что человек есть общественное существо. Кстати сказать, человек может обособляться только в обществе. Человек всегда находится в определенных отношениях и связях с другими людьми. Даже если он живет совершенно изолированно от других людей, все равно он с ними связан так или иначе. Скажем, ему нужно одеваться. Но эту одежду выпускают другие люди. Компьютер, например, создает виртуальную реальность, и складывается впечатление, что можно жить от общества совершенно изолированно, как Робинзон Крузо. На самом деле это глубокое заблуждение. Компьютер создан не одним человеком, а многими людьми, находящимися, возможно, в разных концах земного шара. Но эти люди связаны, т. е. находятся в определенных отношениях между собой. И не имеет никакого значения то, что кто-то из

них сидит дома и пишет какую-то более совершенную программу для компьютера. Ведь он ее пишет не для себя, а для потребителя.

Все общественные отношения можно разделить на *материальные* и *духовные*.

Материальные отношения — это те отношения, которые складываются независимо от воли (но не от сознания) людей в процессе производства материальных благ: пищи, одежды, жилья и т. д. Люди не могут не вступать в такие отношения, если хотят воспроизводить себя как биосоциальные существа. Эти отношения называются также производственными отношениями. Они составляют первичный уровень общественных отношений, реальный базис, или фундамент, общества.

Структура производственных отношений носит сложный и системный характер. Она состоит из производства как такового, распределения, обмена и потребления.

Производство. Маркс подчеркивал, что «производство есть всегда особая отрасль производства, например земледелие, животноводство, мануфактура и т. д., или оно есть совокупность их»³⁷. Люди нуждаются в многообразных материальных благах, и поэтому производство этих благ осуществляется в различных отраслях экономики. Естественно, существует определенное разделение труда. Чем выше уровень разделения труда, тем выше уровень производства и, следовательно, тем больше предметов потребления производится.

Распределение. Производство создает предметы. Но прежде чем их потреблять, они должны распределяться и обмениваться. Поэтому «распределение устанавливает пропорцию, в которой каждый индивидуум принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся предметами потребления, индивидуального присвоения»³⁸.

Однако распределение касается не только предметов потребления. Более того, распределению предметов потребления предшествуют, во-первых, распределение орудий производства в зависимости от отрасли экономики; во-вторых, распределение людей по различным отраслям производства. Одни работают рабочими, другие — крестьянами, третьи — инженерами и т. д.

Обмен — важнейший компонент производственных отношений. Во-первых, в процессе производства совершается обмен деятельнос-

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 711.

³⁸ Там же. С. 714—715.

тью и способностями индивидов. Во-вторых, индивиды обмениваются готовыми продуктами, предназначенными непосредственно для потребления. В-третьих, обмен осуществляется между предпринимателями или бизнесменами. Интенсивный обмен свидетельствует о высоком уровне разделения труда. В натуральном хозяйстве практически отсутствует обмен. В современном производстве обмен находится на исключительно высоком уровне.

Потребление. Нет производства без потребления и потребления без производства. Поэтому потребление, как и производство, есть непрерывный процесс. Потребление есть производство, а производство есть потребление.

Есть два вида потребления: производительное потребление и индивидуальное потребление. В процессе производства материальных благ потребляются, во-первых, жизненные силы человека и, во-вторых, орудия труда, сырой материал, из которого делают предмет потребления. Индивидуальное потребление предполагает потребление человеком материальных благ.

Итак, «производство создает предметы, соответствующие потребностям; распределение распределяет их согласно общественным законам; обмен снова распределяет уже распределенное согласно отдельным потребностям, наконец в потреблении продукт выпадает из этого общественного движения, становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе потребления»³⁹. Производство выступает как исходный пункт, потребление — как конечный пункт, а распределение и обмен — как середина.

Но нет производства без **собственности**. Она является условием производства. Она есть стержень производственных отношений. Поэтому излишне говорить о том, что нет собственности без отношений людей друг к другу. «Собственность — такое отношение людей по поводу вещей, которое наделяет и людей, и вещи особыми социальными качествами: делает людей собственниками, а вещи — их собственностью»⁴⁰. Человек получает собственность только в обществе. Вне общества бессмысленно говорить о собственности. Но собственность как стержень производственных отношений закрепляется правовыми законами и актами. Поэтому отношения собственности, как писал Маркс, являются юридическим выражением производственных отношений. Собственность есть присвоение индивидом предметов потребления в широком смысле слова.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 715.

⁴⁰ Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. С. 432.

Существуют разные формы собственности: личная, частная, государственная, общественная. Частная собственность может выступать в форме индивидуальной, групповой, акционерной и даже государственной. Сущность частной собственности выражается в присвоении, т. е. в эксплуатации чужого труда. Без такого присвоения частная собственность может превратиться в личную или индивидуальную собственность. Нельзя не заметить, что все коллизии в обществе так или иначе порождаются частной собственностью, поскольку владельцы этой собственности эксплуатируют, т. е. присваивают чужой труд и увеличивают свою собственность посредством эксплуатации чужого труда.

Следует различать материальные производственные отношения и организационно-технологические отношения. Последние непосредственно не определяются формой собственности. Они строятся в зависимости от характера управления и технологических процессов производства.

Духовные отношения представляют собой вторичный, производный уровень общественных отношений, поскольку они в конечном счете детерминируются материальными (производственными) отношениями. С изменением этих отношений постепенно изменяются и духовные отношения. Но вместе с тем надо сказать, что духовные отношения относительно автономны и имеют свою внутреннюю логику развития и свою собственную историю. Хотя духовные отношения детерминируются материальными отношениями, тем не менее они оказывают соответствующее воздействие на материальные общественные отношения.

К духовным отношениям относятся политические, нравственные, эстетические, религиозные, правовые и иные отношения, которые, в свою очередь, структурно дифференцированы. Политические отношения, например, делятся на внешние и внутренние политические отношения. Очень многообразны религиозные отношения.

§ 3. Общество и его законы

Прежде всего, отметим, что под понятием закона подразумеваются внутренние, объективные, необходимые, устойчивые и повторяющиеся связи и отношения явлений объективного мира. Понятием закона охватываются не всякие связи и отношения, а внутренние, необходимые связи социальной и природной действительности. Понятие закона характеризует мир как единый процесс. В.И. Ленин подчеркивал, что «понятие закона есть одна из ступеней познания человеком единства и связи, взаимозависимости и цельности мирового

процесса»⁴¹. Таким образом, понятие закона выражает те объективные, повторяющиеся, устойчивые связи и взаимоотношения и взаимозависимости, которые существуют в объективном мире. Можно, конечно, отрицать эти устойчивые взаимосвязи и взаимозависимости. Но это будет противоречить объективной действительности, ее развитию. Если мы признаем, что мир меняется, что в нем происходят определенные процессы, которые ведут к определенным изменениям, то мы должны признать, что эти процессы объективны, взаимосвязаны, устойчивы, что одни изменения порождают другие и т. д.

На основе открытия законов объективного мира формулируются законы науки. Последние отражают законы объективной реальности. Однако следует иметь в виду, что законы науки являются приближенным, неполным отражением законов мира. По мере развития наук, по мере их проникновения в глубинные процессы явлений мира законы науки обогащаются, дополняются новым содержанием.

До сих пор мы говорили о законах объективного мира, не выделяя отдельно законы общественного развития. Мы выделили общие моменты любого закона. Теперь подчеркнем отличия законов общества от законов природы. Во-первых, законы природы и общества отличаются друг от друга как по характеру действий, так и по диапазону. Во-вторых, законы природы более долговечны, чем законы общества. Законы природы существуют миллионы и миллиарды лет, тогда как законы общества возникли вместе с обществом сравнительно недавно. В-третьих, законы природы есть законы стихийных сил, в то время как законы общества есть законы сознательной деятельности людей.

Все общественные законы в зависимости от диапазона их действия, от продолжительности их существования делятся на всеобщие, общие, частные и специфические законы. Всеобщие законы действуют в природной и социальной действительности. Общими законами являются те законы, которые действуют на протяжении всего исторического движения. К числу таких законов относятся закон о решающей роли материального производства, закон соответствия производственных отношений уровню развития производительных сил, закон соотношения общественного бытия и общественного сознания и т. д. Они определяют развитие всего общественного процесса, показывают процессы перехода от одной формации к другой и т. д. Например, закон соответствия производственных отношений характеру

⁴¹ Ленин В.И. *Философские тетради*. М., 1965. С. 135.

и уровню развития производительных сил лежит в основе смены общественно-экономических формаций. Благодаря открытию этого закона развитие общества было представлено как естественноисторический процесс.

Частные законы действуют на протяжении нескольких формаций. Законы классовой борьбы, закон революционного перехода от одной формации к другой и т. д. Как и общие законы, они в разных формациях проявляются по-разному, подчеркивают те или иные особенности данного способа производства, но сущность их не меняется. Например, по поводу экономических законов производства Энгельс писал: «...Экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства»⁴². То же можно сказать о законе революционного перехода от одной формации к другой. Если проанализировать переход от феодализма к капитализму и переход от капитализма к социализму, то мы увидим очень большие различия и в процессе самого перехода, и в победе новых общественных отношений. Прежде всего бросается в глаза главный исторический факт: при переходе от феодализма к капитализму речь идет о замене одной формы частной собственности другой, о замене одних форм эксплуатации другими.

Специфические законы свойственны лишь определенной формации, и с переходом к другой формации они прекращают свое существование. Например, специфическим законом капитализма Маркс считал производство относительного перенаселения, или промышленной резервной армии.

Общие, частные и специфические законы общества связаны друг с другом. Например, производственными отношениями.

Законы общества — это законы его деятельности. Однако люди могут и не сознавать, что в обществе действуют какие-то законы. Тем не менее они вынуждены жить согласно этим законам, подчиняться их действиям в своей практической деятельности. Любой бизнесмен на практике прекрасно понимает необходимость соблюдения закона стоимости. Известный русский философ Плеханов писал, что «спросите сельского хозяина о влиянии отдаленности рынка на цену его продуктов или плодородия почвы на высоту поземельной ренты. Спросите фабриканта о влиянии расширения сбыта на удешевление производства. Спросите рабочего, откуда берется прибыль его пред-

⁴² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 175.

принимателя... Вы убедитесь, что все эти люди знают Рикардо, никогда не выдавшие даже обертки его сочинений»⁴³.

Но можно и сознательно использовать законы общества, предварительно исследовав особенности их проявления, взаимодействия и т. д. Если взять тот же закон стоимости, то, зная механизмы его функционирования, можно его использовать сознательно. Это нередко делается в современных развитых странах.

Законы общества носят такой же объективный характер, как и законы природы. Иначе говоря, они действуют и функционируют независимо от людей.

Но объективный характер законов общества следует отличать от объективного характера законов природы.

В природе господствуют стихийные силы. Законы природы являются законами этих сил. В отличие от природы в обществе действуют сознательные существа — люди, которые строят планы, работают, создают материальные и духовные богатства. Законы общества являются законами целесообразной деятельности людей. Но в чем же тогда заключается их объективность? Объективный характер законов общества состоит в том, что отношения, складывающиеся между людьми, существуют объективно, независимо от их сознания и воли. Поэтому законы, возникшие на основе этих отношений, тоже существуют объективно.

Конечно, законы общественного развития действуют с такой же необходимостью, как и законы природы. В то же время нельзя абсолютизировать эту необходимость, ибо абсолютизация ведет к фатализму и игнорированию в историческом движении многих общественных факторов. Общество представляет собой сложный комплекс взаимодействий и отношений людей. Здесь мы встречаемся с бесчисленным количеством намерений и целей людей, которые порой противоречат друг другу и приходят в столкновение. Поэтому общественные законы пробивают себе дорогу сквозь бесконечное число препятствий. Они выступают как законы тенденции, показывающие направленность развития, путь движения исторического процесса.

Следует отметить, что не все философы признают законы общества. Так, Г.Риккерт считает, что в обществе нет никаких законов, потому что в социуме каждое событие совершается один раз в определенное время и в определенной точке пространства. Оно индивидуально и неповторимо. Оно не имеет никаких связей и отношений с други-

⁴³ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. 1. М., 1956. С. 89.

ми событиями истории. Поэтому невозможно установить какую-либо закономерность в историческом процессе. В природе же наблюдается повторяемость событий, и поэтому легко можно открыть законы природы.

Риккерт все науки разделил на науки о природе и науки о культуре (под культурой в данном случае Риккерт понимает общество). С его точки зрения, в науках о природе применяется генерализирующий метод, цель которого «заключается в том, чтобы всю данную действительность подвести под общие понятия, заключить ее в единую цельную систему взаимоподчиненных, все более и более общих понятий, во главе которой должны стоять понятия, безусловно, с общим содержанием, имеющим значение для всех объектов, подлежащих исследованию. Где эта цель достигнута, там найдено то, что мы называем законами действительности»⁴⁴. Но в науках о культуре ученые анализируют такую действительность, которая никогда не бывает общей, но всегда индивидуальной. Историк стремится понять предмет в его индивидуальности, уникальности и неповторимости. Поэтому в обществознании используется индивидуализирующий метод, а в естествознании — генерализирующий.

Сходные мысли высказывает Р.Арон. Он пишет: «Существование исторических законов является объектом неясных споров, поскольку значение термина двусмысленно. Если под ним подразумевать всякую закономерную последовательность отношений, то можно наблюдать в истории человечества такие повторения. Действительные проблемы... касаются способа установления связей, конструкций отношений, уровня, где осуществляются закономерности, и т. д. Но обычно термин «исторический закон» пробуждает более точную идею историчности. В той мере, в какой больше требуют историчности, закон склонен к исчезновению. Ибо в конце концов единственное и необратимое становление по определению своему не предполагает законов, потому что оно не воспроизводится...»⁴⁵. История — поле единичных, ничем не связанных событий. Поэтому здесь нельзя установить какую-либо закономерность.

То же самое утверждает К.Поппер. «Поиски закона эволюции, — пишет он, — не имеют никакого отношения к научному методу — ни в биологии, ни в социологии. Доводы мои очень просты. Эволюция жизни на Земле или человеческого общества — уникальные исторические процессы. Предположим, что такой процесс происходит по

⁴⁴ Риккерт Г. *Философия истории*. СПб., 1908. С. 22.

⁴⁵ Aron R. *Introduction a la philosophie de l'histoire*. 1986. P. 299.

всякого рода причинным законам механики, химии, наследственности и изменчивости, естественного отбора и т. д. Однако описание этого процесса будет не законом, а единичным историческим утверждением»⁴⁶. В истории каждое событие уникально и неповторимо и поэтому в ней нет никаких законов.

Таким образом, противники законов общества в качестве главного аргумента в защиту своей позиции выдвигают уникальность и неповторимость исторических событий и процессов. Однако на самом деле в обществе, как и в природе, все события, факты, процессы и явления взаимосвязаны. Конечно, то или иное историческое событие происходит в определенное время и в определенной точке пространства. Возьмем, например, Великую Отечественную войну. Она началась в определенное время (июнь 1941 года) и закончилась тоже в определенное время (май 1945 года). Она уникальна и неповторима. Но отсюда не следует, что она изолирована от предшествовавших ей исторических событий. Ее нужно анализировать только в связи с другими историческими фактами и событиями. Все социальные феномены, процессы, факты и события связаны между собой неразрывно. Если бы такой связи не было, то не было бы вообще человеческого общества. И понятие закона, как уже отмечалось, используется для выражения объективных, внутренних, необходимых, устойчивых и повторяющихся связей исторической действительности. Закон показывает, что человеческое общество едино и направленность его развития носит континуистский, т. е. непрерывный, характер.

⁴⁶ Поннер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 125—126.

Глава III. Социальная структура общества

§ 1. Социальные классы

Под структурой, или строением, общества подразумевается взаимосвязь и взаимозависимость составляющих общество людей, включенных в различные группы, классы, сословия, касты, страты, этносы и т. д. Поскольку общество представляет собой исторически сложившуюся форму деятельности людей, то совершенно ясно, что люди группируются по определенным социальным, экономическим, политическим, культурным, этническим и иным признакам. Поэтому структуру общества можно изучать по разным основаниям: по экономическим, политическим, этническим и т. д. У нас в данном случае речь идет о социальном основании общества, предполагающем анализ социальной структуры.

Сама по себе социальная структура общества сложна и многообразна. Ее можно разбить на два уровня: верхний и нижний. Верхний уровень предполагает вычленение крупных социальных групп, составляющих каркас всей социальной структуры и отражающих наиболее существенные и глубинные связи и отношения людей. Нижний уровень более дифференцирован и во многом зависит от верхнего уровня. К верхнему уровню можно отнести социальные классы, страты. К нижнему уровню относятся мелкие группы (студенческие, спортивные группы, касты и др.). Нижний уровень социальной структуры изучается в курсе социологии, а верхний — в курсе социальной философии.

Самыми крупными группами являются социальные классы. Наиболее основательно проблема классов исследована в марксизме, хотя задолго до Маркса были открыты классы и их борьба между собой. Как пишет французский философ Р.Арон, в XVIII веке требования революционной буржуазии породили острые дискуссии среди французских философов. Одни защищали знать, другие — народные массы, которую унижала эта же знать. Одни выступали за сохранение монархического режима, другие ратовали за права человека. Одни были монархистами, другие либералами.

Существуют разные определения классов, но наиболее широко известно ленинское определение. Ленин писал: «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их

отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают»⁴⁷. Ленин выделяет четыре классовообразующих признака: 1) место класса в исторически определенной системе общественного производства; 2) отношение к средствам производства; 3) роль класса в общественной организации труда; 4) способ получения доли общественного богатства. Главным классовообразующим признаком выступает отношение к средствам производства, т. е. к собственности. Те, кто владеет собственностью, относятся к одному классу, а те, кто лишен ее — к другому классу.

Возникновение классов — процесс длительный, сложный и мучительный. В первобытном обществе, базировавшемся на общинной собственности, не было никаких классов. В нем господствовал принцип уравниловки: весь полученный продукт распределялся поровну, причем в первую очередь обеспечивались дети и старики.

Примерно в конце четвертого тысячелетия до нашей эры появляются социальные классы. Энгельс выделял два пути происхождения классов. Первый путь связан с внутренней эволюцией родового строя, когда в результате развития производительных сил происходит рост общественного богатства, часть которого начинают присваивать органы, до этого защищавшие интересы всех членов рода или общины. «Постепенно производительные силы растут; увеличение плотности населения создает в одних случаях общность, других — столкновение интересов между отдельными общинами; группировка общин в более крупное целое вызывает опять-таки новое разделение труда и учреждение органов для охраны общих интересов и для отпора противодействующим интересам. Эти органы, которые в качестве представителей общих интересов целой группы общин занимают уже по отношению к каждой отдельной общине особое, при известных обстоятельствах даже антагонистическое положение, становятся вскоре еще более самостоятельными, отчасти благодаря наследственности общественных должностей, которая в мире, где все происходит стихийно, устанавливается почти сама собой, отчасти же благодаря растущей необходимости в такого рода органах, связанной с учащением конфликтов с другими группами»⁴⁸. Уравнительному распределению был положен конец. Отныне распределение предметов по

⁴⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 15.

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 183.

требления базируется на частной собственности на средства производства. «Происходит раздвоение экономики на жизнеобеспечивающую и престижную... Возникновение распределения по труду и престижной экономики с необходимостью предполагало появление наряду с общественной собственностью членов общества и тем самым соответственно имущественного и социального неравенства»⁴⁹.

Другой путь образования классов связан с войнами. Развитие производительных сил приводит к тому, что продуктов производится больше, чем потребляется. Появились средства для того, чтобы содержать больше людей, могущих работать. Но в самой общине в силу ее малочисленности нет таких рабочих рук. Зато их доставляла война. Если до этого пленных просто убивали, то теперь их превращают в рабов.

Один класс (меньшинство) эксплуатирует другой (большинство). Эксплуатация предполагает присвоение чужого труда. Тот, кто эксплуатирует, считается эксплуататорским классом, а тот, кто эксплуатируется, — эксплуатируемым. В античном мире в качестве основных классов выступали рабы и рабовладельцы. Рабы приравнивались к животным. Они были исключены из жизни общества. Аристотель писал, что «невозможна дружба и с конем или быком или с рабом в качестве раба. Ведь [тут] ничего общего быть не может, потому что раб — одушевленное орудие...»⁵⁰. В эпоху феодализма основными классами были феодалы и крестьяне, а в эпоху капитализма — буржуазия и пролетариат. Под пролетариатом подразумеваются не только рабочие, но также все те, кто не имеет средств производства и вынужден продавать свою рабочую силу (физическую или интеллектуальную) либо государству, либо акционерным кампаниям и фирмам, либо транснациональным корпорациям, либо индивидуальному владельцу средств производства.

Каждый класс занимает определенное место в обществе. Эксплуатирующий класс господствует и стремится к сохранению своего господствующего положения, эксплуатируемый хочет избавиться от эксплуатации и поэтому вступает в борьбу с эксплуататорским классом. Отсюда ясно, что интересы эксплуататоров и эксплуатируемых противоречат друг другу. Это приводит к классовым конфликтам. Поэтому Маркс и Энгельс писали, что «свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче, угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, всегда

⁴⁹ Семенов Ю.И. *Философия истории*. М., 2003. С. 443.

⁵⁰ Аристотель. *Соч.*: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 236.

кончавшимся революционным переустройством всего общественно-го здания или общей гибелью борющихся классов»⁵¹. Обычно выделяют три формы классовой борьбы: экономическую, политическую и теоретическую (идеологическую). Экономическая борьба предполагает борьбу за удовлетворение экономических интересов: повышение заработной платы, улучшение условий жизни, социальной защиты и т. д. Политическая борьба — это борьба за завоевание политической власти на всех уровнях политической жизни. Что касается теоретической борьбы, то она связана с защитой классовых интересов посредством агитации и пропаганды своих теоретических позиций и жизненных стандартов. Разумеется, у господствующего класса есть больше возможностей для того, чтобы распространять свои воззрения и свое миропонимание в обществе. Он, как правило, разными путями, в том числе с помощью властных структур, стремится к ослаблению позиции негосподствующего класса. Гоббс был прав, когда писал: «Я не сомневаюсь, что если бы истина, что *три угла треугольника равны двум углам квадрата*, противоречила чьему-либо праву на власть или интересам тех, кто уже обладает властью, то, поскольку это было бы во власти тех, чьи интересы задеты этой истиной, учение геометрии было бы если не оспариваемо, то вытеснено сожжением всех книг по геометрии»⁵². Но если так обстоит дело с естественнонаучным знанием, то тем более это касается общественнознания. В области общественных наук наиболее ярко проявляется стремление господствующего класса сделать свои мысли господствующими мыслями в обществе. Они выдаются как мысли всех классов и слоев и тем самым затушевывается социальная и классовая дифференциация людей, которая существует в реальной жизни.

Многие исследователи (Сорокин, Арон и др.) в качестве главного классовобразующего признака выделяют не отношение к средствам производства, а доходы. Утверждается, что по мере развития капитализма увеличиваются доходы населения, люди удовлетворяют свои потребности, рабочий класс растворяется среди других слоев общества, появляется «средний класс», который включает в себя большинство людей данного общества. На мой взгляд, сторонники таких утверждений видят только явление и не хотят анализировать сущность тех изменений и процессов, которые происходят в современном мире. Слов нет, в западных странах, население которых составляет около одного миллиарда человек, уровень жизни достаточно высок, особенно у тех, кто имеет постоянную работу и обеспечен жильем.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 424.

⁵² Гоббс Т. Избр. произв.: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 133.

Верно и то, что большинство западных жителей в состоянии иметь машину, телевизор, жилье, отдыхать за границей и т. д. Бесспорно и то, что у многих есть определенные доходы, акции и т. д. Но следует ли отсюда, что на Западе нет теперь рабочих, а есть только «средний класс»? Нет, конечно. Рабочий не потому является рабочим, что он получает мало или много, а потому, что он лишен средств производства и вынужден продавать свою рабочую силу. Он может получать много, но тем не менее подвергается эксплуатации со стороны работодателей, поскольку они присваивают его труд за вычетом заработной платы. Такая эксплуатация — имманентная черта капитализма: без этого он не сможет развиваться. Раз есть капиталистическая экономика, значит, есть и рабочие, которые могут иметь определенные акции предприятия, но в то же время остаются рабочими. Не стоит забывать и тот факт, что не все представители «среднего класса» удовлетворяют свои общественно необходимые потребности. Поэтому понятие «среднего класса» — это конъюнктурное понятие, скрывающее реалии современного буржуазного общества.

Нельзя не отметить, что в современной социальной философии многие вообще утверждают, что в постиндустриальном обществе якобы вообще исчезли социальные классы, что частная собственность как классообразующий признак вообще исчезла, так как сейчас существуют тысячи акционерных компаний и фирм, акции которых могут приобрести любые граждане независимо от их социального статуса. Поэтому классы якобы существуют только на бумаге, а в реальной действительности их нет. Так, известный современный французский социолог П.Бурдьё прямо заявляет: «...Классы, которые можно вычленить в социальном пространстве (например, в связи с потребностями в статистическом анализе, являющемся единственным средством обнаружить структуру социального пространства), не существуют как реальные группы, несмотря на то, что они объясняют вероятность своей организации в практические группы, семьи, ассоциации и даже профсоюзные или политические «движения»⁵³.

Прежде всего следует подчеркнуть, что, как уже выше отмечалось, частная собственность может существовать не только в форме индивидуальной собственности, но и групповой, в том числе акционерной. Акционерная собственность не есть ни государственная, ни общественная собственность. Она есть частная собственность. Кстати сказать, акционерная собственность существовала и во времена Маркса. Он посвятил анализу этой формы частной собственности немало страниц.

⁵³ Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 60.

В акционерных обществах решающую роль играют владельцы большинства акций. Поэтому рядовые акционеры, имеющие небольшое количество акций, лишены возможности каким-то образом влиять на деятельность этих акционерных обществ. Далее. Человек, живущий на небольшую зарплату, никогда не сможет купить акции дорогих компаний. Конечно, в целом возникновение акционерных обществ представляет собой шаг вперед в развитии буржуазного общества. Вместе с тем не следует забывать, что «на базе капиталистического производства в акционерных предприятиях возникают новые мошенничества с платой за управление, рядом с действительным управляющим и над ним появляется множество членов правлений и наблюдательных советов, для которых управление и контроль фактически служат лишь предлогом к ограблению акционеров и к собственной выгоде»⁵⁴. Это наблюдалось и во времена Маркса, и в настоящее время, в том числе в России.

Что касается классов, то они существуют не только на бумаге, но и в реальной жизни. Нельзя отрицать очевидный факт: есть богатые и бедные. Миллиарды людей владят жалкое существование, в то время как горстка людей владеет миллиардами. «Всего лишь 358 миллиардеров владеют таким же богатством, как и 2,5 миллиарда человек, вместе взятые, почти половина населения Земли»⁵⁵. Эти бедные представляют один класс, а богатые другой. У них разные интересы и разные образы жизни. Таковы реалии современного классового общества.

§ 2. Социальная стратификация

Вместо термина «социальная структура» многие обществоведы используют термин «социальная стратификация» (латинское *stratum* — настил, слой). П.Сорокин так определяет социальную стратификацию: «Социальная стратификация — это дифференциация некой данной совокупности людей (населения) на классы в иерархическом ранге»⁵⁶. В обществе люди делятся на определенные слои и группы в зависимости от социального положения, от прав и привилегий, которыми они пользуются.

Социальная стратификация проявляется во всех областях общественной жизни — в экономической, политической, профессиональной, культурной и т. д. В экономической сфере, например, есть бога-

⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. 1. С. 428.

⁵⁵ Мартин Г.-П., Шуман Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 46.

⁵⁶ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302.

тые и бедные, владельцы собственности и лишенные этой собственности. Внутри богатых тоже наблюдается расслоение. Так, очень богатые относятся к высшим экономическим слоям общества; менее богатые — к средним экономическим кругам. В области политики тоже наблюдается расслоение людей. Высшие политические круги составляют один слой политиков, средние — другой слой и т. д. Аналогичную картину можно наблюдать и в культурной сфере. Великие писатели, поэты, художники, режиссеры и т. д. относятся к высшим слоям, остальные представители культуры — к разным стратам, или слоям. Профессиональная стратификация связана с наличием той или иной профессии. Например, ученые имеют разные специальности и в зависимости от специальности относятся к той или иной профессиональной группе.

Все формы социальной стратификации — экономическая, политическая, профессиональная, культурная и т. д. — тесно взаимосвязаны. Так, например, в современном обществе высшие экономические и высшие политические слои очень переплетены. Как правило, человек, принадлежащий к высшим экономическим кругам, занимает высокие политические должности, хотя бывают исключения, но это очень редко случается.

Все формы социальной стратификации изменяются по мере изменения человеческого общества. Так, современная экономическая или политическая стратификация качественно отличается от прошлых форм стратификации. В эпоху феодализма, например, были помещики, дворяне, князья, графы и т. д. и т. п. Сегодня наблюдаются совсем другие расслоения.

П.А. Сорокин много внимания уделяет и проблемам социальной мобильности. «Под социальной мобильностью,— пишет он, — понимается любой переход индивида или социального объекта (ценности), т. е. всего того, что создано или модифицировано человеческой деятельностью, из одной социальной позиции в другую»⁵⁷. П.А. Сорокин выделяет два типа социальной мобильности — горизонтальную и вертикальную. Горизонтальная мобильность предполагает переход индивида из одной социальной группы в другую, находящуюся на одном и том же социальном уровне. Скажем, переход из одного гражданства в другое или из одной семьи в другую, с одной фабрики на другую и т. д. Такая горизонтальная мобильность всегда существовала и будет существовать. Заслуга Сорокина состоит в том, что он ее научно исследовал. Но, пожалуй, больший интерес представляет вертикальная мо-

⁵⁷ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 373.

бильность, под которой «подразумеваются те отношения, которые возникают при перемещении индивида или социального объекта из одного социального пласта в другой»⁵⁸. Сорокин выделяет два типа вертикальной мобильности — восходящую и нисходящую. Восходящая мобильность — это социальный подъем, а нисходящая — социальный спуск. Социальный подъем связан с переходом от низшей группы в высшую, а социальный спуск, наоборот, — с переходом от высшей группы в низшую. Сорокин прав в том, что во всех обществах такие переходы совершались, прав и в том, что такого рода переходы трудны и сложны. Действительно, если брать современное общество, где формально все свободны, то кажется, что любой индивид при желании может добиться самых блестящих успехов. Скажем, рабочий может стать миллионером или главой государства. Но это иллюзорные представления о современной жизни, реалии же показывают, что переход из низшей группы в высшую очень труден и практически невозможен в современных условиях. В самом деле, представим, что человеку из низших слоев захотелось стать президентом страны. Абстрактно это возможно, но на самом деле это исключено. Во-первых, надо иметь образование, получить которое не так-то легко. Во-вторых, нужно обладать очень большими финансами, без которых абсурдно думать о проведении какой-либо избирательной кампании. В-третьих, необходима поддержка финансовых, промышленных, торговых и иных кругов. В-четвертых, следует привлечь на свою сторону средства массовой информации, так как именно они занимаются формированием общественного мнения, поднятием и опусканием рейтингов политиков. В-пятых, нужна поддержка каких-то политических движений и партий. Перечень необходимых условий можно было бы продолжить, но и сказанного достаточно для того, чтобы показать, насколько нереален социальный подъем для тех, кто в современном обществе ничем не владеет. Вообще, в нынешнем западном обществе все высшие ниши заполнены и попасть туда чрезвычайно трудно⁵⁹. Что касается социального спуска, т. е. перехода в низшие слои, то это гораздо легче совершить. Для этого достаточно разориться и можно даже оказаться в маргиналах.

⁵⁸ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 374.

⁵⁹ Французские исследователи П.Бирнбаум, Ш.Барук, М.Беллэш, А.Марие пишут, что во Франции «в высшей прослойке правящего класса произошла внутренняя перестройка: изменились формы его рекрутирования и юридический статус его представителей. Однако с точки зрения обладания экономической властью никаких изменений не произошло». См. Бирнбаум П., Беллэш М., Марие А. Французский правящий класс. М., 1981. С. 67.

Таким образом, несмотря на существенные изменения в социальной структуре современного общества, оно сохранило свое классовое деление и классовую дифференциацию. Эти классы выступают в роли субъектов истории, они занимают определенное место в обществе и играют решающую роль в экономической, политической и духовной жизни социума.

Глава IV. Социальный детерминизм

§ 1. Географический детерминизм

Одной из важнейших задач социальной философии является исследование и раскрытие движущих сил истории, детерминанты общественных процессов и явлений. История представляет собой сложный и многогранный процесс, в котором воедино связаны географические, материальные (экономические), духовные, социальные, политические и другие факторы. Поэтому очень сложно найти среди них такой фактор, который бы играл решающую роль в движении общества по восходящей линии. А без выяснения такого фактора трудно изучить имманентную логику исторического процесса, объяснить мотивы и поступки людей в ходе их жизнедеятельности.

Мыслители всех времен пытались найти социальные детерминанты. Одни их искали в географическом факторе, другие — в духовном, третьи — в материальном.

Яркими представителями географического детерминизма были французский просветитель XVIII века Ш.Монтескье и замечательный русский ученый XIX века Л.И. Мечников.

Монтескье свое исследование роли географической среды начинает с выяснения вопроса о человеческой природе. По его мнению, климатические условия определяют индивидуальные особенности человека, его телесную организацию, характер и склонности. Так, например, в холодном поясе люди крепче и физически сильнее, поскольку «холодный воздух производит сжатие окончаний внешних волокон нашего тела, отчего напряжение их увеличивается и усиливается приток крови от конечностей к сердцу»⁶⁰. Южные народы, продолжает Монтескье, ленивы от природы, и поэтому они не способны к героическим поступкам. Восприняв однажды те или иные законы, обычаи и традиции, они не расстаются с ними, ибо предпочитают покой. Конечно, эти рассуждения французского философа не выдерживают никакой критики, поскольку история народов, живущих в жарких климатических условиях, с точки зрения их социальной активности, создания материальных и духовных ценностей сви-

⁶⁰ Монтескье Ш. Избр. произв. М., 1955. С. 350.

детельствует об обратном. Хорошо известно влияние восточных культур на всю мировую культуру.

Анализируя вопросы происхождения рабства, Монтескье считает, что в жарких странах, где люди всякую работу исполняют из страха быть наказанными, рабство не противоречит разуму, ибо без рабства в этих странах не было бы никакого прогресса. Климатическими же условиями объясняет французский мыслитель многоженство и многогамную семью.

При рассмотрении вопросов государственного устройства Монтескье приходит к выводу, что в странах с плодородной почвой легче устанавливается дух зависимости, ибо людям, занятым земледелием, некогда думать о свободе, которую французский мыслитель понимает прежде всего как отсутствие зависимости от государственной власти. Но в то же время, по мнению Монтескье, они боятся потерять свое богатство и потому предпочитают правление одной, хотя и деспотической, личности, которая защитила бы их богатый урожай от грабежа.

В странах же с холодным климатом, где условия для земледелия крайне неблагоприятны, люди больше думают о своей свободе, чем об урожае, и поэтому в этих странах отсутствует деспотическая форма правления. Таким же образом Монтескье объясняет и другие социальные явления (торговлю, гражданские законы, международное право и т. д.).

В распространении географического детерминизма важную роль сыграл Л.И. Мечников. Прежде всего он анализирует вопросы свободы человека, так как свобода, с его точки зрения, представляет главную характерную черту цивилизации. Свободу Л.И. Мечников выводит из соответствующих географических условий, которые, как он пишет, оказывают решающее воздействие на формирование различных видов деятельности людей, в частности на кооперацию. Там, где существует, по выражению русского ученого, «кооперативная солидарность», имеется больше возможностей для свободы и меньше для возникновения деспотических форм правления. Деспот, под которым Л.И. Мечников подразумевает и царя, и военачальника, и жреца — словом, любого, кто проявляет деспотические намерения в отношении другого, имеет место там, где ему нет отпора и люди, лишённые кооперативной солидарности, безропотно ему подчиняются.

Исследуя причины возникновения цивилизации, Л.И. Мечников главное внимание обращает на географическую среду, которая, по его глубокому убеждению, сыграла решающую роль в генезисе и формировании цивилизации. «В жарком поясе, — писал он, — несмотря на его роскошную флору и фауну, до сих пор также не возникло прочной

цивилизации, которая занимала бы почетную страницу в летописях человечества. Здесь причина этого кроется в самом факте, так сказать, излишнего развития органической жизни во всех ее формах, это изобилие жизни служит в ущерб развитию энергии и умственных способностей у населения; жители жаркого пояса, получая в изобилии и почти без всяких координированных усилий со своей стороны все необходимое для материального благоденствия, по этой самой причине лишены единственного стимула к труду, к изучению окружающего мира и к солидарной, коллективной деятельности»⁶¹. Труд, заключает Л.И. Мечников, не является в тропиках необходимым условием для зарождения прогресса и цивилизации. Поэтому лишь в условиях умеренного климата у людей имеется стимул к труду, поскольку природа не дает им ничего в готовом виде. Вот почему цивилизации возникли в умеренном поясе.

В данном случае мысли Л.И. Мечникова созвучны с мыслями К.Маркса, писавшего, что не области тропического климата, а умеренный пояс был родиной капитала, что не абсолютное плодородие почвы, а ее дифференцированность, разнообразие ее естественных продуктов составляет естественную основу общественного разделения труда. Вместе с тем Маркс подчеркивал, что естественные условия представляют лишь возможность получения прибавочного продукта, но не создают его сами по себе. На прибавочный продукт они влияют лишь как естественные границы, которые отодвигаются назад в той мере, в какой развивается промышленность. Таким образом, Маркс связывал естественные условия с материальным производством и выяснял их влияние через производство.

Великие реки Л.И. Мечников считал основным фактором, детерминировавшим зарождение и развитие цивилизации. «Четыре древнейшие великие культуры все зародились и развились на берегах великих рек. Хуанхэ и Янцзы орошают местность, где возникла и выросла китайская цивилизация; индийская, или ведийская, культура не выходила за пределы бассейнов Инда и Ганга; ассиро-вавилонская цивилизация зародилась на берегах Тигра и Евфрата — двух жизненных артерий Месопотамской долины; наконец, Древний Египет был, как это утверждал еще Геродот, «даром» или «созданием» Нила»⁶². Поскольку эти цивилизации возникли на берегах рек, русский ученый их называет речными цивилизациями.

⁶¹ Мечников Л. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995. С. 273.

⁶² Там же. С. 328—329.

Речные цивилизации, продолжает Л.И. Мечников, были изолированы друг от друга и поэтому сильно различались. По мере их распространения на побережья морей и тем более океанов они стали охватывать более широкий круг народов. Освоение океанов, по утверждению Л.И. Мечникова, приводит к возникновению океанской цивилизации, которая начинается с открытия Америки. Русский ученый считает, что демаркационной линией между средними веками и Новым временем является открытие Нового Света Колумбом. «Результатом этого открытия явилось быстрое падение средиземноморских наций и государств и соответственный быстрый рост стран, расположенных на побережье Атлантического океана, т. е. Португалии, Испании, Франции, Англии и Нидерландов. Народы этих стран не замедлили воспользоваться географическими выгодами своих стран, и центры цивилизации переместились с берегов Средиземного моря на берега Атлантического океана. Константинополь, Венеция и Генуя потеряли свое значение, и во главе культурного движения стали Лиссабон, Париж, Лондон и Амстердам»⁶³.

При сравнении Древнего Запада и Древнего Востока Л.И. Мечников делает вывод, что Запад превосходит Восток по всем параметрам, но это превосходство он тоже объясняет географическими преимуществами Запада. Инертность Индии, считает он, обусловливается ее неблагоприятным географическим положением. «Достигнув предела развития речного периода цивилизации, индусская нация, запертая в изолированной стране, примирилась со своей судьбой и безропотно покорились; индусский народ замер в бездействии, в бесстрастном покое и в созерцательном экстазе...»⁶⁴. В отличие от восточных стран западные государства вели очень активный образ жизни, постоянно искали новые территории и новые возможности усиления своего влияния. Л.И. Мечников делал ту же ошибку, что и другие исследователи, объявлявшие восточные народы инертной массой. Он рассматривал и политические формы правления, в частности деспотию. По его мнению, деспотизм тоже детерминируется географическими факторами. Деспотизм египетских фараонов, например, Л.И. Мечников выводил из климатических условий долины Нила.

Следует подчеркнуть, что сторонники географического детерминизма сыграли известную положительную роль. Во-первых, признавая определяющую роль географической среды в историческом процессе, они тем самым показали, что детерминанты общественно-

⁶³ Мечников Л. Цивилизации и великие исторические реки. М., 1995. С. 334—335.

⁶⁴ Там же. С. 423—424.

го развития следует искать на земле, а не на небе, как это делали и делают теологи. Во-вторых, многие их идеи очень актуальны в наше время, когда, как уже выше отмечалось, мир переживает глубокий экологический кризис и когда необходимо беречь природную среду, от которой в конечном счете зависит жизнь и дальнейшее существование человечества. Вместе с тем нельзя не отметить, что они не учитывали качественного своеобразия общества и все объясняли лишь географическими условиями.

§ 2. Идеалистический детерминизм

Другие мыслители при исследовании детерминанты общественного развития решающее значение придавали духовному фактору. Так, французские материалисты XVIII века объясняли все социальные процессы из идей, из принципа: «Мнения правят миром». Но этот принцип не мог дать цельного научного представления о социальных феноменах, потому что в действительной жизни оказывается, что мнений существует неограниченное количество, что каждый человек имеет свое собственное мнение. Правда, эти мыслители говорили, что речь идет не о мнениях и идеях всех людей, а только о мнениях критически мыслящих личностей, создающих идеальные модели общества и предлагающих их народу. Но ведь и критически мыслящих личностей тоже может оказаться огромное множество.

Основоположник позитивизма О.Конт прямо заявлял, что социальной детерминантой являются идеи: «Не читателям этой книги я считал бы нужным доказывать, что идеи управляют и переворачивают мир, или, другими словами, что весь социальный механизм действительно основывается на убеждениях»⁶⁵.

Гегель тоже исходил из духовного фактора, но он поставил этот вопрос несколько иначе. Он считал, что творцом истории является мировой разум. Понятие разума немецкий философ употребляет в разных смыслах. Во-первых, разум — это разум индивида; во-вторых, разум — это закономерное развитие истории; в-третьих, разум — это основа истории. «Разум, — пишет Гегель, — есть субстанция, а именно, то, благодаря чему и в чем вся действительность имеет свое бытие; разум есть бесконечная мощь... Разум есть бесконечное содержание, вся суть и истина...»⁶⁶.

Всю историю Гегель превращает в историю мысли, которую нужно излагать и исследовать. «Гегелевское понимание истории предпо-

⁶⁵ Конт О. Курс положительной философии. СПб., 1900. Т. 1. С. 21.

⁶⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. М., 1993. С. 64.

лагают существование *абстрактного*, или *абсолютного*, духа, который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь массу, являющуюся бессознательной или сознательной носительницей этого духа»⁶⁷. Правда, при анализе конкретной истории Гегель дает замечательное изложение фактологического материала. Но тем не менее для немецкого философа главной детерминантой общества выступает идея.

§ 3. Материалистический детерминизм

Маркс тоже искал детерминанты общественного развития, но к изучению истории он подошел с диаметрально противоположных, а именно с материалистических позиций. Он считал, что следует исходить не из идей, а из реальных жизненных предпосылок. «Предпосылки, с которых мы начинаем, — не произвольны, они — не догмы; это действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это — действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью. Таким образом, предпосылки эти можно установить чисто эмпирическим путем»⁶⁸. Люди в процессе совместной деятельности производят необходимые им жизненные средства, но тем самым они производят свою материальную жизнь, которая является фундаментом общества.

Сущность материалистического понимания истории Маркс в предисловии к работе «К критике политической экономии» выразил следующим образом: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁶⁹.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 93.

⁶⁸ Там же. С. 18.

⁶⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6—7.

Материалистическое понимание истории, открытое Марксом, требует не просто его констатации, в противном случае оно ничем бы не отличалось от спекулятивного, идеалистического объяснения общественных процессов, а изучения действительной жизни людей. Поэтому Маркс обращается к анализу практической деятельности людей, которые в первую очередь должны жить, а для этого им необходимы пища, жилище, одежда и т. д. Вот почему первым историческим актом следует считать производство самой материальной жизни. Материальное производство есть основное условие всякой истории, и оно должно выполняться непрерывно.

Итак, согласно Марксу, производство материальных благ необходимо для удовлетворения потребностей людей. Но удовлетворенные потребности ведут к новым потребностям, ибо новое производство порождает новые потребности. А удовлетворение новых потребностей требует нового производства предметов потребления. Такова диалектика производства и потребления. Так Маркс формулирует закон возрастания потребностей. Люди, производя ежедневно свою собственную жизнь, производят и других людей, т. е. начинают размножаться. В этой связи Маркс выделяет три стороны социальной действительности: производство жизненных средств, порождение новых потребностей и производство людей.

Материалистическое понимание истории можно резюмировать таким образом:

1. Данное понимание истории исходит из решающей, детерминирующей роли материального производства непосредственной жизни. Необходимо изучать реальный процесс производства и порожденную им форму общения, т. е. гражданское общество.

2. Оно показывает, как возникают различные формы общественного сознания — религия, философия, мораль, право и т. д. — и каким образом они детерминируются материальным производством.

3. Оно всегда остается на почве действительной истории, объясняет не практику из идей, а идейные образования из материальной жизни.

4. Оно считает, что каждая ступень развития общества застает определенный материальный результат, определенный уровень производительных сил, определенные производственные отношения. Новые поколения используют производительные силы, приобретенный предшествующим поколением капитал и таким образом одновременно создают новые ценности и изменяют производительные силы.

Открытие материалистического понимания истории означало научную революцию в социальной философии. Во-первых, Маркс открыл новый континент-поле: это экономическое поле, на котором соз-

даются материальные ценности, выступающие в роли фундамента всякой общественной жизни. Во-вторых, новый континент-поле нельзя было исследовать с помощью старых философских категорий и старого логического аппарата. Поэтому Маркс совершает не только концептуальный, но и эпистемологический разрыв с прежней социальной философией. Он разрабатывает новые категории социальной философии: общественное бытие, общественное сознание, базис и надстройка, способ производства, производственные отношения, общественно-экономическая формация, экономическая структура и др. Эти категории представляют собой инструменты научного познания, с помощью которых можно анализировать и изучать общество.

Материалистическое понимание истории еще при жизни его автора подвергалось различным интерпретациям, которыми сам Маркс был недоволен. В конце XIX века, когда марксизм занял одно из ведущих позиций в европейской философской теории, многие исследователи начали упрекать Маркса в том, что он якобы все многообразие истории и общественной жизни редуцировал к экономическому фактору и тем самым упростил весь исторический процесс, состоящий из самых разных феноменов, фактов и событий. И материалистическое понимание истории его противники окрестили экономическим материализмом.

Одним из первых критиков Маркса выступил профессор Лейпцигского университета П. Барт, с работами которого был знаком Энгельс. Барт пишет, что Маркс был воспитан на гегелевской философии и поэтому все, что не вытекало из единого принципа, он считал ненаучным. Сам Маркс в качестве такого принципа выбрал экономику, из которой выводит все остальные сферы общественной жизни. Он, продолжает Барт, лишает эти сферы самостоятельности и полностью подчиняет их экономическому фактору. На самом же деле право, идеология, политика и т. д. независимы от экономики и развиваются самостоятельно. Но «у Маркса же и у Энгельса ни слова не говорится о реакции идеологии на народное хозяйство, — реакции, которая сама собой очевидна и не может не обнаружиться, потому что деятельный работник на поприще народного хозяйства, человек, является вместе с тем носителем идей, а идеи направляют его поступки»⁷⁰.

На многие критические замечания противников материалистического понимания истории Энгельс ответил известными письмами 90-х годов прошлого века, в которых он разъяснял основные положе-

⁷⁰ Барт П. Философия истории как социология. СПб., 1902. С. 291.

ния материалистического понимания истории, подчеркивал, что существует взаимодействие всех моментов, «в котором экономическое движение как необходимое в конечном счете прокладывает себе дорогу сквозь бесконечное множество случайностей, т. е. вещей и событий, внутренняя связь которых настолько отдалена или настолько трудно доказуема, что мы можем пренебречь ею, что ее не существует»⁷¹. Энгельс это иллюстрирует на примере государства, философии, права и т. д. Так, он пишет, что влияние государственной власти на экономику может проявиться в трех формах. Во-первых, государство может действовать в том же направлении, в каком развивается экономика. Тогда развитие экономических структур идет быстрее. Во-вторых, оно может действовать против экономического развития. В-третьих, оно может ставить преграды экономике в определенных направлениях и толкать ее в других направлениях. Во втором и третьем случаях государство тормозит развитие экономики. Бывают и такие случаи, когда в войне государство-победитель уничтожает развитую экономику побежденного государства.

Несмотря на широкие разъяснения Энгельса о роли неэкономических факторов в историческом процессе, критики материалистического понимания истории тем не менее считают, что оно уязвимо, так как нельзя все объяснить экономическими условиями жизни людей. Эта критика продолжается до настоящего времени. Многие даже материалистическое понимание истории назвали позитивистской интерпретацией исторического процесса. Некоторые утверждают, что социальная философия Маркса носит такой же натуралистический характер, как естественнонаучные теории, в частности дарвиновская теория эволюции, ибо Маркс якобы отказался от общих философских рассуждений при анализе хода исторического развития. Материалистическое понимание истории будто бы больше не ограничивается сравнением и аналогией с существующими науками, но касается специфического объекта своего исследования — материального производства и связанных с ним общественных форм.

Спрашивается, правы ли критики Маркса в том, что в материалистическом понимании истории принижается роль неэкономических факторов? Чтобы ответить на этот вопрос, начнем с того, что формирование материалистического взгляда на общество проходило несколько этапов. Ведь Маркс вначале был идеалистом (это видно в его ранних статьях). Он постепенно начинает создавать свою гениальную теорию об общественном развитии. Первое такое всесторон-

⁷¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 394—395.

нее изложение дается в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.). Здесь можно встретить не совсем зрелые теоретические высказывания. Например, Маркс и Энгельс пишут: «Таким образом, мораль, религия, метафизика и прочие виды идеологии и соответствующие им формы сознания утрачивают видимость самостоятельности. У них нет истории, у них нет развития; люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также свое мышление и продукты своего мышления»⁷². Вполне понятно, что те, кто, скажем, исследовал роль религии в истории человеческого общества, не могли согласиться с такой точкой зрения.

Энгельс признавал, что они с Марксом «сами виноваты в том, что молодежь иногда придает большее значение экономической стороне, чем это следует. Нам приходилось, возражая нашим противникам, подчеркивать главный принцип, который они отвергали, и не всегда находилось время, место и возможность отдавать должное остальным моментам. Но как только дело доходило до анализа какого-либо исторического периода, т. е. до практического применения, дело менялось, и тут уже не могло быть никакой ошибки»⁷³. Иначе говоря, при разработке материалистического объяснения исторического процесса Маркс и Энгельс несколько абсолютизировали роль экономического фактора, как говорится, перегнули палку для того, чтобы убедить своих оппонентов в правильности своей концепции. Но в работах, посвященных конкретным историческим событиям и явлениям, все сложные процессы рассматривались в единстве. Достаточно почитать произведения Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции» и др., чтобы убедиться в том, какое огромное значение великий мыслитель придавал разным факторам общественного развития. Скажем, в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» Маркс дает блестящий анализ расстановки политических сил во Франции в 1848—1851 годах.

Энгельс писал, что противникам материалистического понимания истории не хватает знания диалектики. «Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, что в действительном мире такие метафизические полярные противоположности существуют только во время кризисов, что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое дви-

⁷² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 395.

жение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно»⁷⁴. К этим словам Энгельса можно добавить: им не хватает способности думать, анализировать, проникать в сущность общественных феноменов и процессов. Короче, им не хватает научного осмысления исторического процесса.

Но даже оппоненты материалистического понимания истории единодушны в том, что оно заняло важное место в социальной философии. Э.Бернгейм, например, пишет, что, «несмотря на явную односторонность экономического материализма, ему все же нельзя отказать в довольно значительной заслуге: в постоянном внимании к экономическим условиям и влияниям, к реальным интересам социальных групп, поскольку последние с беспристрастной точки зрения действительно играют роль в исторической жизни»⁷⁵. Также лестно отзывается о материалистическом понимании истории Н.И. Кареев: «Не будучи сторонником экономического материализма, я, однако, взглянул на него как на одну из историологических теорий, которая, вернее, — элементы которой должны вместе с разными другими идти в общий социологический синтез»⁷⁶. А Ж.П. Сартр прямо заявляет, что он безоговорочно согласен с тезисом Маркса, согласно которому способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще⁷⁷.

Открытое Марксом материалистическое понимание истории играет роль парадигмы исследования человечества. И эта парадигма нисколько не устарела, потому что континент-поле (экономическая структура общества) остается и будет оставаться, пока существует социум. Этот континент-поле меняется (меняются производственные отношения, производительные силы, разделение труда и т. д.), но функционально инвариантен. Поэтому любой исследователь, если он действительно хочет получить научные результаты, может использовать Марксову парадигму. И абсолютно неубедительны аргументы, выдвигаемые оппонентами Маркса против его понимания и объяснения исторического процесса. Кризис современного обществознания еще раз свидетельствует о том, что ни структурализм, ни постструктурализм, ни постмодернизм не могут выступать в роли парадигмы, потому что они абстрагируются от реальной действительности и носят спекулятивный характер.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 420—421.

⁷⁵ Бернгейм Э. Философия истории, ее история и задачи. М., 1909. С. 78—79.

⁷⁶ Кареев Н.И. Историология (теория исторического процесса). Пг., 1915. С. 10—11.

⁷⁷ Sartre J.P. Critique de la raison dialectique. Paris, 1960. P. 31.

§ 4. Теория факторов и технологический детерминизм

Не все философы являются сторонниками монистического подхода к объяснению хода общественного развития. Они отвергают как идеалистический монизм (детерминанта общества — духовный фактор), так и материалистический (детерминанта общества — материальный фактор, экономика), выдвигают плюралистический подход и считают, что нет односторонней детерминации общественного развития. Ни экономика, ни политика, ни философия, ни религия не играют какой-то решающей роли. Надо исходить из того, что все факторы равнозначны и одинаково влияют на общественное развитие. Эта позиция в социальной философии получила название теории факторов, яркими сторонниками которой были М.Вебер и Р.Арон.

М.Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма» доказывает детерминирующую роль протестантизма в формировании капиталистических общественных отношений в Германии. Опираясь на различные статистические данные, Вебер пишет, что среди владельцев капитала и предпринимателей преобладают протестанты.

За последнее время в связи с научно-технической революцией и автоматизацией производства многие философы обратили свои взоры на роль техники в обществе. Действительно, наука и техника начали вторгаться буквально во все сферы жизни. Происходит автоматизация производственных процессов, все большее применение получает электронно-вычислительная техника. Компьютеры в сотни раз облегчают труд ученых, машинисток, бухгалтеров и других работников общественного производства. Наука все больше превращается в непосредственную производительную силу. Наступает тот период, когда в результате сближения науки и производства всякое открытие становится основой нового изобретения или нового усовершенствования методов производства. Невиданных успехов добились в сфере космических исследований. Человечество вышло за пределы земного притяжения.

Не требует особых доказательств, что в XXI веке (впрочем, как и в XX веке) будут доминировать те государства, которые будут обладать научным капиталом. Поэтому нужны капиталовложения в научные исследования, и прежде всего в фундаментальные науки, совершающие прорыв в области научных открытий. Требуются финансовые инвестиции в образование, так как только образованное поколение может рационально использовать достижения науки и техники.

Как уже отмечалось, научно-техническая революция стала составной частью современного мира. Она вошла во все структуры общест-

венных отношений. Поэтому она не может не влиять на развитие социума, на мировоззрение людей и в целом на будущее человечества. Вот почему многие философы (и не только философы) исследуют ее с точки зрения той роли, которую она играет в современном обществе и в формировании новых социальных структур. В результате длительных размышлений они пришли к выводу, что ни духовные, ни экономические факторы в настоящее время не детерминируют общественное развитие. Такую детерминацию якобы осуществляет техника. Иначе говоря, все прежние детерминанты заменены технологическим детерминизмом.

Но, на мой взгляд, техника не может быть главной детерминантой общественного развития. Ее не следует рассматривать в отрыве от всей сложной, многоплановой и многогранной жизни. Нельзя ее анализировать в отрыве от общественных отношений и общественных потребностей. Техника сама по себе не функционирует и без людей, без их взаимодействия в процессе производства превращается в груду мертвых металлов. Она пронизывает все сферы общественной жизни, но нигде не выступает самостоятельно и, следовательно, не может претендовать на роль детерминанты исторического развития.

Сторонники технологического детерминизма нередко используют понятия «информационное общество» для доказательства детерминирующей роли информации и знаний в современном обществе. На самом деле без информации нет не только общества, но и живой природы. Информация же необходима в первую очередь для производства материальных ценностей. Первобытные люди должны были быть хорошо информированы о непосредственно окружающей их природной среде, иначе они просто-напросто не смогли бы выжить. Конечно, в современном обществе резко возросли информационные возможности, что создает иллюзию того, что не материальное производство, а информация выступает в роли детерминанты. Но жизненные реалии показывают, что те народы, которые имеют низкий уровень материального производства, вынуждены пользоваться информационными каналами развитых стран.

§ 5. Детерминанты и доминанты

Условно общество можно разбить на четыре большие сферы: экономическую, социальную, политическую и духовную.

Экономическая сфера — это сфера производства материальных благ.

Социальную сферу представляют этнические общности людей (род, племя, народ, нация и т. д.), различные классы — рабы, рабо-

владельцы, крестьяне, буржуазия, пролетариат и другие социальные группы.

Политическая сфера охватывает властные структуры (государство, политические партии, политические организации и движения и т. д.).

Духовная сфера включает в себя философские, религиозные, художественные, правовые, политические, этические и другие воззрения людей, а также их настроения, эмоции, представления об окружающем мире, традиции, обычаи и т. д.

Четыре большие сферы общественной жизни диалектически, а не механически контактируют между собой. Они не только взаимосвязаны, но и взаимообуславливают друг друга. Разве экономическая сфера существует без людей — носителей классовых, групповых и иных отношений? А разве не эти же люди являются носителями форм общественного сознания? Очевидно, на все эти вопросы следует дать утвердительный ответ. Но тогда возникает еще один вопрос: в таком случае зачем искать детерминирующий фактор? Этот фактор нужно искать, во-первых, потому, что общество не есть механический агрегат, который автоматически, без вмешательства людей изменяется и развивается как попало. Люди сами делают свою историю, и они вправе знать, какие сферы являются решающими в их жизнедеятельности. В истории бывали случаи, когда главное внимание обращали на политику (в форме войны) или на идеологию. И в конечном счете люди жестоко расплачивались за эти произвольные действия власть имущих. Во-вторых, детерминирующий фактор нужно искать и для того, чтобы раскрыть имманентную логику исторического процесса, законы его развития и функционирования. Нет естественных наук без раскрытия сущности природных явлений и процессов. Нет общественных наук, в том числе социальной философии, без раскрытия глубинных причин изменения и развития общественных отношений.

Общество есть структурированное целое. Это значит, что все его сферы и элементы как на макро-, так и на микроуровне диалектически и непрерывно взаимодействуют. Они структурно меняются, совершенствуются, развиваются. Иначе говоря, они (элементы) варианты, т. е. изменчивы. Духовные сферы, например, эпохи рабства и нашего времени претерпели такие количественные и качественные изменения, что об этом даже неудобно писать.

Но вместе с тем элементы духовной сферы общества инвариантны, т. е. постоянны в том смысле, что возложенные на них функции постоянны на протяжении всей мировой истории. Кстати, заметим в этой связи, что функции философии тоже в основном сохранились (прежде всего речь идет о мировоззренческих функциях), если ее не сводить к

упражнениям в области языка или текста, как это делают аналитические философы, постструктуралисты, постмодернисты и прочие ликвидаторы философии. Какие бы изменения ни претерпела политическая сфера, ее главной функцией остается властное регулирование отношений между обществом и государством, между государством и человеком, между различными классами, государствами и т. д. Как бы ни совершенствовалась экономика, как бы ни менялись производственные отношения и производительные силы, главной функцией экономики всегда было и будет производство материальных ценностей.

В структурированном целом разные сферы выполняют разные функции, которые различаются по значимости для субъектов истории, т. е. для людей. Чтобы общество функционировало как целостное социальное образование, необходимо прежде всего производство и воспроизводство непосредственной жизни. Иначе говоря, нужно постоянно и непрерывно производить материальные ценности, строить жилье, заводы, фабрики, производить пищу, одежду и т. д. Это естественный процесс исторического развития общества. Поэтому у Маркса были все основания утверждать, что способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Другими словами, экономический фактор всегда выступает в конечном счете как детерминанта, движущая сила исторического процесса.

Слова «в конечном счете» были впервые употреблены в письмах Энгельса 90-х годов прошлого столетия. На их теоретический смысл впервые обратил внимание современный французский философ Л.Альтюссер. Он считает, что в конечном счете есть «топика, т. е. пространственное расположение, определяющее для данных реальностей места в пространстве»⁷⁸. Этими реальностями являются четыре большие сферы общественной жизни. Топика представляет собой общество в виде здания, этажи которого опираются на его фундамент. Этажей может быть много, но фундамент один. Фундамент без этажей не есть здание, но и здание без фундамента не может висеть в воздухе. В конечном счете этажам нужна какая-то опора. Поэтому в «детерминации топики конечный счет есть действительно конечный счет. Это означает, что имеются и другие счета или инстанции, которые фигурируют в юридическо-политической и идеологической надстройке. Таким образом, упоминание, в конечном счете, в детерминации имеет двойную функцию. Оно отмежевывает Маркса от всякого механицизма и открывает в детерминации

⁷⁸ *Althusser L. Positions. Paris, 1976. P. 138.*

действие различных инстанций, действие реального различия, в которое вписывается диалектика. Следовательно, топика означает, что детерминация в конечном счете мыслится экономическим базисом только в дифференцированном и, следовательно, сложном и расчлененном целом, где детерминация в конечной инстанции фиксирует реальное различие других инстанций, их относительную самостоятельность и их собственный способ воздействия на сам базис»⁷⁹.

Детерминирующая роль экономического фактора вовсе не значит, что генетически экономическая сфера предшествует другим сферам общественной жизни. Разумеется, это было бы абсурдным утверждением. Все сферы находятся в единстве, и ни одна из них не предшествует другой. Экономика детерминирует весь исторический процесс в конечном счете, но на каждом этапе его развития другие сферы могут выступать в качестве доминанты, т. е. могут играть господствующую роль. Возьмем, например, политику. Она нередко играла доминирующую роль в тех или иных общественных процессах. Известно, что в романизации Европы решающую роль сыграли войны Юлия Цезаря. В современной России нередко политика выступает в роли доминанты всех общественных изменений. И не случайно многим кажется, что политика детерминирует все эти изменения. Политика играет роль доминанты, а не детерминанты. В качестве такой детерминанты выступает современная экономическая ситуация в России. Здесь нельзя не обратить внимания на то, что чем меньше развиты экономические структуры общества, тем выше значимость и роль неэкономических факторов. В эпоху феодализма, например, когда экономические отношения были слабо развиты, доминирующую роль играли религия и политика.

Кроме того, находясь в постоянном взаимодействии, все сферы общественной жизни влияют друг на друга и тем самым на все историческое развитие. Общественное сознание, государство, социальная сфера и другие неэкономические факторы обладают самостоятельностью, имеют собственные закономерности развития и логику. Так, развитие философии необязательно совпадает с экономическим базисом той или иной страны. В экономически отсталой стране весьма успешно может развиваться философия как специфическая область духовной жизни. В феодальной Германии возникла классическая немецкая философия, внесшая неоценимый вклад в мировую философскую культуру. В помещичьей России мы видим взлет философской мысли В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева и многих других.

⁷⁹ *Althusser L.* Positions. Paris, 1976. P. 139–140.

Если взять искусство, то наблюдается такая же картина. Было бы абсурдно утверждать, что прогрессивному экономическому базису непременно соответствует прогрессивное искусство и, наоборот, отсталый базис обязательно порождает несовершенные формы искусства. Искусство как духовный феномен сложно и многообразно, имеет свои законы развития и изменения, и его объяснение нельзя ограничивать одними ссылками на материальные условия жизни. «Относительно искусства, — писал Маркс, — известно, что определенные периоды его расцвета отнюдь не находятся в соответствии с общим развитием общества, а следовательно, также и с развитием материальной основы последнего»⁸⁰. Никакими материальными факторами нельзя объяснить феномен Пушкина, гениальное творчество Моцарта и Чайковского, Бальзака и Толстого.

Для исследования и изучения искусства следует обращаться не только к материальным основам общества, но и ко всем другим социальным явлениям и образованиям. Необходимо иметь в виду и то, что искусство представляет собой специфическую форму отражения действительности, и в процессе художественного освоения реального мира создаются духовные ценности, которые уникальны и имеют непреходящее значение. Они всегда современны и приносят огромное удовлетворение и эстетическое наслаждение многим поколениям. Картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Гогена, драматургия Шекспира, лирика Пушкина, проза Достоевского и Толстого всегда будут учить добру, любви к человеку, гуманизму, социальной справедливости. А это такие ценности, которые в любом обществе и при любом экономическом базисе будут играть важнейшую роль. В этой связи нельзя не заметить, что каждое поколение по-своему читает и осмысливает произведения искусства и литературы.

Велика роль искусства в жизни людей, в формировании их мировоззрения. Оно обогащает их духовно, помогает познать мир, правильно оценивать историческое прошлое и настоящее, лучше понять человека со всеми его помыслами и чувствами.

Таким образом, выражаясь фигурально, можно сказать, что общество — это многоэтажное здание с одним экономическим фундаментом. Этажи — неэкономические факторы. Они варианты, и тот или иной из них доминирует в конкретных исторических условиях. Фундамент — это детерминанта. Он имманентно вариантен, но для всего исторического процесса инвариантен. Доминанты и детерминанты находятся в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют.

⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. С. 736.

Глава V. Типология общества

§ 1. К истории типологии общества

Под типологией общества подразумевается выделение определенных конкретных социально-исторических организмов (типов), качественно отличающихся друг от друга. В основу такого деления разные мыслители кладут разные социальные, экономические, культурные, цивилизационные, религиозные и иные факторы.

Типология общества находилась в центре внимания многих мыслителей. Но мы ограничимся анализом воззрений Вико, Кондорсе, а также Гегеля, Маркса, Данилевского, Тойнби и др.

Итальянский мыслитель Вико создал теорию исторического круговорота. В довольно темных мифологических выражениях он излагает закономерности развития исторического процесса и приходит к выводу, что естественное право народов «проходит совершенно одинаково и с полным постоянством через три века, протекшие, как говорили египтяне, за все время мира до них, а именно: Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божественным управлением и что все решительно им приказывается ауспигиями или оракулами — самыми древними вещами языческой истории; Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических республиках на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев; наконец, — Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе; поэтому в этот век сначала процветали народные Республики, а под конец — монархии: обе эти формы правления являются человеческими правлениями...»⁸¹.

Каждая нация совершает поступательное движение от божественной эпохи до человеческой, а потом возвращается к своему первоначальному состоянию. «Вернулись некоторые виды Божьего суда, так называемые канонические очищения (*purgatio canonica*)... Вернулись Героические разбои... Вернулись Героические возмездия... И потому и войны позднейших варварских времен, как и времен первого варварства, были религиозными... Вернулось и Героическое рабство, которое существовало чрезвычайно долго даже среди самих христи-

⁸¹ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. 25—26.

анских наций»⁸². Но это не есть абсолютный возврат к первоначальному состоянию, ибо Вико прекрасно понимал, что такой возврат невозможен. После завершения круга снова начинается развитие по восходящей линии. Каждой эпохе или веку соответствуют свои нравы, обычаи, характеры, юридические законы и т. д. В Божественную эпоху, например, право каждого зависело от богов, в Героическую эпоху решающую роль играло право силы, т. е. был прав тот, кто оказывался физически сильнее. В Век Людей право базировалось на человеческом разуме.

Каждому веку соответствовали и свои формы правления. В эпоху Богов форма правления носила теократический характер, так как люди верили, что все приказы исходят от Богов. Это век оракулов и жрецов. В Век Героев правили аристократы, а в Век Людей правление имело демократическую направленность. Все граждане были уравнены законами и пользовались одинаковыми правами.

Каждому веку также соответствовал свой авторитет. В Божественную эпоху главным авторитетом был авторитет Бога, для которого не требовалось никакого обоснования. В Героическую эпоху в роли авторитетов выступали торжественные формулы законов, т. е. строгое их соблюдение. В эпоху Человеческую авторитет базировался на доверии к людям благоразумным, которые вели себя сообразно общепринятым нормам и принципам.

Вико подробно излагает проблемы понимания права, судебных органов, сословного деления общества и т. д. Иными словами, итальянский мыслитель дает широкую панораму истории человеческого общества, правда, у него речь в основном идет о европейской истории. Но тем не менее нельзя не отметить грандиозность и масштабность замысла Вико, его попытку представить общество в процессе своего естественного развития.

Французский мыслитель Кондорсе весь исторический процесс разбил на десять эпох и дал соответствующую характеристику каждой из них. Первую эпоху он рассматривает как эпоху первобытного состояния людей, когда они были соединены в племена, которые, по его мысли, образовались из слияния нескольких семейств. Во вторую эпоху совершается переход от пастушеского состояния к земледелию, что следует считать, по утверждению Кондорсе, прогрессивным шагом в истории человечества, ибо земледелие представляет собой более спокойный труд, дававший людям возможность делать жизнь

⁸² Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940. С. 441.

более предсказуемой, кроме того, «некоторый прогресс совершается в области ремесел; люди приобретают некоторые познания в искусстве кормления домашних животных, научаются содействовать их размножению и даже усовершенствовать породу»⁸³. Появляется больше предметов для удовлетворения потребностей людей, совершенствуются орудия производства, увеличивается их количество, отношения в семье, возникнув для удовлетворения потребности детей в родительском уходе, видоизменяются, «способствуют развитию чувства солидарности между супругами»⁸⁴.

При характеристике третьей эпохи французский мыслитель особое внимание обращает на разделение труда, способствовавшее поступательному движению общества по восходящей линии, так как человек-производитель достигает большего совершенства, когда происходит определенная специализация или разделение труда. Одни обрабатывают землю, другие изготавливают сельскохозяйственные орудия, третьи занимаются скотоводством, четвертые — домашним хозяйством и т. д. Разделение труда приводит к образованию классов собственников, рабов и прислуги. Появляются государственные формы устройства общества, быстро развиваются медицина, астрономия и другие науки.

Четвертую и пятую эпохи Кондорсе связывает с Древней Грецией и Древним Римом, он подчеркивает, что греческая культура возникла не на пустом месте, что Греция многое позаимствовала у восточных народов: их ремесла, часть их знаний, азбуку и религиозную систему. Таким образом, Кондорсе в отличие от многих современных ему философов указывал на единство мировой истории, на взаимосвязь и взаимовлияние народов разных стран. Прекрасно зная греческую философию, искусство, в целом духовную жизнь Эллады, он излагает успехи, которых достигла античная Греция в философии, искусстве, семейных отношениях и т. д. Он сравнивает законодательства античности и восточных народов и приходит к выводу, что греческие законы гарантировали свободу членам общества, тогда как законы восточных стран порабощали граждан.

Шестая и седьмая эпохи охватывают средневековье, которое французский просветитель характеризует как период упадка. Человеческий разум, поднявшись на вершину прогресса, стал быстро спускаться с этой вершины. Всюду царили невежество и дикость, всюду

⁸³ Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 24.

⁸⁴ Там же. С. 18.

господствовали, как выражается Кондорсе, теологические бредни и суеверные обманы. Победа варваров над римлянами, господство христианской религии привели к тому, что философия, искусство, науки перестали развиваться и творчески совершенствоваться.

Кондорсе пишет, что в конце средневековья происходит постепенное развитие наук благодаря тому, что человеческий разум приобретает новую энергию. Лучшие умы объявили войну религиозной нетерпимости и невежеству. И в конце концов разум снова восторжествовал. Наступает восьмая эпоха — эпоха книгопечатания и расцвета наук (собственно говоря, Кондорсе имеет в виду эпоху Возрождения). Совершенствуется алгебра, изобретение логарифмов упрощает математические операции. Галилей открыл закон падения тел, Коперник совершил великий переворот в астрономии.

Девятая эпоха, по мнению Кондорсе, начинается с философии Декарта и завершается образованием Французской Республики. Прогресс философии привел к тому, что была выдвинута идея равенства. Декарт, Локк, Лейбниц, Вольтер, другие мыслители внесли выдающийся вклад в науку, философию, искусство и т. д. Рассматривая французскую революцию, Кондорсе отмечает, что философия была ее идеологией, что вожди ее вдохновлялись идеями Вольтера, Руссо и других французских просветителей. В последней, десятой эпохе, т. е. в буржуазном способе производства, Кондорсе видит будущее человеческого общества. Улучшение его состояния он усматривает в уничтожении неравенства между людьми, в совершенствовании человека. Он твердо уверен в том, что все народы мира пойдут по пути социального прогресса, что более отсталые народы будут брать плоды цивилизации других народов в готовом виде и потому их развитие облегчено.

В основу деления истории на определенные эпохи, или типы, Кондорсе положил прогресс человеческого разума, который он понимал довольно широко, так как в сущности охватывал все сферы общественной жизни.

Гегель ищет иные основы деления истории. Главное внимание он обращает на абсолютную идею, дух. Всемирную историю он считает проявлением духа во времени. Но все это он связывает с географической средой, хотя «связь духа народа с природой есть нечто внешнее, но, поскольку мы должны рассматривать ее как ту почву, на которой совершается развитие духа, она, по существу, и оказывается необходимой основой»⁸⁵. Гегель предупреждает, что не следует ни преувеличивать, ни преуменьшать значение природы, что есте-

⁸⁵ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 126.

ственной местностью можно интересоваться лишь в том смысле, что она находится в тесной связи с характером и типом народа. Гегель создает географическую картину мира, его деление на Старый и Новый Свет, затем характеризует каждый континент с точки зрения климатических условий. «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть безусловно конец всемирной истории, а Азия ее начало»⁸⁶.

В соответствии с географией Гегель историю делит на Восточный мир, куда входят Китай, Индия, Персия, Сирия, Египет и т. д., на Греческий, Римский и Германский.

Восточный мир, пишет Гегель, есть детский возраст истории. Здесь царствует деспотизм и свободным чувствует себя только деспот. Люди вращаются вокруг одного центра, т. е. властителя, который стоит во главе государства как патриарх. Он требует от всех граждан соблюдать существующие предписания. Патриарх является субстанцией, которой все принадлежит.

В Восточном мире, по мысли Гегеля, наблюдается противоречивая историческая картина, имеющая пространственный и временной характер. С одной стороны, можно видеть государство, занимающее огромное пространство и подчиняющее себе людей предписаниями, наказанием, увещанием и т. д. и поддерживающее устойчивый порядок. Но, с другой стороны, этой пространственной прочности и противостоит форма времени, т. е., не изменяясь пространственно, государства подвергаются бесконечным изменениям по отношению друг к другу. Они воюют между собой, что приводит их к скорой гибели. Но Гегель считает, что эта история не есть действительная история, так как в ней нового ничего нет, а есть повторение одних и тех же процессов.

Греческий мир — это второй главный принцип всемирной истории и вместе с тем это период юности, когда формируются индивидуальности. «...Здесь происходит сочетание нравственной и субъективной воли или существует царство прекрасной свободы, так как идея сочетается с пластичной формой: она еще не существует абстрактно для себя, с одной стороны, но непосредственно сочетается с действительным, подобно тому как в прекрасном художественном произведении чувственное носит отпечаток духовного и является его выражением»⁸⁷.

Немецкий философ не жалеет красок для изображения Греческого мира. Здесь, по его словам, царствуют действительная свобода индивида, истинная гармония, мир и согласие. Индивидуальная воля

⁸⁶ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 147.

⁸⁷ Там же. С. 150.

субъекта придерживается обычаев, привычек, общепринятых норм и законов.

На Востоке существуют две крайности: с одной стороны, субстанциональное начало (властитель), а с другой — индивидуальность. В Греческом мире они соединены, хотя полны противоречий.

Римский мир — третий принцип. Это возраст возмужалости истории. Он «характеризуется не подчинением произволу господина и не собственным прекрасным произволом, но служит общей цели, причем индивидуум исчезает и достигает своей личной цели лишь в общей цели»⁸⁸. Он приносится в жертву во имя достижения общей цели. Этим римское государство отличается от афинского, в котором царствовали индивиды. В Риме они порабощены, но тем не менее они становятся юридическими личностями как частные лица, и в этом смысле они чувствуют себя не просто индивидами, а личностями. В Риме господствует абстрактная свобода, ставящая государство и политику выше любой индивидуальности, но вместе с тем создается свободная личность, отличающаяся от индивидуальности.

В Греции, пишет Гегель, в политической жизни преобладали демократия, на Востоке — деспотизм, в Римском мире — аристократия. В Греции внутри демократических структур идет борьба, раздоры, споры и т. д. В Риме же борьба шла из-за принципов: аристократия боролась с царями, плебеи — с аристократией, пока демократия не достигла господствующего положения.

Германский мир — четвертый период всемирной истории. «Германский дух есть дух нового мира, цель которого заключается в осуществлении абсолютной истины как бесконечного самоопределения свободы, той свободы, содержанием которой является сама ее абсолютная форма»⁸⁹. Германский народ, по убеждению его представителя, призван хранить христианские принципы духовной свободы и примирения. Дух в Германском мире достигает полного расцвета и зрелости. Венцом и вершиной развития всемирной истории представляется прусская монархия.

§ 2. Формационная типология

Маркс, как и его предшественники, осмысливая исторический процесс, решил разбить его на определенные периоды, но в основу деления он положил материальный фактор — способ производства материальной жизни. Он ввел новую категорию в социальную фило-

⁸⁸ Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 150.

⁸⁹ Там же. С. 361.

софию для обозначения различных этапов в развитии человечества. Речь идет о категории общественно-экономической формации. Правда, Маркс не сразу нашел это понятие. В «Немецкой идеологии», написанной в 1845—1846 годы, употребляется термин «форма собственности», а появление различных форм собственности связывается с разделением труда.

Первой формой собственности является племенная собственность, которая соответствует неразвитой стадии производства, когда люди жили охотой и рыболовством, скотоводством или земледелием.

Вторая форма — античная общинная и государственная собственность. Наряду с общинной собственностью развивается частная собственность, появляется рабство, уже встречается противоположность между городом и деревней, внутри самих городов тоже имеется противоположность между рабами и гражданами. Эта форма собственности присуща рабовладельческому обществу.

Третьей формой собственности является феодальная собственность. Для античности исходным пунктом служит город, для средневековья — деревня. Почему так произошло? Отвечая на этот вопрос, Маркс и Энгельс пишут, что «эта перемена исходного пункта была обусловлена редкостью и рассеянностью по обширной площади первоначального населения, которое приток завоевателей не увеличивал сколько-нибудь значительно. Поэтому, в противоположность Греции и Риму, феодальное развитие начинается на гораздо более широкой территории, подготовленной римскими завоеваниями и связанным с ними вначале распространением земледелия»⁹⁰.

Понятие формации («образование») Маркс взял из геологии. Впервые оно появилось в его работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта». В классическом виде эта категория была использована Марксом в предисловии к «Критике политической экономии», написанной в 1859 году. В этой работе Маркс писал: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества... В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации»⁹¹.

⁹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 22.

⁹¹ Там же. Соч. Т. 13. С. 7.

Категория общественно-экономической формации — это категория социальной философии, а специфика философских категорий состоит в том, что, будучи абстракциями самого высокого уровня, они отражают наиболее общие, сущностные черты объективной действительности. Формация имеет дело с общей логикой развития человеческого общества, абстрагируясь от частных явлений и случайностей. Ее философское понимание нельзя путать с интерпретацией в исторической науке. Такая путаница часто приводит к недоразумениям, когда историки берут понятие формации в чистом виде и накладывают его на реальный исторический процесс и когда не находят полного тождества формации и действительности, то первая объявляется фикцией. Конечно, реальный процесс неизмеримо богаче и содержательнее, чем любая философская категория. Феодализм, по выражению Энгельса, никогда не соответствовал своему понятию. То же самое можно сказать и о капитализме, и о рабстве и т. д. К этому следует добавить, что чистых формаций вообще не существует. В каждой формации есть элементы предыдущей формации, а то и формаций. Буржуазная общественно-экономическая, например, в разных регионах и в разных странах проявляется по-разному. В Европе она выглядит иначе, чем в Азии, а в Азии иначе, чем в Латинской Америке, и т. д.

Конечно, отсюда не следует, что категория формации — идеальная конструкция и не отражает реальной действительности. Она адекватно отражает эту действительность, но адекватность следует понимать как отражение сущности, а не явления. Исторический процесс — совокупность самых разных фактов, явлений и событий. Одни из них являются более важными для субъектов истории, другие — менее важными, одни непосредственно связаны с логикой истории, другие нет. Формация имеет дело с логикой истории, показывает ее единство и многообразие.

Общественно-экономическая формация включает в себя все явления, которые имеются в обществе (материальные, духовные, политические, социальные, семейно-бытовые и т. д.). Стержнем формации является способ производства материальной жизни в единстве производительных сил и производственных отношений. А основой производственных отношений является форма собственности на средства производства. Общественно-экономическая формация — это исторически конкретное общество на данном этапе его развития. Каждая формация — это особый социальный организм, развивающийся на базе своих имманентных законов. Вместе с тем общественно-экономическая формация — это определенная ступень в развитии исторического процесса по восходящей линии.

Маркс разбил всю историю на пять формаций: первобытнообщинную, рабовладельческую, феодальную, буржуазную и коммунистическую. Правда, у Маркса есть еще и другое деление истории: первичная формация (первобытное общество), вторичная формация (рабство, феодализм, капитализм) и третичная формация (коммунизм). Причем, согласно Марксу, каждая последующая формация является более прогрессивной по сравнению с предыдущей. Маркс подчеркивал, что он смотрит на развитие общественно-экономической формации как на естественноисторический процесс. Поэтому общество «не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов»⁹².

Нередко критики Марксовой теории общественно-экономической формации обвиняют Маркса в том, что он якобы весь сложный исторический процесс представил в виде железной дороги, станции которой являются общественно-экономическими формациями. Все страны якобы должны обязательно останавливаться на каждой станции. На самом деле ничего подобного Маркс никогда не утверждал. Страна более развитая показывает менее развитой ее собственное будущее, но это вовсе не значит, что менее развитая страна обязательно должна пройти все пути более развитой. В этой связи нельзя не вспомнить обращение русской революционерки В.Засулич к Марксу по поводу русской общины и будущего развития России. Прежде чем ответить В.Засулич, Маркс подготовил четыре наброска, которые по содержанию мало отличаются друг от друга. Чтобы полнее представить точку зрения Маркса, приведу длинную цитату из первого наброска: «Обращаясь к далекому прошлому, мы встречаем в Западной Европе повсюду общинную собственность более или менее архаического типа; вместе с прогрессом общества она повсюду исчезла. Почему же избегнет она этой участи в одной только России?

Отвечаю: потому, что в России, благодаря исключительному течению обстоятельств, сельская община, еще существующая в национальном масштабе, может постепенно освободиться от своих первобытных черт и развиваться непосредственно как элемент коллективного производства в национальном масштабе. Именно благодаря тому, что она является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. Россия живет не изо-

⁹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 10.

лированно от современного мира; вместе с тем она не является, подобно Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя.

Если бы русские поклонники капиталистической системы стали отрицать теоретическую возможность подобной эволюции, я спросил бы их: разве для того, чтобы у себя ввести машины, пароходы, железные дороги и т. п., Россия должна была подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства? Пусть заодно они объяснят мне, как это им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, кредитные общества и т. п.), выработка которого потребовала на Западе целых веков?»⁹³.

Отсюда видно, что Маркс как диалектик прекрасно понимал сложный и трудный характер развития исторического процесса. И он вовсе не считал, что каждая страна в обязательном порядке должна пройти все формации. Для Маркса важно то (и это подтверждается ходом развития мировой истории), что все человечество проходит эти формации.

Маркс употребил еще понятие азиатского способа производства (АСП). В марксоведческой литературе данное понятие вызвало острые дискуссии начиная с 20-х годов, которые, в сущности, ни к чему не привели. Понятие АСП обозначало такой общественно-экономический строй, в котором отсутствует частная собственность на средства производства, прежде всего на землю, нет класса эксплуататоров, есть общины, владеющие землей, но эксплуатируемые государством. Власть имеет деспотический характер. Монарх сосредоточивает в своих руках все рычаги власти — экономические, политические, юридические и т. д. Причины возникновения на Востоке АСП — суровые климатические условия, необходимость ирригационных работ, которые под силу только государству.

Одни участники дискуссии утверждали, что АСП имел место только на Востоке, что его история отличается от истории Запада, в частности, с их точки зрения, на Востоке не было рабства, а феодализм не заменил рабовладельческую общественно-экономическую формацию. Другие же отвергали АСП, утверждая, что Запад и Восток имеют общий путь развития, что рабство было везде и что оно всюду было заменено феодальным способом производства.

Историк Б.Ф. Поршнев, тоже противник АСП, пошел оригинальным путем. Он заявил, что во времена Маркса в исторической науке вместо понятия «первобытный» употреблялось понятие «азиатский». «...Эпитет «азиатский» под впечатлением открытия санскрита и при-

⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 401.

знания Азии, особенно Индии, прародиной человечества, употреблялся в тогдашней научной литературе в значении «первоначальный», «архаический». Описание индийской общины, вернее, ее обломков, Маркс считал важным свидетельством в пользу вывода, что в самом начале человеческой истории находился бесклассовый общинный строй. Позже, когда развитие науки подтвердило эту мысль не только азиатскими, но и европейскими и американскими данными, Маркс уже не пользовался выражением „азиатский способ производства“...»⁹⁴.

Вопрос об отсутствии или наличии АСП в истории Востока нельзя решить в рамках социальной философии. Это задача конкретных, прежде всего исторических, наук.

С точки зрения социальной философии совершенно неважно, существовал АСП или нет, не важно также, сколько было формаций — пять, шесть, десять или двадцать, — но важно, что во всей мировой истории имеют место определенные ступени, стадии, формации, свидетельствующие о том, что исторический процесс не стоит на месте и что каждая его ступень, стадия или формация качественно отличается от предыдущей.

§ 3. Цивилизационная типология

В социальной философии деление исторического процесса на определенные этапы совершается и по другим основаниям. В этой связи следует упомянуть прежде всего концепцию русского мыслителя XIX века Н.Я. Данилевского, изложенную им в работе «Россия и Европа». Вначале Н.Я. Данилевский критикует европоцентристские воззрения, согласно которым Запад (Европа) олицетворяет прогресс, а Восток — застой. Он справедливо считает, что восточные страны внесли колоссальный вклад в мировую цивилизацию. Книгопечатание, порох, компас были изобретены в Китае и оттуда были занесены в Европу. Восток нисколько не уступает Западу в создании культурных ценностей.

Выражая свое несогласие с делением мировой истории на древнюю, среднюю и новую, Н.Я. Данилевский выдвинул свою концепцию периодизации истории, в основу которой он кладет степень развития цивилизации. «...Естественная система истории, — пишет русский мыслитель, — должна заключаться в различении культурно-исторических типов развития как главного основания ее делений от

⁹⁴ Поршнев Б.Ф. Роль социальных революций в смене формаций // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М., 1975. С. 25.

степеней развития, по которым только эти типы (а не совокупность исторических явлений) могут подразделяться»⁹⁵. Автор перечисляет следующие культурно-исторические типы, или самобытные цивилизации: «1) египетский, 2) китайский, 3) ассирийско-вавилонно-финикийский, или древнесемитический, 4) индийский, 5) иранский, 6) еврейский, 7) греческий, 8) римский, 9) ново-семитический, или арабийский, и 10) германо-романский, или европейский»⁹⁶.

Н.Я. Данилевский выделил некоторые общие законы движения и развития культурно-исторических типов: 1) народы, говорящие на одном или близких языках, составляют один культурно-исторический тип; 2) для возникновения и развития цивилизации или культурно-исторического типа необходима определенная политическая независимость; 3) «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»⁹⁷; 4) успехи цивилизации зависят от разнообразия элементов культурно-исторических типов; 5) формирование цивилизаций длится долго, а период их расцвета краток. Русский мыслитель утверждает, что цивилизации, или культурно-исторические типы, развиваются замкнуто и изолированно, но отсюда не следует, что они не влияют друг на друга. «Вся история доказывает, что цивилизация не передается от одного культурно-исторического типа другому; но из этого не следует, чтобы они оставались без всякого воздействия друг на друга, только это воздействие не есть передача...»⁹⁸.

Концепция Н.Я. Данилевского оригинальна, но, к сожалению, она незаслуженно была забыта. Многие идеи русского мыслителя были воспроизведены А. Тойнби, который об этом, может быть, и не подозревал, если, конечно, не читал книгу своего предшественника. Выделив в качестве основного критерия религию, он насчитал пять крупных живых цивилизаций и две реликтовые. Живые: «1) православно-христианское, или византийское, общество, расположенное в Юго-Восточной Европе и России; 2) исламское общество, сосредоточенное в аридной зоне, проходящей по диагонали через Северную Африку и Средний Восток от Атлантического океана до Великой Китайской стены; 3) индуистское общество в тропической субконтин-

⁹⁵ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 87.

⁹⁶ Там же. С. 88.

⁹⁷ Там же. С. 91.

⁹⁸ Там же. С. 98.

ментальной Индии к юго-востоку от аридной зоны»⁹⁹; 4) дальневосточное общество в субтропическом и умеренном районах между аридной зоной и Тихим океаном; 5) западное христианское общество (страны Западной Европы, Америки, Австралии, где распространены католицизм и протестантизм. Менее крупных цивилизаций Тойнби насчитал двадцать одну. К реликтовым цивилизациям английский исследователь относит, во-первых, группу стран, включающую монофизитских христиан Армении, Месопотамии, Абиссинии и Египта; во-вторых, группу ламаистских буддистов махаямы в Тибете и Монголии, буддистов хинаяны на Цейлоне, в Бирме и Таиланде.

По утверждению Тойнби, каждая цивилизация в своем развитии проходит четыре стадии: 1) генезис; 2) рост; 3) надлом; 4) распад.

Генезис цивилизации. Анализируя различные концепции цивилизации, Тойнби отмечает, что цивилизации не могли возникнуть ни вследствие разделения труда, ибо оно имело место и в примитивных обществах; ни из-за расовых различий, так как цивилизации могут возникнуть и в результате взаимодействия различных рас; ни вследствие географических и климатических условий, так как можно найти на земле сходные естественные факторы, которые все же не привели к появлению цивилизации. Поэтому «причина генезиса цивилизации кроется не в единственном факторе, а в комбинации нескольких; это не единая сущность, а отношение»¹⁰⁰.

Цивилизация, продолжает английский историк, возникает из примитивных (первобытных) обществ в результате вызова, порождаемого исключительными обстоятельствами разного характера и успешного ответа на этот вызов. Вызовы могут быть как природными, так и человеческими. «Первые вызовы, которые можно зафиксировать в человеческой истории, были сделаны дельтами рек Нила, Иордана, Тигра и Евфрата, Инда с его некогда существовавшим параллельным руслом. Реки эти пересекают маловодные степи, такие как засушливая Афразийская степь. В нильской долине ответом стал генезис египетской цивилизации, в долине Тигра и Евфрата — шумерской, в долине Инда и его бывшего притока — так называемой индской культуры...»¹⁰¹. Процесс иссушения рек был вызовом природы, а ответом стало возникновение цивилизации. Когда бывшие пастбища нильской долины превратились в пустыни, то первопродолцы двинулись в эти безжизненные места и своим героическим

⁹⁹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 33.

¹⁰⁰ Там же. С. 107.

¹⁰¹ Там же. С. 113.

трудом превратили их в благодатные земли. Природа была покорена и возникла египетская цивилизация. Аналогичным образом возникли и другие цивилизации. Те племена, которые не смогли ответить на вызов и не сумели изменить свой образ жизни, погибли.

Рост цивилизации. Не все цивилизации выдержали испытание временем. Многие из них не смогли развиваться и в конце концов погибли. Тойнби такие цивилизации называет задержанными цивилизациями, к которым он относит цивилизации эскимосов, полинезийцев и других народов. Цивилизации «развиваются благодаря порыву, который влечет их от вызова через ответ к дальнейшему вызову; от дифференциации через интеграцию и снова к дифференциации»¹⁰². Рост проявляется как через кумулятивное овладение внешним миром (географическая экспансия, например), так и через внутреннюю кумулятивную самодетерминацию и самоорганизацию цивилизации. Те цивилизации, которые быстро распространяют свое влияние на окружающую социальную и природную среды, устанавливают разумные законы и нормы функционирования общества, успешно развиваются. Те же, которые этого не смогли добиться, с течением времени погибают.

Тойнби критерий роста цивилизации ищет в прогрессивном процессе самоопределения общества, члены которого должны находиться в гармоническом состоянии и должны быть включены в процесс преобразований. Тойнби понимает, что всеобщий прорыв — дело чрезвычайно сложное и, может быть, невыполнимое, так как интеллектуальный уровень масс повышается очень медленно. Поэтому главную роль в росте цивилизации английский историк отводит творческому меньшинству. «Сам факт, что рост цивилизаций — дело рук творческих личностей или творческих меньшинств, предполагает, что нетворческое большинство будет находиться позади, пока первооткрыватели не подтянут арьергарды до своего собственного уровня»¹⁰³. Растущие цивилизации, находящиеся в динамическом состоянии, отличаются от статических примитивных обществ тем, что в первых благодаря творческому меньшинству наблюдается поступательное движение.

В росте цивилизации, по мнению Тойнби, большую роль играет не только творческое меньшинство, но и великие личности. Они подтягивают нетворческое большинство (толпу, по выражению Тойнби) до творческого меньшинства. Это «решается благодаря свобод-

¹⁰² Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 214.

¹⁰³ Там же. С. 259.

ному мимесису — возвышенному свойству человеческой природы, которое скорее есть результат коллективного опыта, нежели вдохновения»¹⁰⁴. Мимесис присущ человеку от природы, но его надо активизировать так, чтобы нетворческое большинство всегда подражало творческому меньшинству.

Надлом цивилизации. Тойнби считает, что причины надлома цивилизаций не следует искать за их пределами, они находятся внутри самих цивилизаций. Один из признаков роста цивилизации — самодетерминация. Но со временем внутри цивилизации появляются трещины. Творческие личности постоянно заняты тем, чтобы вести за собой нетворческую массу, постоянно призывают ее к подвигам и к непрерывному совершенствованию. «Однако нетворческая часть общества всегда и везде численно превосходит творческое меньшинство и в косной массе своей является тормозом, ибо не в состоянии преобразиться полностью и одновременно»¹⁰⁵. Она перестает подражать творческому меньшинству, и последнее начинает терпеть неудачу в продвижении по пути прогресса, в результате чего цивилизация начинает терять самодетерминацию.

Распад цивилизации. В процессе надлома цивилизации творческое меньшинство превращается в господствующее меньшинство, которое, не желая уступить власть, начинает прибегать к силе, что вызывает еще большее отчуждение между правящим меньшинством (оно же творческое меньшинство) и неправящим большинством, т. е. нетворческим большинством. Общество раскалывается на три группы: доминирующее меньшинство, внутренний и внешний пролетариат.

Внутренний пролетариат состоит из людей, которые являются членами данного общества. Скажем, внутренний пролетариат античной Греции состоял из обездоленных элементов самого эллинского общества, из представителей чужих и примитивных обществ, насильственно включенных в эллинский социум, а также из рабов. Что касается внешнего пролетариата, то он, как и внутренний пролетариат, «образуется отделением от правящего меньшинства цивилизации, когда та надломилась и находится в процессе распада»¹⁰⁶. Он отчужден от правящего меньшинства и размежеван территориально. Он возникает также в результате влияния цивилизации на другие общества, когда они находятся в состоянии расцвета и вызывают чувство восхищения у соседей. Творческое меньшинство, которому подража-

¹⁰⁴ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 260.

¹⁰⁵ Там же. С. 302.

¹⁰⁶ Там же. С. 355.

ет нетворческое большинство своего государства, привлекает также внимание первобытных людей, которые во времена распада цивилизации оказываются в рядах внешнего пролетариата.

Правящее меньшинство контролирует действия внутреннего пролетариата, поскольку он находится в сфере досягаемости его деятельности, тогда как внешний пролетариат ввиду его территориальной недосыгаемости не контролируется руководством. Раскол цивилизации приводит к тому, что правящее меньшинство создает универсальное государство, внутренний пролетариат — вселенскую церковь, а внешний пролетариат формирует военные отряды. Пока существует согласие между этими тремя группами, происходит рост цивилизации. Но, как только между ними возникают конфликты, она начинает погибать. Причем ее распад носит универсальный характер, т. е. все сферы жизни переживают глубокий упадок, что в конечном итоге приводит к полному исчезновению цивилизации.

Вслед за Данилевским Тойнби считает, что цивилизации существовали замкнуто, изолированно, локально, хотя не исключает их сходства. Концепцию единства цивилизации он объявляет ложной, причины появления которой видит в том, что западная цивилизация распространила свою экономическую и политическую систему на весь мир, из чего многие сделали вывод об унификации исторического развития. С этим выводом английский историк категорически не согласен. «Тезис об унификации мира на базе западной экономической системы как закономерном итоге единого и непрерывного процесса развития человеческой истории приводит к грубейшим искажениям фактов и к поразительному сужению исторического кругозора»¹⁰⁷. Тойнби пишет, что мир многообразен и нельзя его унифицировать. С этим, последним, доводом крупного мыслителя нельзя не согласиться. Действительно, мир очень многообразен, и было бы абсурдно рисовать его одной краской. Но из многообразия не следует изолированность и локальность цивилизаций и обществ. Иными словами, мир и многообразен, и един. Тойнби собрал огромный исторический материал, посвященный вопросам цивилизации. Это, конечно, следует оценить положительно. Есть определенные позитивные моменты и в предложенной Тойнби концепции. Но в целом она страдает схематизмом и поэтому неадекватно отражает исторические реалии. И не случайно эту концепцию многие специалисты подвергали критике (П.Сорокин, Р.Арон, А.Мару и др.).

¹⁰⁷ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 81.

Теперь мы попытаемся дать общую характеристику цивилизации. Начнем свой анализ с этимологического значения понятия «цивилизация». Этот термин (от латинского слова *civilis* — гражданский, государственный, общественный) впервые появился во французской литературе в XVIII веке. Многие исследователи считают, что его ввел в научный оборот Мирабо в 1756 году. Другие оспаривают авторство Мирабо, но в данном случае это не имеет никакого значения¹⁰⁸. Под этим термином французские просветители подразумевали общество, основанное на началах разума и справедливости. С тех пор цивилизация стала объектом анализа многих общественных наук. Так, история, этнография (этнология), лингвистика, археология и другие дисциплины исследуют ее под своим углом зрения, рассматривают те или иные аспекты, выясняют ее наличие в различных странах и регионах земного шара. Но частные науки не ставят перед собой задач искать такие существенные черты, которые лежат в основе всех цивилизаций. Это задача социальной философии.

Генезис цивилизации по времени совпадает с формированием классового, рабовладельческого общества, с переходом от собирательского хозяйства к производящему, с возникновением классов и государства. Цивилизация не могла родиться на базе родового строя, когда человек полностью был связан с родом или племенем и не выделял себя из него, когда родоплеменные отношения были для него священны и неприкосновенны и когда он не мог (и не представлял, как это сделать) выйти за их пределы. Люди первобытного общества занимались в основном собирательным хозяйством, и их отношения основывались на кровнородственных связях, собственно социальные связи же носили очень ограниченный характер.

Переход к рабовладельческому строю означал не только рост производительных сил, но и разрыв кровнородственных связей и начало действительных социальных связей. Таким образом, под цивилизацией следует подразумевать такую стадию в развитии человечества, когда социальные связи начинают доминировать над природными и когда общество развивается и функционирует на своей собственной основе.

¹⁰⁸ Очень интересный анализ эволюции термина «цивилизация» дается в статье французского историка Л.Февра «Цивилизация: эволюция слова и группы идей», которая опубликована в книге: *Февр Л. Бои за историю*. М., 1991. Он пишет: «Воссоздать историю французского слова «цивилизация» на деле означает реконструировать этапы глущайшей революции, которую совершила и через которую прошла французская мысль от второй половины XVIII века и по наше время» (с. 239).

Возникновение цивилизации — качественно новый этап в истории человечества. Отсюда начинается его подлинная история. Фундамент цивилизации — общественное богатство в единстве материальных и духовных ценностей. Оно появляется вместе с прибавочным продуктом, дающим возможность определенной части общества заниматься интеллектуальным трудом, создавать духовные ценности, что предполагает наличие письменности. Нет цивилизации без письменности и оседлого образа жизни, нет цивилизации без городов. Поэтому неправомерно говорить о кочевых цивилизациях. Кроме того, в процессе материального производства индивиды сами изменяются, совершенствуются, так сказать, цивилизуются. Цивилизация — это совокупность материальных и духовных ценностей того или иного народа, созданных на протяжении его жизни.

Критерий цивилизации — человек. Первобытный человек — нецивилизованный человек. Он не рефлексировал ни над собственным бытием, ни над бытием окружающей действительности. Человек же эпохи рабства — цивилизованный человек. Он задумывается прежде всего над собственным бытием (вспомним изречения античных философов Сократа: «Познай самого себя» и Протагора: «Человек — мера всех вещей») и над бытием окружающего социального и природного мира.

Общие черты цивилизации проявляются в специфических условиях. Возьмем критерий цивилизаций. Он един как для Запада, так и для Востока. Но отношение к человеку и человека к обществу тем не менее проявляется по-разному. На Западе больше внимания обращают на индивидуальную свободу человека. Не случайно именно там возникла теория естественного права, согласно которой все люди равны от природы и, следовательно, должны иметь одинаковые естественные возможности для достижения одних и тех же целей. Отсюда постоянные ссылки на права человека. На Востоке же очень почитают традиции и обычаи, которые предписывают уважение к старшим, родителям, государю, вообще власть имущим. Поэтому там права человека приобретают несколько другой характер, чем на Западе. Вот почему нельзя с одинаковыми мерками подходить к разным цивилизациям, их ценностям, нормам поведения людей.

Движение к цивилизации нужно рассматривать как процесс становления и наращивания социальных связей, социальной основы, социального потенциала развития общества. Но это возможно лишь при условии преемственной связи различных поколений. Иначе говоря, одним из существенных признаков цивилизации является преемственность. Без преемственности, без передачи от поколения к поколению материальных и духовных ценностей нет стабильности в

обществе, а без стабильности нет развития, но без развития нет цивилизации. Одна из причин гибели многих цивилизаций как раз состоит в отсутствии преемственности, в отсутствии передачи ценностей данной цивилизации следующей генерации или же в неспособности этой генерации сохранить прежние ценности и создать на их базе новые.

Таким образом, можно выделить некоторые общие черты всех цивилизаций: 1) генезис; 2) общественное богатство; 3) переход от собирательного хозяйства к производящему, т. е. к классовому обществу; 4) появление городов; 5) наличие письменности; 6) критерий; 7) преемственность.

Но цивилизаций было много. Они очень разнообразны и сложны как по социальной структуре, экономике, традициям и обычаям, так и по формам правления, стилю жизни и т. д., т. е. по всем параметрам. Важную роль, например, играет религия, которая накладывает огромный отпечаток на всю цивилизацию. Так, мировые религии во многих случаях сыграли доминирующую роль (но не детерминирующую) в возникновении тех или иных цивилизаций. Невозможно, например, представить арабскую цивилизацию без ислама.

Цивилизационный и формационный подходы вопреки утверждениям некоторых исследователей не противоречат друг другу. Понятие формации охватывает все общество, все социальные явления и процессы. Оно показывает, что развитие общества идет по восходящей линии. Причем особое внимание уделяется способу производства материальной жизни, детерминирующему все социальные, политические и духовные процессы. Понятие же цивилизации показывает общество в статике. В цивилизации главное внимание обращается не на способ производства материальной жизни, а на духовные элементы: традиции, обычаи, менталитет людей, положение человека в обществе, его действия в тех или иных конкретных случаях, его самостоятельность, его поведение, его способности приспособляться к новым реалиям и т. д. и т. п. Поэтому понятие формации и понятие цивилизации используются как инструменты научного познания для анализа разных аспектов общества как сложного целостного образования. Социальной философии нужны оба понятия, и было бы неразумно игнорировать какое-либо из них.

Следует отметить и тот факт, что иной раз понятие цивилизации шире понятия формации, а иной раз, наоборот, понятие формации шире понятия цивилизации. Так, одна и та же цивилизация может охватывать разные общественно-экономические формации. Скажем, западная цивилизация включает в себя несколько формаций. Но одна и та же формация тоже может охватывать несколько цивилизаций.

Например, буржуазная общественно-экономическая формация охватывает множество цивилизаций: французскую, американскую, японскую и т. д.

Исследователи, особенно в современную эпоху, часто ставят вопросы о будущем цивилизаций. Эти вопросы очень остро ставил Тойнби. Его волновали взаимоотношения ислама и Запада. Будучи крупнейшим историком, он прекрасно знал, как часто воевали между собой арабы и западные европейцы. Он пишет, что в настоящее время Запад пытается вовлечь в свою орбиту весь исламский мир. «...Концентрические атаки современного Запада на исламский мир ознаменовали и нынешнее столкновение между двумя цивилизациями. Очевидно, что это часть более крупного и честолюбивого замысла, где западная цивилизация имеет своей целью ни больше ни меньше, как включение всего человечества в единое общество и контроль над всем, чт. е. на земле, в воздухе и на воде и к чему можно приложить для пользы дела современную западную технологию»¹⁰⁹. Тойнби выступает против такого подхода Запада не только к исламу, но и к другим цивилизациям.

Тойнби очень интересуется будущим цивилизаций. По его мнению, историки 2047 года будут писать о том колоссальном влиянии, которое оказала западная цивилизация на все остальные. Но «к 3047 году наша западная цивилизация — как мы знаем из истории последних двенадцати-тринадцати веков, со времен средневековья — может измениться до неузнаваемости за счет контррадиации влияний со стороны тех самых миров, которые мы в наше время пытаемся поглотить, — православного христианства, ислама, индуизма и Дальнего Востока»¹¹⁰. К 4047 году, по твердому убеждению английского историка XX века, различия между западной цивилизацией и всеми остальными будут совершенно незначительными. «К тому времени единство человечества, вероятно, будет восприниматься как одно из фундаментальных условий человеческой жизни — как бы часть природного миропорядка, и историкам той эпохи, возможно, будет трудно представить со своей стороны локальное местническое мировоззрение пионеров цивилизации в первые шесть, или около того, тысячелетий своего существования»¹¹¹.

Тойнби был настроен оптимистически относительно будущего цивилизаций. Зато многие нынешние ученые придерживаются песси-

¹⁰⁹ Тойнби А. Цивилизация перед судом истории. М., 1995. С. 116.

¹¹⁰ Там же. С. 130.

¹¹¹ Там же. С. 130.

мистических воззрений. Они считают, что в будущем неизбежны конфликты между цивилизациями, особенно между исламом и Западом. Характерна в этом отношении позиция американского исследователя С.Хантингтона, изложенная им в статье «Столкновение цивилизаций?». Мировая политика, пишет Хантингтон, входит в новую фазу, и каждый по-своему представляет эту новую фазу. Одни пишут о конце истории, другие — о возврате к традиционным межгосударственным конфликтам, третьи — о закате национальных государств под влиянием трибализма и мондиализма. Каждый исследователь схватывает тот или иной аспект проблемы, но остается в стороне центральный вопрос современной эпохи: вопрос о цивилизациях и о будущем человеческого общества. Хантингтон полагает, что в будущем воевать будут между собой народы и государства, принадлежащие к различным цивилизациям. «Столкновение цивилизаций будет доминировать в мировой политике. Линии излома между цивилизациями будут линиями фронта будущего»¹¹². Если в прошлом, продолжает американский ученый, конфликты носили внутрицивилизационный характер, то в будущем они приобретут межцивилизационный характер.

Что подразумевает под цивилизацией Хантингтон? «Цивилизация, — пишет он, — есть культурная реальность, имеющая свои индивидуальные черты. Деревни, регионы, этнические группы, народности, религиозные группы — все они имеют разные культуры на разных уровнях культурной гетерогенности. Культура деревни Южной Италии отличается от культуры деревни Северной Италии, но обе деревни относятся к общей итальянской культуре, которая их отличает от немецких деревень... Следовательно, цивилизация является высшей формой объединения, созданного культурой и фактором широкой культурной идентичности, которая характеризует человеческий род независимо от того, что его отличает от других биологических видов»¹¹³. Она имеет некоторые общие объективные признаки: язык, историю, религию, обычаи и т. д.

Цивилизация может включать в себя, продолжает Хантингтон, несколько национальных государств (западная цивилизация, латиноамериканская цивилизация, арабская и т. д.) или только одно государство (Япония). Цивилизации интегрируются, более сильные поглощают более слабые.

По утверждению американского ученого, цивилизации «конфликтуют» между собой, во-первых, потому, что чувство принадлеж-

¹¹² *Huntington Samuel P.* Le choc des civilisation? // *Commentaire.* 1994. № 66. P. 238.

¹¹³ *Ibid.* P. 239.

ности к определенной цивилизации в будущем приобретет все большее и большее значение. Цивилизационные различия не только реальны, но и фундаментальны. Цивилизации отличаются друг от друга по языку, культуре, традициям и религии, и люди, принадлежащие к разным цивилизациям, имеют разные воззрения на взаимоотношения Бога и человека, индивида и группы, гражданина и государства, родителей и детей, а также на относительную важность прав и ответственности, свободы и власти, равенства и иерархии. Эти различия, считает Хантингтон, более фундаментальны, чем различия между политическими идеологиями и политическими режимами. Во-вторых, продолжает Хантингтон, в современном мире происходят сложные процессы взаимодействия народов различных цивилизаций. Они, осознавая свою принадлежность к той или иной цивилизации, испытывают определенную неприязнь друг к другу. В-третьих, процессы экономической модернизации и социального развития отстраняют людей от прежних местных идентичностей, т. е. от местных традиций. Они также ослабляют национальные государства как источники идентичности. В большой части мира религия заполняет этот интервал. В исламском регионе возникает движение фундаменталистов, аналогичные движения существуют и в других мировых религиях. Таким образом, наблюдается усиление религий во всем мире. В-четвертых, это осознание принадлежности к той или иной цивилизации подкрепляется той двойственной ролью, которую играет Запад. С одной стороны, он находится на вершине своего могущества, но с другой — наблюдается явление возврата к прежним истокам в незападных цивилизациях. Все больше, отмечает американский ученый, говорят об «азиатской» Японии, о реисламизации Ближнего Востока и т. д. Восток стремится к тому, чтобы развиваться не на базе западных ценностей, а на базе собственных. В-пятых, характерные черты и культурные различия изменяются гораздо медленнее, чем различия, связанные с политикой и экономикой. Наконец, в-шестых, экономика все больше и больше регионализируется. Растет роль экономических регионов, которые могут добиться успеха только при условии их укоренения в общей цивилизации. Так, общей базой Европейского Союза являются единая европейская культура и христианство. Исламская религия и культура объединяют неарабские исламские государства. «В той мере, в какой люди определяют свою идентичность в этническом и религиозном терминах, они стремятся видеть отношение враждебного типа «мы» против «них»¹¹⁴.

¹¹⁴ *Huntington Samuel P. Le choc des civilisation? // Commentaire. 1994. № 66. P. 241.*

В нашу эпоху идут сложнейшие интеграционные процессы различных цивилизаций. Происходит формирование единой мировой цивилизации со своими ценностями и подходом к общечеловеческим проблемам. Но это вовсе не значит, что в будущем исчезнут все цивилизации как уникальные образования, отличающиеся своей самобытностью и собственными ценностями. Вместе с единой мировой цивилизацией сохраняются и локальные, но они станут богаче и разнообразнее благодаря интенсивному обмену материальными и духовными богатствами.

§ 4. Миросистемная типология

Миросистемная типология общества предложена американским исследователем И. Валлерстайном. Валлерстайн считает, что сторонники прежних типологий исходили из априорных суждений об историческом процессе и поэтому они не учитывали богатство и многообразие всего человеческого общества. Вот почему надо в первую очередь уточнить понятие «общество». По мнению Валлерстайна, данное понятие довольно расплывчато и туманно. «Общество» — термин, текущее использование которого в истории и социальных науках совпадает по времени с институциональным появлением современной социальной науки в XIX в. Общество является одной половиной противоречивого тандема, другая половина которого — это государство»¹¹⁵.

В XIX веке, продолжает Валлерстайн, эти два понятия противопоставлялись. Государство понималось как некий политический орган, общество — как определенный набор нравственных принципов и законов, которых придерживались люди. Общество — это нечто устойчивое и стабильное, а государство — нечто преходящее и неустойчивое. Такое противопоставление общества и государства, с полным основанием считает Валлерстайн, неправомерно. Нет государства без общества. Люди живут в государствах, подчиняются государственным органам, призванным регулировать многообразные и комплексные отношения индивидов.

Но чтобы при типологии не было путаницы, Валлерстайн вводит вместо понятия «общество» понятие «историческая система». «Миросистемный анализ начинается с вопроса, что является подходящей «единицей анализа» социальной реальности. Даваемый ею ответ состоит в том, что такой единицей является «историческая система», су-

¹¹⁵ Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 113.

ществование и границы которой в долгосрочном плане определяются разделением труда в ней, и что такое разделение труда на больших пространствах имеет тенденцию наблюдаться в двух основных разновидностях: как миры-экономики и как миры-империи»¹¹⁶. Таким образом, в качестве главного критерия деления мировой истории на определенные системы Валлерстайн выдвигает **разделение труда**.

Валлерстайн мир-империи и мир-экономики определяет следующим образом: «„Мир-империи“ являются широкими политическими структурами (по крайней мере, на вершине процесса расширения и сокращения, который, похоже, является их судьбой) и охватывают широкое разнообразие «культурных» образцов. Основной логикой системы является взимание дани с непосредственных производителей (главным образом сельских, имеющих локальное самоуправление), которая передается вверх к центру и перераспределяется через тонкую, но важнейшую сеть чиновников. „Мир-экономики“ — это обширные неравные цепи из объединенных структур производства, рассеянные многочисленными политическими структурами. основополагающая логика состоит в том, что накопленная прибыль распределяется неравным образом в пользу тех, кто способен достичь различных видов временных монополий в рыночных сетях»¹¹⁷.

Валлерстайн вводит еще одно понятие — понятие «мини-системы». Эти системы являются мини, потому что они занимают небольшое пространство и их существование связано с короткими отрезками времени.

По мнению Валлерстайна, до эпохи Возрождения «мини-системы», «мир-системы» и «мир-экономики» как формы социальной жизни сосуществовали вместе. Вначале было много мини-систем, которые исчезли по различным причинам. Об этой эпохе мало что известно, так как не было письменности и ничего, кроме археологических данных, не сохранилось. Но тем не менее, считает Валлерстайн, можно сказать, что в период между 8000 годом до нашей эры и 1500 лет нашей эры было множество систем всех трех разновидностей, т. е. мини-систем, мир-экономик и мир-империй. Причем наиболее сильной системой выступала мир-империя. По мере расширения какой-либо империи она поглощала как мини-системы, так и

¹¹⁶ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 13.

¹¹⁷ Валлерстайн И. Миросистемный анализ // Время мира. Вып. 1. Новосибирск, 1998. С. 115.

мир-экономики. Но с ее угасанием возрождались мини-системы и мир-экономики.

Но примерно в 1500 году ситуация меняется. Возникает новая система мир-экономики, которую принято называть мировой системой. «Капитализм и мир-экономика (т. е. единая система разделения труда при политическом и культурном многообразии) являются двумя сторонами монеты. Одна не является причиной другой»¹¹⁸. Если для мир-империй характерно перераспределение материальных и духовных благ, то капитализму присуща универсализация рыночных отношений.

В настоящее время капиталистическая система охватила весь земной шар. Но капиталистическая экономическая система развивается неравномерно. Есть развитые и есть слаборазвитые страны. Развитые страны, по мысли Валлерстайна, представляют центр, а слаборазвитые — периферию.

Таким образом, Валлерстайн отказывается от традиционной типологии исторического процесса и предлагает свою типологию, базирующуюся на разделении труда. Он выделяет три исторические системы — мини-систему, мир-империю и мир-экономику. Хотя Валлерстайн часто ссылается на Маркса, тем не менее предложенная им типология ничего общего не имеет с Марксовой. Дело в том, что Маркс, как уже отмечалось, рассматривает экономику как некую целостность, которая включает в себя не только производительные силы, но и производственные отношения, стержнем которых является собственность. С изменением форм собственности изменяются производственные отношения, следовательно, изменяется тип общества. И все же миросистемная типология Валлерстайна дополняет современные представления о членении мировой истории на определенные периоды и тем самым способствует развитию социальной философии.

Итак, существуют различные критерии членения общества на отдельные типы. В одном случае в качестве критерия выступает географический фактор, в другом — материальный, в третьем — духовный, в четвертом — разделение труда и т. д. Но эти критерии не противоречат друг другу, ибо указывают на многогранность и многосторонность исторического процесса, развивающегося по восходящей линии.

¹¹⁸ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001. С. 25.

Глава VI. Единство и многообразие человечества

§ 1. Основы единства человечества

Развитие человеческого общества представляет собой сложный и многогранный процесс. В истории существовали различные социальные организмы, цивилизации, народы. Каждый социальный организм, каждый народ и каждая цивилизация обладали особыми, специфическими свойствами и чертами, которые накладывали определенный отпечаток на ход всей мировой истории. Если мысленно представить себе картину человечества, его развитие по восходящей линии, то кажется, что в мире царят хаос и произвол, что существуют самые дифференцированные формы человеческого общежития, которые как будто бы не имеют между собой ничего общего. Складывается впечатление, что ни одна наука не способна исследовать эти процессы, установить определенную связь в эволюции истории, выяснить, существует ли единство в этом многообразии или же оно индивидуализировано и каждая индивидуальность функционирует сама по себе, развивается по своей собственной схеме и не связана с другими индивидуальностями.

Однако исторический процесс не является, как это может показаться на первый взгляд, иррациональным потоком событий и явлений. История обладает неумолимой логикой, и за кажущимся хаосом скрывается определенный порядок, за многообразием — единство, а за единством — многообразие. Но это требует философского доказательства, что связано со скрупулезным изучением и анализом всех сторон общественной жизни.

Вопросы единства и многообразия волновали многих исследователей. Одни (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби и др.) абсолютизировали многообразие и отвергали единство. Данилевский прямо пишет: «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций»¹¹⁹. Другие (Кондорсе, Гегель, Маркс, Ясперс и др.) исходили из единства и многооб-

¹¹⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 91.

разия исторического процесса. К.Ясперс, например, пишет, что человек стремится к объединению всех, ибо без этого невозможно было бы взаимопонимание людей. Единство человечества находит свое выражение в том, что на земле можно обнаружить общие религиозные представления, формы мышления и т. д., хотя единство не исключает и различий. Единство истории, продолжает немецкий философ, проявляется также во времени и пространстве. В ходе истории растет общение между различными племенами. Они объединяются в народы, народы — в группы народов, страны — в континенты. В истории известны великие империи, занимавшие огромные пространства и объединявшие многие народы. Затем они распались и на их обломках возникали новые империи. Таким образом, во времени и пространстве происходили процессы, которые привели к единству истории.

Ясперс считает, что единство мировой истории никогда не будет завершено, и это, по его мнению, хорошо, так как если бы оно закончилось, то пришел бы конец самой истории. Люди рассеяны по всему свету. Всюду мы видим, отмечает Ясперс, самые разные культуры, традиции и обычаи, и они сохраняются, хотя люди всегда будут стремиться к единению. Если мировую историю, заключает Ясперс, рассматривать как хаотическое скопление ничем не связанных между собой случайных событий, то в ней действительно не обнаруживается никакого единства. Немецкий мыслитель отвергает такой взгляд на исторический процесс. Но зато его защищает А. Тойнби. Он утверждал, что каждая цивилизация существовала изолированно, локально и замкнуто, а саму идею их единства объявил ложной концепцией, причину появления которой он видел в неверной, как ему казалось, интерпретации современных интеграционных процессов.

Единство исторического процесса можно проиллюстрировать на основе анализа сфер общественной жизни — материальной, социальной, духовной и политической.

Материальная сфера. В основе единства мировой истории лежит прежде всего материальный фактор. В каком бы регионе земного шара люди ни жили, они должны заниматься производством средств к существованию, одеваться и строить жилище. Иначе говоря, везде и всюду в мире люди едины в том, что в первую очередь им необходимо производить материальные ценности. Для этого они используют соответствующие орудия производства. Возьмем, например, первобытное общество, которое было распространено на всем земном шаре. Известно, что его экономическую основу во всем мире составляла общая собственность на имущество, включая и землю. Поля, огороды, охотничьи и рыболовные угодья принадлежали общине.

Это можно наблюдать в Европе, Азии, Америке, Африке, Австралии и т. д., т. е. всюду, где существовал родовой строй. Первобытные люди использовали одни и те же производительные силы независимо от региона проживания.

Замена каменных орудий металлическими (бронзовыми, а затем железными) привела к резкому повышению производительности труда, а в конечном итоге к разложению первобытного строя и к возникновению классовых обществ. Этот процесс характерен для всех регионов мира. Как установлено историками, в VIII—VI веках до н.э. железные орудия стали преобладать в Передней Азии, во многих частях Европы, в Средней Азии, Египте, Китае, Индии. «В VI в. до н.э., с началом широкого применения железных орудий в ремеслах, — пишет индийский ученый Рам Шаран Шарма, — и при обработке земли, создались условия для превращения скотоводческого, почти эгалитарного родоплеменного ведийского общества в земледельческое с развитым делением на классы... Железный плуг и другие орудия из железа позволили крестьянам начать производить значительно больше того, что требовалось для поддержки их собственного существования»¹²⁰.

Но если первобытное общество показывает нам единство в сфере материального производства, то это тем более касается последующих этапов развития мировой истории, когда налаживаются торговые связи, идет интенсивный обмен опытом и разнообразной информацией. Еще больше подтверждает материальное единство современный мир. Экономика всех стран настолько интегрирована, что разрыв хозяйственных связей в каком-либо регионе сказывается на производстве материальных благ в другом регионе. Невозможно представить высокоразвитую экономику Японии, почти не имеющей энергетических ресурсов и полезных ископаемых, без импорта газа, нефти и т. д. В свою очередь, японская супертехнология применяется во всех странах мира.

Социальная сфера. Ретроспективный взгляд на историю свидетельствует, что в одни и те же исторические эпохи в разных регионах мира была примерно одна и та же социальная структура общества. Так, в первобытном обществе она имела примитивный характер: не было ни классового, ни сословного, ни кастового деления людей. Социальными общностями выступают род и племя, базирующиеся на кровнородственных связях. Это были естественные формы объединения людей на заре человечества, так как собственно социальные

¹²⁰ Рам Шаран Шарма. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 269—270.

связи находились на стадии формирования и становления. Маркс писал, что «естественно сложившаяся племенная общность (кровное родство, общность языка, обычаев и т. д.) или, если хотите, стадность есть первая предпосылка присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, при помощи которой эта жизнь воспроизводится и облекается в пространственные формы»¹²¹.

С возникновением классового общества исчезают род и племя, и на их месте появляются новые социальные общности — классы, касты, сословия и т. д. Первыми классами были рабы, рабовладельцы и крестьяне. Рабы полностью исключались из общественной жизни, и с ними обращались как с животными. Раб, по выражению Аристотеля, есть говорящее орудие. Его можно убить, продать, купить. Но и среди рабов была дифференциация. Одни принадлежали семьям, они не занимались производительным трудом и полностью обслуживали рабовладельцев. Другие использовались в качестве рабочей силы, третьи служили в армии и т. д. В античной Греции и в Древнем Риме рабы исполняли универсальные функции: они использовались и в сельскохозяйственных работах, и в домашних условиях, и на войне. А в Древней Индии они в основном занимались домашним хозяйством.

Во всех докапиталистических классовых формациях важную роль играло крестьянство. Оно принимало активное участие не только в производстве сельскохозяйственной продукции, но и в войнах. Широко известны крестьянские восстания, в том числе в России, где крестьяне подвергались жесточайшей эксплуатации. При Екатерине II крепостной крестьянин превратился в частную собственность помещиков, что еще больше усилило его эксплуатацию. Вот что по этому поводу пишет В.О. Ключевский: «Под покровом крепостного права в помещичьем селе сложились во второй половине XVIII в. своеобразные отношения и порядки. Я укажу сначала на способы помещичьей эксплуатации крепостного труда. До XVIII в. в помещичьем хозяйстве господствовала смешанная оброчно-барщинная система эксплуатации земли и крепостного труда. За участок земли, предоставляемый им в пользование, крестьяне частью обрабатывали землю на помещика, частью платили ему оброк»¹²². Но в первой половине XVIII века, продолжает знаменитый историк, эта смешанная система стала разделяться. Поскольку дворяне должны были обязательно служить, они не могли принимать активного участия в делах сельского хозяйства. Поэтому многие из них всю свою землю предоставили крестьянам на

¹²¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 462—463.

¹²² Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5. С. 134.

оброк, другие же дворяне часть земли отдали крестьянам, остальную же обрабатывали посредством барщинного труда. После освобождения дворян от обязательной службы, казалось бы, они должны были заняться сельским хозяйством. Но этого не произошло. Оброчная система не только не исчезла, но все больше и больше распространялась. Естественно, крестьяне возмущались, что в конечном итоге привело к пугачевскому восстанию.

Не лучше обстояло положение крестьян и в других странах. Во Франции, например, в XVIII веке уже не было крепостного права, тем не менее крестьяне продолжали платить деньгами и барщиной за свое освобождение. «...Сохранились еще со времени крепостного права всевозможные платежи за пользование принадлежавшими помещику мельницей, сельской печью для печения хлеба, прессом для выжимания виноградного сока, печью для стирки, некоторыми дорогами, известными бродами и т. д., а также полагались всякие «приношения» орехами, грибами, полотном, пряжей...»¹²³. Можно было бы привести примеры из других стран, но указанных достаточно для иллюстрации одинакового положения классов докапиталистических формаций. Кроме классов были другие социальные группы (ремесленники, купцы, ростовщики и т. д.), которые тоже имели примерно идентичные условия жизни во всех добуржуазных государствах.

Еще больше единства показывает социальная сфера в буржуазном обществе, где имеются рабочие, буржуазия, различные группы и слои. Они связаны между собой сложными отношениями экономического, политического, духовного порядка. Все классы и слои, как правило, имеют свои профессиональные союзы, защищающие их интересы. Кроме того, внутри классов существуют всякого рода объединения. Речь прежде всего идет о спортивных, общественных и иных организациях, действующих в социальной области и непосредственно не связанных с другими сферами общественной жизни.

Духовная сфера. Она, как и другие сферы, имеет свою имманентную логику развития, показывающую, что обладает универсальными чертами и свойствами, присущими всем духовным сферам. Начнем свой анализ, как и раньше, с духовной жизни первобытного общества. Что для нее характерно? Прежде всего то, что она непосредственно вплетена в материальную деятельность и не вычленена в самостоятельную область общественного производства. Иными словами, никто специально не занимается духовным производством, что было связано с примитивным характером общественных отношений и с

¹²³ Кроткин П.А. Великая французская революция 1789—1793 гг. М., 1979. С. 33.

низким уровнем производительности труда. Далее, в духовной сфере первобытного общества доминируют мифы, сказки, легенды. При чем следует заметить, что уже в это время проявляется единство и взаимовлияние духовных ценностей. Греческие мифы, например, имели свои источники в мифах и легендах других стран. «Нельзя, разумеется, — пишет М.Лифшиц, — забывать, что греческая и римская древность самым тесным образом связаны с более глубоко лежащим слоем общественных форм, созданных Азией»¹²⁴.

С возникновением классового общества происходит разделение общественного производства на материальную и духовную сферу деятельности. Последняя приобретает относительную самостоятельность и начинает развиваться по своим собственным законам. Появляются люди, которые профессионально занимаются производством духовных ценностей. Здесь опять-таки наблюдаются некоторые сходные процессы. Возьмем, например, философию. Она начала формироваться примерно в VII веке до нашей эры одновременно в Китае, Индии и Древней Греции. К этому времени в этих странах сложились зрелые классовые общества с высоким уровнем производительных сил для той далекой эпохи, со сложной социальной структурой.

В философских учениях ставились одни и те же проблемы: бытие окружающей действительности и бытие человека. Дж.Неру подчеркивал, что по духу и мировоззрению Индия ближе к Древней Греции, чем современные европейские нации. Сходство духовной жизни античной Греции и Индии поразило Александра Македонского, вторгшегося на индийскую территорию. В обеих цивилизациях жизнь воспринималась реалистически. Люди одинаково радовались и печалились. Одни проповедовали аскетизм, другие — гедонизм. Обе цивилизации поддерживали постоянные связи между собой. «Греция и Индия, — пишет Неру, — были связаны друг с другом с древнейших летописных времен, а в более поздний период между Индией и находившейся под влиянием эллинизма Западной Азией поддерживались тесные связи. Большая астрономическая обсерватория в Удджаяни (ныне Удд-жайи) в Центральной Индии была связана с Александрией в Египте. На протяжении длительного периода связи между этими двумя древними цивилизациями должен был существовать и активный обмен в области мышления и культуры»¹²⁵. Многие индийцы посещали Грецию, изучали ее культуру и философию. Вообще история мировой духовной культуры прекрасно подтверждает единство

¹²⁴ Лифшиц М. Мифология древняя и современная. М., 1980. С. 10.

¹²⁵ Неру Джавахарлал. Открытие Индии. Книга первая. М., 1989. С. 239.

исторического процесса. У всех народов имеются мифы, сказки, легенды, поэзия, проза и т. д. «...В одинаковые исторические эпохи у разных народов, часто вполне независимо друг от друга, зарождались весьма близкие по характеру виды литературы. Достаточно вспомнить об эпических поэмах древности, появившихся в Иране, Индии, Греции. Близки по содержанию и духу поэзия Прованса, арабская лирика, китайская любовная поэзия, японская лирика раннего средневековья, «*chanson de geste*» франков, гунки японцев»¹²⁶.

С образованием единого исторического пространства, когда плоды духовной деятельности стали достоянием всех наций и народов, единство в духовной сфере еще больше подтверждается. Литература, искусство, философия, мораль и другие формы общественного сознания давно перешли национальные границы и обрели мировое гражданство. Трудно переоценить влияние французских просветителей на европейскую культуру. Сочинения Вольтера и Руссо, Дидро и Гольбаха с огромным интересом встречались европейской читающей публикой. Императрица России Екатерина II гордилась тем, что переписывалась с Вольтером. Классическая немецкая философия находилась в центре внимания философских кругов Европы. Диалектика Гегеля вызывала острые дискуссии среди русских философов.

В современную эпоху мы имеем, если можно так выразиться, единое духовное пространство. Благодаря средствам массовой информации духовные достижения одних народов становятся достоянием всех остальных. Представители интеллигенции различных регионов и стран занимаются, в сущности, одними и теми же вопросами: экзистенция человека, его судьба и будущее мировой цивилизации, бедность и нищета, техника и человек, космос и человек и т. д. Проблемы эти находят освещение в философии, искусстве, кинематографе, живописи и т. д.

Политическая сфера. В широком смысле слова в политическую сферу входит управление делами общества, регулирование отношений между индивидами, группами, классами, слоями, государствами, народами, нациями и т. д. В родоплеменном строе руководящая роль принадлежала вождю племени. Род имел большие полномочия. Он выбирал сахему (старейшину) для мирного времени или вождя и мог их сместить, если те отклонялись от взятых на себя обязательств. Все дела решались коллективно, не было ни государства, ни политических партий и группировок. Внутри рода существовало равенство, члены его должны были оказывать друг другу помощь, защищать бе-

¹²⁶ Коңрад Н.И. Избранные труды. М., 1974. С. 287.

зопасность всего рода. Родоплеменной строй — это примитивное общество, и соответственно социальное управление носило примитивный характер.

Но вместе с переходом к классовому обществу становятся необходимыми новые формы регулирования отношений людей. И появляются политика и политическая сфера. Родается совершенно новое политическое образование — государство, представлявшее собой сложнейший механизм управления общественными делами. Там, где есть классовое деление, налицо государство, и везде оно имеет одни и те же функции: развитие экономики, регулирование межличностных и межклассовых отношений, установление межгосударственных связей, защита суверенитета и территориальной целостности той части исторического пространства, на котором проживает народ данной страны.

С победой буржуазного способа производства сильно усложняется политическая сфера общества. Возникают многочисленные политические партии, отражающие интересы разных классов и социальных групп и стремящиеся к власти для реализации своих политических интересов. Почти везде формируются парламентаризм, президентская или иная форма правления. Даже там, где сохраняются монархии, они не оказывают существенного влияния на внутреннюю и внешнюю политику. Это еще раз свидетельствует о том, что во всех регионах мира развитому обществу соответствует развитая политическая сфера (универсальное правовое государство, всеобщее избирательное право и т. д.).

Итак, анализ основных сфер общественной жизни показывает, что исторический процесс, хотя сложен и противоречив, тем не менее не есть иррациональный и хаотический поток событий, а имеет свою имманентную логику и представляет собой целостное единство.

§ 2. Многообразие человечества

Исторический процесс един, но вместе с тем многообразен. Чтобы показать это многообразие, возьмем те же основные сферы общественной жизни.

Материальная сфера. Производство материальных ценностей в тех или иных регионах даже в однотипных обществах совершается по-разному. Это во многом определяется географическим фактором (жители берегов рек, морей и озер занимаются главным образом рыболовством, тогда как горские народы — охотой и скотоводством, жители равнин — земледелием, садоводством и т. д.), торговыми связями с другими народами. Там, где эти связи были сильно

развиты, там, где непрерывно совершался товарообмен, исключалось абсолютное натуральное хозяйство, когда люди были вынуждены все производить сами.

Сильное влияние географическая среда оказывала на формирование материальных общественных отношений. Стихийный коллективизм в России, например, во многом был связан с тем, что суровые климатические условия (короткое лето, долгая морозная зима) вынуждали людей объединяться, совместно владеть землей, общими усилиями обрабатывать ее и собирать урожай. Такие же суровые климатические условия вынуждали горские народы вести коллективное хозяйство (общие пастбища, общие луга, общая пашня и т. д.).

Очень большое влияние оказывала географическая среда и на становление ремесленного хозяйства. Богатые железными ископаемыми государства быстро развивали ремесло, в сравнительно короткие сроки налаживали выпуск различных видов орудий производства. В Восточном Средиземноморье, например, сильно было развито специализированное ремесло: металлургия, ювелирное дело, гончарное искусство и т. д. И даже были созданы ассоциации ремесленников. Вообще, как пишет американский исследователь В.Макнил, «единообразия никогда не возникало, и нет причин полагать, что когда-либо оно возникнет. Различия климата и других условий требуют различного поведения, и, будучи и мыслящими, и способными адаптироваться, люди действуют соответственно»¹²⁷.

Социальные организмы отличались и по другим параметрам в сфере материального производства. Строительство жилых помещений, архитектурные сооружения, одежда и т. д. у каждого народа уникальны и неповторимы, хотя внешнее сходство можно наблюдать, особенно в настоящее время. Они представляют собой своеобразную рекламу национальных традиций и обычаев, вообще национальной культуры.

Многообразии мировой истории проявляется и в современных условиях, когда существуют единые хозяйственные связи и происходит интенсивный обмен материальными ценностями. Американская технология в России, Китае, африканских государствах может быть применена в зависимости от климатических условий, традиций, менталитета народа, уклада жизни и многих других факторов. Отсюда

¹²⁷ Макнил В. Меняющийся образ всемирной истории // Структуры истории. Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций. № 2. Новосибирск, 2001. С. 35.

следует, что многообразие истории требует различного подхода к современным производительным силам.

Социальная сфера. Она очень разнообразна не только структурно, но и функционально, т. е. по исполнению тех или иных общественных функций. Род, племя, этнос, нация, народ, класс, каста, сословие и другие формы социальной общности людей очень дифференцированы. Африканский род отличается от австралийского или американского. У них разные традиции и культуры, разные языки и обычаи. Для индийского общества характерна кастовая система, происхождение которой объясняется разными причинами: природными способностями, наследием от аборигенных племен, разделением труда и т. д. Отличительными «признаками касты являются принципы наследственности и иерархичности или ограничения, накладываемые на вступление в брак и социальное общение. Люди, входящие в определенную касту, не могут ни вступать в брак с членами других каст, ни принимать пищу от тех, кто входит в более низкие касты. Понятия «высокий» и «низкий» связываются с рождением и наследственностью»¹²⁸.

Дифференцированы народы разных регионов и континентов. Каждый обладает какими-то неповторимыми чертами, менталитетом. Известны деловитость американцев, трудолюбие японцев и китайцев, импульсивность латиноамериканцев, пунктуальность, дисциплинированность и педантизм немцев. Как писал Н.А. Бердяев, немец руководствуется категорическим императивом, и он стремится к тому, чтобы все было приведено в порядок, иначе он чувствует себя как-то неуютно. Разное отношение проявляется и к традициям: восточные народы их почитают больше, чем западные. Западный человек на первое место ставит права человека, отдельной личности. Он более индивидуалистичен, если хотите, эгоистичнее. Но он и больше уважает принятые юридические законы и нормы. Восточный человек больше считается с мнением старших, клана, родственников и часто свои интересы подчиняет интересам близких.

Сильной дифференцированностью отличаются социальные классы. Уже рабы делились на домашних и рабов-производителей. Крестьяне были крепостные, государственные и малоземельные. Очень разнообразна структура рабочего класса. Она выделяется по профессиональному (высококвалифицированные и малоквалифицированные), отраслевому признаку (металлургия, легкая, атомная и другие виды промышленности), по уровню жизни, политической культуры,

¹²⁸ Рам Шаран Шарма. Древнеиндийское общество. М., 1987. С. 261.

а также по отношению к труду, к нормам и принципам поведения в обществе и т. д. Американский рабочий, например, строго руководствуется юридическими законами и, как правило, он предпочитает работать от и до и не очень считается с мнением работодателя, когда он просит его задержаться на работе. В отличие от американского рабочего японский уважает не только юридические законы, но и традиции, в соответствии с которыми он относится к просьбам своего хозяина. Последний, в свою очередь, уважая традиции, так просто рабочего не выкинет на улицу, а позаботится о нем.

Не менее дифференцирована и интеллигенция. На ее формирование накладывают отпечаток региональные, национальные и иные особенности страны, ее близость к народу, ее отношение к национальной культуре и национальной политике. В России, например, интеллигенция всегда была сильно политизирована. Она всегда искала ответы на вопросы, кто виноват и что делать. Она терзалась мыслями о том, как помочь народу, как избавить его от нищеты и бесправия. Даже самые отвлеченные философские идеи интеллигенция превращала в орудие политики. Сколько было споров в начале XX века вокруг эмпириокритицизма — этой разновидности позитивизма, возникшего в Западной Европе в конце XIX века. Отвлеченные философские тезисы, которые даже не все философы-профессионалы понимали, были превращены в политические инструменты и постулаты. Российские социал-демократы Богданов, Базаров, Ленин, Луначарский и другие критиковали друг друга и делали революционные выводы из этой критики. Ленин, например, утверждал, что за гносеологическими дискуссиями следует видеть борьбу партий в философии, которая в конечном счете выражает классовую борьбу. И нельзя не согласиться с авторами «Вех», когда один из них (Н.А. Бердяев) пишет, что «в широких кругах марксистской интеллигенции вряд ли читали Авенариуса, так как читать его нелегко, и многие вероятно искренне думают, что Авенариус был умнейшим «большевиком»¹²⁹.

Духовная сфера. Разнообразие духовной деятельности народов мира очевидно. Ведь каждый народ имеет свою собственную неповторимую и уникальную культуру, не сравнимую с культурами других народов. Даже живущие в одном регионе этносы имеют разные культурные традиции, разную живопись и художественную литературу. Величайшее творение индийского народа «Махабхарата» так же уникальна, как и греческая «Илиада».

¹²⁹ Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 19.

Следует подчеркнуть, что характерной чертой литературы и искусства является их неповторимость. Два произведения могут быть посвящены одной и той же теме, но она может быть раскрыта совершенно разными художественными средствами. Отечественной войне 1812 года было посвящено немало произведений, но все они неповторимы. «Войну и мир», кроме Л.Н. Толстого, никто не написал. Такая уникальность связана не только с талантом художника, но и со спецификой самого искусства, с его особыми формами художественного отражения действительности, своими методами и способами описания и создания художественных образов.

Хотя философия возникла в трех регионах (Китай, Индия, Греция) примерно в одно и то же время, тем не менее наблюдаются и отличительные черты. В Древней Греции философия носила рационально-системный характер. Она была связана с науками и имела мощный логический аппарат. Достаточно вспомнить Аристотеля, отца традиционной логики, разработавшего все ее фундаментальные положения. В Индии и Китае не было ярко выраженной логической философии и поэтому ее трудно было отделить от префилософии.

Политическая сфера. Очень разнообразна политическая жизнь государств и народов. Сосуществовали и сосуществуют разные формы правления: монархия и республика, аристократия и олигархия. В восточных странах больше доминировали деспотические государства, хотя на Западе они тоже не составляли исключения.

Дифференцирована политическая структура. В разных странах в зависимости от традиций и политической культуры существуют и действуют различные политические партии, многие из которых находятся у власти, другие стремятся к ее захвату конституционным или неконституционным путем. В США, например, есть несколько партий, но реально на власть претендуют только две — республиканская и демократическая. Во Франции к власти стремится не более пяти партий. Япония, как и Великобритания, представляет собой конституционную монархию. Правда, в настоящее время в обоих государствах монархия не играет большой роли в политике, поскольку законодательную и исполнительную власть осуществляют парламент и правительство. В разных государствах своеобразно протекает политическая жизнь. В одних она имеет более консервативный характер, а в других — более революционный. В одних широко распространены массовые политические движения, в других они практически отсутствуют. В одних — высокий уровень политической культуры граждан, в других — политическая культура недостаточно развита.

Таким образом, с одной стороны, исторический процесс един, но с другой — многообразен. Если абсолютизировать единство, то мир

предстанет однообразным, но если абсолютизировать многообразие, то мир превратится в нечто иррациональное и хаотическое. Поэтому на историю надо смотреть диалектически, поскольку реальная история внутренне противоречива, а именно: в единстве нужно видеть проявление многообразия, а в многообразии — единство исторического процесса. Я показал это посредством анализа больших сфер общественной жизни, которые только в абстракции могут быть оторваны друг от друга. Но можно показать это и через диалектику общего, особенного и единичного.

Всемирно-исторический процесс имеет некие универсальные законы, функционирующие на протяжении всей человеческой истории. Они проявляются во всех областях либо как законы функционирования, либо как законы развития, либо как динамические и статистические законы. Есть, например, такой универсальный закон, как закон решающей роли способа материального производства. Это значит, что всюду люди должны заниматься прежде всего производством материальных благ, иначе просто-напросто не выживут.

Универсальные законы не исключают специфики развития каждого региона или социального организма. В силу исторических, географических и иных обстоятельств складываются некие особенности, присущие только данному региону. Скажем, формирование буржуазных общественных отношений — универсальное явление, но в некоторых регионах оно имеет свои особенности. На восточный капитализм, например, наложили глубокий отпечаток традиции, обычаи, географический фактор и т. д.

Кроме общего и особенного есть нечто единичное, присущее только данному социальному организму, являющемуся некоторым целым, в котором все элементы находятся в постоянном взаимодействии. Это целое отличается от других социальных организмов благодаря присущим ему единичным свойствам, связанным с культурой народа, с его менталитетом, с его историческим опытом и историческими традициями.

Глава VII. Социальное пространство и социальное время

§ 1. Социальное пространство

Известно, что физическое пространство есть объективная форма существования материи. А социальное пространство есть форма бытия социальной материи, т. е. общества. Физическое пространство существует независимо от социальной материи. Что касается социального пространства, то оно не существует без социальной материи, потому что оно возникает вместе с обществом. Поэтому анализ социального пространства предполагает изучение становления единой мировой истории, которая существовала не всегда, поскольку она была пространственно, политически и экономически разрознена и не представляла собой единого целого. Так, первобытное общество существовало десятки тысяч лет, но его социальное пространство было крайне ограничено. Люди той эпохи жили внутри рода или племени, основу которого составляли кровнородственные связи и отношения. Они совершали далекие по тем временам путешествия, имели определенные представления об окружающей их действительности, но даже не могли предположить, что за пределами увиденного где-то еще есть другая земля, другие регионы, на которых живут такие же люди.

Но жизнь шла вперед, совершенствовались производительные силы, появилась классовая дифференциация общества, был совершен переход от родового строя к рабовладельческому, шире — к классовому строю. Возникли государства, что привело к установлению межгосударственных отношений и связей. Заселялись новые территории, резко расширились контакты между народами.

Появились мировые державы с огромными территориями и населением. Империя Александра Македонского, например, занимала обширные пространства от Греции до Индии. Началась колонизация чужих земель. Резко усиливается взаимовлияние культур и цивилизаций. Народы делятся друг с другом материальными и духовными ценностями. Всем известно, что благодаря китайской цивилизации мир обогатился многими достижениями медицины. Широко известно влияние античной Греции на соседние государства и народы. Оно до сих пор ощущается всеми странами мира. С возникновением госу-

дарства и межгосударственных отношений к социальному пространству добавляются политическое и экономическое пространства, которые, в сущности, являются частью социального пространства, поскольку на его основе происходит экономическая и политическая деятельность.

Налаживаются экономические связи, появляются великие торговые пути, сближающие торгующие народы. Естественно, через торговлю происходит обмен экономической информацией, культурными и научными ценностями.

На политическом пространстве устанавливаются дипломатические и иные отношения между государствами. Нередко развязываются войны из-за расширения политического пространства. Более мощные государства подчиняют себе менее сильные и навязывают им собственные ценности, собственные экономические, социальные и политические порядки, собственный образ жизни, хотя это не всегда удается, так как побежденные государства оказывают ожесточенное сопротивление.

После смены рабовладельческого строя феодальным еще больше расширяется социальное пространство. Если в предыдущую эпоху многие государства были как бы исключены из международной экономической и политической жизни, поскольку в силу географических, климатических и иных условий жили почти замкнуто и изолированно, то в период феодализма они уже включены в общую межгосударственную деятельность. Так, Россия эпохи Петра Великого резко усилила свое влияние на европейскую политику. Собственно говоря, Петр I превратил Россию в европейскую державу, вернее, в мировую, ибо в то время Европа решала и мировые проблемы. До XVII века Россия имела относительно слабые связи с европейскими государствами, смотревшими на нее свысока и относившимися к ней неуважительно. Петр I решил во что бы то ни стало, выражаясь современным языком, войти в «европейский дом», и с этой целью он предпринял ряд зарубежных поездок, пристально изучал жизнь европейцев, старался перенять у них самое лучшее. Его даже обвиняли в том, что он якобы хотел ассимилировать Россию с Западной Европой. Но «он не питал к ней слепого или нежного пристрастия, напротив, относился к ней с трезвым недоверием и не обольщался мечтами о ее задушевных отношениях к России, зная, что Россия всегда встретит там только пренебрежение и недоброжелательность»¹³⁰. Петру I Западная Европа нужна была для того, чтобы использовать ее достижения, осо-

¹³⁰ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 4. С. 196.

бенно в сфере техники и военной области, для блага России. Безусловно, Петр, как выдающийся государственный деятель, понимал, что происходит процесс интеграции европейской жизни и что Россия в ней должна принять самое активное участие. С одной стороны, она не должна отставать от европейских государств (иначе может потерять все), а с другой — сама, как великая держава, должна внести свой вклад в европейскую цивилизацию, сохранив при этом, разумеется, свои духовные ценности, менталитет и стиль жизни.

Логика развития исторического процесса приводит к тому, что более мощные государства занимают больше экономического и политического пространства. Они объективно начинают подчинять себе менее крупные государства, включают их в орбиту своего влияния. Выражаясь фигурально, каждое из них как бы составляет солнечную систему со своими планетами, вращающимися вокруг своего солнца. Выпадение из этой системы часто приводило к гибели государства. А если само «солнце» погибало, то гибли и его планеты. Так было с империей Александра Македонского, так было с Римской империей, так было и с другими империями.

Хотя феодальное общество расширяет рамки исторического пространства, тем не менее пока мы не имеем единого для всей планеты социального пространства. С переходом к капиталистическому способу производства начинается интенсивное становление единой всемирной истории, т. е. единого социального пространства.

Открытие Америки и других регионов земного шара сформировало у людей единое географическое пространство, показало, что все люди на Земле постоянно взаимодействуют, создают материальные и духовные ценности. Экономическое сотрудничество между народами и государствами получило качественно новые ориентиры и параметры. Появился всемирный рынок, для которого характерна ломка национальных перегородок и интернационализация капитала. Национальные отрасли, т. е. отрасли, которые раньше работали на местном сырье, стали уничтожаться. На смену старой национальной замкнутости пришли всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Товар стал интернациональным как в смысле производства, так и в смысле продажи. Резкое расширение социального пространства произошло в сфере не только материального, но и духовного производства. Плоды духовной деятельности отдельных наций стали достоянием всех. Возьмем философию. Конечно, в античную эпоху философы Греции, Китая и Индии имели друг о друге информацию. Многие из них совершали длительные путешествия для того, чтобы встретиться, если можно так выразить-

ся, с коллегами. Но тем не менее нельзя не признать, что философская информация вплоть до Нового времени носила скудный и отрывочный характер. Уже в XVII—XVIII веках меняется философская картина. Европейская философия не ограничивается национальными рамками. Декарт, например, становится известным не только во Франции, но и в Нидерландах, где он прожил около 20 лет. Английский философ Д.Юм находился в близких отношениях со многими французскими просветителями XVIII века, которые широко были известны в России. Д.Дидро приезжал в Петербург, встречался с русскими интеллектуалами, вел беседы по философским, политическим и другим проблемам. А философия Гегеля вызывала бурные дискуссии среди русских интеллигентов.

Европейская культура была перенесена на Новый Свет, Австралию и другие регионы мира, что привело к частичной европеизации мировой духовной культуры. Одни считают, что это сказалось негативно на развитии мировой цивилизации, что европейцы уничтожили местную культуру, навязали свои традиции и нормы жизни. Так была ликвидирована древнейшая цивилизация инков в Америке. Другие, напротив, полагают, что Европа внесла новые ценности, способствовавшие прогрессу всех народов, подъему их культуры. Истина, как всегда, лежит где-то посередине. Да, европейцы при расширении своего социального пространства поступали не лучшим образом с туземцами, с их культурой. Но, с другой стороны, благодаря европейской культуре многие народы совершили качественный скачок по пути социального прогресса и приобщения к мировой цивилизации. Еще раз подтверждается старая истина о том, что исторический процесс не есть прямая дорога, что развитие истории носит не только драматический, но и порой трагический характер. Поэтому история не поддается моральным оценкам.

Таким образом, с победой буржуазных общественных отношений во всемирном масштабе сложилось единое социальное пространство, на котором расположились сотни государств и народов. На этом социальном пространстве они занимают разные политические пространства, размеры которого определяются экономической мощью, территорией и людскими ресурсами.

§ 2. Социальное пространство современного мира

В современном мире человечество имеет единое социальное пространство. Все страны и народы так или иначе сотрудничают в области экономики, политики и культуры. Существуют различные международные организации, призванные разрабатывать соответ-

вующие мероприятия по проведению международных форумов, совещаний, спортивных соревнований и т. д. Организация Объединенных Наций, созданная после окончания второй мировой войны для решения спорных вопросов мирными политическими средствами, включает в свои ряды почти все государства мира. Она представляет собой уникальное политическое образование, которое занимается всеми проблемами, касающимися всех народов и государств. Благодаря современному транспорту в считанные часы можно пересечь океаны и континенты, познакомиться с культурой, традициями и обычаями народов, что позволяет очень быстро освоить мировые духовные ценности. Нынешние средства массовой информации дают небывалую возможность увидеть и услышать происходящее в любой точке земного шара. Влияние масс-медиа чрезвычайно велико. Они формируют планетарное мышление, остро и живо реагирующее на все происходящее в мире. В свое время Ясперс, размышляя над будущим мировой истории, отмечал, что единое социальное пространство должно привести к глобальному единству. «Мотивы на пути к глобальному единству — это, с одной стороны, свойственная нашему времени, как и всякому другому, воля к власти, не знающей покоя, пока ей не подчинится все; с другой — нависшее над всей планетой бедствие, требующее немедленной договоренности великих держав, которые перед огромной грозящей всем опасностью не решаются в отдельности применить силу, а над обоими этими мотивами возвышается идея солидарного в своих стремлениях человечества»¹³¹. Из глобального единства, считает Ясперс, может возникнуть либо мировая империя, либо мировой порядок. В первом случае будет установлена деспотическая власть, базирующаяся только на насилии и подчиняющая себе всех из единого центра. Она будет формировать конформистское сознание и будет подавлять всякую свободную духовную деятельность. Во втором случае речь идет о мирном демократическом сообществе, находящемся в состоянии постоянного изменения и совершенствования. Этот «мировой порядок являет собой единство без единой власти, за исключением тех случаев, когда она утверждается по договоренности и в силу общего решения. Установленный порядок может быть изменен только законодательным путем на основе новых постановлений. Стороны сообщества подчинились этой процедуре и постановлениям большинства, гарантировали общие всем права, которые защищают существующее в каждый данный момент меньшинство и остаются основой челове-

¹³¹ Ясперс К. Истоки истории и ее цель. Вып. 2. М., 1991. С. 87—88.

ческого существования в его движении и самокоррегировании»¹³². В мировом порядке нет больше чуждых сил, варварских народов и строго охраняемых государственных границ. Все государства и народы стремятся к тому, чтобы был мир, чтобы не нарушались права и суверенитет государства.

Ясперс понимает, что формирование мирового порядка может столкнуться с трудностями и опасностями. Во-первых, многие государства могут стремиться к тому, чтобы доминировать внутри мирового порядка, диктовать всем остальным свою волю. Во-вторых, они могут развязать войну, что в эпоху ядерного оружия приведет к гибели всей мировой цивилизации. Но тем не менее Ясперс выражает уверенность в том, что можно создать такой мировой порядок, в котором никто не будет чувствовать себя дискомфортно и в котором будет царить гармония и глобальное сотрудничество.

Нельзя не согласиться с немецким мыслителем в том, что становление глобального единства — процесс сложный и трудный. Имея единое социальное пространство, человечество стремится к тому, чтобы иметь также единое экономическое и политическое пространство. Но это движение к мировому порядку сложно и противоречиво. Дело в том, что становление единого экономического пространства требует более или менее одинакового уровня развития экономики всех стран, так как именно такой уровень позволит поддерживать нормальные, на основе взаимной выгоды торговые отношения. Об этом свидетельствует экономическое сотрудничество развитых стран, между которыми бывают и столкновения, и разногласия на экономической почве, но тем не менее в результате нормальных коммерческих связей выигрывают все стороны.

Опыт мировой истории говорит о том, что, по крайней мере, до настоящего времени мир развивался неравномерно. Одни страны экономически были богаче, другие — беднее. Затем появлялись новые государства, которые со временем начинали играть доминирующую роль в мировой экономике. Иначе говоря, закон неравномерного экономического развития является универсальным законом, действующим на протяжении всей мировой истории. Этот закон, естественно, действует и в нашу эпоху. Так, развитые страны занимают сравнительно небольшой процент социального пространства, и драматизм ситуации состоит в том, что развивающиеся государства, судя по прогнозам и по их нынешнему состоянию, навряд ли догонят когда-нибудь развитые. Здесь в силу вступает такой мощный фактор,

¹³² Ясперс К. Истоки истории и ее цель. М., 1991. Вып. 2. С. 89.

как энергетические ресурсы. Казалось бы, большая часть этих ресурсов находится на территории развивающихся стран. Эти ресурсы заключают в себе колоссальные возможности для качественного экономического скачка и соответственно для резкого повышения жизненного уровня людей и формирования глобального экономического пространства. Но в том-то и дело, что это только возможности, а не действительность. А возможности, как правило, носят абстрактный характер, а потому допускают всякие случаи, в том числе и абсурдные. Как не вспомнить великого диалектика Гегеля! «Возможно, что сегодня вечером луна упадет на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому также упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан делается папой, ибо он — человек и может как таковой обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т. д.»¹³³. Но «возможно ли нечто или невозможно, это зависит от содержания, т. е. от тотальности момента действительности, которая в своем раскрытии обнаруживает себя как необходимость»¹³⁴.

Чтобы возможность развивающихся стран превратиться в развитые стала действительностью, требуются определенные необходимые и объективные условия. Речь идет прежде всего о том, что страны должны иметь современную технологию, информацию, науку — словом, все, что делает современную экономику высокоэффективной. Такими средствами развивающиеся страны не располагают и, судя по нынешней ситуации, в будущем тоже не будут располагать, так как у них нет финансов для развития. Эти средства находятся в руках развитых государств, которые покупают дешевое сырье, превращают его в разнообразный товар и предлагают это дешевое сырье продавшим, т. е. развивающимся, государствам. Те вынуждены покупать его в кредит, поскольку у них нет эквивалентного обмена. В итоге постоянно растут их долги и не наблюдается нормального экономического роста.

В связи с рассмотрением энергетических ресурсов нельзя не обратить внимание и на такой факт, как необходимость их определенного количества для подъема жизненного уровня всех народов мира. Однако подсчеты показывают, что на Земле нет такого количества ресурсов, чтобы всех одинаково обеспечить материальными и иными благами. Таким образом, становление единого экономического пространства будет сталкиваться с большими трудностями и сложностями, и вряд ли нужно делать какие-то оптимистические прогно-

¹³³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1: Наука логики. М., 1974. С. 316.

¹³⁴ Там же. С. 317.

зы: закон неравномерного экономического развития есть объективный закон мировой истории и, пока существует человечество, он будет функционировать.

Аналогичные выводы можно сделать и относительно единого политического пространства. Как и в экономическом пространстве, не все государства в нем занимают одинаковую политическую площадь. Размер площади зависит от размера политического пространства и экономической мощи государства. Как свидетельствует опыт мировой истории, всегда сильные государства занимали больше политического пространства, больше влияли на решение тех или иных политических вопросов. В Европе, например, в античности доминировала Греция, затем пришло время Римской империи, а начиная с Нового времени первую скрипку играли то Англия, то Франция, то Испания, то Германия. Со времени Петра I заметно возросло влияние России. В Юго-Восточной Азии Япония и Китай занимали большую площадь политического пространства.

До конца 1991 года нынешнего столетия существовал двухполюсный мир, образовавшийся после окончания Второй мировой войны. Лидеры полюсов — США и СССР — стали называться супердержавами, т. е. державами, от действий которых, собственно говоря, зависела судьба мировой цивилизации. Каждая из них в отличие от других держав обладала колоссальным экономическим и военным потенциалом, что давало им возможность в любое время вмешаться в дела любого государства. «В некоторых аспектах, — пишет З.Бжезинский, — соперничество между Соединенными Штатами и Советским Союзом представляло собой осуществление излюбленных теорий геополитиков: оно противопоставляло ведущую в мире военно-морскую державу, имевшую господство как над Атлантическим океаном, так и над Тихим, крупнейшей в мире сухопутной державе, занимавшей большую часть евразийских земель (причем китайско-советский блок охватывал пространство, отчетливо напоминавшее масштабы Монгольской империи). Геополитический расклад не мог быть яснее: Северная Америка против Евразии в споре за весь мир. Победитель добивался бы подлинного господства на земном шаре. Как только победа была бы окончательно достигнута, никто не смог бы помешать этому.

Каждый из противников распространял по всему миру свой идеологический призыв, проникнутый историческим оптимизмом, оправдывавшим в глазах каждого из них необходимые шаги и укреплявшим их убежденность в неизбежной победе. Каждый из соперников явно господствовал внутри своего собственного пространства, в отличие от имперских европейских претендентов на мировую гегемонию, ни одному из которых так и не удалось когда-либо установить

решающее господство на территории самой Европы. И каждый использовал свою идеологию для упрочения власти над своими вассалами и зависимыми государствами, что в определенной степени напониало времена религиозных войн»¹³⁵.

История превращения СССР в супердержаву хорошо известна, так как это произошло в сравнительно короткий отрезок времени, т.е. примерно за последние 35—40 лет. Но менее известна история становления США как супердержавы — этого уникального государственного образования, существующего на политической карте немногим более 200 лет. Отцы сегодняшней Америки вовсе не думали о том, чтобы когда-нибудь оказаться на вершине полюса политического пространства. Они мечтали лишь о том, чтобы занять ведущее положение на Американском континенте. Но в 1823 году пятый президент США Дж. Монро провозгласил доктрину, обессмертившую его имя. Он заявил, что США очень довольны чистосердечными и дружескими отношениями, существующими между США и европейскими державами. Но вместе с тем США будут рассматривать всякую попытку европейских государств распространить свое влияние на Американский континент как опасную для США.

Соединенные Штаты начали осуществлять свою мечту о господстве на новом континенте. Они, используя угрозу и силу, присоединили к себе обширные территории Мексики, а в конце XIX века аннексировали Пуэрто-Рико и Кубу. Со временем весь Американский континент оказался под влиянием Соединенных Штатов Америки. Постепенно они начали распространять свое влияние на другие регионы мира. З.Бжезинский превращение США в мировую державу называет «коротким путем к мировому господству». Он пишет: «Испано-американская война 1898 года была первой для Америки захватнической войной за пределами континента. Благодаря ей власть Америки распространилась далеко в Тихоокеанский регион, далее Гавайев, до Филиппин. На пороге нового столетия американские специалисты уже активно занимались выработкой доктрин военно-морского господства в двух океанах, а американские военно-морские силы начали оспаривать сложившееся мнение, что Британия «правит морями»¹³⁶. Президент Мак-Кинли говорил, что надо подчинить себе Юго-Восточную Азию, так как в Китае имеются неограниченные возможности для рынка. А его преемник Теодор Рузвельт заявил, что история человечества началась с эпохи Средиземноморья, затем воз-

¹³⁵ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1998. С. 16.

¹³⁶ Там же. С. 13—14.

ник атлантический период и что в настоящее время она входит в фазу Тихого океана. Как военные, так и политические руководители США постоянно подчеркивали, что всегда и всюду нужно защищать жизненные интересы американского государства, являющегося маяком для всех стран мира и имеющего исключительное предназначение в истории человечества, что нет ничего выше, чем национальные интересы. И надо отдать им должное. Они это делали довольно профессионально и умело. Используя политику кнута и пряника, они везде стремились к тому, чтобы включить в свою орбиту, т. е. в свое политическое пространство, то или иное государство. Тем не менее надо сказать, что до окончания второй мировой войны США не играли роль первого мирового лидера. Как во время первой мировой войны, так и во время второй мировой войны они просто присоединились к тем или иным коалициям.

После развала биполярного мира многие полагали, что возникнет полиполюсный, т. е. многополюсный, мир, в котором самое активное участие будут принимать Япония, Китай и объединенная Европа. Но они ошиблись и не могли не ошибиться, так как не учитывали ни опыта истории, ни сложившейся новейшей международной ситуации. Дело в том, что в истории всегда доминировал однополюсный мир: то Греция, то Рим, то Англия, то Франция. Даже в тех или иных коалициях кому-то принадлежала господствующая роль. Однако, когда раньше существовал однополюсный политический мир, не было еще единого социального пространства. Господствующее положение той или иной великой державы ограничивалось двумя-тремя регионами (Европа, частично Азия и Северная Африка) и не представляло особой опасности, так как лидер-государство навязывало свои ценности и свою волю небольшой части государств и народов, населяющих земной шар. Но даже в этих случаях рано или поздно великая империя уступала свое место другой империи, а сама приходила в упадок.

Многие современные исследователи уделяют большое внимание изменению политического пространства в XXI веке. Мы здесь коснемся воззрений вышеупомянутого американского политолога З.Бжезинского. Он ратует за то, чтобы США и в будущем веке оставались единственной сверхдержавой, диктующей остальному миру свою волю и свои представления о мире. Он полагает, что прежние мировые империи были хрупкими и нестабильными, поскольку они были созданы политическими элитами и носили деспотический характер. Что касается Соединенных Штатов как великой империи и супердержавы, то, по утверждению американского исследователя, они несут в себе заряд демократии и высокой культуры и поэтому не могут не служить примером для остальных государств и народов.

«Культурное превосходство, — пишет З.Бжезинский, — является недооцененным аспектом американской глобальной мощи. Что бы ни думали некоторые о своих эстетических ценностях, американская массовая культура излучает магнитное притяжение, особенно для молодежи во всем мире... Американские телевизионные программы и фильмы занимают почти три четверти мирового рынка. Американская популярная музыка также занимает господствующее положение, и увлечениям американцев, привычкам в еде и даже в одежде все больше подражают во всем мире»¹³⁷. Не менее привлекательны, с точки зрения З.Бжезинского, американские идеалы и представления о демократии. Американские формы правления, американское уважение к конституции как к основному закону страны служат стандартом для всех государств. Для сохранения своего лидирующего положения в XXI веке, по глубокому убеждению З.Бжезинского, у США есть все основания. «Поскольку подражание американскому пути развития постепенно пронизывает весь мир, это создает более благоприятные условия для установления косвенной и на вид консенсуальной американской гегемонии. Как и в случае с внутренней американской системой, эта гегемония влечет за собой комплексную структуру взаимозависимых институтов и процедур, предназначенных для выработки консенсуса и незаметной асимметрии в сфере власти и влияния. Американское глобальное превосходство, таким образом, подкрепляется сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир»¹³⁸.

З.Бжезинский считает, что США должны везде играть доминирующую роль, но при этом следует свою политику согласовывать с другими державами, прежде всего с крупными державами, имеющими солидный экономический и политический вес. Это в первую очередь Германия, Франция, Япония, Китай, Россия и др. Относительно России он пишет, что ей надо осознать свою нынешнюю ситуацию, отказаться от имперских амбиций и главное внимание уделять Европе. «Для России единственный геостратегический выбор, в результате которого она смогла бы играть реальную роль на международной арене и получить максимальную возможность трансформироваться и модернизировать свое общество, — это Европа. И это не просто какая-нибудь Европа, а трансатлантическая Европа с расширяющимися ЕС и НАТО»¹³⁹. Россия, продолжает Бжезинский, должна принять

¹³⁷ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 38.

¹³⁸ Там же. С. 39—40.

¹³⁹ Там же. С. 142—143.

новые реальности, которые возникли после распада Советского Союза. Иными словами, Россия должна осознать, что она уже не великая держава. Что касается Китая, то он, по мнению американского политолога, останется региональной державой, но не станет мировой. Зато Японии Бжезинский предсказывает хорошее будущее: она будет мировой державой.

Трудно сказать, насколько верными окажутся прогнозы Бжезинского. Но нет сомнения в том, что на политическом пространстве произойдут колоссальные изменения. Я коснусь тенденции политического развития некоторых регионов и государств. При этом не буду говорить о США, ибо думаю, что США действительно останутся ведущей мировой державой в обозримом будущем.

Начну с Западной Европы. Исторически она формировалась как единое целостное образование. У французского историка XX века М.Блока были основания писать, что нет истории Франции, а есть история Европы. Известно, что она унаследовала римские традиции, духовные и материальные ценности. В IX веке возникает мощная Каролингская империя, которая распадается на королевства: «Западно-Франкское королевство стало Францией, с которой начала сливаться Аквитания... Восточно-Франкское королевство стало Германией»¹⁴⁰. Постепенно сформировались и другие западноевропейские государства.

Хотя государства Западной Европы довольно часто воевали между собой на протяжении многих столетий, в том числе и в XX веке, тем не менее они всегда стремились к образованию некоего европейского сообщества. Так, в начале XIX века замечательный французский ученый Сен-Симон написал работу «О преобразовании европейского общества», в которой доказывал необходимость объединения всех европейских народов. Он тогда уже предложил создать европейский парламент. «Европа, — писал Сен-Симон, — имела бы наилучшую из возможных организаций, если бы все составляющие ее нации, управляясь каждая своим парламентом, признавали бы верховную власть парламента, поставленного над всеми национальными правительствами и облеченного властью разбирать их споры»¹⁴¹.

В современной Европе такой парламент заседает во французском городе Страсбурге. Ныне Западная Европа представляет как бы единое целостное образование. Каждое государство, разумеется, имеет

¹⁴⁰ Гофф Ж.Л. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С. 50.

¹⁴¹ Родоначальники позитивизма. Вып. 3. Сен-Симон / Под ред. Э.Л. Радлова. СПб., 1911. С. 140.

свои национальные интересы, но вместе с тем защищает и общеевропейские интересы, потому что все страны Западной Европы настолько связаны между собой экономически и политически, что ухудшение экономической или политической ситуации в одной стране так или иначе сказывается на ситуации в других странах. Поэтому национальные правительства стремятся защищать не только интерес собственного государства, но и интересы всей Западной Европы. Это будет происходить и в будущем. Но не исключены всякого рода противоречия между западноевропейскими государствами.

Нельзя забывать и то, что внутри западноевропейского политического пространства не все государства занимают одинаковое место. Крупные государства — Франция, Великобритания, Италия, Германия — играют одну роль, а небольшие — другую. Франция и Великобритания имеют ядерное оружие, что позволяет им чувствовать себя более независимо, проводить более самостоятельную внешнюю политику на международной арене. Они поддерживают тесные контакты со своими бывшими колониями, и эти контакты, по всей вероятности, будут расширяться и углубляться.

Франция пытается проводить более независимую внешнюю политику в отношении Соединенных Штатов Америки, занять более широкое экономическое и политическое пространство во всем мире. В этой связи многие французские исследователи настроены пессимистически относительно будущего Франции. Ее экономика не занимает ведущего положения не только в мире, но и в Европе. Сузились политические возможности. «Сузилось также наше интеллектуальное влияние. Наши молодые люди и наши ученые за границей больше думают о своем благополучии, чем о том, чтобы распространять дух нашей страны»¹⁴². А Н. Баврез заявил, что французская нация представляет собой нисходящую нацию, лишенную будущего. Может быть, такого рода заявления французских ученых имеют слишком пессимистический характер, но вместе с тем надо сказать, что они отражают определенные реалии современной Франции. Зато Германия в настоящее время представляет собой самое мощное в экономическом отношении государство во всей Европе. Было бы наивно думать, что она забудет о своих исторических традициях и не станет обращать никакого внимания на то, что происходит в мире. Она будет играть все большую и большую роль в мировой политике, будет расширять свое политическое пространство не только в Европе, но и во всем мире.

¹⁴² *Barre R. J'avoue mon inquietude // Commentaire. 1998. № 81. P. 9.*

Относительно Китая следует сказать, что он сегодня представляет как бы страну «в себе», т. е. он как бы не стремится к распространению своего влияния на весь мир, к тому, чтобы занять больше политического пространства. Но всегда ли так будет? Полагаю, что нет. Население Китая составляет более одного миллиарда человек, его экономика развивается очень стремительно, растет и его политический вес. Поэтому со временем Китай из страны «в себе» превратится в страну «для себя», т. е. в страну, которая будет стремиться к расширению своего влияния во всем мире и своего политического пространства.

Нет сомнения в том, что Япония, чья экономика тоже стабильно развивается, не ограничится одним экономическим влиянием на мировые дела. Она, как и Китай, выйдет за пределы своих регионов и будет претендовать на то, чтобы оказывать более весомое влияние на международную политику и занять большее политическое пространство.

Усиливается влияние и Индии. Она занимает второе место в мире по численности населения. «У нее за плечами многовековой опыт культурного и духовного развития. Она может идти вперед как в области теоретических наук, так и в области применения науки на практике и стать великой промышленной страной»¹⁴³. Ее экономика в целом стабильно развивается. Она стала ядерной державой. Нет сомнения в том, что в будущем мировом политическом пространстве Индия займет более достойное место.

Перейдем теперь к так называемому «третьему миру», охватывающему слаборазвитые страны. Они оказались в очень трудном положении. Они лишены научного капитала, без которого немислимо развитие экономики; у них нет информационного пространства, без которого невозможно формирование сознания и самосознания народа, нормальное развитие национальной культуры. Падает их жизненный уровень. Постоянно растет их долг перед развитыми государствами.

Не менее сложная ситуация сложилась и в странах Латинской Америки. Непокойно и в арабском мире. Иран — страна древнейшей цивилизации — постепенно начинает развивать свою экономику, требует большего политического пространства в Ближневосточном регионе, и не исключено, что у него будут возникать противоречия с соседними государствами.

¹⁴³ *Неру Джавахарлал*. Открытие Индии. Книга вторая. М., 1989. С. 408.

Возьмем теперь Россию. Надо сказать, что Россия с самого начала представляла собой единое географическое, экономическое и политическое пространство, т. е. единый организм, части которого взаимодействовали вертикально, горизонтально и функционально. Россия как великая держава со времен Петра Великого оказывала большое влияние на европейские и мировые дела. Ни один политический вопрос в Европе не разрешался без активного российского участия.

Советский Союз был преемником России. Он был в экономическом, военном и политическом отношении наряду с США самым могучим государством. Он одержал самую убедительную победу во второй мировой войне, за короткий срок восстановил свое народное хозяйство и превратился в супердержаву.

Нынешняя Россия возникла после развала СССР. Но это уже не прежняя Россия. Она оказалась в беспрецедентном положении. Географически она граничит с Западом только на севере, полностью перестала иметь границы на юге с Турцией и Ираном, в Средней Азии с Афганистаном. Теперь в этих регионах она граничит с бывшими республиками СССР.

С момента появления России как великой державы на политической сцене мира Запад проявляет к ней двойственное отношение: с одной стороны, он стремится с ней сотрудничать, но, с другой стороны, не питает к ней большого доверия и объективно не заинтересован в том, чтобы Россия была сильным и могучим государством. Одна из причин такого отношения, на мой взгляд, состоит в том, что Запад, как уже отмечалось, формировался как единый политический организм. Западноевропейские народы (французы, итальянцы, немцы, испанцы, англичане и др.) относятся к одному суперэтносу. Они имеют свои национальные культуры, традиции, языки, менталитет, но тем не менее у них есть и некоторые общие черты. Скажем, рационализм присущ всем им. Хотя он проявляется по-разному. Ведь не случайно философия рационализма в XVIII веке доминировала во Франции, Германии и других странах Западной Европы.

Что касается России, то на нее определенный отпечаток наложило то, что долгое время она находилась под влиянием Монгольской империи. Некоторые (Н.С. Трубецкой, Л.Н. Гумилев и др.) даже утверждают, что Россия не формировалась на базе Киевской Руси. Вот что писал Н.С. Трубецкой: «Господствовавший прежде в исторических учебниках взгляд, по которому основа русского государства была заложена в так называемой «Киевской Руси», вряд ли может быть признан правильным. То государство или группа мелких, более или менее самостоятельных княжеств, которых объединяют под име-

нем Киевской Руси, совершенно не совпадает с тем русским государством, которое мы в настоящее время считаем своим отечеством... В исторической перспективе то современное государство, которое можно называть и Россией, и СССР (дело не в названии), есть часть великой монгольской монархии, основанной Чингисханом¹⁴⁴. Много неславянских элементов Н.С. Трубецкой находит в русской культуре, обращает внимание и на общие элементы менталитета, т. е. психического склада людей, живущих в России. Нельзя игнорировать воззрения Н.С. Трубецкого и других сторонников евразийства. Действительно, народы, проживающие на территории России, принадлежат к одному суперэтносу и, следовательно, имеют много общих черт в культуре, в традициях и в обычаях. Конечно, вместе с тем у них есть свои национальные культуры, традиции, обычаи и т. д.

Однако отсюда вовсе не следует, что между Россией и Западом ничего общего нет. Очень даже много общего и в культуре; и в экономике, и в торговле, и в других областях. Поэтому, с одной стороны, необходимо стремиться к сотрудничеству с Западом, а с другой — нужно сохранить свое лицо и свою самобытность.

Положение современной России сложно и противоречиво. Как свидетельствует история человечества, сильным в экономическом отношении государствам легче проводить самостоятельную политику и легче защищать свой национальный суверенитет. Как писал Макиавелли, слабые государства действуют нерешительно, а нерешительность всегда вредна. Сильные государства постоянно расширяют свое политическое пространство. Их уважают и ценят, к их голосу прислушиваются, за ними признают определенный приоритет в проведении той или иной политики.

В настоящее время мы имеем уникальную картину единого социального пространства, на котором расположены сотни государств и народов со своими традициями, обычаями, культурными и иными ценностями. Кроме того, человечество должно решить, если не хочет погибнуть, вставшие перед ним глобальные проблемы, что требует усилий всех государств мира, компромисса при решении энергетических и иных задач.

В связи с освоением космоса человечество расширяет свое социальное пространство. И если когда-нибудь люди начнут переселяться на другие планеты, то историческое пространство еще больше расширится, и в этом смысле можно сказать, что оно так же бесконечно, как и пространство вообще.

¹⁴⁴ Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 211, 213.

§ 3. Социальное время

Общефилософская дефиниция времени как формы существования материи имеет важное методологическое значение, так как подчеркивает объективность времени, протекающего независимо от человека и человечества. Но социально-философское исследование времени этим не может ограничиться. Как естественные (физика, биология, медицина), так и общественные (политэкономия, история, социология и т. д.) науки изучают время, но каждая из них рассматривает его под своим углом зрения. Что касается социальной философии, то она дает универсальную характеристику социального времени, анализирует его гносеологические и онтологические аспекты.

Социальная философия изучает развивающееся во времени общество, деятельность субъектов истории, социальные процессы и феномены в их взаимосвязи и развитии. Поэтому очень важно выяснить, как осознается людьми время, какую роль оно играет в жизни социума. В нашу бурно развивающуюся и динамическую эпоху слово «время» по частоте употребления занимает одно из первых мест. Мы постоянно спешим, нам не хватает времени для решения многих повседневных задач. Мы учитываем даже не сутки, а часы, минуты и секунды. Все чаще можно слышать: «Как быстро летит время!» Но всегда ли так было? Всегда ли такое значение придавали времени?

Люди давно начали осознавать время, но в каждую историческую эпоху оно воспринималось по-разному. Современное восприятие времени очень сильно отличается от его восприятия людьми древнего мира и даже средневековья. Дело в том, что представления о времени, ощущение его хода и необратимости связаны с понятиями становления и развития, но люди не всегда могли понять и осознать, что все в мире формируется, изменяется и развивается. Первобытные племена, например, воспринимали мир как нечто раз и навсегда данное и неизменное. Естественно, что их понимание времени носило примитивный характер. Они представляли время лишь как конец жизни и не придавали ему социального значения. Люди не ценили время в том смысле, что не фиксировали его как определенный этап их жизнедеятельности. Даже до сих пор, как пишет французский историк Ф.Ариес, в африканских джунглях понятие о возрасте жизни все еще достаточно смутно. Это тем более касается первобытных обществ. Само восприятие времени связывалось с событиями, имевшими место в жизни рода или племени. Например, день рождения ребенка запоминался в связи с каким-нибудь событием: либо с днем рождения первого ребенка, либо с удачной охотой и т. д. Но дата рождения или смерти, конечно, не фиксировалась. Такое отношение ко

времени, естественно, объясняется низким уровнем общественных отношений, культуры и отсутствием письменности. Объективно не было необходимости в точной фиксации времени, в его делении на часы, минуты, секунды. Примитивной социальной жизни соответствовало примитивное восприятие времени.

В античном мире представления о времени резко меняются. Время уже получает социальную характеристику и воспринимается как фактор, играющий важную роль в жизнедеятельности человека и поэтому требующий к себе бережного отношения. Люди начинают осознавать связь настоящего, прошлого и будущего. Так, Аристотель писал, что «настоящее время соприкасается с прошедшим и будущим»¹⁴⁵.

Поскольку рабовладельческое общество находилось на более высоком уровне развития, чем первобытное, восприятие времени уже имеет не просто чувственно-осознаваемый характер (связь времени с каким-либо событием), но и абстрактный, т. е. время оценивается независимо от конкретных вещей, событий и явлений.

Однако подлинное понимание времени начинается с эпохи Возрождения. «Это — эпоха, начинающаяся со второй половины XV века. Королевская власть, опираясь на горожан, сломала мощь феодалного дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество...»¹⁴⁶. Эпоха Возрождения — это эпоха разложения феодализма и формирования капиталистических общественных отношений. Капиталист проявляет необычную активность для получения большей прибыли, и поэтому он бережет каждый час, каждую минуту, ибо понимает, что от его экономии времени зависит его богатство. Сонное средневековье было разбужено активно действующим буржуем. Вот почему «синонимом времени стала практическая деятельность, ее ритм»¹⁴⁷. Именно с Возрождения появляется возможность сравнивать одну историческую эпоху с другой через призму времени. С этого периода люди начали представлять свою историю как историю развивающуюся во времени.

Вопросы времени оказались в центре внимания анналовской школы, получившей свое название от журнала «Annales», основанного М.Блоком и Л.Февром в 1929 году в Страсбурге. Один из виднейших ее представителей Бродель пишет, что социальное время пред-

¹⁴⁵ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1978. Т. 2. С. 62.

¹⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 345.

¹⁴⁷ Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. С. 79.

ставляет сложное и противоречивое явление, содержащее в себе прошлое и настоящее человечества. Французский историк вводит понятие диалектики длительности: «История, — пишет он, — это диалектика длительности. Через нее и благодаря ей она есть учение обо всем социальном и, следовательно, о прошлом и настоящем, ибо прошлое и настоящее неотделимы друг от друга»¹⁴⁸. Историк не может игнорировать время, поскольку предмет его занятий — прошлое человечества — немислим без учета времени. Нет исторических событий, фактов и источников, находящихся вне времени.

Представители традиционной истории, продолжает Бродель, обращали внимание только на короткие отрезки времени, и не случайно ее называли событийной, или сериальной, историей, изучавшей лишь крупные события: войны, революции и т. д. Эта историческая наука фактически игнорировала время, и поэтому результаты ее исследований всегда отличались излишним схематизмом и абстрактностью. Анналовская школа, отмечает Бродель, решила устранить этот недостаток традиционной школы и в центр своих изысканий поставить время. Она делит его на короткое время (*temps bref*) и длительное время (*longue duree*).

Короткое время охватывает дни, сутки, месяцы. Например, пожары, сезон дождей выражаются коротким временем, поскольку они длятся сравнительно недолго. Оно также охватывает все формы экономической, социальной, религиозной жизни. Что касается длительного времени, то здесь речь идет о столетиях и тысячелетиях. Среди всех времен длительное время занимает особое место, и историку нелегко к нему привыкнуть, хотя без него нельзя объяснить всю историю человечества. Это время неподвижно и лежит в основе познания исторического процесса. Оно как бы составляет каркас истории.

Небезынтересно отметить, что Бродель критикует тех историков (например, Лакомба), которые отрицали объективный характер времени. Нельзя, пишет он, абстрагироваться от времени и считать его своей субъективной идеей, ибо время — это процесс создания материальных богатств, жизнедеятельности человека. Всякое событие пронизано временем, так как оно связано с другими событиями, которые имели место раньше.

При исследовании социального времени следует иметь в виду, что всякая разновидность времени носит социальный характер, поскольку все, что происходит в обществе, социально. Поэтому время, изучаемое всеми общественными дисциплинами (политической эконо-

¹⁴⁸ Braudel F. *Ecrits sur l'histoire*. Paris, 1969. P. 104.

мией, историей, социологией и т. д.), есть социальное время. Но каждая наука исследует его под своим углом зрения, как уже было сказано выше.

В социальной философии время рассматривается в более широком, философском смысле. Весь исторический процесс изучается как процесс, совершающийся во времени, детерминированный материальными отношениями. При этом социальная философия опирается на достижения других наук, в частности политической экономики, социологии, истории. Философский анализ времени требует знаний конкретной действительности, что возможно только при учете достижений других наук. Возьмем историческое время. Им занимается не только историческая наука, но и социальная философия. Она исследует его онтологические и гносеологические характеристики. В онтологическом смысле социальное время возникает вместе с историей общества. Являясь его формой существования, оно развивается и изменяется вместе с ним. Под гносеологическим аспектом подразумевается осознание времени в мифологических, натуралистических и космических терминах. Другими словами, в данном случае речь идет о неисторическом восприятии времени, когда оно не связывалось с историческим развитием общества. В мифах, сказках, эпосе время не развивается и не изменяется. Но по мере развития исторического процесса гносеологическая окраска времени тоже меняется. Оно уже воспринимается не через мифы и сказки, а через исторические события и факты.

М.А. Барг выделяет специально календарное время, которое в отличие от исторического времени течет равномерно, ритмично и непрерывно. Оно совершенно одинаково для всех эпох и периодов. Так, календарное время в первобытном обществе текло также ритмично и равномерно, как протекает в нашу эпоху, хотя ритм родового строя существенно отличается от ритма современных людей. Календарное время подчиняется своим собственным законам, и оно независимо от развития и изменения исторических событий.

В отличие от календарного времени историческое время предполагает содержательный анализ человеческой истории. Оно насыщено конкретным социально-историческим содержанием и, по справедливому замечанию японского философа Я.Кэндзюро, пронизывает всю историю, поскольку анализ времени позволяет представить человеческое общество как находящийся в постоянном развитии социальный организм. Мы чувствуем историческое время благодаря ходу истории, событий, явлений, процессов. Игнорирование времени неизбежно ведет к неисторическому подходу к исследованию общественных отношений.

Сравнивая календарное и историческое время, нельзя не отметить и то, что если календарное время всегда течет ровно, плавно и ритмично, то историческое время прерывисто и относительно. В нем возможны и цикличность, и повторяемость (разумеется, не абсолютная), и даже движение вспять. Это видно особенно тогда, когда происходят крупные события, оказывающие большое влияние на последующее общественное развитие.

Историческое время связано с содержательным анализом социальных организмов и поэтому требует целостного подхода. Оно приобретает содержание лишь при условии, если его определить как специфическую форму существования социальной целостности. Анализ содержания исторического времени возможен только при учете диалектического единства всех фактов, явлений, процессов и событий истории, ибо они-то и составляют его содержание. И для раскрытия цикличности и прерывистости исторического времени нужно исследовать его содержание, т. е. события и процессы, имевшие место на данном отрезке времени. Насыщенность исторического времени зависит от содержательности и насыщенности исторических событий. Примером могут служить революции и войны, которые ломают привычный уклад жизни людей и за короткий период качественно изменяют общественные порядки, менталитет и образ жизни людей. За последние 20 лет в мире произошли такие колоссальные изменения, которые привели к коренному и полному преобразованию социально-политических и экономических институтов, к пересмотру сложившихся после второй мировой войны государственных границ многих стран. Иначе говоря, эти процессы полностью изменили картину мира. Двадцать лет исторического времени по насыщенности и содержанию равняются многим векам прошлых эпох.

Календарное время не зависит от людей, тогда как историческое время зависит от них, и в этом смысле оно (историческое время) субъективно. Его содержание зависит от деятельности субъектов истории, которые могут быстро наполнить его большими историческими событиями, имеющими громадное значение для человечества, и изо дня в день трудиться, создавать материальные и духовные ценности и передавать их из поколения в поколение.

Субъективность исторического времени состоит также в том, что всякий индивид по-своему распоряжается своим временем. Он может его интенсифицировать, не транжирить и за короткий срок создать великие творения, работать с полной отдачей сил. Пушкин, Моцарт, Рафаэль прожили мало, но внесли в историю культуры неопределимый вклад. Правильно говорят, что жизнь измеряется не количеством прожитых лет, а ее содержанием, т. е. тем, что было

сделано за отведенное на жизнь время. Маркс отмечал, что время — это простор для развития способностей, а мерилom богатства общества он считал наличие свободного времени, используемого каждым человеком для самосовершенствования и для проявления своих творческих способностей.

Время как основное условие всякого развития показывает историю в движении и изменении, оно дает представление о том, как человеческое общество по мере продвижения по пути социального прогресса совершенствуется, гуманизируется и превращается в действительное пространство людей, уникальных творцов цивилизаций на Земле.

Время необратимо. Прошлое нельзя вернуть. Каждый день сокращает жизнь человека. Нельзя не вспомнить Пушкина, выразившего в гениальных стихах необратимый характер времени:

Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит —

Летят за днями дни, и каждый час уносит

Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем

Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем.

Не хочется человеку умирать. Он хочет жить вечно, но понимает, что это невозможно, и придумывает загробную жизнь. Но в действительности никакой загробной жизни нет, а есть суровые реалии: природа нам отвела определенный отрезок времени, и мы должны его максимально использовать для проявления своих сущностных сил, для того, чтобы своими творениями обессмертить свое имя. Это касается не только человека, но и цивилизаций, государств, народов и т. д. Давно ушел в мир иной древнегреческий мир, но никто не станет отрицать, что нашими современниками являются Сократ, Платон, Аристотель и другие мыслители античности, обессмертившие себя великими творениями и внесшие огромный вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

§ 4. Время и историческая эпоха

Исследование времени дает возможность раскрыть закономерности развития общества, проследить его этапы становления и формирования, что, в свою очередь, помогает дать научную периодизацию всего исторического процесса. Так, деление истории, проведенное Вико, Кондорсе, Гегелем, Марксом, Тойнби и другими мыслителями, на эпохи, формации, цивилизации есть не что иное, как деление исторического времени на определенные отрезки, в рамках которых происходят качественные изменения социума, приводящие к другому отрезку времени, т. е. к другой стадии его развития. Форма-

ция, например, проходит определенные этапы развития, необходимые для проявления их возможностей. Она имеет свой возраст и в пределах этого возраста (времени) автономна, т. е. развивается на базе собственных законов.

Тесно связаны между собой время и историческая эпоха. Понятие эпохи часто употребляется в самых разных смыслах. Говорят, например, об атомной эпохе, об эпохе научно-технической революции, об информационной эпохе и т. д. Но для нас важно исследовать эпоху в философско-историческом плане, и в этой связи следует подчеркнуть, что нельзя произвольно определять эпоху. Она есть определенный отрезок всемирной истории, характеризующийся объективными, сущностными, универсальными чертами и свойствами данного исторического времени. Она обнимает сумму разнообразных явлений и процессов, некоторые из которых играют доминирующую роль и указывают на тенденцию развития.

Многие исследователи исторической эпохи ограничивают ее содержание лишь каким-то единственным фактором. Особенно большое значение придается технологии, являющейся базой всякого производства. Ряд современных философов сциентистского направления полагают, что наша эпоха полностью определяется автоматизацией, компьютеризацией производственных процессов и что поэтому ее можно характеризовать как эпоху новой технологии.

Думаю, что нельзя абсолютизировать роль технологии общественного производства. Конечно, можно определить любое общество по тому орудию производства, которое характерно для данной эпохи. Например, при характеристике первобытного общества говорят о каменном веке, о бронзовом веке, о железном веке и т. д. Но, строго говоря, даже к родовому строю условно можно применить технологические определения эпохи, ибо они представляли сложную для своего времени социальную структуру, хотя не было классового деления. Тем более неправомерно определять современную эпоху через технологию производства. Наша эпоха очень сложна, гетерогенна и чрезвычайно противоречива. С одной стороны, мы встречаемся с социальными организмами очень высокой технологии, но, с другой стороны, есть социумы, находящиеся на довольно низком уровне.

Чтобы определить историческую эпоху, нужно найти такие компоненты общественной жизни, которые показывают тенденцию эволюции всего исторического процесса. Что, например, характерно для эпохи Возрождения? Во-первых, ломаются феодальные отношения, старый уклад жизни и старые, а в некоторых случаях даже архаичные, социальные порядки. Во-вторых, постепенно совершается переход к новым технологиям общественного производства, на базе которых

создаются новые, капиталистические, формы хозяйствования. В-третьих, становление буржуазного способа производства имеет ярко выраженный национальный характер. Все государства стремятся к тому, чтобы придать новым структурам национальную окраску. «Архитектура, искусство и даже письмо приняли отчетливо обозначенный национальный характер»¹⁴⁹. В-четвертых, в духовной жизни начинается смена парадигм. Господству религиозного сознания приходит конец, хотя влияние религии и церкви остается довольно сильным. Философия, литература и искусство начинают постепенно избавляться от христианских догм, хотя процесс этот носил довольно сложный и мучительный характер. В-пятых, вся духовная культура сфокусировала свое внимание на проблеме человека и гуманизма. Не случайно эпоху Возрождения называют еще эпохой гуманизма. Один из великих гуманистов этого времени Эразм Роттердамский писал: «Не говори мне здесь, что любовь в том, чтобы часто ходить в церковь, припадать к статуям святых, зажигать свечи, повторять отсчитанные молитвы. Ничего этого Богу не нужно. Любовью Павел называет сотворять ближнего, считать всех членами одного и того же тела, полагать, что все едины во Христе, радоваться удачам братьев во Господе, как своим, помогать их бедам, как собственным»¹⁵⁰. Гуманисты обратились к классическому наследию античности, возродив таким путем те духовные ценности, которые она проповедовала, и прежде всего отношение к человеку как к единственному субъекту, рефлексирующему над самим собой и над окружающей средой. Тем самым они показали, что не Бог, а человек всегда находился в центре внимания духовных творцов истории.

Таким образом, понятие эпохи Возрождения обнимает сумму разнообразных явлений, характеризующих ее сущностные черты и тенденцию развития. То же самое касается любой другой исторической эпохи, имеющей свой возрастной ценз.

Если брать современную эпоху, то ее характерными чертами являются:

1. Единое социальное, экономическое и политическое пространство, отсутствие каких-либо «закрытых» мест на земном шаре.
2. Включение всех народов и государств во всемирную историю.

Если еще в недавнем прошлом многие народы как бы были исключены из общего мирового хозяйствования и мировой политики,

¹⁴⁹ Люблинская А.Д. Особенности культуры Возрождения и Реформации во Франции // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Л., 1991. С. 171.

¹⁵⁰ Роттердамский Э. Философские произведения. М., 1986. С. 157.

то в настоящее время все вместе делают историю и к голосу каждого необходимо прислушиваться. Разумеется, это не исключает того очевидного факта, что разные народы и государства имеют разные возможности влиять на ход всемирной истории. Но тем не менее даже национальные истории создаются в рамках всемирной, универсальной истории.

3. Появление совершенно новых технологий, в корне меняющих формы сотрудничества людей в процессе производства материальных благ.

4. Контрастность мира. С одной стороны, очень богатые страны с высоким уровнем жизни, а с другой — большинство государств не могут преодолеть элементарную нищету. Отсюда проблема «Север (богатые страны) — Юг (бедные страны)», от решения которой будет зависеть перспектива развития человечества.

5. Формирование единой мировой цивилизации. Этот процесс сложен и противоречив в силу противоречивости самой исторической эпохи, но он идет, хотя болезненно и трудно.

6. Замена биполярного мира на однополярный. Это произошло довольно быстро и неожиданно. Поэтому мировое сообщество находится в сложном положении. Оно должно перестроиться, ориентироваться на принципиально иные структуры, разрабатывать совершенно новые теоретические положения для установления новых отношений между государствами и народами.

7. Глобализация всех сфер общественной жизни. Обострение межнациональных и межэтнических отношений. Стремление к сохранению своего национального государства и своей культуры.

Итак, наша эпоха чрезвычайно сложна и многогранна. Никто не может сказать, сколько времени она займет в истории человечества. Возрождение заняло три-четыре века, античность — больше тысячи лет. Процесс истории убыстряется, и, может быть, наша эпоха займет меньше времени, чем Ренессанс. Историческое время вечно, и в его рамках будет еще много эпох, если, конечно, человечество будет жить в соответствии с собственными принципами, нормами и законами природы.

Глава VIII. Общественный прогресс

§ 1. Общая характеристика общественного прогресса

Проблемы общественного прогресса являются важнейшими проблемами социальной философии. Они всегда волновали мыслителей, исследовавших социум по восходящей линии его развития. Так, еще в античности римский поэт и философ Лукреций Кар в поэме «О природе вещей» попытался рассмотреть и проследить этапы движения общества от одной ступени к другой. О людях первобытной эпохи он, например, писал:

Люди еще не умели с огнем обращаться, и шкуры,
Снятые с диких зверей, не служили одеждой их телу;
В рощах, в лесах или в горных они обитали пещерах
И скрывали в кустах свои заскорузлые члены,
Ежели их застигали дожди или ветра порывы.

Со временем жизнь налаживается, появляются продукты, одежда, возникают города и, таким образом, человечество постоянно и непрерывно совершенствуется.

Но особое внимание проблемам общественного прогресса стали уделять в Новое время, когда на историческую арену вышла буржуазия и устами своих представителей проповедовала идею бесконечного прогресса. Так, французский экономист и социолог Тюрго всемирную историю рассматривает как последовательность успешных действий человеческого рода. В этой связи он говорит о начале истории человечества, возникновении народов, создании правительств, образовании языков, достижениях наук и т. д. Несмотря на войны, перевороты и трудности, отмечает Тюрго, человечество постоянно развивается по восходящей линии, поскольку прогресс носит непрерывный характер.

Рассматривая вопрос о возникновении общества, французский ученый пишет, что люди прежде всего заселили весь земной шар, затем стали заниматься науками, что способствовало совершенствованию человеческого разума. Он обращает внимание на неравномерность прогресса, выражающегося, с его точки зрения, в том, что искусство и науки у одних народов развиваются быстрее, чем у других народов. Тюрго рисует широкую картину истории Древней Греции, восхищается ее достижениями в области искусства, науки и философии. Но зато отрицательно отзываясь о культуре Римской

империи, в которой не видит большого прогресса, поскольку этой империей правили деспоты, которые мало заботились о прогрессе человеческого разума.

Новое время, по мнению Тюрго, характеризуется невиданным расцветом науки и философии. Декарт, Ньютон и другие корифеи науки продвинули вперед математику, физику, наполнили их новым содержанием. «Декарт рассматривал природу как человек, который, бросая на нее широкий взгляд, обнимает ее всецело и составляет ее план, так сказать, с высоты птичьего полета. Ньютон исследовал ее более подробно. Он описал страну, которую другой открыл»¹⁵¹. Прогресс общества Тюрго, как и Кондорсе, сводит к прогрессу человеческого разума, который, по его мнению, развивается через науки и просвещение. Но он не интересуется другими аспектами социального прогресса, прежде всего экономическими, что, конечно, сужает понятие прогресса.

Великий немецкий просветитель Гердер, как и его французские единомышленники, пытался представить всю историю как единый развивающийся процесс. Правда, в отличие от французских ученых он начинает свой анализ человечества с характеристики всей Вселенной и Земли как планеты. Гердер, руководствуясь пантеистической идеей, проводит аналогию между человеком и всеми частями космоса. «Человек формируется, — пишет он, — в чреве матери, растет там, как растение; и позже наши нервы и волокна, первые побеги и силы можно сравнивать с чувствительными органами растений. И жизнь нашу можно сравнить с жизнью растения: мы прорастаем, растем, цветем, отцветаем, умираем»¹⁵². Да и между животными и человеком Гердер видит больше сходств, чем различий. Нетрудно заметить, что Гердер натурализирует общество, не видит его качественного отличия от растительного и животного мира.

Историческое чутье, свойственное Гердеру, подсказывает ему, что органический и неорганический миры прошли определенные этапы эволюции. Он дает замечательную характеристику этого развития: «Форма органического строения восходила от камня к кристаллу, от кристалла к металлам, от металлов к растениям, от растений к животным, от животных к человеку; по мере восхождения разнообразились силы и влечения живого существа, и наконец все эти силы и влечения объединялись в облике человека, насколь-

¹⁵¹ Тюрго А.Р. Избр. филос. произв. М., 1937. С. 115.

¹⁵² Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 40.

ко он мог вместить их в себя»¹⁵³. Человек представляет собой самое совершенное существо.

Гердер исследует вопросы происхождения народов, влияние географической среды на человека, затем переходит к изучению истории древних государств: Китая, Египта, Греции, Рима и, наконец, государств современной ему Европы. Нет необходимости анализировать всю концепцию Гердера. Важно подчеркнуть, что немецкий просветитель был сторонником идеи прогрессивного развития общества, видел в совершенствовании общественных отношений проявления гуманизма, выступающего, с его точки зрения, как цель человеческой природы.

Гегель, как известно, применил принцип развития к историческому процессу. Он пытался представить исторический процесс как поступательное прогрессивное движение человеческого общества. Природа, по его мнению, не развивается, ибо в ней ничто не ново, и многообразная игра ее форм, как пишет немецкий философ, вызывает скуку. В отличие от природы в человеке обнаруживается действительная способность изменяться, и притом изменяться к лучшему.

Гегель всемирную историю характеризует как прогресс в сознании свободы. Он представлял весь исторический процесс как поступательное, прогрессивное движение человеческого общества. Гегель-диалектик прекрасно сознавал, что прогресс в истории человечества не совершается без борьбы, что были и периоды регресса. Но, несмотря на это, прогресс человечества не останавливается. Правда, сам Гегель вершину развития мировой истории видел в прусской монархии.

Маркс впервые научно раскрыл сущность общественного прогресса. Он подчеркивал, что понятие прогресса нельзя брать в обычной абстракции, что всегда требуется конкретно анализировать прогрессивное движение общества, а не строить спекулятивные конструкции. Маркс показал, что всякий прогресс следует рассматривать через производительные силы, образующие основу всей истории людей. Именно рост и совершенствование производительных сил показывает восходящее развитие человеческого общества. Переход от одной общественно-экономической формации к другой, более высокой, есть не что иное, как качественный, т. е. прогрессивный скачок в развитии человечества. Вместе с тем Маркс категорически выступал против линейного представления прогресса общества. Он подчеркивал, что человечество развивается неравномерно, и это развитие носит не монолинейный, а полилинейный характер.

¹⁵³ Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М., 1977. С. 116.

Н.А. Бердяев считает, что идея прогресса имеет религиозные корни. Она «предполагает цель исторического процесса и раскрытие смысла его зависимости от этой конечной цели»¹⁵⁴. Но сама цель находится за пределами исторического процесса. Эта идея есть идея наступления Царства Божьего и царства справедливости, и, в сущности, теоретики прогресса проповедовали религиозную идею.

Анализируя учение о прогрессе, Бердяев пишет, что оно полно противоречий, основным среди которых является пренебрежительное отношение к времени. Оно игнорирует прошлое и настоящее, но зато поет дифирамбы будущему. Его нельзя обосновать научно. «Учение о прогрессе представляет собой религиозное исповедание, верование, потому что обосновать научно-позитивное учение о прогрессе нельзя, потому что научно-позитивно можно обосновать только теорию эволюции, учение же о прогрессе может быть только предметом веры, упования»¹⁵⁵. Теория прогресса предполагает, что задачи мировой истории будут разрешены в будущем, что наступит такой момент, когда будет в обществе полная гармония и будут разрешены все противоречия. В это верили Конт, Гегель, Спенсер, Маркс. Но Н.А. Бердяев считает, что нет никаких оснований верить в то, что в будущем придет конец трагедии всемирной истории. Если отбросить религиозную оболочку учения о прогрессе, то его нужно понимать так: «...В потоке времени, в котором свершаются судьбы человеческой истории, одно поколение сменяет другое, человечество восходит на какую-то неведомую и чуждую мне вершину, идет вперед, идет вверх, к высшему состоянию, по отношению к которому все предшествующие поколения являются лишь звеньями, лишь средством, орудием, а не самоцелью. Прогресс превращает каждое человеческое поколение, каждую эпоху истории в средство и орудие для окончательной цели — совершенства, могущества и блаженства грядущего человечества, в котором никто из нас не будет иметь удела»¹⁵⁶. Бердяев категорически выступает против такого прогресса, для которого, как он выражается, все поколения являются лишь средством осуществления царства гармонии и справедливости. Поэтому такой прогресс, убеждает русский мыслитель, нельзя допустить, ибо нет никаких оснований ради будущего поколения жертвовать счастьем настоящих поколений. Бердяев совершенно не понимает логику исторического процесса. Ни одно поколение людей не жертвует собой ради будущих

¹⁵⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 145.

¹⁵⁵ Там же. С. 147.

¹⁵⁶ Там же. С. 145.

поколений. Каждое поколение исходит из своих интересов и стремится к их удовлетворению. Конечно, оно оставляет последующим поколениям определенное общественное богатство, но не потому, что оно собой жертвует, а потому, что такова объективная логика исторического процесса. Поколение как таковое ни в чем не ограничивает себя, хотя отдельные люди могут себя в чем-то ограничивать, когда живут в стесненных обстоятельствах.

Бердяев полагает, что проблему прогресса можно решить только тогда, когда будет преодолен разрыв между прошлым, настоящим и будущим. Но это исключается, следовательно, исключается также и всякий социальный прогресс. Поскольку время делится на прошлое, настоящее и будущее, нет никаких оснований, что будущее более реально, чем прошлое. И надо работать во имя реального настоящего, а не мнимого будущего, тем более что люди никогда не добивались того, чего хотели. Все крупные исторические начинания, считает Бердяев, потерпели поражение: Ренессанс, Реформация, революции никогда не осуществили выдвинутых ими лозунгов. «История и все историческое по природе своей таково, что никакие совершенные осуществления во временном их потоке — невозможны»¹⁵⁷. Поэтому в пределах истории никакого прогресса нет. Но за ее пределами, т. е. в небесной истории, это возможно, для чего необходимо вхождение земной истории в небесную, исчезновение граней между посторонним миром и потусторонним. Иными словами, прогресс человечества Бердяев растворил в религии. Но такое понимание прогресса ничего общего не имеет с его научным анализом.

Чтобы точнее выразить суть общественного прогресса, необходимо провести демаркационную линию между понятиями «прогресс», «развитие», «изменение», хотя часто они употребляются как синонимы, тем не менее их нельзя путать. Заметим, что еще Л.П. Карсавин обращал внимание на то, что многие их часто смешивают. Изменение он определял так: «изменение есть непрерывно меняющаяся во времени система взаимоотношений пространственно разъединенных элементов»¹⁵⁸.

Без изменения ничего нет. Все природные и социальные процессы находятся в состоянии постоянного изменения. Но не всякое изменение приводит к развитию и тем более к прогрессу. Для этого необходимо наличие соответствующих условий. Понятие «изменение» по объему шире понятий «развитие» и «прогресс». Всякое развитие и всякий прогресс предполагают изменение, но не всякие изменения,

¹⁵⁷ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 175.

¹⁵⁸ Карсавин Л.П. Философия истории. СПб., 1993. С. 19.

как уже отмечалось, обязательно ведут к прогрессу или развитию. Что касается соотношения понятий «развитие» и «прогресс», то понятие развития шире понятия прогресса. Всякий прогресс связан с развитием, но не всякое развитие есть прогресс. В этой связи следует заметить, что определение прогресса как необратимого процесса нуждается в уточнении. Дело в том, что данное определение применимо к прогрессивному развитию, тогда как регрессивное развитие нуждается в другой характеристике. Прогрессивное развитие связано с коренными, качественными изменениями, с переходом от низшего к высшему качественному уровню. Регрессивное развитие — антипод прогрессивному развитию.

Понятие прогресса применимо только к человеческому обществу. Что касается живой и неживой природы, то в данном случае следует употреблять понятия «развитие» или «эволюция» (живая природа), и «изменение» (неживая природа). Связывать прогресс в живой природе с приспособлением организмов к внешним условиям, как это делается иной раз, мягко говоря, не совсем верно, ибо для прогресса характерны развитие по восходящей линии, переход от низшего к высшему, а приспособление необязательно предполагает прогрессивное развитие. Таким образом, с моей точки зрения, понятие прогресса не является универсальным и применимо лишь к общественной жизни.

Общественный прогресс — это переход от менее совершенных форм организации человеческой деятельности к более совершенным, это поступательное развитие всей мировой истории. Нельзя прогресс сводить только к количественным изменениям. Конечно, они подразумеваются, но для социального прогресса главной характеристикой являются качественные изменения. Переход от старого к новому подготавливается всем ходом предшествующей истории. Предпосылки возникновения нового уже находятся в недрах старого, и когда рамки старого становятся узкими для нового, тогда происходит скачок в развитии общества. Он может носить как эволюционный, так и революционный характер. Вообще надо сказать, что революции — исключение, тогда как эволюционный путь прогресса является естественной формой восходящего развития общества.

Человечество непрерывно совершенствуется и идет по пути социального прогресса. Это универсальный закон общества. Но отсюда вовсе не следует, что в его развитии не бывает регресса, никаких, так сказать, попятных движений, что все страны и регионы нашей планеты развиваются равномерно, одними и теми же темпами и, если можно так выразиться, спокойно плывут по течению истории. Но история — сложный и противоречивый процесс. Она есть продукт деятельности миллионов и миллионов людей, в ней

происходит борьба между новым и старым, и бывают периоды, когда новое терпит поражение, и в результате этого общество совершает гигантские скачки назад. Иначе говоря, прогресс и регресс сосуществуют, вернее, соседствуют. Кроме того, следует иметь в виду и то, что социальный прогресс имеет не прямолинейный, а плюралистический характер, т. е. прогрессивное развитие общества протекает не однообразно, а разнообразно. В разных странах и регионах в зависимости от конкретных социально-экономических условий по-разному осуществляется прогресс. Одни народы оказываются на вершине социальной пирамиды, а другие — у ее подножия. Нельзя забывать и то, что история драматична (здесь Бердяев прав), а иногда даже трагична, и часто прогресс осуществляется ценой жизни сотен тысяч людей. Египетские пирамиды, например, свидетельствуют о громадных успехах египетской цивилизации, но при их строительстве погибли тысячи и тысячи людей. Можно, конечно, протестовать против такого прогресса, но тогда нужно протестовать против истории вообще или же остановить ее на уровне первобытного состояния, что в конечном итоге приведет к ее естественной смерти.

Исследование общественного прогресса требует рассмотрения его структуры, ибо структурный анализ обогащает наши представления о прогрессивном развитии человечества. Нам представляется, что в структуре социального прогресса можно выделить два элемента: объективный и субъективный.

Объективный элемент — это объективные условия жизни общества, куда входят материальные отношения людей, производительные силы, производственные отношения — словом, все те явления общественной жизни, которые не зависят от воли людей. Развитие исторического процесса носит объективный и неизбежный характер, никто не в силах остановить движение общества по восходящей линии.

Но общественный прогресс немислим без субъективного элемента, т. е. без деятельности людей, творящих свою собственную историю и преследующих сознательно поставленные цели. От активности людей, от их целенаправленности и желания изменять существующие порядки в лучшую сторону, создавать необходимые условия для проявления сущностных сил человека во многом зависит социальный прогресс. Хотя субъективный фактор детерминруется объективными условиями, тем не менее он, как и все социальные явления, обладает относительной самостоятельностью, выражающейся в том, что он имеет внутреннюю логику развития и оказывает существенное влияние на объективный элемент социального прогресса.

§ 2. Критерий общественного прогресса

Актуальной проблемой теории социального прогресса является выяснение его критерия. Критерий должен носить объективный, а не оценочный характер. Если подходить к критерию общественного прогресса с точки зрения аксиологии (многие так и поступают), то, в сущности, нельзя будет найти такой критерий, ибо то, что для одного прогрессивно, для другого может оказаться регрессивным, то, что для одного хорошо, для другого плохо. А объективность критерия можно раскрыть на базе объективных показателей, т. е. таких показателей, которые рисуют объективную картину общества.

В советскую эпоху много внимания уделяли вопросам выяснения критерия общественного прогресса. Одни исследователи (В.И. Мишин, А.А. Макаровский, Г.Е. Глезерман, И.Я. Левяш и другие) в качестве критерия общественного прогресса выдвигают производительность труда или производительные силы. В.И. Мишин пишет, что производительность труда является вполне достаточным критерием для выяснения прогрессивности того или иного общества, той или иной формации. Понятие «производительность труда», с его точки зрения, охватывает все стороны общественной жизни. «В производительности труда воплощается влияние природных условий, народонаселения, квалификации работников, состояния техники, отраслевой структуры, производства, науки, экономического строя общества, государства, здравоохранения, просвещения и всех других условий и сторон жизни общества»¹⁵⁹. Получается, что производительность труда — это самая универсальная категория, которая, по существу, включает в себя все общество. Вряд ли целесообразно универсализовывать понятие производительности труда, хотя, конечно, производительность труда оказывает серьезное влияние на многие сферы общества. Но вместе с тем есть такие социальные явления (например, поэзия, живопись), которые непосредственно не связаны с производительностью труда. Кроме того, такая универсализация понятия «производительность труда» еще не есть доказательство того, что производительность труда является общим критерием социального прогресса.

А.А. Макаровский пишет, что «критерием общественного прогресса является развитие производительных сил общества»¹⁶⁰. Именно этот критерий, по его мнению, позволяет говорить о прогрессивном развитии человечества. Он объективен, так как произво-

¹⁵⁹ Мишин В.И. *Общественный прогресс*. Горький, 1970. С. 74.

¹⁶⁰ Макаровский А.А. *Общественный прогресс*. М., 1970. С. 58.

дительные силы существуют объективно, и люди несвободны в их выборе. Он указывает на закономерный характер развития общества по восходящей линии, на те прогрессивные изменения, которые совершаются в процессе этого развития. Развитие производительных сил А.А. Макаровский называет не просто критерием социального прогресса, но высшим и основным критерием, потому что оно «лежит в основе развития общественной жизни со всем многообразием свойственных ей проявлений, оно лежит в основе смены общественных форм, в рамках которых и под воздействием которых разворачивается общественная жизнь»¹⁶¹.

Сторонники этой концепции для подтверждения своей точки зрения ссылаются на произведения В.И. Ленина, уделившего большое внимание проблемам критерия социального прогресса. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» Ленин назвал развитие производительных сил высшим критерием общественного прогресса. Те же самые взгляды высказывал В.И. Ленин и в трудах послеоктябрьского периода. В частности, на X съезде РКП(б) он назвал состояние производительных сил основным критерием всего общественного прогресса. А в статье «Великий почин» подчеркивал: «Производительность труда, что, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда»¹⁶².

Д.И. Чесноков, В.С. Семенов, Л.В. Николаева и другие исследователи считают критерием общественного прогресса способ производства как единство производительных сил и производственных отношений. «Способ производства, — пишет Д.И. Чесноков, — как основа и критерий общественного прогресса позволяет отличать общественно-экономические формации друг от друга и устанавливать преемственность в их развитии как последовательную смену прогрессивных эпох, прогрессивность той или иной общественно-экономической формации по отношению к предшествующим эпохам и реакционность по отношению к последующим»¹⁶³. Сторонники этой точки зрения утверждают, что для определения прогрессивности того или иного общества одного развития производительных сил недоста-

¹⁶¹ Макаровский А.А. Общественный прогресс. М., 1970. С. 63.

¹⁶² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 21.

¹⁶³ Чесноков Д.И. Исторический материализм. М., 1965. С. 514.

точно, ибо нужно еще выяснить сущность производственных отношений. Поэтому критерий прогресса нужно искать не только в развитии производительных сил, но и в характере производственных отношений.

С этим не согласны сторонники точки зрения, которая видит лишь в производительности труда критерий общественного прогресса. Какие же аргументы они выдвигают? Производственные отношения, считают они, сами зависят от производительных сил. Последние выступают как содержание, а первые как форма. Содержание (производительные силы) определяет форму (производственные отношения), и поэтому форма не есть показатель прогрессивного развития общества. «Производственные отношения, — читаем в коллективной монографии «Коммунизм и социальный прогресс», — не следует включать в критерий прогресса, потому что они сами вызываются к жизни и изменяются под влиянием производительных сил»¹⁶⁴. Производственные отношения, продолжают авторы этой монографии, выполняют прогрессивные функции до тех пор, пока способствуют развитию производительных сил. Поэтому прогрессивность производственных отношений определяется их отношением к производительным силам. Вот почему критерием прогресса следует считать производительные силы. Те же самые возражения выдвигают А.А. Макаровский, И.Я. Левяш и другие. И.Я. Левяш, например, пишет: «...производственные отношения неправомерно включать в критерий, поскольку они сами нуждаются в оценке прогрессивности или реакционности»¹⁶⁵.

Эти возражения не совсем убедительны, поскольку их авторы почему-то полностью отрывают производительные силы от производственных отношений, забывая об их неразрывном единстве и диалектическом взаимодействии. Производительные силы определяют характер производственных отношений, но последние, в свою очередь оказывают известное влияние на развитие производительных сил. Чем прогрессивнее производственные отношения, тем быстрее развиваются производительные силы.

Некоторые исследователи придерживаются комплексного критерия общественного прогресса. Они считают, что в критерий социального прогресса следует включить не только материальные факторы (производительность труда или способ производства), но

¹⁶⁴ Коммунизм и социальный прогресс / Под общ. ред. В.Я. Ельмеева и А.П. Казакова. М., 1973. С. 38

¹⁶⁵ *Левяш И.Я.* Содержание и критерий общественного прогресса. Саратов, 1973. С. 93.

и духовные (этические, эстетические, политические). Прогрессивный характер общества определяется возможностями развивать производительные силы, совершенствовать производственные отношения, способствовать нравственному и эстетическому развитию человека, создавать необходимые условия для проявления творческих потенций людей и удовлетворения их потребностей. Сторонник этой точки зрения Ю.Н. Семенов пишет, что «общество тем прогрессивнее, чем больше возможностей оно открывает для повышения производительности труда, для свободного развития и самостоятельного исторического творчества трудящихся масс, для роста и удовлетворения их материальных и духовных потребностей, для развития и применения их творческих способностей, для обогащения личности всех и каждого»¹⁶⁶.

Безусловно, при характеристике прогрессивности общества следует учитывать не только базисные, но и надстроечные явления, а также возможности удовлетворения запросов людей. Иначе говоря, нужен комплексный подход к исследованию развития человечества по восходящей линии. Однако для выяснения общесоциологического критерия прогресса такой подход недостаточен, поскольку он не учитывает фактор, показывающий магистральный путь общественного прогресса. Именно этот фактор должен играть роль показателя прогрессивности или реакционности общества, а все остальные факторы, влияние которых нельзя игнорировать, должны следовать из него.

Мы рассмотрели существующие в нашей литературе точки зрения на критерий социального прогресса. Следует сказать, что все они исходят из материалистического понимания истории, указывают на объективный характер этого критерия и, несмотря на различия, не противоречат друг другу, а, наоборот, дополняют друг друга.

В настоящее время, т. е. в постсоветскую эпоху, сам общественный прогресс поставлен под сомнение, и поэтому само собой разумеется, что вопрос о критериях этого прогресса полностью снимается. Но должен сказать, что такое отношение к проблемам общественного прогресса объясняется не тем, что эти проблемы уже неактуальны. Нет. Их актуальность в современную сложную и противоречивую эпоху не вызывает никаких сомнений. Это отношение объясняется тем, что большинство нынешних обществоведов отказалось от классического наследия и заняло приспособленческую позицию.

¹⁶⁶ Семенов Ю.Н. Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии: Критические очерки американских и английских теорий. М., 1965. С. 277—258.

На наш взгляд, ближе к истине те авторы, которые в качестве критерия общественного прогресса берут способ производства — производительные силы и производственные отношения в их единстве. Этот критерий непосредственно следует из основополагающего положения материалистического понимания истории о решающей роли способа производства материальной жизни в обществе. Он имеет объективный характер, поскольку эмпирически можно показать, что с помощью более совершенных орудий производства можно в единицу времени выпускать большее количество продуктов, необходимых для воспроизводства физических потенций индивида. Вместе с тем эмпирически можно также показать, что более развитые производственные отношения, несомненно, способствуют проявлению сущностных сил человека.

Не подлежит сомнению, что при выяснении критерия общественного прогресса нельзя игнорировать производительные силы, образующие основу истории людей. Именно благодаря развитию производительных сил люди увеличивают количество материальных благ, все больше подчиняют себе стихийные силы природы и улучшают свои жизненные условия. Производительные силы выступают в качестве связующего звена всего исторического процесса. Рост производительных сил приводит к развитию всего человечества, к постоянным изменениям всех социальных явлений.

Однако было бы неверно думать, что производительные силы развиваются автоматически, без производственных отношений. Социальный прогресс не может осуществляться без производственных отношений. Дело в том, что в общественном производстве производительные силы выступают как содержание, а производственные отношения — как форма. Разумеется, определяющая роль принадлежит производительным силам как более подвижному элементу производства. Но производственные отношения могут либо ускорять, либо тормозить развитие производительных сил. От степени прогрессивности производственных отношений зависит рост производительных сил общества. Чем прогрессивнее производственные отношения, тем быстрее развиваются производительные силы.

Подойдем к диалектике производительных сил и производственных отношений с другой стороны. Понятие производительных сил в основном указывает на техническую и экономическую стороны производства. Их развитие показывает, что общество достигло определенного уровня в совершенствовании орудий производства и что благодаря этому оно производит на данном этапе больше, чем на предыдущем. Но изобилие продуктов, достигнутое благодаря развитию производительных сил, еще ничего не говорит о том, в какой степени

люди в состоянии удовлетворить свои потребности. Поэтому необходимо иметь в виду и природу производственных отношений, определяющим моментом которых является отношение к средствам производства. В отличие от категории производительных сил производственные отношения показывают общественную сторону развития производства. А это очень важно для выяснения критерия социального прогресса, ибо этот критерий должен учитывать не только уровень производительных сил, но и характер производственных отношений.

Таким образом, способ производства материальных благ является основным критерием общественного прогресса. Но этот критерий, скорее всего, носит экономический характер, чем общеполитический. В качестве общеполитического критерия выступает человек, точнее, положение человека в обществе. Движение человеческого общества вперед не есть самоцель. Переход от одной формации к другой совершается через социальную революцию, целью которой являются ликвидация старых отживших форм производственных отношений, создание необходимых условий для развития индивидуальных способностей каждого члена общества. Всякая революция (а революция, безусловно, является убедительным доказательством прогрессивного развития общества) с определенными отклонениями, связанными с различными социальными, политическими, экономическими, классовыми и другими условиями, и в зависимости от решаемых ею задач ставит в центр внимания проблему человека. Собственно говоря, социальные революции совершаются во имя человека, во имя его освобождения от социальных оков. Производительность труда показывает экономическую и техническую стороны общественного прогресса. Она определяет состояние средств производства на данном этапе развития общества, степень овладения стихийными силами природы, возможности производить материальные блага. Производственные отношения показывают отношения людей к средствам производства, отражают сущность данного способа производства, его социальную структуру, механизм взаимодействия людей. Проблема человека раскрывает отношение общества к каждому индивиду. Она выясняет степень свободы человека, возможности удовлетворения его материальных и духовных потребностей.

Положение человека в обществе характеризует социальный аспект прогресса. Чем прогрессивнее общество, тем больше условий оно создает для развития человека и его сущностных сил.

На мой взгляд, не следует путать общеполитический критерий прогресса с частным критерием, скажем с духовным или экономическим критерием. Критерий разума — это частный критерий в сфере духовной жизни, если, конечно, есть прогресс в этой сфере. Крите-

рий производительных сил или способа производства — это критерий в экономической области. Критерий прогресса в морали относится только к моральной сфере. Все эти критерии очень важны, но недостаточны для характеристики всего прогрессивного развития исторического процесса. Общефилософский критерий главное внимание обращает на такой стержень, который находится в центре всей мировой истории. В качестве такого стержня выступает человек. Поэтому общефилософским критерием общественного прогресса является положение человека в окружающей природной и социальной действительности, ибо, в конце концов, все делается во имя человека и для человека. Надо показать, как в ходе длительного развития исторического процесса человек менялся, становился более свободным и получал большую возможность проявлять свои духовные и физические силы, удовлетворять свои потребности.

§ 3. Современные интерпретации общественного прогресса

Вера в общественный прогресс сопровождала тысячелетия человека. Пожалуй, идея прогресса была самой главной идеей в социальной философии. В первой половине XIX века идея прогресса доминировала в общественном сознании. «Идея прогресса становится общим местом в философии, внедряется в литературу, искусство и науку. Дух романтического оптимизма сопровождается верой в разум и мощь человека. Представляется, что наука и технология способны гарантировать постоянное улучшение»¹⁶⁷.

Но уже во второй половине XIX века, когда стали рельефно проявляться все противоречия буржуазного общества, идея прогресса начала подвергаться критике. А в XX веке все больше и больше исследователей стали сомневаться в восходящем прогрессе человеческого общества. Но особенно усилилась критика общественного прогресса во второй половине XX века. Во Франции, где всегда считалось, что человечество развивается по восходящей линии, вдруг заговорили о том, что прогресс умер и его труп отравляет атмосферу. Лякруа, Седийо, Фридман и другие стали утверждать, что человечество начало разлагаться. Постмодернисты Делез, Сер, Лиотар и другие во всех современных бедах обвинили классический рационализм, Просвещение, проповедовавшее веру в бесконечный социальный прогресс. В США В.Пфафф объявил, что идея прогресса является мертвой идеей и нечего ее возрождать. Д.Белл выразил глубокое сомнение в том, что человечество развивается, поскольку отсталые страны все больше и

¹⁶⁷ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 48.

больше отстают. «...В Африке восьмидесятых годов, — пишет он, — жили хуже, чем в Африке семидесятых, а в Африке девяностых хуже, чем в Африке восьмидесятых...»¹⁶⁸.

Крупнейший современный французский философ Арон в первых своих работах признавал прогресс, но сводил его к чисто количественным накоплениям. «...Некоторые виды человеческой деятельности, — писал он, — имеют такой характер, который нельзя не признать превосходством настоящего над прошлым и будущего над настоящим. Это такие виды человеческой деятельности, продукты которых накапливаются или результаты которых имеют количественный характер. История человечества содержит в себе момент сохранения, она не есть только трансформация. Она предполагает, что люди имеют различные социальные институты, что они создают и что эти социальные институты и творения людей сохраняются. История существует потому, что сохранение результатов деятельности человека ставит перед различными поколениями вопрос о том, чтобы принять или отказаться от прошлого наследия. В различных областях жизни ритм будущего зависит от характера ответа каждого поколения на отношение к достижениям предшествующих поколений. Сохранение наследия прошлого позволяет говорить о прогрессе лишь в том случае, когда новое поколение не только сохраняет предшествующий опыт, но прибавляет к нему что-то свое»¹⁶⁹.

Арон проблему общественного прогресса рассматривает с чисто количественной точки зрения. В этом смысле он не отрицает подъема экономики, повышения темпов ее развития, изменений самой структуры экономики, но категорически отвергает какой-либо прогресс в области производственных отношений и политической структуры.

В последних своих трудах Арон вообще выступил с абсолютной критикой общественного прогресса. В книге «Разочарование в прогрессе» Арон прямо заявил, что во всем мире наблюдается не прогресс, а регресс. В этой связи он анализирует проблемы диалектики равенства, социализации и универсальности.

Рассматривая вопросы равенства в современном мире, Арон отмечает, что идеал равенства, который пропагандировали социальные теории в прошлом, на самом деле оказался ложным и утопическим идеалом. Современный мир демонстрирует рост классового неравенства, усиление социальной поляризации людей. Не утихают расовые и национальные конфликты. Причем национальные конфликты имеют место не только в отсталых, но и в развитых государствах.

¹⁶⁸ Bell D. L'Afrique au-dela de l'an 2000 // Commentaire № 69. Printemps 1995. P. 5.

¹⁶⁹ Aron R. Dix-huit lecons sur la societe industrielle. Paris, 1962. P. 77.

Что касается диалектики социализации, то Арон имеет в виду прежде всего современное состояние семьи и школы. Рассматривая семью, Арон отмечает, что в отличие от прошлых эпох в современной семье проявляется больше равенства между мужем и женой, родителями и детьми, что нельзя не оценить позитивно. Но вместе с тем наблюдаются крайне негативные для семьи явления. Так, как только дети подрастают, они начинают жить отдельно от родителей и нередко их вообще забывают, что в конечном итоге рвет связи между поколениями, а без такой связи общество в целом не может нормально функционировать. «Семья все больше и больше теряет свои экономические функции... Созданная на основе свободного волеизъявления двух персон, она оказывается хрупкой и неустойчивой»¹⁷⁰. Женщины, продолжает французский философ, требуют не формального, а реального равенства. Но идея равенства мужчины и женщины есть не просто социальная проблема, но и проблема, связанная с естественными различиями мужчины и женщины. Молодые девушки желают выполнять ту же работу, какую выполняют молодые парни, хотя с точки зрения половых различий эта работа может быть противопоказана девушкам. Арон считает, что это может со временем привести вообще к деградации не только семьи, но и к депопуляции общества. Всюду наблюдаются аномия и отчуждение, всюду одиночество и неуверенность в завтрашнем дне.

Анализируя диалектику универсальности, Арон отмечает, что впервые человечество живет в едином историческом пространстве. «С одной стороны, Организация Объединенных Наций, с другой — Олимпийские игры символизируют определенное единство человечества»¹⁷¹. Идет процесс мондиализации или глобализации. «Классическая идея унификации человечества благодаря технике производства, транспорту, коммуникации, информации, ставшая в настоящее время банальной, вошла в сознание всех людей планеты»¹⁷². Но вместе с тем, продолжает Арон, наблюдается дезинтеграция общества. Современная цивилизация не уничтожает межгосударственных отношений, но ущемляет национальные интересы разных народов. Мир развивается неравномерно, одни государства обладают мощным экономическим потенциалом, а другие лишены новейших орудий производства. «Люди никогда не знали историю, которую они делали, но еще меньше знают ее сегодня. Легче думать о будущем, чем верить в него заранее. История остается человеческой, драматической

¹⁷⁰ Aron R. Les desuillisions du progres. Essai sur la dialectique de la modernite. Paris, 1969. P. 101.

¹⁷¹ Ibid. P. 191.

¹⁷² Ibid. P. 192.

и, следовательно, в некотором смысле иррациональной»¹⁷³. Одним словом, заключает Арон, человечество катится вниз и ни о каком развитии по восходящей линии нельзя говорить.

Конечно, в настоящее время есть больше оснований для пессимизма по сравнению с теми периодами, когда в социальной философии преобладали оптимистические воззрения. Во-первых, миллионы людей не могут удовлетворить свои элементарные потребности. Во-вторых, происходит сильное социальное расслоение людей. В-третьих, слаборазвитые государства постоянно отстают от развитых и это отставание все больше и больше увеличивается. В-четвертых, рушатся традиционные семейные устои и из-за этого происходит депопуляция многих развитых государств. В-пятых, люди все больше и больше отчуждаются друг от друга. В-шестых, не решаются глобальные проблемы современности и т. д. и т. п. Все это верно. Но все же объективный анализ общества показывает, что человечество совершило гигантский шаг вперед в развитии производительных сил, в освоении космического пространства, в политической и социальной сферах, в улучшении жизненных условий человека — короче, во всех областях социума. Возьмем, например, положение человека в обществе. Ретроспективный взгляд на историю показывает, что по мере продвижения общества вперед по пути социального прогресса человек получает все больше и больше возможностей для проявления своих сущностных сил. Вспомним эпоху рабства, когда с рабом обращались, как с животным. Но уже в эпоху феодализма нельзя было обращаться, скажем, с крестьянином, как с рабом.

Современный человек по сравнению с человеком средневековья получает еще большую свободу. Ведь в те далекие времена людям в буквальном смысле слова приходилось бороться за свое физическое существование. Вот как Л.Февр описывает француза XVI столетия. Он отмечает, что между французом XVI века и французом XX века мало сходства. «Этот сельский житель, кочевник, человек грубый и неотесанный — как он далек от нас! К тридцати годам, когда он достигал расцвета сил, — каких только опасностей он не преодолел, каких испытаний не перенес! Прежде всего, он выжил. Он миновал, не погибнув, первые шестнадцать лет своего существования — за это время погибал каждый второй ребенок... В более позднем возрасте он выстоял, не погибнув, против всех смертельных поветрий... которые каждый год уносили жизни многих тысяч людей цветущего возраста...»¹⁷⁴. Он постоянно рисковал своей жизнью, как солдат, всюду его ожидали опасности, и редко когда он доживал отведенный ему природой срок жизни.

¹⁷³ Aron R. Les desuillisions du progres. Essai sur la dialectique de la modernite. Paris, 1969. P. 294

¹⁷⁴ Февр Л. Бой за историю. М., 1991. С. 295.

Человек XXI века, несомненно, имеет больше возможностей для проявления своих физических и духовных потенций. Вместе с тем мы видим, что он сталкивается с немалыми трудностями, но такова жизнь. Никогда не будет идеальных условий для человека. Сам человек, будучи кузнецом своего счастья, должен стремиться к тому, чтобы бороться за это счастье, за уничтожение устаревших порядков и установление новых общественных отношений, дающих возможность полностью проявить себя как творческое существо. Как бы ни тосковали многие критики прогресса по прошлому, новые поколения никогда не захотят терять то, что они уже приобрели.

Существенно заметить, что человечество не впервые сталкивается с трудностями, но оно их всегда преодолевало и шло вперед. И надо надеяться на то, что оно преодолеет нынешние трудности и будет развиваться по восходящей линии, ибо для его совершенствования нет никаких пределов, хотя некоторые ученые заговорили о конце истории. Характерна в этом отношении позиция американского исследователя Ф.Фукуямы. В статье «Конец истории?» он пишет, что о конце истории писал Маркс, «полагавший, что историческое развитие, определяемое взаимодействием материальных сил, имеет целенаправленный характер и закончится, лишь достигнув коммунистической утопии, которая и разрешит все противоречия»¹⁷⁵. Под концом истории Фукуяма понимает безраздельное господство либерализма, способного, по его утверждению, разрешить все противоречия современного общества. Во-первых, реалии жизни свидетельствуют, что либерализм не в состоянии решить накопившиеся в современном мире противоречия. Если либерализм представляет собой эффективный механизм преодоления трудностей, то почему большая часть человечества влачит жалкое существование? История вообще не имеет конца в социальном смысле слова, т. е. нельзя сказать, что вот это конечная остановка истории, а дальше ехать запрещено. Исторический процесс — это бесконечный процесс-континуум. Во-вторых, Фукуяма либо не понял Маркса, либо извращает его, так как Маркс никогда не писал о конце истории. Маркс утверждал, что «буржуазные производственные отношения являются последней антагонистической формой общественного процесса производства, антагонистической не в смысле индивидуального антагонизма, а в смысле антагонизма, вырастающего из общественных условий жизни индивидуумов; но развивающиеся в недрах буржуазного общества производительные силы создают вместе с тем материальные усло-

¹⁷⁵ Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М., 1995. С. 291.

вия для разрешения этого антагонизма. Поэтому буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества»¹⁷⁶. С точки зрения Маркса, коммунизм есть не конец истории, а ее начало.

Глубоко ошибаются те, кто отвергает общественный прогресс. Они видят сложный и противоречивый характер общественного развития, замечают, что в ходе истории многие культуры, цивилизации исчезают, что наука не всегда способствует совершенствованию жизненных условий человека. Одним словом, они видят негативные последствия развития человеческого общества по восходящей линии и поэтому всячески отвергают это восходящее развитие. Но они смотрят на социальный мир глазами метафизика, а не диалекта. Общество противоречиво, сложно и многогранно, но все-таки оно развивается по восходящей линии. И нет сомнения в том, что и нынешнее общество со временем перейдет в новое, более прогрессивное, качественно иное состояние. Это зависит не от мыслителей, отрицающих прогресс и, следовательно, будущее человечества, а от творцов истории, т. е. от людей, постоянно стремящихся к улучшению своих жизненных условий и желающих обеспечить достойное будущее последующим поколениям. Они должны изменить те общественные отношения, которые тормозят развитие общества. И они это сделают, как это до них делали предыдущие поколения. «Убежденность в том, что мы вышли откуда-то, неразрывно связана с убежденностью в том, что мы идем куда-то. Общество, которое больше не верит в то, что продвигается в будущее, быстро перестает интересоваться своим развитием в прошлом»¹⁷⁷.

Если нет движения вперед, то либо надо «топтаться на месте», либо вернуться назад. «Топтаться на месте» исключается, поскольку, как уже отмечалось, новые поколения со своими новыми потребностями будут стремиться к тому, чтобы идти вперед, преодолевать трудности, которые будут встречаться на их пути. Возвращаться назад тоже исключается, ибо возвращаться, собственно говоря, некуда. Поэтому остается единственный выход: преодолевать трудности, как и прежде, переходить от одного качественного состояния общества к другому, более прогрессивному. Пока существует человечество, должен осуществляться прогресс. Такова имманентная логика истории, ничего общего не имеющая как с фатализмом, так и с волюнтаризмом.

¹⁷⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7—8.

¹⁷⁷ Carr E.H. Qu'est-ce que l'histoire? Paris, 1988.

Глава IX. Пути общественного развития

§ 1. Эволюционный путь

Общественный прогресс, т. е. движение человечества по восходящей линии осуществляется разными путями. Один путь связан с эволюцией, а другой — с революцией. Сразу же подчеркну, что оба пути неразрывно связаны между собой. Только в одном случае превалирует эволюционный путь, а в другом — революционный.

Термин «эволюция» (лат. *evolutio* — развертывание) предполагает постепенные количественные изменения, которые в конце концов приводят к коренным качественным изменениям. Этот термин широко используется в естествознании, прежде всего в биологии. Изменение природы происходит постепенно, путем количественных накоплений. Вообще все, что происходит в живой природе, имеет эволюционный характер.

Многие исследователи широко использовали понятие эволюции в обществознании, и в этом ничего плохого нет, так как это понятие вполне можно применить в исследованиях об обществе. Но они отождествляли природные процессы с социальными. Так, английский философ и социолог XIX века Г. Спенсер переносил эволюционные процессы природы на общество. Выделяя сходные черты природы и общества, он отмечал: «Низшее животное или зародыш высшего обладают лишь немногими отличимыми друг от друга частями, но с увеличением общей массы тела число таких частей увеличивается, и в то же время эти части дифференцируются одна от другой. То же самое справедливо по отношению к обществу. Вначале несходства между различными группами составляющих его единиц очень незначительны и по числу, и по степени, но, с возрастанием народонаселения в данном обществе, общественные разделения и подразделения становятся более многочисленными и более резкими. Кроме того, как в общественном, так и в индивидуальном организме дальнейшие дифференциации прекращаются только с завершением типа, характеризующим собой зрелый возраст и предшествующим упадку»¹⁷⁸. Спенсер биологизировал общество.

¹⁷⁸ Спенсер Г. Соч. Т. 1, ч. II. СПб., 1898. Часть II. Индукция социологии. Глава 1. Что такое общество? // Философия и общество. 1997. № 2. С. 217.

Сходные мысли высказывает и русский исследователь П.Ф. Лилиенфельд. Вот что он пишет: «Точно так же и любое человеческое общество является индивидуумом, подобно обществу пчел и муравьев, последние, в свою очередь, являются индивидуумами, подобно клеточному организму, хотя пространственные условия, в которых осуществляется процесс подчинения единому целому, очень отличаются друг от друга»¹⁷⁹.

Подчеркнем еще раз, что общество возникло на определенном этапе эволюции природы и, следовательно, несет на себе отпечаток этой природы. И поведение людей чем-то может напоминать поведение животных. Тем не менее общество — качественно новое образование, коренным образом отличающееся от природы.

Однако вернемся к эволюции. Социальная эволюция начинается с возникновением общества, которое формировалось постепенно на протяжении тысячелетий. Если взять, например, производительные силы, то вначале они носили очень примитивный характер. Затем постепенно они совершенствовались: каменные орудия заменялись железными, которые подвергались дальнейшему усовершенствованию и в конце концов в XXI веке мы имеем самые мощные производительные силы, стержнем которых являются высокие технологии.

Постепенное изменение производительных сил приводит к изменению производственных отношений и вообще к переходу к другому общественному строю. Но современные развитые производительные силы не стоят на месте. По мере роста потребностей людей развиваются и производительные силы. Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока существует человеческое общество.

Такие же эволюционные изменения происходят и в других сферах общественной жизни. Если, например, взять политическую сферу, то постепенные изменения в ней привели к существенной трансформации политических механизмов регулирования общественных отношений. Достаточно сказать, что постепенные, эволюционные изменения в монархической форме правления привели к тому, что в современных условиях эта форма правления, хотя и сохранилась в некоторых странах, имеет чисто ритуальный характер.

Следует подчеркнуть, что эволюционный, ненасильственный путь общественного развития является нормальным и естественным путем. Ретроспективный взгляд на всю историю человечества свиде-

¹⁷⁹ Лилиенфельд П. Органический метод в социологии // Философия и общество. 1997. № 4. С. 231—232.

тельствует о том, что большинство народов мира переход от одного типа общества к другому совершало эволюционным путем.

§ 2. Революционный путь

Термин «революция» (фр. *revolution*) используется для обозначения глубоких, коренных, качественных изменений в природе, обществе, технике, научном познании. Эти изменения приводят к революционному перевороту либо в природе, либо в обществе, либо в науке. Появление человека, например, есть революция в изменениях природных процессов. Приручение животных человеком тоже является революцией в общественной жизни, а изобретение колеса представляет собой величайшую техническую революцию в истории человечества.

Социальная революция — это быстрые качественные изменения во всех сферах общественной жизни, это скачок от одного способа производства к другому в результате насильственного свержения старой власти. Экономической причиной такого революционного скачка является нарушение закона соответствия между производительными силами и производственными отношениями. Суть этого закона Маркс выразил так: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»¹⁸⁰. Обостряются все противоречия общества, ухудшается жизненный уровень большинства населения. Кризис общества в конце концов завершается революцией. Прежде всего свергается старая власть, затем заменяются прежние экономические, социальные, духовные и иные структуры новыми. В конечном итоге совершается переход общества от одного качественного состояния к другому.

Основной вопрос революции есть вопрос о власти. Для совершения быстрых качественных изменений прежде всего необходимо отобрать власть у старых социальных классов. Затем постепенно принимаются экономические, политические, правовые и иные акты для изменения всех прежних порядков.

Характер революции определяется целями и задачами, которые она ставит перед собой. В этой связи все социальные революции

¹⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 7.

можно разделить на буржуазные, социалистические и национально-освободительные. Целью буржуазной революции является ликвидация феодального способа производства и утверждение новых общественных отношений. Исключительное значение буржуазная революция придает принципу равенства. Все граждане объявляются равными перед законом независимо от их имущественного и служебного положения. На первое место выходят права человека. Принцип частного предпринимательства и личной инициативы объявляется всеобщим принципом буржуазного государства. В сфере политики доминируют демократические формы правления. Происходит разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Как на макро-, так и на микроуровне органы власти избираются путем голосования.

Развитие буржуазного общества на определенном этапе приводит к обострению противоречий, прежде всего в экономической сфере. Так, обостряются противоречия между трудом и капиталом. Национальные богатства все больше и больше концентрируются в руках меньшинства, в то время как большинство населения не всегда в состоянии удовлетворить даже общественно необходимые потребности. Усиливаются противоречия и в других сферах общественной жизни — социальной, политической, духовной и т. д. Все это приводит к глубочайшему кризису общества. Если его не удастся решить мирным путем, то совершается социалистическая революция. Цель этой революции заключается в ликвидации буржуазного способа производства. В экономической сфере частная собственность заменяется государственной или общественной собственностью. Уничтожается эксплуатация человека человеком, т. е. присвоение чужого труда. Устанавливается не просто равенство, а социальное равенство: создание всем одинаковых стартовых возможностей для проявления своих физических и духовных потенций, право на труд, бесплатное образование, бесплатное здравоохранение, бесплатные квартиры и другие социальные блага. Формы демократического правления становятся действительно демократическими: не формально, а реально любой гражданин может быть избран в те или иные государственные органы. Исключается подкуп депутатов, поскольку они защищают интересы всех слоев общества, а не отдельных лиц, имеющих огромные богатства. Таким образом, целью социалистической революции является построение такого общества, в котором свободное развитие каждого является условием свободного развития всех.

Национально-освободительная революция совершается в колониальных странах. Ее задачей является освобождение страны от колониальной зависимости, создание национального государства,

национальной экономики, национальных политических структур, национальной культуры и т. д.

Хотя основной вопрос революции — это вопрос о власти, тем не менее не всякое взятие власти имеет чисто революционный характер. Поэтому следует различать такие понятия, как государственный переворот, дворцовый переворот и военный переворот. Государственный переворот осуществляется внутри данного способа производства. В него вовлекаются различные влиятельные силы общества. Поэтому состав организаторов государственного переворота гетерогенен. Цель такого переворота заключается в преодолении сложившихся в обществе негативных процессов и явлений, в дальнейшем совершенствовании существующих социально-экономических и политических порядков. Дворцовый переворот совершается внутри правящей верхушки. Обычно такие перевороты происходят при династическом режиме. Цель — замена данной личности другой, более отвечающей интересам организаторов дворцового переворота. Что касается военного переворота, то его осуществляют по определению военные. Как правило, такие перевороты совершаются в отсталых странах. Цели переворотов могут быть самые разные: свержение коррумпированной власти, защита национального суверенитета, защита интересов армии и т. д.

§ 3. Проблема выбора путей общественного развития

Прогресс общества носит естественноисторический характер. Это значит, что общество, как и природа, где действуют слепые силы, изменяется, совершенствуется, переходит от одного качественного состояния в другое независимо от желаний людей, наделенных сознанием и поступающих сознательно. Складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, исторический процесс объективен, а с другой — он есть результат деятельности людей. На этом парадоксе споткнулись фаталисты и волюнтаристы. Первые считают, что все в обществе совершается независимо от людей и что поэтому они якобы лишены всякой возможности влиять на социальные процессы и феномены. По мнению вторых, люди сами по своему усмотрению и желанию могут менять ход развития социума. Они игнорируют объективный характер общественного развития и все внимание обращают лишь на субъективный фактор. И волюнтаристы, и фаталисты не понимают диалектики объективного и субъективного. Поэтому при исследовании исторического процесса им все кажется парадоксальным. Однако подлинно научный анализ общества, выяснение меха-

низмов его функционирования и движущих сил показывает, что ничего парадоксального в нем нет.

Исследование сущности исторического процесса свидетельствует, что опредмеченный людьми мир как бы отчуждается от них и превращается в нечто автономное со своей внутренней логикой и закономерностями развития. Этот мир, по существу, есть история, имеющая непрерывный характер. Каждое поколение в готовом виде застаёт определенный комплекс общественного богатства, которое не зависит от него, но которое передалось ему от предшествующих поколений. У Маркса и Энгельса были все основания писать, что «история есть нечто иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности»¹⁸¹. Так, возьмем материальные ценности, и прежде всего производительные силы, здания, складские помещения, технику, транспорт и т. д. Они создавались на протяжении жизни многих поколений и для вновь родившегося поколения существовали объективно, поскольку оно их застало в готовом виде и что-то к ним добавляло, что-то отбрасывало и передавало последующему поколению. Новое поколение опять что-то добавляло, что-то отбрасывало и опять передавало потомкам и т. д. Этот процесс непрерывен и бесконечен, пока существует человечество.

Аналогичная картина наблюдается и в сфере духовных ценностей. Гениальная живопись эпохи Возрождения, творчество Шекспира, Пушкина, Достоевского, Бальзака, Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля передались последующим поколениям. Многие философские и литературные школы возникли на базе творчества корифеев мировой культуры. Настоящая литература как вид духовного производства в России началась с Пушкина. Известные философские школы связаны с именами Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля.

Но духовные ценности обладают некоторыми специфическими чертами. Во-первых, духовные ценности, как и материальные, после их создания существуют объективно от их творцов. Всемирно известная картина Леонардо да Винчи «Джоконда» живет своей жизнью уже несколько сот лет, и люди наслаждаются этой замечательной картиной. Во-вторых, в отличие от материальных ценностей духовные ценности более долговечны в смысле их использования. Никто сейчас,

¹⁸¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 44—45.

например, серьезно не будет применять при культивировании земли орудия производства эпохи рабства. Но ни один настоящий философ не может игнорировать классическое философское наследие китайцев и индийцев, греков и римлян. В-третьих, духовными ценностями можно пользоваться вечно, причем каждое поколение их использует для того, чтобы лучше и глубже понять свою собственную эпоху.

Таким образом, исторический процесс — это совокупность материальных и духовных ценностей, это деяния и поступки людей. Вместе с тем этот процесс есть единство объективного и субъективного. Под объективным в обществе подразумеваются факторы, существующие независимо от воли и желаний людей. Скажем, экономический фактор является объективным фактором, так как без него просто немыслима жизнь человека. Чтобы он мог физически выжить, ему необходимо создавать средства существования: пищу, одежду, жилье и т. д. К объективному фактору следует отнести и ту часть природы, которая находится в постоянном взаимодействии с обществом и выступает как естественное условие его существования и развития. К объективным условиям принадлежат и семейно-бытовые отношения, связанные с воспроизводством человека. Под субъективным следует понимать то, что зависит от самих людей, от их сознательности, уровня культуры, дисциплинированности, ответственности и т. д.

Приоритет принадлежит объективному. Оно в конечном счете детерминирует субъективное. Так, например, люди несвободны в выборе своих производительных сил, составляющих основу всей их истории, поскольку они им достались от предыдущих поколений. Но они могут их максимально эффективно использовать или же, наоборот, даже потерять то, что уже имели. История человечества свидетельствует, что при одних и тех же средствах производства можно жить как хорошо, так и плохо. То же самое касается природного фактора. Имея одинаковые природные и климатические условия, можно жить по-разному. Здесь все зависит от субъективного фактора. Поэтому люди должны учитывать возможности объективного фактора и, исходя из этого, действовать в соответствии со своими возможностями, традициями, обычаями, менталитетом и т. д.

Если брать человечество в целом, то по мере его продвижения по пути социального прогресса возрастает роль субъективного фактора. Можно сказать, что становление человеческого рода есть становление собственно человеческой истории. Первобытное общество — это социум, который с некоторыми оговорками ближе к природе, чем к подлинной истории людей. Почти все отношения между индивидами регулировались не социальными, а естественными связями. Даже орудия производства создавались с учетом естественных условий.

Совсем иначе выглядит эпоха рабства, люди уже начинают делать настоящую собственную историю. Во-первых, социальные связи стали доминировать над природными и взаимоотношения индивидов регулироваться выработанными юридическими законами и нормами, а также нравственными принципами. Во-вторых, появилась письменность, давшая возможность фиксировать мысли, создавать духовные ценности, оставлять их потомкам. Сама духовная деятельность приобрела самостоятельный характер. В-третьих, сознательно строились государственные и межгосударственные отношения и т. д.

В настоящее время роль субъективного фактора резко возросла. Все социальные силы общества — классы, группы, коллективы индивиды — принимают активное участие в творении истории. Они производят ценности, делают политику, создают различные политические партии, спортивные организации и учреждения, объединяющие в своих рядах миллионы людей не на базе кровнородственных связей, а на основе профессиональных и иных интересов. Порой складывается впечатление, что воля людей сильнее объективных обстоятельств и что история как бы приобретает субъективно-волюнтаристский характер, когда ее можно менять по своему усмотрению. Делаются иной раз даже попытки все сломать и вернуться к прошлому. При этом совершенно забывают, что в истории нет абсолютной повторяемости, что нельзя вернуться к прошлым временам не только потому, что изменились объективные обстоятельства, но и потому, что субъективные условия тоже резко изменились. Новое поколение никогда не захочет отказаться от приобретенных ценностей, от производительных сил, от жизненного комфорта и других позитивных моментов, оставленных предыдущими поколениями. У него другая психология, другой уклад жизни и другие интересы. Насильственно можно навязать, но только временно, людям мысль о необходимости повторить пройденный путь, но это будет означать трагедию, ибо нельзя насиловать логику истории и ее объективный ход по восходящей линии.

Итак, историю нельзя переделывать по своему усмотрению, т. е. произвольно и субъективно. Но история не есть и фатальность, которая управляет людьми и автоматически приводит к тем или иным результатам. Конечно, люди ее сами делают, но они делают ее не так, как им вздумается, а при «обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»¹⁸². Иначе говоря, люди всегда должны считаться с объективными условиями и исходить из них при решении тех

¹⁸² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 119.

или иных задач. Но внутри самих объективных условий может оказаться несколько вариантов решения этих задач, что свидетельствует о том, что нет в истории однозначных причинно-следственных связей и железного детерминизма. Проиллюстрируем это теоретическое положение историческими фактами. Первый пример связан с положением крепостных крестьян в эпоху царствования Екатерины II. В.О. Ключевский считает, что «можно было тремя способами разверстать отношения крепостных крестьян к землевладельцам: во-первых, их можно было открепить от лица землевладельца, но при этом не прикреплять к земле, следовательно, это было бы безземельным освобождением крестьян»¹⁸³. Об этом мечтали либеральные дворяне, но, как пишет Ключевский, такое освобождение практически не было возможно, ибо привело бы к политической катастрофе. Во-вторых, можно было бы, «открепив крепостных от лица землевладельца, прикрепитель их к земле, т. е. сделавши их независимыми от господ, привязать их к земле, выкупленной казной»¹⁸⁴.

Следствием этого было бы то, что крестьяне превратились бы в крепких государственных плательщиков и их положение оказалось бы близким к тому, которое сложилось 19 февраля 1861 года. Русский историк справедливо отмечает, что в XVIII веке такое освобождение, связанное со сложными финансовыми операциями выкупа земли, было невозможно. В-третьих, «можно было бы, не открепляя крестьян от лица землевладельцев, прикрепитель их к земле государственных хлебопашцев»¹⁸⁵.

Ключевский считает, что третий способ был наиболее удобным, но императрица отвергла все три способа и просто закрепила господство владельцев над крестьянами в том виде, в каком оно существовало в XVIII веке. Крепостные крестьяне превратились в частную собственность землевладельцев. «Вот почему Екатерину можно назвать виновницей крепостного права не в том смысле, что она создала его, а в том, что это право при ней из колеблющегося факта, оправдываемого временными нуждами государства, превратилось в признанное законом право, ничем не оправдываемое»¹⁸⁶.

Таким образом, в России в XVIII веке существовало по крайней мере три способа решения крестьянского вопроса. Но все они были обусловлены тогдашними объективными обстоятельствами, и нельзя

¹⁸³ Ключевский В.О. Соч. Т. 5. С. 132.

¹⁸⁴ Там же. С. 133.

¹⁸⁵ Там же. С. 133.

¹⁸⁶ Там же. С. 133—134.

было выйти за их пределы. Нельзя было, например, сразу отменить крепостное право, так как для этого не созрели еще условия. Выражаясь гегелевским языком, оно было необходимо и, следовательно, разумно. Оно пока не мешало развитию российского общества. Но со временем стало неразумным и, хотя реально существовало, в нем не было никакой необходимости, так как оно тормозило дальнейшее продвижение России по пути социального прогресса. Это стали осознавать одни раньше, другие позже. Это поняли и верхние эшелоны власти, которые царским манифестом 19 февраля 1861 года отменили крепостное право.

Другой пример связан с Октябрьской революцией, о значении которой английский философ Б. Рассел писал в 1920 году: «Российская революция — одно из величайших героических событий в мировой истории. Ее сравнивали с французской революцией, но в действительности ее значение еще более велико. Она сильнее изменяет повседневную жизнь и структуру общества: она вносит также большие перемены в представления и убеждения людей»¹⁸⁷. Сразу же после ее победы и до настоящего времени многие философы, политики, писатели, политологи, публицисты и просто любящие поговорить о революции утверждают, что эта революция есть отклонение от общей линии мирового развития, что большевики-фанатики взяли власть в свои руки и волюнтаристски навязали народу свои представления о социализме, вообще о путях развития российского общества. Такой конъюнктурный подход к изучению крупнейшего исторического события малопродуктивен, ибо явление выдается за сущность, а сущность за явление. Задача же науки состоит в том, чтобы исследовать глубинные причины исторических фактов и событий.

Октябрьская социалистическая революция произошла в исключительных обстоятельствах и в чрезвычайно сложной и противоречивой стране. И не было ни материальных, ни социальных, ни политических предпосылок для ее свершения. Но если не было предпосылок для социалистической революции, то были предпосылки для захвата власти. Почему? Потому что продолжавшаяся война полностью разрушила экономику, все классы и слои России были недовольны царским режимом, они требовали отречения царя и последний вынужден был отречься от своего престола. Но и Временное правительство оказалось не в состоянии выправить положение дел и вывести Россию из критической ситуации. Оно выступало за продолжение военных действий, а народ устал. Он

¹⁸⁷ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М., 1991. С. 5.

требовал хлеба и мира. Армия стала разлагаться и вышла из подчинения. Одним словом, кругом царили хаос и неразбериха.

Временное правительство оказалось неспособным управлять страной в новых, сложных условиях. Его власть все больше и больше наталкивалась на непреодолимые препятствия, что свидетельствовало о том, что любая политически организованная сила могла свергнуть его и взять власть в свои руки. Н.А. Бердяев писал, что «только диктатура могла остановить процесс окончательного разложения и торжества хаоса и анархии. Нужно было взбунтовавшимся массам дать лозунги, во имя которых эти массы согласились организовать и дисциплинироваться, нужны были заражающие символы. В этот момент большевизм, давно подготовленный Лениным, оказался единственной силой, которая, с одной стороны, могла докончить разложение старого и, с другой стороны, организовать новое. Только большевизм оказался способным овладеть положением, только он соответствовал массовым инстинктам и реальным соотношениям»¹⁸⁸. Не взяли бы власть большевики, взяли бы другие, о чем свидетельствует августовский мятеж генерала Корнилова. Как говорится, корона валялась, и ее мог подобрать кто угодно.

Октябрьская революция — исключительный продукт российского общества. Она была подготовлена всем ходом развития России. Об этом с исчерпывающей полнотой писал тот же Н.А. Бердяев: «Большевизм воспользовался всем для своего торжества. Он воспользовался бессилием либерально-демократической власти, негодностью ее символики для скрепления взбунтовавшейся массы. Он воспользовался объективной невозможностью дальше вести войну, пафос которой был безнадежно утерян, нежеланием солдат продолжать войну, и он провозгласил мир. Он воспользовался неустроенностью и недовольством крестьян и передал всю землю крестьянам, разрушив остатки феодализма и господства дворян. Он воспользовался русскими традициями деспотического управления сверху и, вместо непривычной демократии, для которой не было навыков, провозгласил диктатуру, более схожую со старым царизмом. Он воспользовался свойствами русской души, во всем противоположной секуляризированному буржуазному обществу, ее религиозностью, ее догматизмом и максимализмом, ее исканием социальной правды и царства Божьего на земле, ее способностью к жертвам и к терпеливому несению страданий, но также к проявлениям грубости и жестокости, воспользовался русским мессианизмом, всегда остающимся, хотя бы в бессознательной

¹⁸⁸ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 114—115.

форме, русской верой в особые пути России. Он воспользовался историческим расколом между народом и культурным слоем, народным недоверием к интеллигенции и с легкостью разгромил интеллигенцию, ему не подчинившуюся. Он впитал в себя и русское интеллигентское сектантство и русское народничество, преобразовав их согласно требованиям новой эпохи. Он соответствовал отсутствию в русском народе римских понятий о собственности и буржуазных добродетелей, соответствовал русскому коллективизму, имевшему религиозные корни. Он воспользовался крушением патриархального быта в народе и разложением старых религиозных верований»¹⁸⁹.

Как уже отмечалось, если бы большевики не взяли власть, то ее взяли бы другие, ибо нельзя было не свергать Временное правительство, не оправдавшее ожиданий масс. Иначе говоря, у российского народа в данных исторических условиях не было другого выбора, другой альтернативы. Операция свержения Временного правительства могла бы быть отложена, но все равно рано или поздно ее надо было проводить. Конечно, если бы Временное правительство пошло навстречу требованиям масс, то, возможно, ситуация изменилась бы. Однако оно не было на это способно и жестоко расплатилось за свои ошибки.

Итак, у людей есть всегда возможность выбрать тот или иной путь развития, те или иные способы решения социально значимых задач, но все пути и способы находятся внутри данных обстоятельств, а не за их пределами. В античном мире были одни формы решения, в эпоху феодализма — другие, в настоящее время — совершенно иные. Магистральными путями общественного развития на макроуровне выступают эволюционный и революционный пути. Наиболее оптимальным и желательным является первый путь, для которого характерны постепенные количественные изменения, приводящие в итоге к качественно новому состоянию общества. Он выступает как универсальный путь развития человечества, не связанный с резкой ломкой старых общественных отношений, традиций и обычаев, с огромными людскими жертвами. Революционный путь — это путь насилия, быстрого слома прежних порядков, путь резкого скачкообразного перехода от одного социума к другому. Он не обходится без человеческих жертв и кровопролития. Поэтому он менее всего желателен. Но в истории, как уже отмечалось, не все совершается по воле и желанию людей. И когда складываются соответствующие экономические, социальные, политические, духовные и другие условия, когда

¹⁸⁹ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 115.

резко обостряется ситуация и усиливается противостояние классов и социальных слоев, тогда революция становится неминуемой. Выше говорилось о неизбежности Октябрьской революции. Но также была неотвратима и Французская революция 1789—1794 годов, связанная с неслыханным насилием, террором, истреблением людей, но расчистившая путь для победы буржуазного способа производства.

Накануне революции резко упал жизненный уровень народа. «Народ стонал под тяжестью налогов, взимаемых государством, оброка, платимого помещику, десятины, получаемой духовенством, и барщины, требуемой всеми тремя. Население целых местностей было доведено до нищеты. В 1777 году была официально установлена цифра в 1100 тыс. нищих. В деревнях голод стал хроническим, он повторялся через короткие промежутки времени и опустошал целые провинции»¹⁹⁰. За террор ответственны не только вожди революции и даже не столько они, а обанкротившиеся классы во главе с королем Людовиком XVI. Вообще следует подчеркнуть, что главная причина революций и порождаемых ими гражданских войн заключается в том, что эксплуататорские классы доводят до резкого обострения классовые антагонизмы. В тех странах, где господствующие классы идут на определенные компромиссы, революции не происходят. Там постепенные, эволюционные изменения приводят к качественным изменениям, к улучшению жизни всех слоев общества. И здесь проявляются опять-таки возможности выбора путей развития.

¹⁹⁰ Крпоткин П.А. Великая французская революция 1789—1793 гг. М., 1979. С. 17.

Глава X. Субъекты истории

§ 1. Понятия «этнос», «народ», «нация»

Вопрос о том, кто делает историю, находился в центре внимания многих философов. И многие философы немало страниц посвятили этому вопросу. Русский философ Н.К. Михайловский утверждал, что решающая роль в истории принадлежит герою, а им надо «называть человека, увлекающего своим примером массу на хорошее или дурное, благороднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело»¹⁹¹. Другой русский философ П.Л. Лавров писал, что историю творят личности, и они могут ее по своему усмотрению повернуть в любую сторону и что «прогресс человечества лежит исключительно на критически мыслящих личностях: без них он, безусловно, невозможен»¹⁹². Раз личности являются главными двигателями человечества, то они и создают новые модели общества и реализуют их в своей практической деятельности. На них возлагалась вся надежда по решению сложных социальных и экономических задач. Но их же обвиняли во всем, если общество оказывалось в тупиковой ситуации. Народ же рассматривался как безликая масса, готовая идти за своими лидерами, если даже эти лидеры оказывались недостойными руководителями, а изложение истории ограничивалась деятельностью королей, царей, монархов и войнами. Причем с приходом нового суверена историю начинали заново переписывать в угоду новым властям. Всю историю сводили к политической истории.

Не утихают споры и в наше время. Даже сами вопросы: «Кто делает историю?» и «Кто творит историю?» нередко вызывают острые дискуссии. В свое время шла острая полемика между английским философом Дж.Льюисом и его французским коллегой Л.Альтюссером по поводу выражения «делать историю». Дж.Льюис утверждал, что человек делает историю. Альтюссер ему резко возражал. Историю, утверждал он, нельзя делать. Делают предметы, вещи, а не историю. Так, «столяр, который «делает» стол, уже имеет первичную материю — дерево. Он его превращает в стол»¹⁹³. Но, продолжает Альтюссер, сто-

¹⁹¹ Михайловский Н.К. Соч. Т. 6. С. 282.

¹⁹² Лавров П.Л. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 87.

¹⁹³ Althusser L. Reponse a John Lewis. Paris, 1973. P. 19.

ляр никогда не скажет, что он делает дерево, поскольку прекрасно знает, что это дерево является продуктом природы и существует независимо от него. С точки зрения Льюиса, считает Альтюссер, «человек уже сделал историю, с помощью которой делает историю! Следовательно, в истории человек создает все: не только результат как продукт своего «труда» (история). Но до этого он создал первичную материю (историю), которую превратил в историю»¹⁹⁴. Но в качестве такого все делающего человека может выступать только Бог, находящийся за пределами самой истории. Не человек, справедливо заключает Альтюссер, а народ и классы делают историю.

Субъект истории — это в первую очередь народ. Но, прежде чем анализировать данное понятие, надо рассмотреть другое важное понятие в социальной философии — понятие этноса. Термин «этнос» (гр. *ethnos*) в греческом языке имеет много значений: народ, племя, род, стадо, толпа и т. д. Поэтому не всегда легко раскрыть содержание этого неоднозначного термина.

Л.Н. Гумилев определял этнос как «естественно сложившийся на основе оригинального поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущений комплиментарности»¹⁹⁵. Противопоставление предполагает отношения: «мы» и «они». В этом противопоставлении проявляется дух любого этноса. Л.Н. Гумилев пишет, что человек получает стимулы не только от общества, но и от природы. Поэтому при изучении этноса необходимо учитывать этот фактор. Правда, он абсолютизирует роль природного фактора в образовании этносов. Стереотип поведения, например, этноса Гумилев объясняет его приспособлением к географической среде. Главное в суперэтносе — межэтническая близость.

Л.Н. Гумилев вводит понятие суперэтноса. «Суперэтносом, — пишет он, — мы называем группу этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением...»¹⁹⁶. Суперэтнос, как и этнос, противопоставляет себя другим этносам и суперэтносам.

Большинство исследователей этносов не поддерживает концепцию Л.Н. Гумилева. Они связывают этнос не с биологическими признаками, а с культурно-историческими различиями. Ю.И. Семенов, например, считает, что главный этносообразующий признак — это

¹⁹⁴ *Althusser L. Reponse a John Lewis. Paris, 1973. P. 20.*

¹⁹⁵ *Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1979. С. 499.*

¹⁹⁶ Там же. С. 112.

культура, а не биологический фактор, потому что «этнос есть общность социальная и только социальная»¹⁹⁷.

Действительно, понятие этноса — социальное, а не биологическое понятие. Человек как представитель этноса формируется только в обществе. Поэтому этнические различия проявляются не в биологии людей, а в их культуре. Этнос — это общность людей, имеющих общее происхождение, общую территорию, общий язык и общую культуру. Если этническая группа попадает на территорию другого этноса, то она стремится к сохранению своей культуры, потому что иначе ассимилируется с другим этносом. История человечества свидетельствует, что этнические ассимиляции постоянно происходили и происходят. В настоящее время происходят интенсивные миграционные процессы. Сотни тысяч людей покидают свои исторические родины и переселяются в страны и континенты. Образуются мощные этнические диаспоры, которые со временем могут потерять свой язык, свою культуру и свой стереотип поведения.

Обычно термин «народ» используют в трех смыслах. Во-первых, данное понятие охватывает всех людей, населяющих какую-либо страну. Скажем, когда говорят «американский народ», подразумевают всех американцев, живущих в США, независимо от их расовой и национальной принадлежности, а также имущественного положения. В этом случае понятие народа совпадает с понятием населения. Во-вторых, народ — это трудящиеся, создающие материальные и духовные ценности и не присваивающие чужой труд. В-третьих, народ — организованное целое, имеющее единую психологию (менталитет), культуру, традиции, язык, обычаи, единую территорию, общие экономические связи и т. д. Это устойчивая общность людей со своими интересами.

Долгое время в отечественной литературе шли дискуссии относительно соотношения понятий «народ» и «нация». При этом вся полемика разворачивалась вокруг определения нации, данного Сталиным. В работе «Марксизм и национальный вопрос» Сталин дает такое определение нации: **«Нация есть исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в культуре»**¹⁹⁸.

Это определение нации для наших исследователей служило в качестве эталона изучения нации вплоть до смерти Сталина. Но после

¹⁹⁷ Семенов Ю.И. *Философия истории*. М., 2003. С. 37.

¹⁹⁸ Сталин И.В. *Соч.* Т. 2. 1907—1913. М., 1946. С. 296.

смерти Сталина и особенно после XX съезда КПСС стрелка маятника повернулась в другую сторону и все, что было написано Сталиным, подвергалось острейшей критике. Само собой разумеется, сталинская дефиниция нации была сразу же отвергнута и вообще Сталин был обвинен во всех смертных грехах. Но особенной критике подвергали четвертый признак нации — психический склад. Утверждалось, что никакого специфического психического склада нет, что все нации имеют одинаковый психический склад. При этом совершенно забывали, что, с точки зрения Сталина, психический склад проявляется в культуре, специфичность которой, естественно, никто не отрицает.

Все исследователи нации, включая Сталина, при изучении генезиса нации и национальных отношений исходили (и не могли не исходить, ибо нации в первую очередь возникли в Европе) из западноевропейских реалий. А эти реалии связаны с формированием буржуазных общественных отношений. Тот же Сталин пишет: «Нация является не просто исторической категорией, а исторической категорией определенной эпохи, эпохи подымающегося капитализма. Процесс ликвидации феодализма и развитие капитализма является в то же время процессом складывания людей в нации. Так происходит, например, в Западной Европе. Англичане, французы, германцы, итальянцы и прочие сложились в нации при победоносном шествии торжествующего над феодальной раздробленностью капитализма»¹⁹⁹.

В начальный период буржуазный способ производства предполагает общие экономические связи, общенациональный рынок. А это, в свою очередь, предполагает наличие общей территории и общего языка. Поэтому вовлеченные в буржуазные общественные отношения социально-этнические общности стремятся к объединению, к тому, чтобы иметь общую территорию, общие экономические отношения, единое национальное государство, единый рынок, единый язык, на котором все могли бы общаться. Таким образом, процесс формирования буржуазных общественных отношений и нации как новой социальной общности людей представляет собой единый процесс. Но вместе с тем это и процесс формирования единого народа с общей экономикой, общей территорией, общим языком и общей культурой. Отсюда: в Западной Европе понятия нации и народа вначале совпадали. Они употреблялись как синонимы. Гольбах, например, писал: «Итак, нации всегда подчинены естественным законам: им так же не дозволено наносить друг другу вред, уничтожать друг

¹⁹⁹ Сталин И.В. Соч. Т. 2. 1907—1913. М., 1946. С. 303.

друга, лишая друг друга преимуществ, которыми они пользуются, как и члену общества не дозволено вредить другим его членам. Каждый народ имеет те же обязанности по отношению к другому народу, что и человек по отношению к другому человеку; каждая нация должна проявлять к другим нациям справедливость, чистосердечие, человечность и оказывать им помощь, поскольку она желает всего этого и для себя самой. Каждая нация обязана уважать свободу и владения другой нации»²⁰⁰. Как видно, Гольбах понятия «народ» и «нация» употребляет как синонимы. Четыре признака нации — общность экономических связей, общность территории, общность языка и общность психического склада, проявляющегося в культуре, — которые приводит Сталин, вплоть до второй половины XX века характеризовали как нацию, так и народ. Гражданин Франции, например, вместе с тем являлся представителем французского народа.

В современную эпоху ситуация определенным образом изменилась в связи с тем, что в Западной Европе оказались миллионы людей, которые при наличии гражданства страны, где они родились, являются гражданами той страны, где они живут. Но они до полной ассимиляции, если, конечно, это произойдет, остаются этническими меньшинствами. В той же Франции сотни тысяч арабов, негров, представителей азиатских народов. Все они являются французами, если у них есть французское гражданство, но они не часть французского народа.

Из всего вышеизложенного следует, что сталинское определение нации исходило из тех реалий, которые были в начале XX века, когда писалась эта статья. Эт. е. одновременно и определение нации и народа. И оно не потеряло до сих пор своего научного значения.

Вместе с тем сегодня необходимо давать иную дефиницию нации. Такую дефиницию дает Ю.И. Семенов: «*Нация есть совокупность людей, имеющих одно общее отечество*»²⁰¹. Действительно, все граждане данного государства независимо от их этнического происхождения и этнической принадлежности представляют собой единую нацию. Все, имеющие французское гражданство, являются французами, хотя не все из них относятся к французскому народу. Иначе говоря, не все из них этнически являются французами.

Если понятие народа — социально-этническое понятие, то понятие нации есть социально-политическое понятие. Она возникает в эпоху формирования национальных государств (XVII в.). Вначале нации формировались на базе этнической общности людей. Но в

²⁰⁰ Гольбах П.А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1963. Т. 2. С. 112.

²⁰¹ Семенов Ю.И. Философия истории. М., 2003. С. 62.

настоящее время, как уже отмечалось, понятие нации охватывает всех граждан данного государства независимо от их этнического происхождения. В связи с этим возникла проблема национальной идентичности. Кого и по каким признакам считать французом, русским или американцем? Что объединяет французов или других в нацию? С.Хантингтон в книге «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» пытается выяснить американскую национальную идентичность. Автор считает, что американцы национальной идентичности придают очень важное значение. Но само осознание этой идентичности менялось на протяжении всей истории США. «Лишь в восемнадцатом столетии британские переселенцы начали отождествлять себя не только со своими колониями, но и со страной, в которой эти колонии были основаны. Вслед за обретением независимости в девятнадцатом веке возникло и укрепилось представление об американском народе. После Гражданской войны понятие национальной идентичности сделалось преобладающим и американский национализм расцвел пышным цветом»²⁰². Затем американцы, как утверждает Хантингтон, перестали интересоваться своей национальной идентичностью. Но в настоящее время снова резко возрос интерес к ней.

По мнению Хантингтона, в течение 300 лет стержнем американской национальной идентичности являлась англо-протестантская культура, что было вполне понятно: европейские иммигранты создали США. Но в конце XX века иммиграционные потоки идут в основном из Азии и Латинской Америки, что очень сильно осложняет проблему американской национальной идентичности. Но это касается не только США, но всех стран, куда прибывают все новые и новые иммигранты. Это особенно касается Западной Европы, где проживают миллионы выходцев из Азии, Африки, арабских стран, Турции и др.

В социальной философии часто используется также термин «масса». Масса, по выражению испанского философа Ортеги-и-Гасета, есть множество людей без особых достоинств. Массы имеют некоторые общие черты: вкусы, интересы, стиль жизни и т. д.

Ясперс рассматривает массу как людей, ничем не связанных друг с другом, но в своем сочетании представляющих некое единство. Но «масса как публика — типический продукт определенного исторического этапа; это связанные воспринятыми словами и мнениями

²⁰² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 15.

люди, не разграниченные в своей принадлежности к различным слоям общества»²⁰³. Масса составляет свое мнение, которое не является мнением ни одного отдельного человека, но именуется общественным мнением.

Э. Канетти фактически отождествляет массу с толпой и считает, что массы возникают внезапно и также внезапно исчезают. «Стояло пять, может, десять, может, двенадцать человек, никто ни о чем не объявлял, никто ничего не ждал — и вдруг все вокруг черно от людей. Люди текут отовсюду, кажется, все улицы стали односторонним движением. Многие даже не знают, что случилось, спроси их — им нечего ответить, но они спешат оказаться там же, где остальные. В их движении решимость, весьма отличная от обыкновенного любопытства... У них есть цель. Она есть раньше, чем они в состоянии ее осознать, и цель эта — самое черное, т. е. то место, где больше всего людей»²⁰⁴.

Канетти преувеличивает внезапность появления масс. Это не совсем так, если, конечно, речь не идет о зеваках, которые собираются, скажем, во время крупной автомобильной катастрофы. В нормальных условиях массу кто-то организует, кто-то куда-то ведет. Митинги и шествия, например, проходят под руководством определенных политических сил. Конечно, к митингующим и манифестантам присоединяется много людей, которые в целом разделяют настроения массы.

Канетти выделяет такие свойства массы: 1. Стремление к численному росту. 2. Равенство внутри массы. «Оно абсолютно и неоспоримо и самой массой никогда не ставится под вопрос. Оно фундаментально важно, настолько, что массовое состояние можно было бы определить именно как состояние абсолютного равенства... Ради такого люди и превращаются в массу. Все, что способно от этого отвлечь, не заслуживает внимания. Все требования справедливости, все теории равенства черпают свою энергию в конечном счете из переживания равенства, которое каждый по-своему знает по массовому чувству»²⁰⁵. 3. Плотность. Масса, как полагает Канетти, любит плотность, потому что ощущение наибольшей плотности она переживает в момент разрядки. 4. Направленность. Масса должна знать, куда двигаться и что делать. Эта направленность усиливает чувство равенства и необходимость достижения цели.

Б.А. Грушин так определяет понятие массы: «Массы — это ситуативно возникающие (существующие) социальные общности, вероят-

²⁰³ Ясперс К. Духовная ситуация времени. М., 1990. С. 55.

²⁰⁴ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 19—20.

²⁰⁵ Там же. С. 34.

ностные по своей природе, гетерогенные по составу и статистические по формам выражения»²⁰⁶. Он различает такие виды масс: 1) большие и малые; 2) устойчивые (постоянно функционирующие) и неустойчивые (импульсивные); 3) сгруппированные и несгруппированные; 4) контактные и неконтактные (дисперсные); 5) спонтанные (стихийно возникающие) и организуемые (институционализированно порожденные)²⁰⁷. Массы возникают время от времени. Они могут появиться случайно, когда скапливается огромное количество людей в связи с тем или иным событием. Но они могут быть заранее организованы и выведены на улицы для проведения тех или иных политических мероприятий (митингов, демонстраций и т. д.).

Понятие толпы близко по содержанию к понятию массы, но оно очень отличается от понятия народа. Толпа есть нечто неорганизованное, случайное скопление людей, руководствующихся не столько разумом, сколько чувствами и эмоциями, в ней доминирует стадное сознание, и она готова на сиюминутные «героические» жертвы, особенно когда во главе ее появляются лидеры-фанатики, для того чтобы добиться своих эгоистических целей. И у Н.К. Михайловского были основания, когда он писал, что толпой следует «называть массу, способную увлекаться примером, опять-таки высоко благородным, или нравственно безразличным»²⁰⁸. Толпа не может созидать, она способна только разрушать, ее легко можно использовать для деструкции социальных институтов и порядков. Поэтому очень опасно для общества, когда политики оперируют мнением толпы и намерены провести в жизнь принятые толпой решения. Конечно, настоящие, ответственные лидеры учитывают настроения толпы, ибо они в конце концов отражают реальную картину общества. Но толпа долго не живет, она быстро растворяется, хотя и быстро возникает. Она часто служит социальной базой националистических и шовинистических политических движений и организаций. Чем ниже уровень политической культуры толпы, тем она опаснее, и нельзя не учитывать эту опасность. Толпу часто используют во время предвыборной кампании, когда каждый кандидат хочет заполучить побольше голосов избирателей. Ей обещают горы золота, она, как правило, этому верит и обещает голосовать именно за того кандидата в законодательные органы, который больше обещает и красивее говорит.

²⁰⁶ Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987. С. 234—235.

²⁰⁷ Там же. С. 236—237.

²⁰⁸ Михайловский Н.К. Соч. М.; Пг., 1899. Т. 6. С. 282.

§ 2. Великие личности в истории

Представления о том, что именно личность творит мировую историю, базировались на идеалистическом понимании развития человеческого общества, согласно которому идеи правят миром. Но поскольку их разрабатывают критически мыслящие личности или те, кто стоит у власти, то последние и выступают в роли детерминанты исторического процесса. И в самом деле, кажется, что именно личности, и прежде всего государственные деятели, творят историю, так как от их действий и поступков во многом зависит ее ход. Можно, например, смело сказать, что Александр Македонский является основателем могучей империи. Не подлежит сомнению и то, что французская империя начала XIX века — детище Наполеона I, так как без корсиканца, видимо, не было бы такой империи, хотя, возможно, была бы империя, но она была бы образована иным путем.

Однако ни Александр Македонский, ни Наполеон I, ни кто-либо другой не был бы в состоянии создать империю, если бы в Древней Греции или во Франции отсутствовали соответствующие социально-экономические и политические условия. Поэтому исторические процессы надо исследовать не на уровне видимости, а проникать в сущность, необходимо вычленять главные моменты, изучать повседневную жизнь людей, их действия, поступки, деятельность, т. е. все то, что составляет действительную историю. Это сделал Маркс, подошедший к изучению общества с материалистических позиций. Он писал, что люди в первую очередь должны есть, пить, одеваться, иметь крышу над головой, а затем заниматься философскими, художественными, религиозными и другими идеями и теориями. Иначе говоря, в качестве фундамента общества выступает производство материальных ценностей. Оно носит непрерывный характер и не прекращается ни на минуту, а если прекратится, то социум погибнет. Таким образом, материальное производство — база всего исторического процесса и мощь любого государства — определяет прежде всего уровень экономического развития общества, хотя роль неэкономических факторов тоже нельзя игнорировать.

Но кто производит материальные блага? Кто строит дома? Кто выпускает машины, станки, сеет хлеб и т. д.? Конечно, люди, трудящиеся массы. Они трудятся изо дня в день, создают общественное богатство, передают от поколения к поколению средства производства, культуру, традиции, обычаи, нравственные нормы и принципы, достижения цивилизации, политические и социальные институты. Каждое последующее поколение опирается на результаты труда пре-

дыдущих генераций, использует их, что-то отбрасывает, что-то пере-нимает, добавляет к ним новые ценности и передает очередному поколению. Так складывается единый исторический процесс-континуум, т. е. имеющий непрерывный характер. Этот процесс также естествен, как и природные процессы, но в отличие от последних он является результатом сознательной деятельности людей.

Таким образом, не личность, не герой, не суверен, а **народ творит историю**. Короли, монархи, вожди, цари, президенты приходят и уходят, а народ остается главным субъектом истории. Однако это вовсе не значит, что личности не играют никакой роли в обществе, что они являются лишь «винтиками» истории и послушно следуют за ее ходом. Прежде всего, необходимо отметить, что каждая личность, создающая материальные или духовные ценности, играет определенную роль в истории, выполняет те или иные общественные функции, проявляет свою гражданскую позицию, переживает за те или иные процессы в обществе. Но когда говорят о личности, то, как правило, имеют в виду выдающихся или великих личностей.

Традиционно под выдающимися личностями подразумевают либо политических и государственных деятелей (царей, монархов, императоров, вождей), либо полководцев и т. д. На мой взгляд, это слишком односторонний подход к выяснению понятия выдающейся личности в истории. Конечно, эти люди в силу своего социального положения, дающего им возможность принимать судьбоносные решения, оказывали и оказывают наибольшее влияние на ход истории, на политику государства и поэтому, естественно, они попадают под понятие выдающейся личности. Но такими личностями могут быть и ученые, сыгравшие исключительную роль в науке (Ньютон, Эйнштейн, Гегель, Ломоносов, Маркс и многие другие), деятели литературы и искусства. Пушкин, например, является великой личностью, хотя не занимал высших государственных постов, но был, по выражению М. Горького, началом всех начал, создателем русского литературного языка. Кто может отрицать, что величайший композитор всех времен Моцарт был выдающейся личностью? Выдающимися личностями являются спортсмены, внесшие значительный вклад в развитие спорта. Таким образом, понятие выдающейся личности надо трактовать шире. Но сейчас не будем нарушать традиций и постараемся выяснить, кого считать великой исторической личностью и какие для этого нужны объективные критерии.

По мнению Гегеля, в ходе истории возникают противоречия между существующими порядками и новыми появляющимися возможностями их изменить. Эти возможности содержат в себе некое всеобщее, т. е. нечто такое, что имеет огромное историческое значение. Но

оно может быть реализовано только в деятельности личностей, обладающих выдающимися способностями и готовыми к осуществлению всеобщего. И поэтому «историческими людьми, всемирно-историческими личностями являются те, в целях которых содержится такое всеобщее»²⁰⁹. К их числу немецкий философ относит Юлия Цезаря, так как намерение его стать диктатором Рима было «необходимым определением в римской и всемирной истории, оно явилось, таким образом, не только его личным достижением, но инстинктом, который осуществил то, что в себе и для себя было своевременным. Таковы великие люди в истории, личные частные цели которых содержат в себе тот субстанциональный элемент, который составляет волю первого духа»²¹⁰.

Гегель великих людей называет героями, ибо они, по его мнению, появляются вовремя, когда созревают необходимые условия для принятия решительных действий, имеющих всемирно-историческое значение. Вместе с тем они обладают блестящим умом и понимают то, что нужно в данный момент обществу. Они делают своей целью то, что необходимо в настоящее время социуму, в чем давно нуждалась сама история. Они лучше постигают суть дела, чем все остальные люди. Таким образом, с точки зрения Гегеля, появление великих людей на исторической сцене необходимо и неизбежно, так как дальнейший прогресс общества становится невозможным из-за накопившихся противоречий между старым и новым. Великий человек разрешает эти противоречия и спасает всех от гибели. Гегель отмечает, что когда цель достигается, то великие люди «отпадают как пустая оболочка зерна. Они рано умирают, как Александр, их убивают, как Цезаря, или их ссылают, как Наполеона на остров св. Елены»²¹¹.

Гегель категорически выступает против психологического анализа деятельности великих людей, против того, чтобы выявлять внутренние мотивы их поступков. Он критикует тех исследователей, которые действия выдающихся личностей объясняют их человеческими качествами. Так, многие утверждали, что у Александра Македонского была страсть к завоеваниям и что поэтому он сначала захватил часть Греции, а затем и Азии. А действия Наполеона I объясняли его амбициозностью и стремлением к захвату власти любой ценой.

Гегелевская критика справедлива, ибо нельзя какими-то личными чертами и свойствами объяснить деятельность личностей,

²⁰⁹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 81.

²¹⁰ Там же. С. 82.

²¹¹ Там же. С. 82—83.

оставивших заметный след в истории. Петр I, например, имел тяжелый характер, был вспыльчив. «Простота обращения и обычная веселость делали иногда обхождение с ним столь же тяжелым, как и его вспыльчивость или находившее на него по временам дурное расположение духа, выражавшееся в известных его судорогах. Приближенные, чуя грозу при виде этих признаков, немедленно звали Екатерину, которая сажала Петра и брала его за голову, слегка ее почесывая. Царь быстро засыпал, и все вокруг замирало, пока Екатерина неподвижно держала его голову в своих руках. Часа через два он просыпался бодрым, как ни в чем не бывало. Но и независимо от этих болезненных припадков прямой и откровенный Петр не всегда бывал деликатен и внимателен к положению других, и это портило непринужденность, какую он вносил в общество»²¹². Но нельзя на этом основании отрицать великую роль Петра I в истории России и Европы.

Однако нельзя, с другой стороны, всю историю сводить лишь к необходимости и игнорировать роль случайности в истории или же личных черт великих людей. Можно вспомнить в этой связи слова Маркса: «Творить мировую историю было бы, конечно, очень удобно, если бы борьба предпринималась только под условием непогрешимо-благоприятных шансов. С другой стороны, история носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь с другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависит от этих «случайностей», среди которых фигурирует и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения»²¹³. Особенно велика роль характера личности в критические периоды истории. В войне, например, от полководца требуются решительность, смелость, умение быстро оценивать ситуацию, оперативно разработать план военных действий. Ведь от этого может зависеть судьба сражения, в конечном счете судьба армии и государства. Историки до сих пор ведут дискуссии о том, как бы сложился театр военных действий во время битвы при Ватерлоо, если бы Наполеон не чувствовал себя плохо.

Великие люди, пишет Гегель, совершают поступки исторического значения. Они вносят существенные изменения во все сферы общественной жизни, затрагивают интересы всех слоев общества. Поэто-

²¹² Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 34.

²¹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 175.

му, естественно, не все довольны их деятельностью, ведь многие из них приносятся в жертву во имя всеобщих целей. Возникает соблазн морального осуждения действий великих людей. Гегель считает, что такого рода осуждения неуместны, так как политические поступки осуждаемых носят объективный характер, способствуют прогрессу человеческого общества и ради этого приходится жертвовать интересами отдельных личностей.

Оригинальные мысли о выдающихся личностях высказывает Н.Г. Чернышевский. Он полагал, что выдающийся человек «должен верно понимать силы и стремления каждого из элементов, движущих обществом; должен понимать, с какими из них он может вступать в союз для достижения своих добрых целей, должен уметь давать удовлетворение законнейшим и сильнейшим из интересов, как потому, что удовлетворения им требует справедливость и общественная польза, так и потому, что только опираясь на эти сильнейшие интересы, он будет иметь в своих руках власть над событиями. Без того его деятельность истощится на бесславную для него, вредную для общества борьбу; общественные интересы, отвергаемые им, восстанут против него, и результатом будут только бесплодные стеснительные меры, которые необходимо приводят или к упадку государственной жизни, или к падению правительственной системы, чаще всего к тому и другому вместе»²¹⁴.

Таким образом, с точки зрения Чернышевского, выдающаяся личность должна в своей деятельности исходить прежде всего из общественных интересов. По его мнению, великий человек должен быть честным, добрым, энергичным и все должен делать для того, чтобы каждое его действие, каждый его поступок приносили только пользу государству и всем его гражданам. Конечно, хорошо, когда великий человек добр и честен, но в действительности редко кто из политических деятелей обладал этими замечательными качествами. И это легко объяснимо. Политика — такая сфера деятельности, где моральные принципы и нормы не работают. Это связано с тем, что хотя политика и мораль играют регулятивную роль, и в этом смысле у них есть нечто общее, тем не менее они выполняют разные функции.

Другой русский философ Г.В. Плеханов при рассмотрении роли выдающихся личностей главное внимание обращает на общественные условия. Чтобы человек, обладающий известным талантом, стал великим, необходимы по крайней мере два условия: «Во-первых, его

²¹⁴ Чернышевский Н.Г. Избр. филос. соч. М., 1950. Т. 2. С. 241—242.

талант должен сделать его более других соответствующим общественным нуждам эпохи: если бы Наполеон вместо своего военного гения обладал музыкальным дарованием Бетховена, то он, конечно, не сделался бы императором. Во-вторых, существующий общественный строй не должен заграждать дорогу личности, имеющей данную особенность, нужную и полезную как раз в это время»²¹⁵. Великих людей создают великие времена, заключает Плеханов.

Карл Ясперс считал, что выдающейся личностью является та, «которая чувствует свою ответственность за свободу других»²¹⁶. Государственный деятель, утверждает немецкий философ, лишаящий свободы других, не есть великая личность. Цезарь, по мнению Ясперса, не является великим человеком, так как он ликвидировал республику и установил диктатуру. Если исходить из этой точки зрения, то ни один диктатор не может считаться великим человеком, ибо он всегда ограничивает свободу во имя достижения общих целей. Зато выдающимися окажутся безвольные и нерешительные суверены, приводящие государство либо к кризису, либо к полному краху. Парадокс истории состоит в том, что как раз при деятельности диктаторов, как правило, государство добивается больших экономических и политических успехов.

Ясперс понимает это и поэтому смягчает свою позицию. Он пишет, что многие великие люди чувствовали свою ответственность за свободу и тем не менее были вынуждены считаться с двумя обстоятельствами: во-первых, с насилием и, во-вторых, со свободой. Существование, базирующееся на насилии, требует от суверена постоянно хитрить и лгать, изворачиваться, интриговать. Свобода же основывается на разуме, и поэтому от государственного деятеля требуется полная откровенность, а также выполнение взятых на себя обязательств. Кроме того, разум требует моральной ответственности за свои действия и поступки, которая признает успех и насилие лишь в том случае, если они служат высшим политическим целям человека, стремящегося к политической свободе и понимающего, что только такая свобода делает его полноценным человеком. Мелкий политик использует сложившуюся ситуацию в своих интересах и ничего не делает для человека. Великий же политик в этой ситуации находит решение, которое возвышает человека, делает его свободным.

Итак, существуют разные ответы на вопрос о том, кого считать великой личностью. Одни больше внимания обращают на историчес-

²¹⁵ Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. М., 1956. Т. 2. С. 327.

²¹⁶ Jaspers K. Initiation à la methode philosophique. Paris, 1970. P. 65.

кую необходимость ее появления и на выполнение задач всемирного значения, другие — на учет общественных интересов, третьи — на реализацию свободы. Все точки зрения нисколько не противоречат друг другу при условии, если их рассматривать не абстрактно, а в конкретно-исторических ситуациях.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что выдающимися людьми не рождаются. Ими становятся, как справедливо отмечал Плеханов, в определенных исторических условиях. Пушкин бы не стал Пушкиным, если бы он воспитывался в глухой деревне и в семье неграмотного и темного крестьянина. Моцарт бы не стал Моцартом, если бы не родился в музыкальной семье и не получил блестящего музыкального образования.

Для того чтобы стать великим государственным деятелем, нужны исключительные обстоятельства, которые возникают на крутых поворотах истории и оказывают огромное влияние на дальнейшее развитие человечества. Если образно представить себе исторический процесс, то можно заметить, что он не есть прямая дорога, а зигзагообразен. Более того, в некоторых местах мы видим повороты, валуны, ухабы, которые нельзя обойти, но без преодоления которых дальнейшее продвижение вперед совершенно невозможно. В эти моменты появляются лидеры (а могут и не появиться), способные преодолеть все препятствия, расчистить дорогу для социального прогресса и обновления. Таких лидеров принято считать выдающимися людьми. Иными словами, выдающаяся личность — продукт исключительно важной исторической эпохи. Сколько великих личностей, например, породила эпоха Возрождения! Но это было не случайно, а неизбежно, ибо она нуждалась в титанах и рождала титанов. Наполеон стал великим именно потому, что Франция в конце XVIII века занимала ведущее положение в духовной и политической жизни Европы, которое ей обеспечила революция 1789—1794 годов. Петр стал великим, потому что Россия начала XVIII века нуждалась в великих реформах, позволивших ей занять передовые рубежи в области науки, военного дела и т. д.

Но, чтобы стать великой личностью, разумеется, одних исторических условий недостаточно. Сам человек должен обладать гениальным умом, выдающимися чертами, необходимыми для выполнения больших, трудных и ответственных задач. Он должен быть образованным, решительным, смелым, твердым, принципиальным и очень ответственным, стоять на целую голову выше своего окружения, не бояться брать на себя риск и ответственность за принятые решения и доводить их до конца. Его деятельность должна носить конструктивный, а не деструктивный характер. Он не должен стремиться к попу-

лизму, к тому, чтобы всем нравиться и тем самым заработать дешевый авторитет. Без этих качеств человек не может стать великой личностью, если даже имеются соответствующие исторические условия и он оказался во главе процесса. Наоборот, бездарный руководитель может все погубить, развалить и оставить народ в нищете.

Нельзя назвать всякого, оставшегося в силу своего социального и политического положения в анналах истории, выдающейся личностью. В России, например, было много царей, а великим стал только Петр I. О выдающемся человеке судят по его делам и поступкам, а не по обслуживающей его идеологии. Важнейший критерий, характеризующий человека как великую личность, — это то, насколько его деятельность способствовала социальному прогрессу и решению тех задач, которые ставило его время. Насколько он проводил конструктивную политику, способствовал укреплению могущества государства, всегда и везде защищал интересы народа. Это объективный критерий, так как он не зависит от субъективной оценки людей. Как бы ни относились к Петру I, несомненно одно, что его реформе «Россия обязана всем своим наличным образованием и всеми сокровищами своей литературы. Если бы тут мог быть какой-нибудь вопрос, то на него уже ответили два величайших представителя русского образования и литературы в прошлом и в настоящем веке — Ломоносов и Пушкин, неразрывно связавшие свое имя с именем Петра»²¹⁷.

Как бы ни относились к деятельности Робеспьера, но именно он, как один из вождей революции, способствовал развитию образования, реализации лозунга революции: «Свобода, равенство, братство». Ярый роялист и сторонник Бурбонов, очень суровый критик и, можно сказать, враг Наполеона I Франсуа Рене де Шатобриан вот как характеризовал деятельность французского императора: «Бонапарт велик не своими словами, речами и писаниями, не любовью к свободе, о которой он всегда он очень мало заботился и которую даже и не думал отстаивать; он велик тем, что создал стройное государство, свод законов, принятый во многих странах, судебные палаты, школы, мощную, действенную и умную систему управления, от которой мы не отказались и поныне; он велик тем, что возродил, просветил и благоустроил Италию; он велик тем, что вывел Францию из состояния хаоса и вернул ее к порядку, тем, что восстановил алтари, усмирил бешеных демагогов, надменных ученых, анархических литераторов, нечестивых вольтерьянцев, уличных говорунов, убийц, подвизавшихся в тюрьмах и на площадях... велик тем, что прославил свое

²¹⁷ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 432.

имя и среди диких, и среди цивилизованных народов, тем, что превзошел всех завоевателей, каких знало человечество прежде, тем, что десять лет подряд творил чудеса, ныне с трудом поддающиеся объяснению»²¹⁸. Как бы ни критиковали Сталина, он остается великой личностью в истории, ибо его деятельность носила конструктивный характер. Он спас мир от фашизма. Он, как писал Черчилль, получил Россию с сохой и оставил с атомной бомбой.

Роль личности в истории зависит не только от сложившихся исторических обстоятельств, но и от того, какое политическое и социальное положение она занимает в обществе. Чем выше это положение, тем выше роль личности, так как тем больше возможностей у нее влиять на ход событий. Если бы Петр I не был царем России, то он, конечно, не смог бы оказать такое огромное влияние на ее судьбу.

В значительной мере роль личности определяется и состоянием цивилизованности общества, политической культурой народа. Чем меньше развиты демократические институты, предполагающие универсальную избирательную систему, разделение законодательной, судебной и исполнительной властей; чем меньше политического плюрализма, т. е. наличия разных политических партий и движений; чем меньше свободы слова и свободы мысли; чем меньше возможностей контролировать деятельность политических и государственных руководителей, в том числе через средства массовой информации; чем ниже сознание и самосознание народа, проявляющего политический индифферентизм; чем меньше разработаны юридические законы, тем выше роль личности и ее ответственность. Она концентрирует огромную власть в своих руках, что дает ей возможность крепко держать «руль истории».

Отсутствие политической культуры и демократических институтов создает благоприятную почву для прихода к власти политических проходимцев и негодяев, преследующих нередко лишь собственные интересы и цели. Как писал Маркс, нации, как и женщине, не прощается минута оплошности, когда любой авантюрист может совершить над ней насилие. Когда народ слепо верит политиканам и возводит их на пьедестал почета, когда он не осознает своих собственных интересов и верит популистским лозунгам, он превращается в толпу, которой можно внушить все, что угодно. Авантюристы-политики начинают ломать исторические традиции и превращают государство в огромную экспериментальную базу.

²¹⁸ *Штабриан Ф.Р.* Замогильные записки. М., 1995. С. 324—325.

Может возникнуть вопрос: является ли приход таких людей исторической необходимостью? Нет, конечно. Хотя следует заметить, что низкая политическая культура народа, его инертность и пассивность, безусловно, помогают их приходу к власти. Но к этому надо добавить и то, что если развитие общества носит стабильный характер, если все его механизмы (экономические, политические, социальные, управленческие и т. д.) функционируют нормально, то у руля государственной власти, как правило, оказываются достойные люди. Но когда общество переживает глубокий кризис, когда все сферы жизни приходят в упадок, тогда появляется необходимость в новых политических лидерах, способных сплотить все слои общества, предложить неординарные меры по выходу из кризисного состояния. Но бывает и так, что вместо действительных лидеров на политическую сцену выходят псевдолидеры, карьеристы, обещающие много. Массы не подвергают сомнению их программы, слепо следуют за ними, и в результате общество оказывается в еще большем кризисном состоянии. Тем не менее опыт истории свидетельствует, что в конечном итоге приходят к власти действительные личности, обладающие недюжинными организаторскими способностями и делающие все для того, чтобы кардинальным образом изменить ситуацию, преодолеть все трудности и добиться существенного улучшения жизни народа.

Итак, исторический процесс складывается из жизнедеятельности людей. Они трудятся, производят материальные и духовные ценности. Они передают эти ценности, а также традиции, обычаи, культурные достижения из поколения в поколение. Иначе говоря, народ — субъект истории. Но в этом бесконечном процессе истории личность играет определенную роль и выполняет те или иные функции, которые зависят от занимаемого ею в обществе положения. Особенно велика роль суверенов. Их действия и поступки влияют на судьбы миллионов людей, на устройство мира и международные отношения. И если они работают на благо народа, решают исторические задачи по реализации социального прогресса, по гуманизации общества, то такие деятели остаются в истории как выдающиеся личности и народ их помнит всегда. Выдающиеся личности нуждаются в народе, но и народ нуждается в выдающихся личностях.

§ 3. Харизматический лидер

Термин «харизма» был введен М.Вебером для выяснения легитимности власти. Он считал, что имеется три вида легитимной власти. Первый вид опирается на авторитет нравов, которые неукоснительно следует соблюдать каждому члену общества. Это есть традиционное

господство, имевшее место главным образом в патриархальном обществе. Второй вид связан с авторитетом «внеобыденного личного дара (Gnadengabe) (харизма), полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя у какого-то человека: откровений, героизма и других, — харизматическое господство, как его осуществляют пророк, или — в области политического — избранный князь-военачальник, или плебисцитарный властитель, выдающийся демагог и политический партийный вождь»²¹⁹.

Третий вид — это легальное господство, для которого характерно подчинение при выполнении установленных правил и норм.

Вебер более подробно рассматривает второй вид господства, базирующийся на харизме. Люди проявляют личную преданность своему правителю, ибо видят в нем спасителя и оказывают ему полное доверие. Они считают его настоящим лидером, призванным быть их руководителем, потому что он обладает выдающимися чертами, которых нет у других. «Преданность харизме пророка, или вождя на войне, или выдающегося демагога в народном собрании (Ekklesia) или в парламенте как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому что верят в него... Именно к личности вождя и ее качествам относится преданность его сторонников: апостолов, последователей, только ему преданных партийных приверженцев»²²⁰. Харизматические лидеры, как правило, стремятся жить жизнью народа (это ничего общего не имеет с популизмом), стараются быть скромными в быту, в трудные времена для государства и его граждан они становятся ближе к людям, проявляют определенный аскетизм, понимают, что народ перестанет им верить, если они будут вести гедонический образ жизни. Плутарх, например, пишет, что во время похода в Галлию Цезарь жил так, как рядовой солдат, переносил вместе с подчиненными все тяготы и лишения военных походов. Наполеон I так легко второй раз вернулся к власти потому, что ему безгранично верили большинство французов, особенно его старая гвардия. А вот как В.О. Ключевский описывает образ жизни Петра Великого: «Будничную жизнь свою он старался устроить возможно проще и дешевле. Монарха, которого в Европе считали одним из самых могущественных и богатых в свете, часто видали в стоптанных башмаках и чулках, заштопанных собственной женой или дочерью... Ездил обыкновенно на одноколке или

²¹⁹ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 646.

²²⁰ Там же. С. 647

на плохой паре и в таком кабриолете, в каком, по замечанию иноземца-очевидца, не всякий московский купец решился бы выехать»²²¹. Токарь Петра I Нартов говорил, что царя называли земным богом и что благородному бесстрашию и правде учились у него. Исключительно харизматическими лидерами были Ленин и Сталин.

Понятия харизматического лидера и культа личности тесно связаны. Более того, без харизматических свойств культ личности невозможен, его нельзя сверху, насильственными средствами навязать народу. Культ личности — это обожествление человека, слепая вера в его сверхъестественные способности и силы. Носитель культа действительно обладает выдающимися способностями, но, разумеется, не сверхъестественными, проявляемыми им в своей многогранной деятельности как политического вождя, военачальника или монарха.

Анализ культа личности как важного социально-политического феномена требует исторического подхода, что предполагает выяснение в историческом аспекте его социальных и гносеологических корней, показа, почему на определенном этапе развития общества с необходимостью и даже неизбежностью возникает культ. Поэтому следует обратиться к истокам культа личности. Происхождение культа личности неразрывно связано с религией и религиозным сознанием, когда люди, будучи не в состоянии объяснить действия стихийных сил природы, их разрушительные последствия (засуха, наводнение и т. д.), приписывали эти действия каким-то сверхъестественным силам. Ввиду невысокого уровня развития производительных сил, примитивных общественных отношений, низкой культуры и неразвитого самосознания первобытные люди не могли создать себе соответствующие условия для нормальной, истинно человеческой жизни. Поэтому они изобретали мифы о каких-то могущественных силах, способных помочь им преодолеть встречающиеся опасности и бедствия на их жизненном пути. Они создавали образы героев, сильных и добрых, всегда приходящих на помощь бедным.

Первобытные люди подчинялись различным культам: явлениям природы (солнцу, огню), растениям, животным. Постепенно в общественной жизни возникает культ вождей. Их авторитет становится непререкаемым, им оказывают безграничное доверие и беспрекословно подчиняются. В первобытном обществе, как известно, не было политических и юридических институтов, призванных регулировать отношения между индивидами и различными социальными группами. В качестве такого главного регулятора выступали обычаи и

²²¹ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 31.

традиции, основным хранителем которых считался вождь. К этому следует добавить и то, что в условиях родоплеменного строя роль индивидуального сознания была ничтожна. Главную скрипку играло родовое сознание, которое было ориентировано на вождя.

С.А. Токарев пишет, что «можно разграничить примерно две стадии развития культа вождей, соответствующие этапы перехода от доклассового к классовому общественному строю: если на первом этапе вождь выступает как бы в роли лица общины, ответственного за ее благополучие, и этой цели служат его «сверхъестественные качества», то на втором этапе вождь не ответственное лицо, а деспот-повелитель и его «божественность» есть лишь средство усиления его власти и прославления его личности»²²².

На первом этапе вождь является для всех членов общины олицетворением мужества, храбрости, благородства, честности и справедливости. Он относится ко всем членам рода или племени одинаково. Они ему искренне верят и искренне обожают его личность. На втором же этапе такой тотальной веры нет, и авторитет вождя подкрепляется грубой политической силой.

С возникновением государства, созданием бюрократического аппарата и отчуждением власти религиозные представления о культе личности получают еще большую окраску. Государство сосредоточивает в своих руках огромную власть, оно начинает контролировать все сферы общественной жизни. Его деятельность как бы приобретает сверхъестественный характер, особенно когда она персонифицируется в лице монархов, императоров, царей, королей и т. д. Люди думали, что государственных деятелей надо почитать и поклоняться им как богам. Надо сказать, что и сами эти деятели тоже были уверены в своем божественном происхождении. Александр Македонский, как известно, требовал, чтобы его обожают, так как был уверен в своем божественном происхождении.

Согласно легенде, основатель рода Цезаря был внуком самой богини Венеры. Гай Светоний Транквилл пишет, что божественный Юлий «принимал почести сверх всякой меры: бессменное консульство, пожизненную диктатуру, попечение о нравах, затем имя императора, прозвание отца отечества, статую среди царских статуй, возвышенное место в театре, — он даже допустил в свою честь постановления, превосходящие человеческий предел: золотое кресло в сенате и суде, священную колесницу и носилки при цирковых процессиях, храмы, жертвенники, изваяния рядом с богами, место

²²² Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976. С. 155—156.

за угощением для богов, жреца, новых луперков, название месяца по его имени...»²²³.

Римляне очень тяжело переживали убийство Цезаря, потому что они его считали своим покровителем, символом справедливости и чести. «Тотчас после погребения, — сообщает Гай Светоний Транквилл, — народ с факелами ринулся к домам Брута и Кассия. Его с трудом удержали, но, встретив по пути Гельвия Цинну, народ убил его, спутав по имени с Корнелием Цинной, которого искали за его произнесенную накануне в собрании речь против Цезаря; голову Цинны надели на копье и носили по улице. Впоследствии народ воздвиг на форуме колонну из цельного нумидийского мрамора, около двадцати футов вышины, с надписью «Отцу отечества». У подножия еще долгое время приносили жертвы, давали обеты и решали споры, принося клятву именем Цезаря»²²⁴. Но не один Юлий Цезарь считался божественным. Божественными были и другие из рода цезарей: Август, Веспасиан, Тит и Клавдий.

Античный мир (Греция и Рим) создает собственных богов, покровительствовавших тем или иным сферам жизни. Зевс, например, правил небом и Землей. Посейдон — морем, Аид — подземным царством, Аполлон покровительствовал наукам и искусствам, Деметра давала всему рост на Земле и т. д. Боги живут земной жизнью людей, страдают и радуются так же, как люди, им присущи все человеческие достоинства и слабости. Вспомним «Метаморфозы» замечательного римского поэта Овидия. В этом произведении изображена жизнь не только людей, но и богов, наделенных человеческими качествами. Вот как он описывает возникновение мира:

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
Иль молодая земля, разделенная с горним эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразуясь, приняла людей небывлые обличья²²⁵.

²²³ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988. С. 43—44.

²²⁴ Там же. С. 49.

²²⁵ Овидий. Любовные элегии. Метаморфозы. Скорбные элегии. М., 1983. С. 378.

А еще раньше о земной жизни богов писал Аристотель: «И о богах говорят, что они состоят под властью царя, потому что люди, отчасти и теперь, а отчасти и в древнейшие времена, управлялись царями и так же, как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили это представление и на образ жизни богов»²²⁶.

Переход к феодальному способу производства не уничтожает харизматические представления о государственной власти, хотя они претерпевают существенные изменения в том смысле, что власть имущие, как правило, во всяком случае официально, больше не обожествлялись. Но религиозная окраска власти не исчезает. Наоборот, такие мировые религии, как христианство и ислам, придали ей большую «законность». Они сами заняли доминирующее положение в идеологической жизни феодальных государств. Вообще европейская культура была подчинена церкви, а философия превратилась в служанку теологии, что, конечно, не значит, что ничего ценного и интересного не создавалось.

Государство и церковь за редким исключением выступали с единых позиций и защищали друг друга. Церковь освящала власть королей, монархов и тиранов и т. д., считала незыблемыми существующие социальные и политические институты, данные, с ее точки зрения, от Бога. Библейские изречения часто использовались для укрепления власти правителей. Подданным говорили, что не следует уподобляться язычникам, «ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него»²²⁷.

В эпоху феодализма господствуют монархические формы правления, сущностью которых является концентрация и централизация власти в руках монарха, единолично правившего государством. От его воли и желаний во многом зависела судьба общества и людей (важную роль играли личные связи и неэкономическое принуждение). Главной задачей идеологии считалось воспитание граждан в духе преданности монарху. Таким образом, в условиях феодализма культовое сознание больше и больше укрепляется.

В социальной философии складывается твердое убеждение в том, что люди, находящиеся на вершине власти, творят мировую историю, поэтому расцвет или упадок государства целиком и полностью зависит от них. Английский мыслитель XIX века Т. Карлейль писал, что «всемирная история, история того, что человек совершил

²²⁶ Аристотель. Соч. Т. 4. М., 1984. С. 378.

²²⁷ Евангелие от Матфея, У 1, 8.

в этом мире, есть в сущности история великих людей, трудившихся на земле»²²⁸.

Гносеологические корни такого понимания исторического процесса заключаются, во-первых, в заимствовании религиозного представления о культе правителей и господстве культового сознания; во-вторых, в абсолютизации роли личности в истории, о чем я уже выше говорил; в-третьих, в том, что история рассматривается как дискретный процесс, в котором прошлое, настоящее и будущее полностью оторваны друг от друга. Когда к власти приходит новый правитель, он как бы заново начинает историю, поскольку власть имела вид перевернутой пирамиды, смерть или смещение верховного руководителя играли в жизни общества решающую роль. Люди не знали, как сложится их судьба, как поведет себя новый глава государства, какие порядки он установит. И вовсе не случайно, что многие противники режима его свержение связывали с физическим уничтожением руководителей верхнего эшелона власти. В России, например, ненавидели императора Павла I и убили его. Вступление Александра I на престол «возбудило в русском, преимущественно дворянском, обществе самый шумный восторг; предшествующее царствование для этого общества было строгим великим постом»²²⁹.

С возникновением капиталистического способа производства господству культового сознания наносится сильный удар, хотя, конечно, оно полностью не исчезает.

Буржуазия разрушила феодальные общественные отношения, скывавшие инициативу людей, сословные привилегии, провозгласила принцип *laisser-faire, laisser-passer* (делай то, что хочешь), лозунги свободного предпринимательства, формального равенства всех перед законом. Вместо культа вождей, правителей она выдвинула культ денег. Именно при капитализме появляется товарный фетишизм, тайну которого Маркс раскрыл в «Капитале». Он отмечал, что товар — «это вещь, полная причуд, метафизических тонкостей и теологических ухищрений»²³⁰. Мистический характер товара порождается не его потребительной стоимостью и не его стоимостью, а общественным характером труда, системой буржуазных общественных отношений.

Капитализм формирует особый тип характера личности, который Фромм назвал рыночным. Рыночный характер вынужден постоянно

²²⁸ См.: Кареев Н. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1914. С. 22.

²²⁹ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 5, ч. 5. С. 194.

²³⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 80—81.

приспосабливаться к новым условиям жизни, искать возможности выхода из тупиковой ситуации, иначе можно не выдержать конкуренцию и в конце концов оказаться на дне общества. Рыночный характер не признает культа президентов и премьер-министров. Для него главное — максимальная эффективность производства. Так, абсолютный культ личности заменяется абсолютным культом товаров.

Буржуазия совершает революционные преобразования не только в экономике, но и в сфере надстройки. Формирование буржуазной надстройки, как и базиса, — процесс довольно длительный, занявший сотни лет. Начало капиталистической эры относится к XVI столетию, хотя ее зачатки появились уже в XIV веке. Буржуазии пришлось бороться не только за экономическое, но и за политическое господство, о чем свидетельствуют революции XVII—XIX веков. Там, где эта борьба закончилась победой буржуазии, была полностью ликвидирована политическая надстройка феодализма. Там, где революция закончилась перемирием, остались элементы прежней политической надстройки. В тех странах, где капиталистический способ производства победил путем длительной эволюции, тоже сохранились остатки феодальной надстройки. Но в современных буржуазных государствах элементы феодальной надстройки не играют существенной роли в общественной жизни. Так, Япония до сих пор является конституционной монархией, где власть императора имеет «божественный» характер. Но императору, несмотря на «божественность» его происхождения и на то, что он является символом единства нации, не принадлежит абсолютная власть, как это было при феодализме. В Японии функционирует парламент со всеми присущими демократии атрибутами.

Буржуазия создает универсальное правовое государство, юридическим законам и нормам которого все обязаны подчиняться, начиная от главы государства и кончая рядовым гражданином. Конечно, отсюда не следует, что в условиях капиталистической системы все до единого соблюдают принятые законы, ибо практика показывает, что имущие люди фактически имеют больше прав, чем неимущие, так как у первых больше возможностей влиять на принятие тех или иных законов и на их реализацию.

В докапиталистических классовых обществах существовали правовые нормы и законы, которые регулировали взаимоотношения между гражданами. Но право не носило универсального характера, поскольку граждане в зависимости от их сословного происхождения пользовались различными правами. Дворяне, например, входили в высшие слои общества и имели огромные привилегии, тогда как крестьяне были лишены элементарных прав. Что же касается верхних кругов власти (монархов, царей и т. д.), то они, по существу, никогда

не соблюдали принятых законов, и не потому, что они этого не хотели, а прежде всего потому, что таковы были традиции, порядки, принципы, общественное сознание, за пределы которых они сами не могли выйти.

Буржуазная надстройка — это целый комплекс социальных и политических институтов, политических партий, различных общественных организаций и учреждений. Характерная черта этой надстройки — плюрализм мнений, мыслей, теоретических концепций, идеологических и политических течений, играющих разную роль в обществе в зависимости от влияния и финансовых возможностей, хотя мысли господствующего класса (буржуазии) являются в любом случае господствующими мыслями. И средства массовой информации распространяют в первую очередь мысли господствующего класса, потому что они находятся на его содержании.

Капитализм по сравнению с феодализмом открывает широкие просторы для духовного производства. Он раскрепощает мысль, дает ей возможность развиваться и ошибаться, ибо не только в спорах рождается истина, но и ошибки часто помогают найти истину. Ведь это не случайно, что генезис буржуазного способа производства по времени совпадает с эпохой Ренессанса. Именно тогда появляется литература, распространявшая гуманистические идеалы и ценности. Невиданного расцвета достигло искусство. Картины Рафаэля, Леонардо да Винчи, Дюрера и других великих живописцев представляют вершину мировой духовной культуры. Не миновал Ренессанс и философию, превращенную до этого в служанку теологии. Она стала освобождаться от религиозной скорлупы и вновь, как и в античности, обратилась к человеку, к гуманистической проблематике. Новая философия — это философия человека. Мыслители стали выяснять сущность человека, его природу и происхождение.

Итак, капиталистическая общественно-экономическая формация коренным образом отличается от всех предыдущих формаций. Ей культ личности имманентно не присущ, т. е. он не вытекает из внутренней природы буржуазного общества. Но отсюда вовсе не следует, что при буржуазном способе производства исключается культ личности. Нет, как свидетельствует история капитализма, и при этом строе культ личности нередко проявляется.

Культ личности в условиях капитализма возникает тогда, когда складываются особые, исключительные обстоятельства во всех сферах общественной жизни, часто вызываемые поражениями в войнах, когда люди чувствуют безысходность своего положения, не уверены в завтрашнем дне, испытывают чувство неполноценности и готовы отдать свою судьбу любому политическому лидеру с харизматическими

свойствами и «железной рукой», стремящемуся к наведению порядка в стране и к установлению «железной дисциплины». И даже когда он превращается в диктатора, все равно люди ему верят и надеются на него. Исключительный культ был у Наполеона I. Шатобриан, например, был очень недоволен тем, что французы Наполеона обожествляли. Был культ и у де Голля. Был культ и у Дж.Вашингтона, хотя он не был диктатором. Следует подчеркнуть, что всякий культ так или иначе связан с диктатурой, но не всякий диктатор имеет культ.

Но вернемся к «нормальному капитализму». Этот капитализм включает культ личности, для которого, как уже отмечалось, характерна слепая вера в суверена и беспрекословное ему подчинение. Вместо культа деятеля, соблюдающие правовые нормы и принципы и руководствующиеся в своей работе гуманистическими идеалами, государственными и общественными интересами, пользуются огромным авторитетом и популярностью. Таким образом, нет культа личности, но культовое сознание сохраняется, хотя претерпевает существенные изменения.

«Нормальный капитализм» готовит почву для социализма. Обычно под почвой подразумевали только материальные предпосылки (высокий уровень производительных сил, материально-техническую базу и т. д.). Безусловно, они имеют решающее значение, но почва к ним не сводится. Почва — это и определенная зрелость буржуазной надстройки, когда ее элементы достигают «классической» формы, это и высокое самосознание народа, и высокий уровень политической культуры, предполагающий осознание своей гражданской ответственности и уважение законов. Почва — это освобождение от преклонения перед культом, это понимание народом своего места и роли в истории вообще и в данной стране в частности. Народ сам должен понимать необходимость изменений буржуазных общественных отношений, он же должен сознавать, что нельзя бездумно и бездушно разрушать старое, что без прошлого нет настоящего и что необходимо сохранить все положительное, оставленное предыдущими поколениями. Но когда нет никакой готовой почвы для социализма, неизбежен культ личности.

Рассмотрение культа личности обязательно предполагает обращение к общественным идеалам. Дело в том, что в идеале индивид, с одной стороны, выражает свое критическое отношение к действительности, а с другой — стремится изменить эту действительность так, чтобы она соответствовала его представлениям о лучшем мире. Люди сами себе создают идеалы. Они не могут без них жить, так как стремление к идеалу толкает их на преобразование социальных порядков и институтов, на создание необходимых условий для проявления сущ-

ностных сил человека, на лучшее удовлетворение своих материальных и духовных потребностей. Конечно, идеалы никогда не совпадают с реальностью, но тем не менее они как бы облегчают жизнь людей, не лишают их надежды на лучшее будущее.

Но люди нуждаются не в абстрактных, а в конкретных идеалах. Конкретный же идеал должен иметь своего носителя. Отсюда следует, что люди связывают свои идеалы с конкретными их носителями, в роли которых могут выступать и индивиды (идеал любви, например), но чаще всего выступают различные культы. Это имело место в политеизме, но особенно проявляется в монотеизме. Христос, Магомет — конкретные носители идеалов беднейших слоев общества. Христианство, как известно, возникло как движение угнетенных масс, покоренных и рассеянных Римской империей. Иисус проповедовал любовь к ближнему, к бедным и нищим и осуждал богатство. Он говорил: «Когда созываешь гостей, приглашай к себе бедных и увечных, хромых и слепых, и благословен будешь, ибо нет у них средств, чтобы вознаградить тебя в ответ»²³¹.

После победы буржуазных общественных отношений конкретный идеал не исчезает, а становится «ближе», конкретнее и понятнее. Каждый человек формально свободен, волен делать то, что хочет, а хочет он делать деньги, а деньги — это богатство, а богатство — это жить хорошо, а хорошо жить — это идеал. Поэтому деньги становятся как бы носителем общественного идеала. Что же касается религиозных идеалов, то они не исчезают, но отходят на второй план, их почитают по традиции. Для эпохи капитализма характерна, по меткому выражению Фромма, «индустриальная религия», которая «низводит людей до положения слуг экономики и созданных их же руками машин»²³².

Итак, культ личности возник исторически в тех социальных системах, где были неразвиты общественные отношения, где право не приобрело универсального характера и где самосознание каждого индивида, а также народа находилось на низком уровне. Он им внутренне присущ, хотя претерпевает различные трансформации по мере продвижения человеческого общества по пути социального прогресса и свободы.

Могут возразить, что в любом обществе имеются различные альтернативы и что поэтому можно избежать культа личности. Альтернативы, конечно, всегда есть, но они существуют в рамках данной

²³¹ Новый завет. М., 1990. С. 103.

²³² Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 151.

системы и не нарушают ее внутренней логики. Конечно, людям всегда хочется избежать трудностей, не делать ошибок, совершать такие действия, которые все время приносили бы пользу. Однако драматизм истории состоит в том, что она не поддается корректировке по нашему желанию. Мы сами несем ответственность за трагические страницы своей истории. Мы часто повторяем ошибки своих предшественников, хотя можно было бы их избежать.

Ни одна альтернатива не нарушает внутренней логики исторического процесса, и там, где неизбежен культ личности, никакая альтернатива не поможет. Культ одной личности можно заменить культом другой личности, более гуманной, более культурной, более интеллигентной, или наоборот, но это все равно культ. Вольтер говорил, что если бы не было Бога, то его следовало бы выдумать. Перефразируя эти слова французского мыслителя, можно сказать, что если бы не было культа, то его следовало бы выдумать.

В тех социальных системах, где высок уровень экономических отношений, где существует разветвленная сеть социальных, политических и других институтов и учреждений, где функционирует универсальное право, где имеется политический плюрализм и развита политическая культура, где человек свободно выражает свои мысли, где все общественные механизмы стабильны, где функционирует гражданское общество, культ личности не может вытекать из внутренней природы этих систем и чужд им, хотя может появиться в определенные периоды их истории.

Можно ли преодолеть культ личности вообще? Сложный вопрос и ответ не менее сложен. Я уже говорил о том, что в стабильном и высокоразвитом демократическом государстве культ личности исключается, хотя в определенных обстоятельствах может появиться. Но специфика истории заключается как раз в том, что стабильность в ней не так часто встречается. Если взять каждый социальный организм в отдельности и проанализировать его всесторонне, то обнаружится, что его развитие носит скачкообразный характер. Бывают периоды, когда после расцвета наступает упадок общества. Оно стремится выйти из кризисного состояния и в это время крайне нуждается в личностях с харизматическими свойствами, способными организовать и возглавить народные массы для выхода общества на нормальный путь развития и повышения жизненного уровня людей. Такие личности обязательно появляются, массы им полностью доверяют, культивируют их, готовы идти вместе с ними, порою не задумываясь, в огонь и воду. Как пишет Фромм, «человек по своему происхождению стадное животное. Его действия определяются им-

пульсом следовать за вождем и держаться животных, которые его окружают»²³³.

Человек нуждается в вожде, потому что часть забот автоматически и неосознанно передаются ему (как верующий вверяет свою судьбу Богу) и тем самым человек как бы освобождает себя от огромной ответственности за собственное будущее и будущее своих близких. Можно сказать, что он добровольно сдается тому, кто хочет его осчастливить. А в роли благодетелей могут выступать не только истинные защитники его интересов, но и псевдолидеры, которым тоже верят массы, ибо они устают от жизненных неурядиц и готовы всегда подчиниться мнимому вождю-популисту. Они создают культ как настоящим, так и псевдолидерам.

К критическому периоду истории относится и война как организованная вооруженная борьба между двумя государствами или группами государств. Она требует концентрации всех сил, смелых, быстрых и решительных действий, умения оценивать оперативно и безошибочно обстановку и принимать наиболее оптимальные решения. Такие качества свойственны полководцам с харизматическими чертами (Наполеон, Сталин), которым солдаты бесконечно верят.

В войну психологическое напряжение очень велико, все живут в чрезвычайных условиях, и очень важно, чтобы воины верили своим полководцам, их приказы выполняли не столько по принуждению, сколько по убеждению. Они должны быть уверены в том, что их командир принимает верные решения и что с ним победа обеспечена.

Культовое сознание, как уже отмечалось, связано с религией. Религия как одна из форм общественного сознания представляет собой мировоззрение людей, глубоко верующих в сверхъестественные силы. В прежние времена утверждалось, что вместе с изменением общественных отношений, с улучшением материального положения людей они перестанут верить в Бога и перейдут на позиции атеизма. Иными словами, надеялись построить абсолютно атеистическое общество. Это был наивный взгляд на религию — важнейший мировоззренческий феномен. Можно сказать, что от материального положения людей во многом зависит влияние религий и религиозного мировоззрения. Человек, постоянно озабоченный поисками пищи и крыши над головой, легко поддается влиянию религии, так как надеется, что Бог ему в конечном счете поможет. Он начинает обращаться к знахарям, гадалкам, хиромантам и т. д. Но если даже всех людей сделать зажиточными и богатыми, религиозное сознание все равно

²³³ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 181.

не исчезнет. Более того, оно не исчезнет даже тогда, когда все члены общества получают высшее образование. Хорошо известно, что многие выдающиеся ученые были верующими.

Не следует забывать и то, что человек — единственное животное, осознающее конечность своего существования, свою смерть. Рассел писал, что инстинкт страха перед смертью является наиболее важной человеческой эмоцией. Но рано или поздно человек должен уйти в мир иной, и ему хочется верить в загробную жизнь, а такую веру ему обеспечивает религия. Следовательно, при исследовании религии необходимо обращаться не только к социальным истокам религиозного сознания, но и к самому человеку, к его психике. Фромм пишет: «В современном человеке скрыто множество индивидуализированных примитивных форм религии. Многие из них называют неврозами, но с тем же успехом можно дать им религиозные имена: культ предков, тотемизм, фетишизм, ритуализм, культ чистоты и т. д.»²³⁴. Он приводит пример, связанный с культом предков. Молодая девушка так обожала своего отца, что все свободное время проводила с ним и после его смерти покончила с собой. В завещании же просила, чтобы ее похоронили рядом с отцом. Таким образом, культ проявляется не только в отношении тех или иных исторических личностей, выдающихся или просто популярных деятелей науки, литературы и искусства, спорта и т. д., но и в отношении близких людей.

Культурный феномен, как уже отмечалось, связан и с идеалами, к которым стремится индивид. У каждого человека есть определенные идеалы жизни, являющиеся для него неким комплексом ценностей, которые он пытается воплотить, к которым он стремится. В качестве идеала могут выступать и известные личности, добившиеся определенных успехов в той или иной сфере общественной жизни. Часто молодые люди делают из них идолов, преклоняются перед ними и стремятся походить на них, потому что не сомневаются в абсолютном совершенстве своих идеалов. И даже когда происходит крушение идола, они все равно делают из него культ.

Гносеологические корни культурного сознания заключаются в том, что окружающий человека природный и социальный мир очень сложен и противоречив. Сознание индивида отражает его в целом верно, иначе человек не смог бы просто выжить, создавать материальные и духовные ценности. Но, во-первых, отражение носит приблизительный характер, о чем свидетельствуют различные описания людьми увиденного ими материального объекта. Во-вторых, человек не толь-

²³⁴ Фромм Э. Психоанализ и религия // Сумерки богов. М., 1989. С. 163.

ко отражает объективный мир, но и в процессе своей деятельности изменяет его. И он сталкивается с определенными трудностями, не видя возможностей их разрешения, начинает искать силы, которые помогли бы ему преодолеть эти трудности. Эти силы, как правило, оказываются сверхъестественными, для которых не существует никаких преград. Другими словами, человек в религии всегда находит надежду и утешение и обращается к ней тогда, когда в ходе своей практической деятельности встречается с опасностями и чувствует свое бессилие перед ними. Часто культ действительно приходит к нему на помощь в том смысле, что человек, опираясь на него, становится более решительным и смелым, что позволяет ему преодолеть встретившиеся опасности.

Но человек всегда в процессе создания общественного богатства будет приходить в соприкосновение с окружающим его миром, он будет его и осваивать, и познавать. Естественно, что он снова столкнется с трудностями, что опять его вынудит обратиться к культу, к сверхъестественным силам и искать у них помощи. Иначе говоря, пока жив человек со своими заботами и тревогами, культовое сознание как социальный и культурологический феномен будет существовать. И каких бы высот цивилизации общество ни достигло, в нем всегда неизбежно будет присутствовать культ либо политический, либо религиозный, либо какой-нибудь другой.

Глава XI. Проблема человека в социальной философии

§ 1. Индивид. Человек. Личность

Проблема человека — вечная проблема социальной философии. Уже античные философы пытались познать человека. Протагор утверждал, что человек есть мера всех вещей. Вообще говоря, возникновение самой философии связано с размышлениями человека над собственным бытием и над бытием окружающей природной и социальной действительности. И прежде чем изучать эту загадочную для него действительность, он решил познать самого себя, и это познание длится более двух тысяч лет. О человеке пишут много, и будут писать, пока существует человечество, Одни его превозносят, другие, наоборот, поносят. А В.О. Ключевский прямо заявил, что «человек — это величайшая скотина в мире»²³⁵.

В философской литературе часто употребляются близкие по содержанию понятия «индивид», «человек», «личность». Для того чтобы ими правильно оперировать, необходимо провести разграничительную линию между ними и выделить те черты и свойства, которые отличают их друг от друга, хотя часто употребляются как синонимы. Принято считать, что понятие индивида обозначает принадлежность к человеческому роду. Оно не применимо к животным, так как ни одно животное не является индивидом. Отсюда следует, что понятие индивида есть социальное понятие. Но оно имеет абстрактный характер, ибо не указывает на те специфические черты, благодаря которым индивид становится индивидуальностью. Формирование же индивидуальных черт связано с природными и социальными факторами.

Понятие человека тоже социальное понятие, хотя человек есть биосоциальное существо. Он — часть природы, и его формирование проходит сложный и длительный процесс. Он, как и другие природные существа, подвержен болезням, стареет и умирает. Он постоянно должен удовлетворять свои потребности, чтобы не умереть от голода, должен иметь жилье, одеваться и обуваться, чтобы не умереть от холода и жары. Но человек ведь не просто биологическое существо, а биосоциальное. Это значит, что **он становится человеком только в обществе**, только в определенных социальных условиях. Известны слу-

²³⁵ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 9. С. 363

чаи, когда новорожденные дети похищались дикими животными. Те их не убивали по каким-то причинам и «воспитывали». Дети принимали повадки животных и оставались в умственном отношении на их уровне, т. е. они не становились людьми. Ребенок — это человек в возможности, и чтобы возможность была превращена в действительность, он должен находиться среди людей и получить человеческое воспитание.

Проблема человека, грубо говоря, имеет два аспекта: **практический** и **теоретический**. Под практическим аспектом подразумевается создание человеку необходимых условий для проявления его сущностных сил, т. е. интеллектуальных и физических способностей. Над этой проблемой задумывались писатели, философы, политики — все те, кто интересовался жизнью человека, его повседневной экзистенцией и судьбой, кто пытался оказать ему практическую помощь.

История свидетельствует, что человеку постоянно приходится бороться за свою жизнь, за улучшение своих жизненных условий. Он вынужден протестовать, восставать, требовать к себе человеческого отношения, бунтовать и сопротивляться. А бунтующий человек, как пишет А. Камю, «есть человек, живущий до или после священного, требующий человеческого порядка, при котором и ответы будут человеческими, т. е. разумно сформулированными»²³⁶. А если он не находит таких ответов, то либо впадает в депрессию, либо становится на преступный путь, либо на путь революционера, либо примыкает к различным политическим партиям, обещающим устроить ему райскую жизнь. Одним словом, бунтующий человек — это не созерцательный, а действующий человек. Конечно, его действия и поступки могут иметь отрицательные последствия как для него самого, так и для общества. Но так устроен человек, что не всегда осознает последствия своих действий.

Б. Паскаль писал, что величие человека заключается в его способности мыслить. Это верно, но отчасти, ибо величие человека заключается также в том, чтобы творить, создавать материальные и духовные ценности, обогащать свой субъективный мир. Может быть, в этом и состоит смысл жизни человека, хотя найдутся и другие точки зрения о смысле жизни. В. С. Соловьев, например, смысл жизни сводил к добру. «Без чистоты добра, — писал он, — без возможности во всяком практическом вопросе различить добро от зла безусловно и во всяком единичном случае сказать да или нет жизнь была бы вовсе лишена нравственного характера и достоинства; без полноты добра, без

²³⁶ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 133.

возможности связать с ним все действительные отношения, во всех оправдать добро и все добром исправить жизнь была бы одностороннею и скудною; наконец, без силы добра, без возможности его окончательного торжества над всем, до «последнего врага» — смерти — включительно, жизнь была бы бесплодна»²³⁷.

Если величие человека проявляется в том, что он мыслит, то, может быть, в этом и его трагедия, ибо только человек, благодаря тому что он мыслит, может сознательно заниматься деструктивной деятельностью, т. е. ничего не создавать, а все разрушать. Только человек сознательно стремится к тому, чтобы лишиться жизни себе подобного, хотя понимает, что самое дорогое у человека — это жизнь. Только человек создает самые невиданные средства уничтожения другого человека и не только человека, но и окружающей природной (шире — космической) среды. Но вместе с тем нельзя не отметить, что благодаря мысли только человек создает вторую природу, опредмеченный мир, материальные и духовные блага. Он их создает для других людей, чтобы те ими наслаждались и удовлетворяли растущие потребности. Одним словом, человек — это и загадка природы, и ошибка природы.

Человек-творец встает перед сложным вопросом: что лучше — быть или иметь? Многие философы пытались решить этот вопрос. Одни больше значения придавали тому, чтобы быть, другие тому, чтобы иметь. Э.Фромм так интерпретировал эти два слова: «Под обладанием и бытием я понимаю не некие отдельные качества субъекта, примером которых могут быть такие утверждения, как «у меня есть автомобиль», или «я белый», или «я счастлив», а два основных способа существования, два разных вида самоориентации и ориентации в мире, две разные структуры характера, преобладание одной из которых определяет все, что человек думает, чувствует и делает»²³⁸. Сам Фромм выступает за то, чтобы быть. Иметь означает обладать каким-то благом, которое не составляет внутренний мир человека, а лишь принадлежит ему. Можно иметь, скажем, квартиру, машину, деньги и т. д. Но можно их потерять и остаться в нищете. А если нечто составляет твой внутренний мир, твое, так сказать, второе «я», то ты его никогда не потеряешь. Если у тебя, например, есть знания, то никто их у тебя никогда не отнимет, пока ты будешь жить. Поэтому лучше быть, чем иметь, что, конечно, не означает, что не надо обладать необходимыми для жизни материальными и духовными благами.

²³⁷ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 97.

²³⁸ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 31.

Теоретический аспект предполагает выяснение исходной категории и изучения человека. С чего начать? Многие философы (Гоббс, Гольбах, Гельвеций и др.) начинали с самого человека, рассматривая его в отрыве от социальной действительности. Гельвеций так определял человека: «Человек есть машина, которая приведена в движение физической чувствительностью, должна делать все то, что она выполняет. Это — колесо, которое, будучи приведено в движение потоком, поднимает поршень, а вслед за ним воду, наливающуюся затем в предназначенные для приемки ее резервуары»²³⁹. Фейербах, назвав свою философскую концепцию новой философией, заявил: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии, превращая, следовательно, антропологию, в том числе и физиологию, в универсальную науку»²⁴⁰. Он подчеркивал неразрывное единство природы и человека, но человек в его понимании оставался только частью природы и рассматривался как «чувственный предмет», как пассивное существо, способное только на созерцание.

Критикуя концепцию Фейербаха, Маркс выдвинул тезис о том, что человек, будучи частью природы, становится человеком только в обществе и что поэтому сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду, а «есть совокупность всех общественных отношений»²⁴¹.

Данное теоретическое положение имеет важное методологическое значение для философского исследования проблемы человека. *Не человек выступает в качестве исходной категории, а общественные отношения, в которых он находится.* Допустим, мы решили узнать, что представлял собой обыкновенный гражданин античной Греции, о чем он думал, какой образ жизни вел и т. д. Естественно, на все эти вопросы можно ответить лишь тогда, когда нам будет известна та социальная действительность, которая окружала античного человека. Ведь биологически он мало отличался от своего современника «родича», но духовно, психически он абсолютно другой. И если бы он ожил, то оказался бы в совершенно непонятном ему мире. Почему? Потому что он жил в абсолютно других социальных условиях, имел другой субъективный мир, ориентировался на другие ценности и т. д. У нас нет оснований осуждать наших предшественников за те или иные поступки, которые с точки зрения сегодняшнего дня ка-

²³⁹ Гельвеций К.А. Соч.: В 2 т. М., 1974. Т. 2. С. 103.

²⁴⁰ Фейербах. Избр. филос. произв. М., 1955. Т. I. С. 202.

²⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

жутся аморальными или преступными, но в то время считались разумными.

Итак, **общественные отношения — ключ к изучению человека**. Но отсюда вовсе не следует, что все люди одинаковы в одних и тех же социальных условиях. Каждый человек индивидуален, имеет определенные природные задатки или склонности, которые проявляются уже в социальной среде. Бездарный человек в любых общественных условиях остается бездарным. Моцартом надо было родиться, им просто так не станешь. Гений, талант — это нечто природное, а не социальное. Конечно, если бы у Моцарта не было такого замечательного музыкального окружения, то его гениальные музыкальные способности не проявились бы и он остался бы простым гражданином Австрии.

В современной социальной философии происходит возрождение антропоцентристской концепции, берущей в качестве исходной категории исследования общества человека. М.Шелер ввел понятие философской антропологии, задачей которой, по его словам, является показать, каким образом из человеческого бытия вытекают такие феномены, как язык, совесть, государство, религия, наука, искусство, — одним словом все социальные феномены. Утверждается, что философская антропология есть комплексная дисциплина по всестороннему изучению человека. На самом деле философская антропология представляет собой возврат к пониманию человека, которое было присуще философии Просвещения XVIII века. Как уже было показано, без общества нет человека и, следовательно, не человек, а общество выступает в качестве исходной теоретической категории социально-философского изучения человека. Можно в социальной философии очень много писать о человеке, но без анализа тех общественных отношений, в которых находится человек, все рассуждения о человеке носят абстрактный и схоластический характер.

Если человек — биосоциальное существо, то личность есть только социальное существо. Человек становится личностью только в обществе. Всякая личность — человек, но не всякий человек есть личность. Психически больной человек не есть личность. Чтобы стать личностью, надо обладать определенными чертами. Прежде всего у личности должен быть разум. Личностью является конкретный человек как носитель разума, сознания. Ребенок не есть личность, но как только у него начинает появляться сознание, он становится личностью. Чем полнее у человека развито сознание и его высшая форма — самосознание, тем ярче и полнее выглядит личность.

Другая черта личности — ориентация в обществе. Она непосредственно связана с разумом. Разумный человек не только ориентируется в обществе, но и приносит определенную пользу ему. Следую-

шей чертой личности является личное достоинство. Настоящая личность уважает достоинство других и требует уважения к себе. Беспринципный человек, постоянно приспосабливающийся к изменившимся социальным условиям и не имеющий собственного мнения, а повторяющий чужие мысли, собственно говоря, не есть подлинная личность. Настоящая личность имеет свое лицо, свои убеждения, принципы и готова их отстаивать в любой ситуации.

Еще одна черта личности — способность нести ответственность за свои поступки и действия. Перечисленные черты являются атрибутивными свойствами любой личности, благодаря которым она представляет собой индивидуальность.

§ 2. Человек. Свобода. Ответственность

Нет общества без человека, хотя и нет человека без общества. Именно человек создает материальные и духовные ценности, преобразует окружающий мир, строит города, творит науку, литературу и искусство. Одним словом, все, что есть в обществе, — дело рук человека. Но чтобы творить, человек нуждается в свободе. А что такое свобода? И в чем она проявляется? На эти вопросы мыслители давали разные ответы. Гольбах, например, утверждал, что «свобода — это возможность делать ради своего собственного счастья все то, что не вредит счастью других членов общества»²⁴². А Коллинз свободу понимал как «способность человека поступать так, как он желает или предпочитает»²⁴³. И наконец, Фромм писал, что «свобода означает не что иное, как способность следовать голосу разума, здоровья, благополучия и совести против голоса иррациональных страстей»²⁴⁴. Можно привести цитаты и из работ других философов, свидетельствующие о том, что каждый трактует по-своему свободу, каждый вкладывает в нее свой смысл. И это не случайно, потому что понятие свободы — самое распространенное и вместе с тем самое сложное понятие.

Прежде всего, следует отметить, что свобода есть понятие социальное. У животных нет никакой свободы. Они — часть природы и не нуждаются ни в какой свободе. Свобода же возникает в процессе взаимодействия людей, в процессе их совместной деятельности. Изолированный от общества индивид не нуждается ни в какой свободе, поскольку он не имеет никаких отношений с другими людьми. С одной стороны, человек находит свою свободу только в обществе,

²⁴² Гольбах П.А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 173.

²⁴³ Английские материалисты // Собр. произв.: В 3 т. М., 1967. Т. 2. С. 7.

²⁴⁴ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 94.

а с другой — оно как бы ему мешает делать то, что он хочет. Дело в том, что у каждого человека есть свои интересы, которые не всегда совпадают с интересами всего общества. Но это одно из противоречий социума, которое решается путем компромисса: общество предоставляет индивиду определенную свободу, но и индивид, в свою очередь, сознательно ограничивает свои требования к обществу. Нельзя жить в обществе и быть свободным от общества.

Необходимо подчеркнуть, что свобода и воля не одно и то же. Свобода означает действовать в рамках юридических и моральных норм и законов. Индивид должен осознавать, что в обществе есть определенные моральные нормы, соблюдение которых обязательно для всех членов данного общества. Иначе общество как целостное и самодостаточное социальное образование погибнет. Кроме того, индивид должен осознавать и то, что помимо морального кодекса есть еще и юридические законы и нормы, регулирующие отношения общества и личности, общества и государства, классовые отношения и т. д. И эти юридические предписания тоже обязательны для всех. Таким образом, свобода предполагает деятельность социальных групп, слоев, классов, индивидов при обязательном соблюдении общепринятых моральных и юридических принципов и законов.

Что касается воли, то она не ограничивает себя никакими законами морального или юридического характера. Вольный человек в отличие от свободного человека уважает только самого себя, потому что он постоянно покушается на свободу других людей. Вольный человек — это эгоистический человек, потому что он стремится лишь к удовлетворению личных интересов. Кстати, заметим, что анархизм как политическое течение, не признающее государственной власти, предпочитает волю свободе. Не только анархисты, но и многие сторонники демократии под свободой понимают не соблюдение правовых норм и законов, а принцип их полного игнорирования, т. е., по существу, волю. Они не считаются и с объективными законами мира, с историческими традициями и обычаями народа. К любителям воли можно отнести и часть творческой интеллигенции, не считающейся ни с нормами морали, ни с нормами права. Волюнтаристское понимание свободы очень опасно в сфере политики. Волюнтарист не считается с реалиями жизни и может навязать обществу такие решения, последствия которых окажутся катастрофическими для всех людей. В отличие от волюнтариста свободный человек к принятию тех или иных решений подходит со знанием дела, с учетом всех обстоятельств.

Свобода — это возможность проявить свои физические и духовные потенции. Чем свободнее человек, тем у него больше возможностей создавать материальные и духовные ценности, обогащать свой духов-

ный мир. Иными словами, развивать в себе все человеческое. А все это главным образом зависит от общества, в котором живет человек.

Свобода есть процесс, а не застывшее состояние. Иными словами, по мере продвижения общества по восходящей линии человек становится все более и более свободным в экономическом, политическом, духовном и других аспектах. Процесс этот носит очень противоречивый и порой даже драматический характер, но тем не менее эмпирически можно показать, как на протяжении истории расширяются свободы человека. Так, первобытный человек ни в чем не был свободен. Он не был свободен от стихийных сил природы, от рода или племени. Весь его кодекс поведения регулировался племенными традициями и обычаями. Возможности решать самому те или иные жизненные вопросы, в том числе личного характера (женитьба, например), либо вовсе отсутствовали, либо были крайне ограничены. «Племя оставалось для человека границей как по отношению к иноплеменнику, так и по отношению к самому себе: племя, род и их учреждения были священны и неприкосновенны, были той данной от природы высшей властью, которой отдельная личность оставалась безусловно подчиненной в своих чувствах, мыслях и поступках. Как ни импозантно выглядят в наших глазах люди этой эпохи, они неотличимы друг от друга, они не оторваны еще, по выражению Маркса, от пуповины первобытной общности»²⁴⁵. Всюду его подстерегала опасность, он физически рано изнашивался и умирал в сравнительно молодом возрасте.

Иную картину мы наблюдаем в рабовладельческом обществе. Да, жизнь раба полностью зависела от его хозяина: он мог убить его или продать, обращался с ним, как с вещью. Но тем не менее раб обладает большей свободой, чем первобытный человек, потому что освободился от «пуповины первобытной общности». Он уже отличает себя от других, знает больше и в отличие от первобытного человека может вести самостоятельный образ жизни.

Первобытный человек не протестовал против существующих общественных порядков. Да ему и в голову не могла прийти мысль не покоряться родовым и племенным обычаям, послушаться вождя. Рабы же организовывали восстания, шли на войну со своими эксплуататорами, потому что осознавали свое рабское положение. Конечно, среди рабов были люди, которые довольствовались своим рабским положением, верой и правдой служили своим господам и не нуждались ни в какой свободе. О таких рабах Гегель писал, что «раб, до-

²⁴⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 99.

вольный своим положением раба, не мыслит себя, так как свобода не является его целью, следовательно, он не хочет своей всеобщности, он не хочет только того или другого»²⁴⁶.

Именно при рабовладельческом строе одна часть народа (рабовладельцы) получила возможность заниматься философией, наукой, культурой, т. е. духовным производством, которое в первобытном обществе было непосредственно вплетено в материальную жизнь. Таким образом, человек эпохи рабства, даже если он раб, обладает большей свободой, чем человек первобытного общества.

Еще большей свободы человек добивается при феодальном способе производства. Рабов уже нет, человека нельзя продать, купить или убить. Крестьянин имеет возможность владеть землей, орудиями производства. У него есть семья, и он относительно свободно распоряжается своей собственностью. Конечно, при этом нельзя забывать, что сохраняется крепостная зависимость, ибо крестьянин без разрешения или без выкупа не может покинуть деревню и помещика, на которого он вынужден работать.

С возникновением капиталистического строя человек приобретает полную независимость в том смысле, что его никто ни к чему не принуждает и он абсолютно свободен в рамках существующих юридических законов и норм. Буржуазия разрушила феодальные общественные отношения, провозгласила лозунг свободного предпринимательства и формального равенства всех перед законом, упразднила сословные привилегии и сословные титулы.

Классическая французская буржуазная революция 1789—1794 годов приняла декларацию прав человека и гражданина, в которой было провозглашено: «1. Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные отличия могут основываться лишь на соображениях общей пользы. 2. Цель каждого политического союза составляет обеспечение естественных и неотъемлемых прав человека. Таковы свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. 3. Источник суверенитета зиждется по существу в нации. Никакая корпорация, ни один индивид не могут располагать властью, которая не исходит явно из этого источника. 4. Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другим...»²⁴⁷.

В буржуазном обществе человек формально свободен. Он может работать или не работать, заниматься бизнесом, вкладывать свой капитал в различные сферы экономики, путешествовать и т. п. Но он

²⁴⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 392.

²⁴⁷ Документы истории Великой французской революции в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 112.

может и ничего не делать, ведя, например, паразитический образ жизни. Получается, что человек абсолютно свободен и может руководствоваться принципом: «Что хочу, то и ворочу». Однако суровая экономическая необходимость заставляет его, если можно так выразиться, крутиться и вертеться, так как ему надо выжить в условиях жесточайшей конкуренции. Если у него ничего нет, кроме рабочей силы, то он вынужден продавать ее либо частному лицу, либо государству. Поэтому свободу нельзя понимать как свободу от добывания средств существования, от принятых в обществе законов, от существующих принципов, от сложившихся традиций и т. д. Свобода человека в условиях капитализма выражается прежде всего в том, что в отличие от предыдущих эпох человек полностью распоряжается собой, он — юридически свободная личность и является собственником своего «я».

Капитализм формирует особый тип характера личности, который Фромм назвал рыночным характером. Он постоянно вынужден приспособливаться к новым условиям жизни, к новым порядкам, поскольку жесткую конкуренцию выдерживают только те, кто быстро адаптируется к новым обстоятельствам. «У людей с рыночным характером нет иных целей, кроме постоянного движения, выполнения всех дел с максимальной эффективностью, и если спросить их, почему они должны двигаться с такой скоростью, почему они стремятся к наибольшей эффективности, то на этот вопрос у них нет настоящего ответа, они предлагают одни лишь рационализации типа «чтобы было больше рабочих мест» или «в целях постоянного расширения компании»²⁴⁸.

Но парадокс буржуазной свободы состоит в том, что все свободны и вместе с тем никто не свободен: не свободен трудящийся, так как боится потерять работу и не уверен в завтрашнем дне. Не свободен и капиталист, поскольку боится обанкротиться, не выдержать конкуренции и т. д. Одним словом, дамоклов меч висит над всеми. И тем не менее подчеркнем еще раз, что по сравнению с предыдущими эпохами человек буржуазного общества пользуется большей свободой.

Свобода непосредственно связана со знаниями. Чем больше знает человек о законах объективного мира, об окружающей природной и социальной действительности, тем большей свободой он обладает, ибо может принимать такие решения, которые в рамках конкретных условий для него будут наиболее оптимальными. Поэтому нельзя не согласиться с Энгельсом в том, что свобода воли «есть не что иное,

²⁴⁸ Фромм Э. Иметь или быть? М., 1990. С. 153.

как способность принимать решения со знанием дела»²⁴⁹. Рыночный человек свободен, и как таковой он должен искать оптимальный вариант для реализации своих возможностей. Но еще больше свободы получит человек в посткапиталистическом обществе, в котором свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех.

Итак, можно сказать, что по мере поступательного развития истории, по мере познания и использования законов общества и природы человек становится все больше и больше свободным от окружающей природной и социальной действительности. Современному человеку даже трудно представить, в каких тяжелых условиях жили его далекие предки, как тяжело им приходилось бороться с силами природы, для того чтобы построить себе жилище, обработать землю, одомашнить диких животных, вовремя собрать урожай, не умереть от страшных болезней и т. д.

В социальной философии свобода рассматривается вместе с необходимостью. Еще Гоббс писал о совместимости свободы и необходимости. «Вода реки, например, имеет не только свободу, но и необходимость течь по своему руслу. Такое же совмещение мы имеем в действиях, совершаемых людьми добровольно. В самом деле, так как добровольные действия проистекают из воли людей, то они проистекают из свободы, но так как всякий акт человеческой воли, всякое желание и склонность проистекают из какой-нибудь причины... то они проистекают из необходимости»²⁵⁰. Гегель считал, что нет свободы без необходимости, но и необходимости без свободы нет. «Свобода, не имеющая в себе никакой необходимости, и одна лишь голая необходимость без свободы суть абстрактные и, следовательно, неистинные определения. Свобода существенно конкретна, вечным образом определена в себе и, следовательно, вместе с тем необходима»²⁵¹.

Необходимость — это то, что не может не произойти в сложившихся конкретных условиях. Необходимость связана с причинно-следственными отношениями. Если, например, в обществе сложились очень острые коллизии, то они необходимым образом могут привести к его дестабилизации и деградации. Исторический процесс объективно и необходимо изменяется и развивается. Люди не могут просто-напросто остановить движение человеческого общества по восходящей линии, изменить сложные социальные феномены и процессы по своему усмотрению. Точнее было бы сказать: люди могут волюнтарист-

²⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 116.

²⁵⁰ Гоббс. Избр. произв.: В 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 233.

²⁵¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1.: Наука логики. М., 1974. С. 143.

ски вмешиваться в объективный ход истории, но такое вмешательство непременно приведет к катастрофическим последствиям.

Но отсюда нельзя делать фаталистические выводы. Нельзя думать, что в истории все заранее предопределено и людям ничего не остается, как ждать своей участи. Практически это опасно, а теоретически неверно. Опасно потому, что фатализм человека обрекает на бездействие, лишает его возможности действовать и бороться за улучшение своих жизненных условий. Теоретически неверно потому, что люди сами творят свою историю и должны корректировать те или иные исторические процессы таким образом, чтобы общество развивалось стабильно и без катаклизмов. Необходимость и фатализм несовместимы.

Чем больше человек осознает необходимость тех или иных социальных изменений или необходимость своих поступков для улучшения своего жизненного положения, тем он свободнее действует. Свобода не есть нечто внешнее для человека. Свобода — это бытие человека. Подлинный человек, т. е. человек, осознающий себя Человеком с большой буквы, внутренне всегда свободен. Конечно, такому человеку труднее живется в обществе, но зато он наслаждается своей внутренней свободой.

Свобода детерминируется социальными и природными условиями жизни человека, и поэтому неверно утверждение Сартра о том, что человеческая свобода ничем не детерминирована. «Детерминизм, — пишет он, — умиротворяющ: человек, для которого знание сводится к знанию причин, способен и действовать посредством причин, и потому, между прочим, все усилия моралистов и по сей день направлены на то, чтобы доказать нам, будто мы — всего лишь рабочие детали, поддающиеся манипуляциям с помощью подручных средств»²⁵². Но человек не может выскочить за границы тех природных и социальных условий, в пределах которых ему приходится жить и работать. Другой вопрос — степень свободы. Она зависит от общего уровня развития общества, от его цивилизованности, от интеллекта человека, от уровня знаний, от богатства, социального или политического положения индивида и т. д. Но можно согласиться с Сартром в том, что у человека всегда есть свобода выбора. В концлагере, например, можно выбрать свободу «погибнуть за Родину» и не выдать своих товарищей или, наоборот, выбрать свободу «предать всех» и тем самым спасти свою жизнь.

²⁵² Сартр Ж.П. Бодлер // Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. М., 1993. С. 337.

Нельзя не обратить внимания еще на один аспект свободы. Речь идет о потребности в свободе. В какой мере она проявляется в тех или иных жизненных ситуациях? Вот что по этому поводу говорит Гете: «Свобода — странная вещь. Каждый может легко обрести ее, если только он умеет ограничиваться и находить самого себя. И на что нам избыток свободы, который мы не в состоянии использовать? Посмотрите эту комнату и соседнее с ней помещение, в котором вы через открытую дверь видите мою кровать. Комнаты эти невелики, кроме того, они загромождены разнообразными мелочами, книгами, рукописями и предметами искусства. Но для меня этого достаточно; я прожил в них всю зиму и почти никогда не заходил в передние комнаты. Какую пользу я имел от моего просторного дома и от свободы ходить из одной комнаты в другую, когда у меня не было потребности использовать эту свободу?»

Если кто-либо имеет достаточно свободы, чтобы вести здоровый образ жизни и заниматься своим ремеслом, то этого достаточно, а столько свободы имеет каждый. И потом все мы свободны только на известных условиях, которые мы должны выполнять»²⁵³. Люди очень дифференцированы и нуждаются в свободе разной степени. Человеку, работающему в науке, литературе, философии, живописи и т. д., нужна одна свобода, а ремесленнику, пастуху, земледельцу и т. д. — другая свобода. Бывают ситуации, когда есть свобода, но нет интересных творческих произведений. Многие наши творческие работники в советскую эпоху жаловались на отсутствие свободы, на невозможность свободного творчества. Советской эпохи давно нет, но нет также не только великих, но просто талантливых произведений, хотя сейчас никто никому не запрещает творить свободно, писать о чем угодно и печататься где угодно. Пушкин не был свободен, но создавал великие произведения, без которых мировая культура немислима. Следовательно, нужна не только свобода, нужен еще талант, способный творить и создавать эпохальные труды.

В анализе свободы можно выделить три аспекта: экономический, духовный и политический.

Экономический аспект предполагает, во-первых, свободу трудовой деятельности. Человек должен иметь возможность проявить свои интеллектуальные и физические способности по созданию материальных и духовных ценностей. Иначе говоря, он должен иметь право трудиться, ибо именно в труде человек становится действительным творцом истории. Во-вторых, только свободный труд, т. е. труд на себя

²⁵³ Гете И.В. Избр. филос. произв. М., 1964. С. 458.

и на общество, труд без эксплуатации и без принуждения, приносит настоящее удовольствие человеку. Если человек даже получает достаточно финансов для удовлетворения своих потребностей, но экономически целиком зависит от частных или государственных структур, то трудно такого человека назвать свободным. В-третьих, экономическая свобода позволяет человеку воспроизводить свои физические силы, чувствовать уверенность в завтрашнем дне, использовать свободное время для физического и духовного совершенствования.

Духовный аспект свободы связан, во-первых, с овладением духовными ценностями и, во-вторых, с возможностью самому их создавать. Знание литературы, искусства, науки и т. д. помогает человеку чувствовать себя раскованным и полноценным гражданином. Человеку необходима свобода для производства духовных ценностей. Это значит: во-первых, быть экономически в состоянии посвятить себя интеллектуальной деятельности. Без экономической независимости трудно рассчитывать на творческую независимость. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Нельзя не вспомнить в этой связи Лукиана из Самосаты, этого, по выражению Энгельса, «Вольтера классической древности»: «Единственное дело историка — рассказывать все так, как оно было. А этого он не может сделать, если боится Артаксеркса, будучи его врагом, или надеется получить в награду за похвалы, содержащиеся в его книге, пурпурный кафтан, золотой панцирь, нисейскую лошадь»²⁵⁴. Ни одно государство не финансирует тех представителей творческой интеллигенции, которые выступают против него. В буржуазном обществе, например, человек свободен писать что угодно и о чем угодно, но если он затрагивает интересы господствующего класса, то никто его публиковать не будет. Во-вторых, писать по велению души и сердца, писать правдиво и отражать в своем творчестве объективные процессы. В-третьих, не быть контролируемым со стороны цензуры или других государственных учреждений. Главный цензор человека — его совесть, его нравственные принципы и нормы. Добродетельный человек никогда не станет писать сочинения, в которых проповедуется насилие, алчность, антигуманизм и другие пороки человечества. В этой связи нельзя не вспомнить Пушкина. Он писал: «Безнравственное сочинение есть то, коего целию или действием бывает потрясение правил, на коих основано счастье общественное или человеческое достоинство. Стихотворения, коих цель горячить воображение любострастными описаниями, унижают поэзию, превращая

²⁵⁴ Лукиан из Самосаты. Как следует писать историю. Избр. произв. М., 1962. С. 418.

ее божественный нектар в воспалительный состав...»²⁵⁵. Добродетельный человек никогда не будет писать пасквилы даже на своих врагов. Духовная свобода — это подлинное наслаждение для человека, стремящегося проявить себя не в накопительстве, а в интеллектуальном творчестве.

Политический аспект свободы подразумевает следующие политические свободы: свободу слова, свободу избирать и быть избранным, свободу создавать политические партии и т. д. Политические свободы проявляются в зависимости от экономических свобод, социального положения индивида и вообще от конкретно-исторических условий. Основная характеристика политической свободы, на наш взгляд, состоит не просто в свободе слова или в свободе выбора того или иного кандидата на государственную должность, а в том, чтобы человек оказывал реальное воздействие на политическую жизнь общества.

Нет свободы без ответственности и ответственности без свободы. Нельзя понимать свободу как свободу от ответственности за свои действия и поступки. Человек, не осознающий своей ответственности перед обществом, государством, семьей, друзьями и т. д., не заслуживает свободы. И наоборот, человек, лишенный свободы действий, но наделенный ответственностью, имеет полное право не действовать, т. е. ничего не делать. Как уже выше отмечалось, у человека всегда есть возможность выбора принять то или иное решение. Предатели, убийцы, воры, подлые люди должны нести ответственность за свои поступки. И никакие ссылки на сложившиеся объективные обстоятельства не должны приниматься во внимание. В противном случае в жизни все можно оправдать такого рода объективными обстоятельствами.

Можно выделить по крайней мере три вида ответственности: *моральную, юридическую и политическую*. Моральная ответственность не влечет за собой никакого уголовного наказания. Человек сам чувствует свою ответственность перед семьей, обществом и государством, и степень ответственности зависит от его добросовестности, порядочности и человечности. Юридическая ответственность в отличие от моральной предполагает наказание за нарушение правовых норм и принципов. Что касается политической ответственности, то она во многом определяется уровнем цивилизованности общества. Прежде всего, народ должен нести политическую ответственность за

²⁵⁵ Пушкин А.С. Соч.: В 3 т. Т. 3. Проза. М., 1986. С. 479.

свои действия или бездействие в политической жизни страны. Если, допустим, народ считает, что правительство постоянно его обманывает, и если он ничего не делает для его замены, то такой народ, как писал Гегель, заслуживает именно такое правительство. Разумеется, политическую ответственность несет и каждый гражданин. Он должен иметь гражданскую позицию, принимать активное участие в политических и других свободах. С самого детства человек получает соответствующие представления об окружающем его мире, унаследует определенные традиции и нормы поведения, начинает понимать, что противоречит общепринятым правилам жизни, а что нет, и с учетом этих правил действует и поступает, принимает те или иные решения. Иначе говоря, человек сознает свою ответственность перед другими, перед государством, перед обществом и он не должен совершать такие поступки, которые причиняли бы ущерб всем остальным. Отсюда следует, что рост свободы предполагает и рост ответственности. Чем свободнее человек, тем больше у него ответственности, тем больше он понимает, что его свободные действия не должны лишать других свободы и не должны выходить за рамки дозволенного. Монарх свободнее, чем придворный, но он ответственен не только за себя, но и за страну, за всех людей, чьим монархом он является.

Самой большой свободой обладают государственные лидеры и военачальники. Но они же несут самую большую ответственность, поскольку отвечают за страну, за жизнь миллионов людей, за их судьбы и благополучие. Поэтому очень важно, чтобы к власти приходили чрезвычайно ответственные люди, понимающие и осознающие необходимость принятия ответственных решений.

Становление свободы — процесс сложнейший и противоречивый, связанный порою с жертвами, с гибелью людей, с разрушением городов и сел, с уничтожением природной среды и т. д. Часто такая свобода оборачивается трагедией для общества, для всей цивилизации. Отсюда некоторые исследователи делают вывод о том, что по мере развития человечества по восходящей линии человек якобы все больше и больше теряет свою свободу. Он будто бы себя нигде не чувствует свободным: его могут снимать скрытой камерой, а затем пленку использовать против него; его речь могут записать на магнитофонную пленку, а затем шантажировать его; его могут убить с помощью дистанционного управления или с помощью глушителя; ему постоянно грозит опасность оказаться раздавленным машиной на улице; самолет, на котором он летит, может разбиться и т. д. и т. п.

Современный человек действительно сталкивается со всеми опасными явлениями. Но следует ли отсюда, что он стал менее свобод-

ным, чем в прошлые времена? Конечно, нет. Во-первых, современный человек знает гораздо больше об окружающей природной и социальной действительности и поэтому ему легче адаптироваться к новым условиям жизни; во-вторых, у него больше возможностей для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей; в-третьих, он имеет больше возможностей при выборе той или иной профессии; в-четвертых, он может быстрее освоить ту или иную профессию, те или иные формы жизнедеятельности, поскольку в его распоряжении находятся новые формы и методы обучения; в-пятых, ему легче получать ту или иную информацию, дающую ему возможность оперативно принимать те или иные решения; в-шестых, благодаря современному транспорту он может за короткий промежуток времени оказаться в разных уголках земного шара, что позволяет ему более рационально использовать свое время; в-седьмых, в связи со сформировавшимся единым историческим и политическим пространством он превратился в человека планеты с планетарным менталитетом и мышлением. Этот перечень можно было бы продолжить, но и приведенного достаточно для доказательства того, что современный человек стал более свободным. Однако следует иметь в виду, что он должен был бы стать более **ответственным**. Ведь, скажем, тот, кто зомбирует сознание человека, должен чувствовать свою ответственность. Или тот, кто за деньги убивает другого человека, тоже должен чувствовать свою ответственность. Но ответственность отстает от свободы. Люди хотят свободы без ответственности. Чтобы ответственность росла со свободой, необходимо прежде всего совершенствовать современные общественные отношения, в которых человек живет и трудится.

У человека всегда есть свобода выбора, а выбор зависит от осознания своей ответственности перед обществом, перед отечеством, перед семьей и перед самим собой. Человек должен понимать, что за свой выбор он будет нести ответственность либо моральную, либо юридическую, либо и ту и другую.

Первобытный человек был менее свободен, чем современный, но он нес и меньше ответственности. Он был ответственен только перед семьей, родом или племенем. Современный человек ответственен не только перед семьей и отечеством, но и перед всем миром. Он отвечает за сохранение мира во всем мире, за преодоление глубокого экологического кризиса, за будущее мировой цивилизации. Одним словом, обладая планетарным мышлением и большой свободой, он отвечает за все, что происходит в нашем едином, но вместе с тем полном противоречий мире. Поэтому он должен руководствоваться принципом «ты свободен, но поступай так, чтобы твои действия

носили не разрушительный, а созидательный характер и не мешали свободе других».

§ 3. Гуманизм и человек

В социальной философии исследование человека связано с проблемами гуманизма. Термин «гуманизм» (лат. *humanus* — человеческий) выражает комплекс идей и воззрений, считающих высшей ценностью человека независимо от его социального статуса. Гуманистические идеи широко распространялись в эпоху Возрождения, когда мыслители, пытаясь освободиться от религиозной схоластики, стали возрождать античные мысли о человеке. Человек снова оказался в центре философских исследований. Философы начинали свои трактаты с человека и завершали им же. Не только в философии, но и в искусстве, литературе воспевается Человек. Все представители интеллектуального труда выступают за то, чтобы высшей ценностью признавался человек. С тех пор слово «гуманизм» заняло прочное место не только в общественном сознании, но в литературе, искусстве и даже в средствах массовой информации. И все, что касается человека, облекается в одежду гуманизма.

Человек как таковой действительно нуждается в человеческом, т. е. в гуманном, отношении к себе, в уважении к своей личности и правам, в создании необходимых условий для проявления своих возможностей по производству общественных ценностей. Но трудность состоит в том, что действительность, в которой приходится жить человеку, настолько сложна и противоречива, что теоретические построения философов о гуманизме очень непросто осуществить. Тем не менее философы не теряли надежды на создание общества, в котором будет гуманное отношение к человеку, будут улучшены его жизненные условия, и они объявляли свои философские конструкции наилучшими.

Характерна в этом отношении позиция крупнейшего французского философа и писателя Жан-Поля Сартра. Как уже отмечалось, он пишет, что человек, действия и поступки которого не детерминируются никакими внешними факторами, становится таким, каким он хочет быть. По его мнению, существование предшествует сущности, последняя же зависит полностью от самого человека. «Человек просто существует, и он не только такой, каким себя представляет, но такой, каким он хочет стать»²⁵⁶. Человек свободен, и его деятельность никакими причинами не обуславливается. Но если существование человека, продолжает Сартр, предшествует его сущности, то человек

²⁵⁶ Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 323.

сам отвечает за то, что он такой. Иначе говоря, каждый человек ответствен за себя, и никто не виноват в том, что он живет, скажем, плохо. Оказывается, что человек ответствен не только за себя, но и за других. Если он выбирает себя, то тем самым выбирает и других, а поскольку он всегда выбирает благо, то его благо должно быть также благом для других. Так, личная ответственность распространяется на все человечество и получается, что человек отвечает не только за себя, но и за других. «Я хочу, например, жениться и иметь детей. Даже если эта женитьба зависит единственно от моего положения, или моей страсти, или моего желания, то тем самым я вовлекаю на путь моногамии не только себя самого, но и все человечество. Я ответствен, таким образом, за себя самого и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю; выбирая себя, я выбираю человека вообще»²⁵⁷.

Сартр считает, что некоторые ценности — честность, справедливость, гуманность и т. д. — должны считаться существующими априори, поскольку без них человек не может ни выбирать, ни нести ответственности не только за себя, но и за других. Руководствуясь ими, человек совершает те или иные поступки. Но он никого не должен винить в том, что у него сложилась такая жизнь. Ссылки на обстоятельства и объективные условия лишены всякого смысла, ибо у человека всегда есть возможность выбора, и даже его бездействие есть выбор.

Сартр пишет, что гуманизм имеет два разных смысла. «Под гуманизмом можно понимать теорию, которая рассматривает человека как цель и высшую ценность»²⁵⁸. Например, если восхищаются каким-то изобретением человека и возвеличивают его, то такой гуманизм, по мнению Сартра, абсурден, ибо нельзя себе приписывать заслуги другого человека. Французский философ настаивает на том, что никогда нельзя рассматривать человека как цель и что он всегда не завершен, т. е. постоянно формируется. Кроме того, речь всегда должна идти не об абстрактном человечестве, а о конкретном человеке, имеющем в любой ситуации возможность выбора. Другой смысл гуманизма заключается, с точки зрения Сартра, в том, что е. только человеческий мир и человек всегда находится только в этом мире и только он сам может себя реализовать, может делать самого себя. Последнее понимание гуманизма Сартр объявляет экзистенциалистским.

В концепции Сартра многое заслуживает внимания. Нельзя, например, не согласиться с тем, что человек всегда имеет возможность

²⁵⁷ Сартр Ж.П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. М., 1989. С. 324.

²⁵⁸ Там же. С. 343.

выбора. В какой бы ситуации он ни находился и в какое бы трудное положение он ни попал, у него всегда есть возможность того или иного выбора в рамках данной альтернативы. Следовательно, не столько обстоятельства, сколько сам человек становится либо на путь предательства, либо героического поступка.

Нельзя также не согласиться с Сартром и в том, что человек ответствен за свои поступки и не имеет права сваливать ответственность за содеянное на других. Вслед за Горьким можно сказать, что человек — кузнец своего счастья. Он должен ясно представлять свои возможности и способности, действовать с их учетом таким образом, чтобы принести себе максимум удовлетворения. Но если он не хочет работать, ведет паразитический образ жизни и в конце концов опускается на дно жизни, то в этом он должен винить прежде всего себя, а не окружающих.

Но в позиции Сартра есть и уязвимые места. Прежде всего нельзя согласиться с его утверждением о том, что поступки человека ничем не детерминированы и что в этом смысле человек всегда свободен. Но возможность выбора в любой ситуации вовсе не означает индетерминированность человеческих поступков. Оказавшись в тюрьме, человек выбирает ту или иную модель поведения в зависимости от тюремных порядков. Да и во всей своей повседневной жизни он вынужден считаться с обстоятельствами, с общепринятыми принципами и нормами жизни. Одно дело загорать на пляже, а другое дело слушать оперную музыку в театре или читать лекции студентам.

Вызывает возражение и то, что человек не имеет права гордиться достижениями другого человека. Гордость за другого означает, что ты тоже причастен к деяниям человеческим. Сартр фактически изолирует человека от общества, подвергает сомнению то, что человек становится человеком только в обществе, что каждый человек как бы представляет все человечество и что поэтому ничто человеческое ему не чуждо.

Гуманное отношение к человеку состоит прежде всего в том, чтобы создать ему человеческие условия жизни, чтобы он смог проявить свои сущностные силы, чтобы ощущал себя полноправным членом общества. Но чтобы человек проявлял себя как человек, а не как животное, общество должно ему помогать, ибо сам в одиночестве он никогда не добьется намеченной цели. При этом речь должна идти не о благотворительности того или иного мецената, ибо благотворительность унижает достоинство человека, а о том, что общество должно всем людям создать одинаковые стартовые возможности для создания собственного счастья. Но общество нечасто идет навстречу человеку, особенно тогда, когда у него нет реальных возможностей. В современном индустриальном и даже постиндустриальном обществе,

человек имеет свободу выбора, но она несколько не исключает противоположности богатых и бедных. «Свободные выборы, — пишет Маркузе, — господ не отменяют противоположности господ и рабов. Свободный выбор среди широкого разнообразия товаров и услуг не означает свободы, если они поддерживают формы социального контроля над жизнью, наполненной тягостным трудом и страхом, — т. е. если они поддерживают отчуждение»²⁵⁹.

Следует помнить и то, что развитие общества происходит через разрешение противоречий, антагонизмов, существующих между различными классами, обществом и государством, человеком и обществом. Человек иногда путем упорной борьбы добивался своей цели, иногда же терпел поражение. Кроме того, опыт истории свидетельствует, что подавляющее большинство членов общества не может и, видимо, никогда не сможет полностью удовлетворить свои материальные и духовные потребности. В то же время ничтожное меньшинство живет в аристократической роскоши, которая вовсе не обязательна для воспроизводства его физических и духовных сил. Спрашивается, можно ли назвать такое общество гуманным? Очевидно, нет, хотя не подлежит сомнению и то, что общество находится в процессе постоянного совершенствования и гуманизации. Нельзя сравнить, например, средневековые инквизиционные порядки с современными условиями жизни человека. Но все же постоянная гуманизация общественных порядков и институтов не уничтожает противоречий между обществом и человеком, между большинством и меньшинством.

Проблемы гуманизма связаны с правами человека. Обычно, когда перечисляют права, которыми должен быть наделен человек, на первое место выдвигают право свободы слова, право избирать и быть избранным, право заниматься предпринимательской деятельностью и т. д. Бесспорно, эти права очень важны для человека. Но всегда нужно начинать, прежде всего, с права на труд в широком смысле слова, ибо именно благодаря труду человек проявляет себя как творческая, созидательная личность. Человек, имеющий возможность трудиться, морально чувствует себя лучше, понимает, что он нужен обществу и государству.

Общество постоянно должно думать о том, чтобы человек имел возможность проявить себя, создать ему необходимые условия для производства и воспроизводства своих сущностных сил. В свою очередь, человек должен приумножать общественное богатство, сознавать, что от его отношения к окружающим зависит не только его собственная судьба, но и будущее цивилизации.

²⁵⁹ Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994. С. 10—11.

Глава XII. Социально-философские проблемы политики

§ 1. Общая характеристика политики

Политика — это такая сфера деятельности людей, которая, в сущности, пронизывает все стороны общественной жизни. И не случайно она оказывается в центре внимания даже тех наук, которые с ней непосредственно не соприкасаются. Но есть ряд общественных дисциплин (политология, юриспруденция), главной задачей которых является исследование политических процессов и феноменов политической жизни и политических отношений. Что касается социальной философии, то она тоже изучает политику, но с точки зрения философии. Иными словами, она занимается философией политики, т. е. рассматривает ее универсальные характеристики, связи и отношения с другими областями социума. Некоторые философы, как, например, Гоббс, философию политики называли философией государства. Отчасти это верно, но недостаточно, ибо философия политики раскрывает общие закономерности функционирования и развития политики.

Слово «политика» греческого происхождения и обозначает искусство управления государством. Разумеется, нельзя ограничиться этимологической характеристикой этого термина. Необходимо показать, каким образом политика проявляет себя, как она возникла и формировалась как важнейшая сфера жизни общества.

Политика как специфическая форма деятельности возникла вместе с появлением общественных классов и государства, когда необходимо было регулировать классовые, кастовые, сословные, межличностные и иные отношения в обществе, связанные с укреплением и устройством государственной власти. Поэтому ее можно определить как одну из форм деятельности по управлению общественными отношениями и связями, возникающими между людьми в процессе создания материальных и духовных ценностей. Главное в политике — завоевание и сохранение государственной власти. Она в конечном итоге детерминируется экономическими отношениями. Но на тех или иных стадиях развития исторического процесса играет доминирующую роль.

Политика включает в себя следующие элементы: 1) власть; 2) политические отношения; 3) политическую организацию; 4) политические интересы и идеи.

Прежде чем анализировать политическую власть, дадим общую характеристику власти. *Власть* — самое загадочное явление. Трудно объяснить, почему, например, человек стремится к власти, хотя понимает, что на пути к власти он может встретиться с огромными препятствиями, а то и просто лишиться жизни. Из-за власти дерутся насмерть отец и сын, жена и дети, муж и жена. Из-за власти рушатся семьи, разваливаются государства, империи, гибнут тысячи людей.

В социальной философии одни исследователи предлагают искать истоки власти только в природе человека, другие — только в социальных условиях. На мой взгляд, обе точки зрения представляют собой крайности, так как первая не видит никакой качественной разницы между обществом и природой и биологизирует социальную жизнь, а вторая отрывает социум от природы, которая и породила его в процессе своей длительной эволюции.

Власть — это *биосоциальное* явление. Это значит, что задатки власти наследуются людьми от природы. Тривиальна истина о том, что в животном мире существует определенная субординация. Вожака стада обезьян имеет огромную власть над всеми остальными обезьянами, и они это хорошо чувствуют. Без такого вожака любое стадо может погибнуть, поскольку потеряет ориентиры и в жестоких условиях борьбы за существование не сможет адаптироваться к новым условиям жизни. Следовательно, сама природа как бы позаботилась о том, что необходимо иметь кому-то из стада животных власть, позволяющую ему в разных ситуациях, возникающих довольно часто в жизни этого стада, играть роль вожака. Оказавшись более сильным, он подчиняет себе всех остальных.

Но все эти процессы происходят в природе, где все совершается стихийно и где все подчинено инстинкту самосохранения. К природе нельзя применять понятие общественной жизни. Оно применимо только к человеческому обществу, в котором живут и действуют люди. В процессе их совместной деятельности формируются общественные отношения. У животных друг к другу нет таких отношений, тогда как совместная жизнь людей немыслима без этого. И власть вожака имеет не социальный, а природный характер. В природе нет никаких, в том числе властных, отношений. Поэтому власть следует рассматривать только через призму общественных отношений. Власть проявляется через волевые отношения. В них можно выделить по крайней мере две стороны: одна воля подчиняет себе другую волю. Не случайно В.С. Соловьев определял власть в широком смыс-

ле слова как «господство одного над другим или другими»²⁶⁰. Это возможно лишь при условии, что существуют какие-то отношения между сторонами. Скажем, президент какого-нибудь государства, не имеющий никакого отношения к гражданам другого государства, не может навязать им свою волю.

В сущности, все нормальные люди от природы имеют склонность властвовать над себе подобными. Иными словами, властолюбие присуще всем, но только у одних оно проявляется сильнее, а у других слабее. Ведь власть приносит огромное моральное удовлетворение (а также материальное). Человека, обладающего властью, легко можно отличить, если даже он окружен множеством людей. В зависимости от того, где люди стоят или сидят, можно определить, кто из них обладает большей властью, а кто меньшей, а кто вообще никакой власти не имеет. «Власть и ранг имеют свои твердые традиционные позиции. Из того, как люди располагаются по отношению друг к другу, легко сделать вывод о соотношении их статусов. Мы сразу понимаем смысл ситуации, когда один сидит на возвышении, а остальные стоят вокруг него; когда один стоит, а все другие вокруг сидят; когда один вдруг появляется, и все собравшиеся встают; когда один падает перед другим на колени; когда вошедшего не приглашают сесть. Даже такое случайное перечисление показывает, как много существует немых выражений власти»²⁶¹.

Власть возвышает человека над всеми остальными. Власть — это своего рода наркотик, без которого наркоман не может жить. Власть нередко мифологизировали, придавали ей какие-то сверхъестественные черты. Нередко и сам носитель власти приписывал себе божественное происхождение. Властью нередко злоупотребляют, и тогда трудно приходится тем, кто находится под такой властью. Но власть можно использовать на благо всех членов общества. Такую власть люди готовы уважать.

Все люди, как уже отмечалось, рождаются с властными задатками, но их проявление зависит исключительно от социальных условий. Наполеон I не стал бы императором Франции, если бы Корсика не была присоединена к Франции за три месяца до его рождения и если бы во Франции не разразилась Великая французская революция.

Для осуществления власти необходимы по крайней мере две стороны. Одна сторона дает распоряжения, а другая их выполняет. Ина-

²⁶⁰ Соловьев В.С. Россия и Вселенская Церковь // Белый царь. Метафизика власти в русской мысли. Хрестоматия. М., 2001. С. 139.

²⁶¹ Канетти Э. Масса и власть. М., 1997. С. 413.

че говоря, во властных отношениях следует различать субъект власти и объект власти. Субъект приказывает объекту, а объект подчиняется, ибо неподчинение должно повлечь за собой наказание.

В качестве субъектов власти выступают индивиды, группы, классы через своих представителей. То же самое касается объекта власти. Субъект и объект власти могут меняться местами. Субъект превращается в объект, а объект в субъекта. Министр является субъектом власти для своих подчиненных, но он же выступает в качестве объекта власти для вышестоящих руководителей.

Подчинение субъекту власти предполагает такие формы взаимоотношений, при которых распоряжения этого субъекта исполняются с необходимостью. При этом субъект власти должен обладать соответствующими полномочиями, дающими ему право приказывать объекту власти и требовать от него выполнения его приказаний. Само собой разумеется, что субъект власти обязан быть профессионалом в своей области и давать такие распоряжения, которые могут способствовать совершенствованию и улучшению руководимого им учреждения, предприятия, министерства и т. д.

Субъект власти должен контролировать исполнение своих распоряжений. Собственно говоря, без должного контроля трудно рассчитывать на выполнение распоряжений субъекта власти. Контроль осуществляется либо в форме отчетов, либо в форме регулярных докладов о выполнении поставленных субъектом власти задач, либо в форме ревизии и т. д. Но чтобы успешно осуществлять контроль во властных структурах, должны быть эффективные горизонтальные и вертикальные связи. Словом, власть и контроль — две стороны одной медали. За невыполнение или несвоевременное выполнение должно последовать соответствующее наказание. Но за успешное выполнение должно следовать поощрение.

Существуют разные дефиниции власти. Французский исследователь Д.Кола, например, дает такое определение: «Власть, если мы хотим дать определение не слова, а явления, представляет собой относительно устойчивые, основанные на неравенстве отношения между людьми, когда командует тот, кто занимает высокое положение»²⁶². По мнению Кола, в современных западных обществах власть имеет пять отличительных признаков. *Первое*. Власть не есть вещь, которую можно потерять или приобрести. Ее осуществление связано со множеством факторов и отношений. *Второе*. Властные отношения не существуют как таковые, т. е. ни отдельно, ни внутри, ни над. Они

²⁶² Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 77.

выполняют определенную роль, которую нельзя назвать ни ролью запрещения, ни ролью воспроизводства, а ролью продуктивной. *Третье*. Властные отношения существуют внутри групп, институтов и учреждений, являющихся основой общества. *Четвертое*. Властные отношения «являются преднамеренными, но не субъективными: они порождены не желанием обладать властью со стороны какого-либо отдельного субъекта или своего рода коллективного общественного штаба, а являются от сложных программ и тактик, которые могут функционировать как бы сами по себе...»²⁶³. *Пятое*. Нет власти без сопротивления, проявляющегося в самых разных формах.

Власть есть подчинение одной воли другой. Власть, как уже отмечалось, есть волевое отношение, предполагающее подчинение. Это подчинение связано с реализацией определенных целей. Цели могут быть личными, групповыми, коллективными, государственными и т. д. Власть призвана делать все для того, чтобы достичь тех целей, которые должны сохранять, но вместе с тем улучшать и изменять объект управления. Скажем, руководитель предприятия должен использовать свою власть для того, чтобы предприятие, с одной стороны, сохраняло все достижения, а с другой — адаптировалось к изменившимся условиям и успешно развивалось.

Политическая власть связана с политической жизнью общества. Она, как и любая власть, предполагает *насилие* и *принуждение*. Вполне естественно, что многие ее боятся, не любят, презирают и отвергают. Анархисты, например, считали, что власть есть зло и надо от нее избавляться любыми путями. М.А. Бакунин, анализируя действия европейских государств по подавлению революционного движения, использовавших армию и полицию против восставших народов, делает общий теоретический вывод: «...*государство*, потому что *государство* именно значит и *насилие*, господство посредством насилия, замаскированного, если можно, а в крайнем случае бесцеремонного и откровенного»²⁶⁴. И в будущем обществе, по твердому убеждению М.А. Бакунина, не будет места никакой государственной власти.

Разумеется, анархисты ошибались. Власть есть имманентная черта общества, и в силу этого оно не может нормально функционировать без соответствующих властных структур. Люди боятся власти, но вместе с тем, если в обществе верх берут аномальные явления — преступность, воровство, грабежи и т. д., — жалуется на отсутствие власти. Безвластие либо приводит к дезинтеграции всех сторон общест-

²⁶³ Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 110.

²⁶⁴ Бакунин М.А. Философия, социология, политика. М., 1989. С. 314.

венной жизни и в конечном итоге к ее гибели, либо к установлению диктатуры.

Не следует путать власть с авторитетом. Субъект может обладать властью, но не авторитетом, хотя обладание властью не исключает обладания авторитетом. Субъект приобретает авторитет постепенно и заслуживает его благодаря своей деятельности, приносящей пользу обществу, коллективу, группе, политической партии, мафии и т. д. Авторитет дает советы и рекомендации, которые можно учитывать, а можно и просто игнорировать. Многие выдающиеся люди (писатели, ученые, художники и т. д.), не имея никакой власти, пользуются большим авторитетом в обществе благодаря своему огромному вкладу в сокровищницу мировой культуры. Что касается власть имущих, то они должны заработать авторитет у народа своими делами, а не обещаниями. Римские императоры Нерон и Калигула имели неограниченную власть, но не имели никакого авторитета среди римского населения, и когда их убили, то об этом никто не сожалел. Но Юлий Цезарь имел не только огромную власть, но и большой авторитет, и после его убийства, как пишет Гай Светоний Транквилл, народ ему воздвиг на форуме колонну, у подножия которой приносили жертвы, давали обеты и клялись именем царя.

Существуют разные виды власти. В общей форме можно выделить внутреннюю, внешнюю, «естественную» и институциональную власть. Под внутренней властью подразумевается такая власть, которая вытекает из внутренней природы объекта власти. Так, коллектив нуждается в определенных властных механизмах, эффективное функционирование которых позволяет ему нормально жить. Как уже отмечалось, власть имманентно присуща обществу. Внешняя власть — это власть, не вытекающая из внутренней природы объекта. Она предполагает подчинение чужой воли, навязывание ей своего видения мира, своих порядков и образа жизни. Таким образом, победившее государство вынуждает побежденное подчиниться ему, перестроить свою жизнь в соответствии с представлениями государства-победителя. Эта власть, как правило, постепенно вызывает сопротивление, и если побежденное государство имеет достаточно сил, то в конечном итоге избавляется от нее. Но бывает и так, что внешняя власть настолько изменяет общество, что его возврат к старому становится невозможным. Под «естественной» властью понимается такая власть, которая как бы дана от природы. Скажем, вожди первобытных племен имели большую власть, но они ее получили естественным путем, т. е. благодаря своим природным данным, своей преданности племени и т. д. Она регламентировалась обычаями и традициями, которые никем не ставились под

сомнение. Что касается институциональной власти, то она базируется на юридических законах и нормах.

Тип власти связан со способом производства. Каждый способ производства порождает свой тип власти. В первобытном обществе господствовал такой тип власти (вожди, собрание рода), который наиболее адекватно соответствовал низкому уровню производительных сил и производственных отношений. Но уже с переходом к классовому обществу появляется другой тип власти, который выступает в различных формах (монархия, демократия, тирания и т. д.). Он определяется через интересы господствующего класса. Формы же его проявления зависят от конкретно-исторических условий. Так, в Афинах в эпоху Перикла была развитая рабовладельческая демократия, в античном Риме республиканская форма правления была заменена диктатурой. Для феодализма типична монархия. Что касается капиталистического способа производства, то типичной формой для него является республика, хотя в определенных исторических обстоятельствах возможны диктаторские режимы. Но и они рано или поздно уступают место республиканской форме правления.

Политические отношения складываются в процессе совместной деятельности классов и политических партий, социальных групп и индивидов, а также государств. Они проходят определенные этапы становления и формирования, изменяются вместе с изменением способа производства. Политические отношения, например, эпохи рабства, коренным образом отличаются от политических отношений буржуазного общества, хотя функции их в целом сохраняются.

Политические отношения делятся на внутренние политические отношения и внешние или международные политические отношения. Внутриполитические отношения касаются классов, партий, индивидов данного общества, и от их стабильности зависит стабильность социума. Они никогда не бывают абсолютно гармоничными, так как когда усиливаются противоречия между классами, то происходит социально-политический взрыв, что порою приводит к глубоким изменениям политических отношений. Международные политические отношения касаются взаимоотношений государств, которые вовлечены в орбиту международной политики. Наиболее близкие, но отнюдь не всегда дружеские, отношения складываются между соседними государствами, так как у них больше точек соприкосновения. Причем более сильное государство стремится к установлению таких отношений, которые дают ему определенный выигрыш. Вообще опыт истории свидетельствует, что малые государства всегда чувствуют себя неуютно перед крупными государствами, навязывающими им свою волю. Даже когда создается единый орган по урегулирова-

нию международных проблем, то все равно крупные государства в нем имеют больший политический вес, чем мелкие. Поэтому нельзя говорить о равных возможностях и равных правах всех государств влиять на решение общемировых задач.

Внутренние и внешние политические отношения взаимосвязаны, особенно в настоящее время, когда имеется единое политическое пространство. Примат принадлежит внутривнутриполитическим отношениям, ибо от их стабильности зависит стабильность международных политических отношений.

Политическая организация, или система, есть совокупность организаций, учреждений, институтов, призванных регулировать отношения между классами, группами, индивидами и т. д. для поддержания жизнедеятельности социума. Это прежде всего государство и политические партии. Все остальные многочисленные организации (спортивные, профсоюзные, молодежные, религиозные, женские и др.) не являются политическими организациями, так как политика непосредственно не входит в сферу их деятельности, хотя она их, безусловно, касается. Политические партии в строгом смысле слова, т.е. партии профессионально и постоянно занимающиеся политической деятельностью и структурно оформленные как политические партии со своими учреждениями, возникли в эпоху капитализма. В докапиталистических классовых обществах роль таких партий осуществляли различные группировки, которые после выполнения определенных задач, как правило, распадались. В условиях буржуазных общественных отношений, когда власть разделилась на представительную (законодательную), исполнительную и судебную, когда усложнились классовые взаимоотношения и внутриклассовые различия, объективно возникла необходимость в существовании политических партий, выражающих интересы различных классов, слоев и социальных групп. Один и тот же класс может иметь множество политических партий. Это связано с тем, что сами классы очень гетерогенны, и слои, находящиеся внутри класса, имеют не только общие, но и частные интересы, выразителями которых выступают партии.

Политические интересы и идеи. Каждый класс имеет свои интересы, реализация которых требует определенного теоретического обоснования. Этим занимаются политические партии и идеологии. Они разрабатывают политические программы, в которых излагаются цели и задачи партии, а также средства их достижения. Идеологи партий в научном или псевдонаучном духе, хотя идеология и наука несовместимы, доказывают, что их партии являются истинными выразителями интересов всего общества. Иначе говоря, они представляют интересы своего класса как интересы всего государства и тем самым

пытаются убедить всех граждан в том, что наиболее оптимальным вариантом развития и стабильности государства является реализация политических установок данного класса. В пропаганду этих установок включаются все средства массовой информации — мощнейший механизм обработки общественного мнения. Сама политическая пропаганда выступает как главное средство распространения политических установок партий. Встает вопрос об истинности или ложности самой пропаганды и используемых ею методов и способов распространения политических программ. Трудно выделить критерий истинности пропаганды, но несомненно одно: наряду с истинными утверждениями в пропаганде больше встречаются софистические лозунги, а то и просто обман. И это естественно с точки зрения политики, а не морали, ибо главная задача пропаганды — убедить народные массы в правильности и необходимости принятия тех политических установок, которые выдвигает данная партия. Пропаганда — это игра, но игра опасная, поскольку последствия ее могут оказаться трагическими для общества.

Власть имущие, несомненно, имеют больше возможностей использовать масс-медиа для пропаганды и распространения своих взглядов. Телевидение, радио, газеты и журналы чаще отражают воззрения правящих партий, чем оппозиционных. Это наблюдается в демократических странах, а в диктаторских пропаганда носит явно односторонний, проправительственный характер. Оппозиции либо нет, либо она находится в подполье.

Обычно средства массовой информации (СМИ) называют четвертой властью. Первая — представительная (законодательная), вторая — исполнительная, третья — судебная. Средства массовой информации действительно представляют четвертую власть, особенно в современных условиях, ибо играют доминирующую роль в жизни любого государства, и от них многое зависит в проведении той или иной политической линии. Телевидение, например, можно использовать как мощный инструмент дискредитации своих противников и повышения своего авторитета. В развитых демократических странах средства информации нередко идут против тех или иных находящихся у власти обанкротившихся политиков. Они их вынуждают уйти с политической сцены и тем самым очищают почву для других политических деятелей.

Но тем не менее было бы наивно думать, что четвертая власть абсолютно ни от кого не зависит. Средства массовой информации принадлежат определенным лицам, имеющим большой вес в обществе, и чтобы его сохранить, надо выбирать ту или иную политическую позицию. И, как показывает действительность, эта позиция во многом

определяется наличием денежного мешка. Чем богаче политические партии и их лидеры, тем больше возможностей у них использовать четвертую власть в своих интересах. Как говорится, кто платит, тот и заказывает музыку. Средства массовой информации могут принадлежать и отдельным олигархам, которые поддерживают власть имущих.

§ 2. Государство — ядро политической организации

Государство занимает центральное место в политической жизни. Оно управляет экономикой либо регулирует хозяйственную деятельность, руководит общественными делами, регулирует классовые, национальные и иные отношения, разрешает социальные и другие конфликты, возникающие в обществе, проводит международную политику. Не случайно многие философы отводили ему решающую роль в историческом процессе, искали причины его генезиса и формирования²⁶⁵. Платон генезис государства связывает с потребностями людей и определяет государство как совместное поселение. Он же является создателем теории идеального государства. А Аристотель считает, что государство представляет собой «общество, состоящее из нескольких селений... достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благод жизни»²⁶⁶.

В новое время возникает договорная теория происхождения государства. Гоббс — один из крупнейших представителей этой теории — утверждал, что люди равны от природы и из этого естественного равенства людей вытекают их естественные возможности для достижения одних и тех же целей. Иначе говоря, каждый человек имеет такие же права на те или иные блага общества, что и все остальные. Но такое положение вещей приводит к конфликтной ситуации.

В естественном состоянии каждый имеет право на все. Это состояние не налагает никаких ограничений на человека, и потому между людьми возникает борьба за обладание вещью или вообще за пользование необходимыми благами. Пока люди живут без общей власти,

²⁶⁵ Д.Кола делает довольно интересный экскурс в историю происхождения термина «государство». Он пишет: «Слово «государство» (Etat) происходит от латинского stare (оставаться), которое несет в себе идею стабильности, постоянства. Французский термин имеет многочисленные и очень различные эквиваленты в других языках. С греческого языка термином «государство» переводится слово Polis (который называют также городом) или koinonia politike (гражданское, или политическое, общество); с латинского — слова Imperium (империя, власть), dominium (подвластное хозяину), Civitas, Urbs (город) и в особенности, res publica (общественное дело)» (Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 282).

²⁶⁶ Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 378.

которая всех держит в страхе, они, по Гоббсу, воюют друг против друга. Причем война происходит даже тогда, когда нет никаких военных действий. Иначе говоря, люди постоянно находятся в состоянии войны друг с другом (*bellum omnium contra omnes*).

В таком обществе у людей отсутствует трудолюбие, стремление к производству благ, ибо никто не застрахован от насильственного грабежа результатов своего труда. Плохо развивается экономика, нет торговли, судоходства, в ужасном состоянии оказываются культура, литература.

Естественное состояние как состояние войны друг с другом вынудило людей договориться о создании государства. «Государство, — пишет английский философ, — есть единое лицо, ответственным за действия которого сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей, с тем чтобы это лицо могло использовать силу и средства всех их так, как сочтет необходимым для их мира и общей защиты»²⁶⁷.

Государство, созданное путем соглашения, предполагает, что каждый гражданин отдает часть своих прав государству и поэтому действия верховного лица или собрания должен воспринимать как свои собственные действия. Отсюда следует, что подданные монарха не имеют права без согласия монарха менять форму правления или вообще свергать его. Кроме того, никто не может быть освобожден от подданства под предлогом того, что суверен нарушил обязательства.

Гоббс суверена награждает фактически неограниченными правами. Во-первых, он выступает в качестве главного арбитра по вопросам мира и защиты подданных. Во-вторых, он определяет, какие науки и искусства следует изучать, разрабатывает правила, предписывающие каждому человеку блага, которыми он имеет право пользоваться, т. е. какую собственность может иметь. В-третьих, ему принадлежат и судебная власть, и право решения спорных вопросов, и право объявления войны и заключения мира, и право выбора всех советников и министров, и право награждать и наказывать, и право установления почетных титулов и табели о рангах. В-четвертых, подданные его не могут наказывать, поскольку каждый подданный сам отвечает за действия суверена. Короче, суверен — это абсолютная власть.

Если суверена Гоббс наделяет неограниченными полномочиями, то зато подданным предоставляются лишь некоторые права. Прежде всего, они пользуются свободой, под которой Гоббс подразумевает отсутствие сопротивления, т. е. отсутствие внешних препятствий для

²⁶⁷ Гоббс Т. Избр. произв. М., 1964. Т. 2. С. 197.

движения. Свободу он толкует весьма расширительно. С точки зрения Гоббса, животные и растения тоже обладают свободой. Исходя из этого, свободен тот, кому никто не мешает делать то, что он желает.

Договорной теории происхождения государства придерживались Спиноза, Руссо другие.

Важное место проблемы государства занимают в творчестве Гегеля. Он считает, что философское рассмотрение государства не совпадает с эмпирическим происхождением государства. Уже в ранних работах он проявляет исключительный интерес к теориям, в которых рассматривались вопросы государства. Прежде всего его интересует теория естественного права, которая была в центре внимания многих философов XVII—XVIII веков. Гегель считает, что отношение этих мыслителей к естественному праву носит чисто эмпирический характер. «...Эмпиризму недостает прежде всего критерия для определения того, где проходит граница между случайным и необходимым, т. е. что в этом хаосе естественного состояния или в абстракции человека должно остаться и от чего следует отказаться»²⁶⁸. Исследователь, как правило, обращает внимание на случайное, поверхностное, преходящее, а не на необходимое и закономерное. Он стремится устранить противоположности и специфические особенности взаимоотношений людей для сохранения социума.

С точки зрения философии, пишет Гегель, государство мыслится изначально как идея. «...Государство — это шествие Бога в мире; его основанием служит власть разума, осуществляющего себя как волю. Мысля идею государства, надо иметь в виду не особенные государства, не особенные институты, а идею для себя, этого действительного Бога»²⁶⁹. Таким образом, с точки зрения Гегеля, философский анализ причин происхождения государства предполагает изначально существование государства как идеи, как мысли. «Что же касается того, каково же или каково было *историческое* происхождение государства вообще, вернее, каждого отдельного государства, его прав и определений, возникло ли оно из патриархальных отношений, из страха или доверия, из корпорации и т. д., то этот вопрос к самой идее государства не имеет никакого отношения и в качестве явления представляет собой для научного познания, о котором здесь только и идет речь, чисто историческую проблему»²⁷⁰.

²⁶⁸ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 195.

²⁶⁹ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 284.

²⁷⁰ Там же. С. 280.

Российские ученые тоже значительное внимание уделяли проблемам генезиса и роли государства в общественной жизни. Коснемся в этой связи воззрений И.А. Ильина. *«Государство, — пишет И.А. Ильин, — есть союз людей, организованный на началах права, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти»*²⁷¹. Происхождение государства русский мыслитель связывает с необходимостью защиты собственности. *«Государства, — утверждает он, — возникают и упрочиваются с переходом от охотничьего и пастушески-кочевого быта к земледельческому. Община, осевшая на месте со всем своим добром и стадами, связавшая свою участь с засеянным полем и ожидаемым урожаем, естественно, вынуждена отстаивать и защищать свои владения от пришлой орды завоевателей, подвергающей все опустошению. Опасность нашествий рано заставляет провести в жизнь разделение труда между земледельцем, ведущим свое хозяйство, и воином, который сам не обрабатывает землю, но обороняет хозяйство своей общины. Судья, законодатель и жрец получает новое звание — военачальника, и власть его получает новую опору в силе постоянного войска»*²⁷². Таким образом, И.А. Ильин причины возникновения государства видит в сохранении собственности, а также в установлении внутренней и внешней безопасности. А основами государства считает народ, территорию и власть.

Иначе объясняет генезис государства марксистская социальная философия. Руководствуясь материалистическим пониманием истории, она рассматривает исторически происхождение государства как нового социально-политического образования. Государство возникло прежде всего в результате внутреннего развития общества, а не из-за защиты от внешних врагов. Примитивные (первобытные) общества не имели представления о государстве и не нуждались в нем. Но экономическое развитие приводит к расколу общества на антагонистические классы, один из которых эксплуатирует другой, и чтобы их борьба не уничтожила существующие порядки и общество в целом, возникает сила, которая призвана стабилизировать ситуацию. Обобщая идею генезиса государства, Энгельс пишет: *«Итак, государство никоим образом не представляет собой силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание того, что это общество запуталось в неразрешимое проти-*

²⁷¹ Ильин И.А. Собр. соч. М., 1994. Т. IV. С. 111.

²⁷² Там же. С. 130.

воречие с самим собой, расколосось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми экономическими интересами, не пожрали друг друга и общество в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая, по-видимому, над обществом, сила, которая бы умеряла столкновения, держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним, все более и более отчуждающая себя от него, есть государство»²⁷³.

На мой взгляд, марксистская концепция генезиса государства является наиболее достоверной и научной, ибо она исходит из самой исторической действительности, показывает исторический процесс в развитии, которое неизбежно и с необходимостью приводит к появлению антагонистических классов и вместе с тем к возникновению специального социального института, регулирующего отношения этих классов. Нельзя не согласиться и с тем, что в классовом обществе государство имеет классовый характер и защищает прежде всего интересы господствующего класса. Так было во все времена. Так происходит и в современную эпоху. Эти теоретические положения вошли в общую теорию государства, и вряд ли их удастся кому-нибудь опровергнуть, если, конечно, стоять на почве науки и объективной реальности. Вместе с тем следует отметить, что государство выполняет и другие функции: функции защиты от внешних врагов, функции регулирования взаимоотношений личности и общества, функции международного экономического, политического, культурного и т. д. сотрудничества, функции регулирования экономических и социальных противоречий и др. Вообще у государства очень много разнообразных функций, и от их успешного выполнения зависит стабильное развитие общества.

Но в настоящее время неолиберализм, крупными представителями которого являются М.Фридмен и Ф.Хайек, выступает за резкое сокращение функций государства. Следует отметить, что истоки либерализма восходят к античной философии, когда свобода человека ставилась превыше всего. Но либеральные идеи как таковые возникли в XVII—XVIII веках, когда происходило бурное формирование буржуазных общественных отношений. Капитализм не может развиваться без личной инициативы, а это возможно только в условиях свободы. Поэтому такие философы, как Локк, Вольтер, Гольбах, Руссо, и другие главным условием жизни человека провозгласили личную свободу.

Либерализм исходит из того, что государство не должно вмешиваться в экономическую деятельность индивидов. По мнению либера-

²⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 169—170.

лов и неолибералов, рынок решит все проблемы, стоящие перед обществом и никакого государственного регулирования экономики не требуется. Государство также не должно вмешиваться в духовную и социальную сферы жизни людей. Все нужно приватизировать, все нужно передать в частные руки. Образование, медицина, наука, культура и другие области общественной жизни должны находиться в частных руках. Везде рынок решит все проблемы. Задача государства заключается лишь в том, чтобы контролировать соблюдение общих правил поведения людей и защищать права личности. При этом либеральное понимание свободы не означает произвола. Свободы заслуживает лишь тот, кто действует в рамках общепринятых законов и кто чувствует свою ответственность. Иначе говоря, за государством сохраняются одни лишь полицейские функции. «От регулярных вооруженных сил и полиции любой страны требуется ограждать членов общества от принуждения и насилия, исходящего как извне, так и внутри общества»²⁷⁴.

Неолиберальные теории игнорируют национальные традиции разных народов и цивилизаций. Западные и восточные традиции отличаются друг от друга. На Востоке, например, государство всегда играло важную роль во всей жизни общества. В восточных странах, в том числе в России, больше верят не правовым законам и нормам, а правителям, выступающим от имени государства. Неолибералы также абстрагируются от современной западной реальной действительности. Во всех западных странах правительства не выступают в роли пассивных наблюдателей за всем тем, что происходит в обществе. Они, когда надо, вмешиваются не только в экономическую жизнь, но и в духовную, и в социальную. Это особенно наглядно проявляется в эпоху глобализации. Кроме того, мы живем в условиях техногенной цивилизации, чреватой различного рода катастрофами. И в это время требуется мобилизация всех ресурсов и сил, что под силу только государству. Поэтому роль государства нужно усиливать, а не ослаблять.

Государство как социально-политическое образование имеет присущие ему признаки: 1) территория; 2) народ; 3) публичная власть; 4) налоги.

Территория. Без строго очерченной фиксированной территории нет единого государства. «Государство есть не кочующий, а оседлый союз людей»²⁷⁵. В первобытном обществе род тоже имел территорию, но она не была четко обозначена и часто менялась, когда переставав-

²⁷⁴ Фридмен М. Могучая рука рынка // Фридмен М., Хайек Ф. О свободе. М., 2003. С. 58.

²⁷⁵ Ильин И.А. Собр. соч. М., 1994. Т. 4. С. 122.

ла давать необходимые средства к существованию. С разложением родового строя территория оставалась, но люди стали более подвижными, так как они уже не были связаны между собой кровнородственными узами и поэтому те, кто жил на данной территории, объявлялись гражданами безотносительно к роду или племени с представлением определенных прав и обязанностей.

Территория — это фиксированное и охраняемое политическое и правовое пространство. Не случайно из-за территорий происходили жестокие войны. Территория — это общий дом всех граждан данного государства. Государство обязано защищать и охранять территорию, на которую распространяется его власть. Оно имеет право заставлять подчиняться всех, кто живет постоянно или временно на данной территории, общепринятым нормам и законам. А неподчиняющихся может наказать в соответствии с этими нормами и законами. Вместе с тем оно должно создавать всем, кто живет на его территории, необходимые условия для проявления своих сущностных сил.

Государство должно обустроить свою территорию, наполнять, если можно так выразиться, материальными и духовными ценностями. Для этого надо создавать промышленность, строить заводы, фабрики, выпускать высококачественные товары и т. д. При этом государство должно защищать свои товары как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Ведь известно, что чем больше товаров продается, тем богаче становится государство, тем выше уровень жизни его граждан. Одновременно государство должно заботиться и о духовном производстве. С этой целью государству необходимо на своей территории создать мощную образовательную базу (школы, институты, университеты и т. д.), для того чтобы его граждане получали соответствующее образование, осваивали духовные ценности не только собственной страны, но и всей мировой цивилизации. Разумеется, нужно давать сильный импульс развитию духовной культуры, создавать необходимые условия для науки. Ведь ни одно современное государство не может рассчитывать на успешное развитие без использования достижений науки и техники.

Государство должно иметь на своей территории собственное информационное пространство. Оно должно заботиться о патриотическом воспитании своих граждан, без чего немислимо формирование национального сознания и самосознания. Оно должно иметь рычаги воздействия на средства массовой информации, делать все для того, чтобы они были заинтересованы в распространении и защите национальных материальных и духовных ценностей.

Народ. Излишне говорить о том, что без народа нет и не может быть никакого государства. Понятие «народ» в данном случае ис-

пользуется в политическом, а не в социальном смысле. Народ в государстве выступает как политический субъект. И в этом плане понятия народа и государства как бы совпадают. «Народ как государство есть дух в своей субстанциальности, поэтому он есть абсолютная власть на земле; следовательно, каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому»...²⁷⁶. Народ без государственного образования не есть политический народ. Поэтому народу очень важно иметь свое собственное политическое образование. Именно в его рамках он может самостоятельно развивать свою культуру, свои традиции и обычаи, короче, быть суверенным политическим субъектом. Вообще народ без государственного образования не есть исторический народ, поскольку он не может фигурировать в анналах истории как политический субъект. Такие современные небольшие государства, как Андорра, Лихтенштейн, Монако и др., являются субъектами международного права, пользуются как суверенные государства всеми преимуществами независимых государств. Поэтому народ без государственного образования остается на уровне этноса, племени, рода и т. д.

Существенно заметить, что не всякий народ может сформировать свое собственное государство. Во-первых, нужна определенная численность народа. Ведь без людских резервов нет возможности создавать общественное богатство, без которого нельзя говорить о государстве. Во-вторых, без наличия необходимой численности людей нельзя сформировать властные структуры, представляющие собой сложный механизм горизонтальных и вертикальных связей. В-третьих, для гарантии безопасности государства необходимо иметь армию, нужны молодые и здоровые люди, которые могут служить и защищать территориальную целостность государства. В-четвертых, чтобы стать политическим субъектом и, следовательно, сформировать собственное государство, народ должен иметь определенный уровень политической культуры, осознавать свою ответственность в существующем политическом мире, вести себя в соответствии с международными нормами, выполнять принятые на себя обязательства по сотрудничеству со всеми государствами мира.

Но народ, вопреки распространенному политическому мнению, не есть источник власти. Более того, народ не может быть субъектом власти. Если весь народ в государстве будет выступать в качестве субъекта власти, то кто будет объектом власти? В качестве такого субъекта выступают личности, классы, слои, сословия и т. д. Но народ

²⁷⁶ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 365.

может влиять на функционирование властных структур через своих представителей, т. е. депутатов, которых он избирает в законодательные органы. Разумеется, народ может влиять и на исполнительную власть. Это влияние осуществляется по-разному: через профессиональные союзы, через забастовки, через письма, телевидение и т. д. Словом, у народа есть целый набор возможностей влияния на государственные структуры.

Публичная власть. Она включает в себя армию, которая обязана охранять границы и территориальную целостность государства; полицию (милицию), следящую за общественным порядком и безопасностью граждан; государственный аппарат; суд; прокуратуру; тюрьму; жандармерию и т. д.

Налоги. Они необходимы для содержания публичной власти, выполнения тех или иных государственных программ (социальное и медицинское обслуживание населения, пенсии, дотации на образование, программы по восстановлению экологической среды и т. д.).

Таким образом, государство есть общность людей, объединенных общей территорией, общими правовыми законами и публичной властью, а также налогами. Эта дефиниция государства не претендует на истину в последней инстанции, но по крайней мере, указывает на его сущностные характеристики.

Формы государственного правления с момента его возникновения отличались разнообразием. Уже в древности были республиканская, демократическая, монархическая, аристократическая формы правления. Для эпохи феодализма характерна монархия. По-видимому, это было связано с тем, что феодальные государства были раздроблены на мелкие удельные княжества и фактически были независимы друг от друга. Поэтому их должен был сплачивать монарх (король, царь), которому они обязаны были подчиняться. Очень дифференцированы современные формы государственного правления. Во многих из них сохранились остатки феодализма, в других наблюдаются республиканские формы правления, в третьих — президентские и т. д. Но все они с теми или иными нюансами имеют демократический характер. Они складывались в зависимости от традиций, обычаев, исторических условий, религиозных убеждений, уровня политической культуры народа и т. д. Каждый народ выбирает ту форму правления, которая ему больше подходит.

В современных условиях, когда усиливаются глобализационные процессы, уменьшается роль национальных государств в решении собственно национальных задач. Государства теряют свою национальную идентичность, что может иметь огромные негативные последствия. Ведь государство, как уже отмечалось, есть форма соци-

ального бытия народа. Без государственного образования исчезнут национальные культуры, национальная идентичность народов. Человеческое общество превратится в некое аморфное образование, лишенное целостности и имманентной логики.

§ 3. Политика и мораль

Острейший вопрос политики — ее отношение к морали. Многие мыслители пытались решить этот вопрос. Наиболее рельефно диалектика политики и морали была освещена Макиавелли. В знаменитом труде «Государь», а также во многих других произведениях итальянский ученый изложил виды государства, формы правления и вообще вопросы государственного строительства. В этой связи в центре внимания оказались политические действия государя. Проблемы он излагает оригинально, во многом расходится с другими мыслителями и понимает, что его взгляды вызовут критическое отношение. Тем не менее Макиавелли решил, как он выражается, следовать не воображаемой, а действительной правде, «ибо расстояние между тем, как люди живут и как должны бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует скорее во вред себе, нежели во благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим умением смотря по надобности»²⁷⁷.

Оставаясь на почве исторической действительности, Макиавелли пишет, что, как правило, люди замечают в государях разные качества: щедрость и скупость, жестокость и сострадательность, честность и вероломность, снисходительность и надменность и др. Они хотят, чтобы государи имели только хорошие качества, но в жизни это невозможно, и поэтому Макиавелли считает, что для удержания власти государь не может не использовать и те качества, которые у людей вызывают презрение. «Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости... ибо от беспорядка, который порождают грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица»²⁷⁸. Таким образом, итальянский мыслитель советует, что в интересах большинства и государства следует

²⁷⁷ Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982. С. 345.

²⁷⁸ Там же.

применять насилие, хотя с точки зрения морали оно может вызвать осуждение.

Макиавелли отмечает, что хорошо, когда государь верен своему слову и честен в делах. Но опыт истории говорит о том, что успехов добивались те правители, которые не сдерживали своего слова и в нужный момент меняли позицию. Государь должен походить одновременно на льва и лисицу. Лев — это сила, а лиса — хитрость. Следовательно, государь должен быть и львом, и лисой. И ради сохранения государства и своей власти он всегда должен быть готов к тому, чтобы изменить свою политическую позицию, если этого требуют обстоятельства. Люди о нем судят не по его словам, а по делам, и если они идут хорошо, то никто не обратит внимания на слова.

Макиавелли подчеркивает, что государю необходимо избегать ненависти и презрения со стороны подданных, которые вызываются хищничеством, малодушием, легкомыслием и нерешительностью. Он дает советы государю, соблюдение которых должно принести ему славу и почести. Прежде всего государь должен проводить твердую политику, базирующуюся на насилии, как внутри страны, так и за рубежом. Но Макиавелли не против того, чтобы государь использовал кроме силы и другие средства, помогающие ему завоевать уважение подданных. В частности, государь должен оказывать почет и уважение тем, кто отличился в каком-либо ремесле или искусстве, не мешать заниматься торговлей, земледелием, награждать достойных людей и т. д.

Довольно интересны советы Макиавелли о том, как государю избежать льстецов. Обычно государь пытается внушить мысль подданным о том, что надо говорить только правду, но это может вызвать и презрение, так как не всякая правда нужна правителю. Это, во-первых. Во-вторых, какую бы правду они ни говорили, все равно найдутся люди, которые будут льстить, лицемерить и подхалимничать. Поэтому благоразумный государь поступает так: «Отличив нескольких мудрых людей, им одним предоставить право высказывать все, что они думают, но только о том, что ты сам спрашиваешь, и ни о чем больше; однако спрашивать надо обо всем и выслушивать ответы, решение же принимать самому и по своему усмотрению. На советах с каждым из советников надо вести себя так, чтобы все знали, что чем безбоязненнее они выскажутся, тем более угодят государю; но вне их никого не слушать, а прямо идти к намеченной цели и твердо держаться принятого решения. Кто действует иначе, тот либо поддается лести, либо, выслушивая разноречивые советы, часто меняет свое мнение, чем вызывает неуважение подданных»²⁷⁹.

²⁷⁹ *Макиавелли Н.* Избр. соч. М., 1982. С. 345.

Итак, Макиавелли считает, что политика и мораль несовместимы и для государя важна не мораль, а такая политика, которая бы укрепила его власть, вызвала уважение у подданных, ненависть у врагов и в целом служила бы укреплению государства.

К воззрениям итальянского мыслителя абсолютное большинство как современных, так и прошлых мыслителей отнеслось исключительно критически. Они обвинили его во всех мыслимых и немыслимых грехах. В частности, они утверждали и утверждают, что Макиавелли оправдывает любые средства, в том числе аморальные, для удержания власти. Иначе говоря, он проповедует тезис: «Цель оправдывает средства». До сих пор термин макиавеллизм используется для характеристики политики, пронизанной ненавистью к моральным нормам и принципам.

Но не все исследователи критически относились к итальянскому мыслителю. Гегель, Маркс и другие высоко оценивали его творческое наследие и политические позиции. Гегель пишет, что к творчеству Макиавелли надо подходить исторически, рассматривать его идеи и принципы в контексте истории, а не абстрактно. Отвратительные качества, «пользоваться которыми рекомендует Макиавелли... следует рассматривать и под другим углом зрения. Формально Италия была государством; в принципе это оставалось в силе и тогда, когда император еще считался верховным синьором. И из этого общего положения Макиавелли исходит, этого он требует, это и есть тот принцип, который он противопоставляет унижениям своей страны. Под таким углом зрения действия «государя» предстают совершенно в ином свете. То, что было бы отвратительным в качестве поступка одного частного лица по отношению к другому, одного государства по отношению к другому государству или другому частному лицу, становится в данном случае справедливой карой...»²⁸⁰. Те, кто наносит вред государству, должны быть наказаны. Само наказание уже есть определенное средство. Так, казнь или длительное тюремное заключение есть не что иное, как применение определенных средств против государственных преступников.

Гегель убежден в том, что «творение Макиавелли останется в истории важным показанием, которое он засвидетельствовал перед временем и своей собственной верой, что судьба народа, стремительно приближающегося к политическому упадку, может быть предотвращена только гением. Интересным является в своеобразной судьбе «Государя» также тот факт, что при общем непонимании и ненависти

²⁸⁰ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 152—153.

к этому произведению один будущий монарх (имеется в виду прусский канцлер Фридрих II. — *И.Г.*)... взял в качестве темы для школьного сочинения Макиавелли, противопоставив ему моральные хрии, пустоту которых он сам впоследствии подтвердил как своим образом действий, так и своими произведениями...»²⁸¹.

В отличие от Макиавелли Кант хотел соединить мораль и политику. Мораль, пишет он, есть «совокупность... безусловно повелевающих законов, в соответствии с которыми мы должны вести себя»²⁸². Мораль — это теоретическое правоведение, а политика — практическое правоведение. Моральный долг велит людям жить в мире и дружбе, и моральный политик должен совмещать политические принципы с моральными. Поэтому при решении государственных задач он обязан стремиться к тому, чтобы привести государственное устройство или международные отношения в соответствие с естественным правом как идеей разума. Кант осуждает морализирующих политиков или политических моралистов, которые не считаются с моральным долгом. Истинная политика, по его мнению, должна учитывать моральные принципы, ибо от этого она только выиграет.

Макс Вебер тоже не обошел вопросы соотношения политики и морали. Он исключительно важное значение придавал политическим качествам человека. Он считал, что для политика решающими являются три качества: страсть, чувство ответственности и глазомер. Под страстью Вебер подразумевает, как он выражается, существо дела. Политик должен всецело отдаваться тому делу, которое он избрал. Он не имеет права заниматься политикой спустя рукава. Но политикой страстно можно заниматься лишь в том случае, если политик чувствует свою ответственность, которую немецкий исследователь называет главной путеводной звездой деятельности политика. Политику требуется глазомер, т. е. «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям»²⁸³. Настоящим политиком Вебер считает того, кто обладает этими качествами.

Вебер полемизирует с теми, кто хочет соединить политику и мораль. Политика, пишет он, связана с насилием, а с точки зрения этики насилие недопустимо. Поэтому нужно проводить политику ненасилия. С этим Вебер категорически не согласен. Политик, настаивает Вебер, должен насильственно противостоять злу, иначе за побе-

²⁸¹ Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 154—155.

²⁸² Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 289—290.

²⁸³ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 690.

ду зла он будет нести ответственность. Поэтому вопрос не в том, что политик должен руководствоваться моральными принципами, а в том, обладает ли политик качествами, необходимыми для принятия важных политических решений. Этические позиции, твердо убежден Вебер, не должны мешать политике действовать в соответствии с политическими реалиями. Он высмеивает моралистов, которые часто поступаются своим моральным кодексом. «Что касается освящения средств целью, то здесь этика убеждения вообще, кажется, терпит крушение. Конечно, логически у нее есть лишь возможность отвергать всякое поведение, использующее нравственно опасные средства. Правда, в реальном мире мы снова и снова сталкиваемся с примерами, когда исповедующий этику убеждения внезапно превращается в хилястического пророка, как, например, те, кто, проповедуя в настоящий момент «любовь против насилия», в следующее мгновение призывает к насилию — к последнему насилию, которое привело бы к уничтожению всякого, точно так же, как наши военные при каждом наступлении говорили солдатам: это наступление — последнее, оно приведет к победе и, следовательно, к миру. Исповедующий этику убеждения не выносит этической иррациональности мира»²⁸⁴.

Важное место вопросы соотношения морали и политики и их взаимодействия занимают в русской философской и общественно-политической мысли. Писатели, публицисты, философы, историки, ученые, журналисты всегда рассматривали политику под углом зрения моральных норм и принципов. В.С. Соловьев в работе «Национальный вопрос в России» специально останавливается на проблеме соотношения нравственности и политики. Он пишет: «Полное разделение между нравственностью и политикой составляет одно из господствующих заблуждений и зол нашего века»²⁸⁵. По его мнению, в сфере политики господствует политический эгоизм, исходящий из того, что каждый народ имеет свой интерес и стремится к его удовлетворению. Русский философ полагает, что нравственным долгом народа является отказ от эгоизма, осознание того, что народ представляет собой часть всего мира и поэтому должен проявлять свою солидарность со всеми народами. Нельзя разделить политику и мораль, ибо они находятся в тесном взаимодействии. В.С. Соловьев призывает к соблюдению нормы жизни, предполагающей мир и покой между народами и государствами. Он даже утверждает, что лучше отказаться от патриотизма, чем от совести.

²⁸⁴ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 698.

²⁸⁵ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. Философская публицистика. М., 1989. Т. 1. С. 264.

Пристальное внимание российских мыслителей к взаимодействию политики и морали, видимо, объясняется тем, что в России политика носила деспотический характер. Она фактически не считалась с правовыми нормами и базировалась на произволе и волюнтаризме. Судьба отдельного человека зависела не от принятых государством юридических законов, а от желания государственных чиновников. Причина этого заключается в том, что государство имело вотчинный характер. Государь рассматривал государство как свою собственность (вотчину) и не считался ни с какими правовыми нормами и принципами, хотя формально мог апеллировать к ним. Он мог по своему усмотрению наказать или поощрить того или иного вельможу, подарить ему землю или отобрать ее. Он переделывал политические и социальные институты, уже давно сложившиеся механизмы регулирования общественных отношений. Народ был отчужден от государства. Поэтому граждане его рассматривали не как орган, регулирующий их взаимоотношения, а как чуждую им силу. И они были индифферентны к его делам. «Государство, — писал В.О. Ключевский, — как союз народный, не может принадлежать никому, кроме самого народа; а на Московское государство и московский государь, и народ Московской Руси смотрели, как на вотчину княжеской династии, из владений которой оно выросло. В этом вотчинно-династическом взгляде на государство я вижу одну из основных причин Смуты. Указанное сейчас недоразумение было связано с общей скудостью и неготовностью политических понятий, далеко отстававших от стихийной работы народной жизни. В общем сознании... Московское государство все еще понималось в первоначальном удельном смысле, как хозяйство московских государей, как фамильная собственность Калитина племени, которое его завело, расширяло и укрепляло в продолжение трех веков... И надобно прибавить, что такой вотчинный взгляд на государство был не династическим притязанием московских государей, а просто категорией тогдашнего политического мышления, унаследованной от удельного времени. Тогда у нас не понимали государство иначе, чем в смысле вотчины, хозяйство государя известной династии, и если тогдашнему заурядному московскому человеку сказали бы, что власть государя есть вместе с тем и его обязанность, должность, что, правя народом, государь служит государству, общему благу, это показалось бы путаницей понятий, анархией мышления. Отсюда понятно, как московские люди того времени могли представить себе отношение государя и народа к государству. Им представлялось, что Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были неразделимыми

понятиями не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя»²⁸⁶.

Эта традиция вотчинного отношения к государству сохранилась и в советское время, и в нынешней России. Очередной Генеральный секретарь ЦК КПСС считал своим долгом все переделать, перестроить, по-своему обустроить свою вотчину. Отождествление власти и собственности происходило на всех уровнях как в дореволюционной России, так и в СССР. Любой чиновник практически не считался с принятыми юридическими нормами и законодательными актами, полагая, что власть ему позволяет обращаться с другими людьми так, как ему хочется, а не так, как требует закон. При любом режиме чиновник считает себя хозяином, а не работником.

Поскольку политики рассматривали государство как свою вотчину и нарушали не только правовые, но и элементарные моральные принципы, то защиту этих принципов брали на себя писатели, философы, ученые, публицисты, журналисты и т. д. Не будучи профессионалами в сфере политики или морали, они не видели никакой разницы между политической сферой и моральными принципами. И, как уже выше отмечалось, они хвалили тех политиков, чья деятельность, с их точки зрения, отвечала моральному кодексу, и, наоборот, критиковали тех, кто, по их утверждению, нарушал этот кодекс.

Чтобы выяснить диалектику морали и политики, необходимо прежде всего четко обозначить их функции, провести, так сказать, между ними демаркационную ЛИНИЮ. Функции и роль политики в общественной жизни были рассмотрены выше. Поэтому остановимся на проблемах морали.

Мораль в широком смысле слова есть совокупность правил, норм и принципов, которыми руководствуются люди в процессе совместной деятельности и общения. Как и политика, мораль является своего рода регулятором взаимоотношений людей и поэтому имеет некоторые общие черты с ней. Но эта общность проявляется совершенно по-разному и в зависимости от конкретных условий, ибо у морали и политики **разные** функции. Иначе говоря, они выполняют в обществе разные роли.

Если политика и политическая сфера жизни возникают вместе с появлением государства и социальных классов, то мораль — вместе с возникновением самого общества. Именно моральные принципы и нормы были основными регуляторами отношений первобытных лю-

²⁸⁶ *Ключевский В.О.* Соч.: В 9 т. Т. III. Курс русской истории. М., 1988. С. 48—49.

дей. Многие племенные вожди имели гораздо больше авторитета, чем некоторые официальные короли и цари. И этот авторитет они заслужили именно благодаря своим высоким моральным качествам. Но с возникновением классового общества моральные нормы уже не могли выступать в роли универсальных регуляторов общественной жизни. Появляются политические регуляторы, что в конце концов приводит к разграничению сферы политики и сферы морали.

Мораль оперирует понятиями «совесть», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость», «гуманизм» и т. д. Они отражают социальные реалии, отношения людей друг к другу и к обществу. На протяжении тысячелетий выработались такие нормы и принципы морали, без соблюдения которых общество не может нормально функционировать, оно просто-напросто погибнет. Возьмем понятие «совесть». Оно очень объемно и включает, по существу, все моральные принципы. Совесть предполагает справедливость, добро, гуманность, любовь к людям, чувство сострадания и т. д. «На протяжении всей истории люди всегда отстаивали принципы справедливости, любви и правды в противовес всякому давлению, оказывавшемуся с целью заставить людей отказаться от того, что они знали и во что верили»²⁸⁷. Совесть — это внутренний судья человека, к голосу которого человек должен прислушиваться постоянно. Человек без совести способен на любое преступление.

Моральные нормы связаны с ценностями. Следует различать ценности и оценки. Оценка, как правило, имеет субъективный характер. Один может оценить тот или иной поступок человека высоко, а другой, наоборот, низко. Но здесь есть некий универсальный критерий, который выработался в ходе длительной совместной деятельности людей и их совместного общения. Убийство ни в чем не повинного человека вызывает осуждение у всех людей, руководствующихся моральными нормами и принципами. Что касается ценностей, то они имеют объективный характер и не зависят от субъективной оценки индивидов. Скажем, картины Ван Гога представляют собой величайшую ценность, хотя при жизни автора их оценивали невысоко.

Моральные ценности меняются в ходе общественного развития. Если, например, в прошлые времена вызванный на дуэль человек обязан был явиться на место дуэли, то в настоящее время сам термин «дуэль» вызывает лишь улыбку. И тем не менее для всех поколений общества мораль имеет универсальный характер. Совесть в эпоху Аристотеля выполняла те же функции, что и в современную. «Так на-

²⁸⁷ Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 115.

зывается совесть, — писал Аристотель, — которая позволяет называть людей совестящимися и имеющими совесть, — это правильный суд доброго человека»²⁸⁸.

В отличие от морали политика исходит не из добра или зла, справедливости или несправедливости, гуманности или антигуманности, а из интересов. Интересы могут быть личными и государственными. Настоящий политик стремится к тому, чтобы его личные интересы совпадали с государственными. Поэтому мы ведем речь о таких политиках, а не о тех, кто защищает лишь личные интересы. Такие люди, выражаясь словами Вебера, живут за счет политики, а не для политики. Собственно говоря, они и не являются политиками в подлинном смысле этого слова. Подчеркнем еще раз: политик руководствуется интересами, и если он уверен в том, что в данных обстоятельствах интересы его класса или государства требуют принятия решения, которое противоречит моральным принципам, то он, как политик, игнорирует эти принципы. Поэтому нельзя требовать от политика принимать политические решения в соответствии с моральным кодексом. Талейран как человек был аморален, но Наполеон его не отстранил от политической деятельности, потому что ценил его политические качества.

Политик заинтересован в сохранении целого и поэтому жертвует частью. Настоящий политик понимает, что если погибнет целое, то погибнет и часть. Если, скажем, погибнет народ, то погибнет и человек, являющийся частью этого народа. Поэтому политик жертвует человеком во имя сохранения народа. Моралист скажет, что это антигуманно и цинично. Согласен, но в том-то и дело, что политика сама по себе «грязна», «цинична» и «безжалостна». Если политик будет заниматься морализаторством, а не решением неотложных государственных задач, то тем самым он объективно погубит тех, чьи интересы обязан защищать.

Политик не писатель и не обязан постоянно думать о той или иной личности. Он несет политическую ответственность и поэтому он должен заботиться прежде всего о целом (обществе), а затем о части (личности). Конечно, политическая ответственность предполагает и личную моральную ответственность политика за государственные дела. Политик имеет дело с массами, а не с отдельным человеком. Поэтому несерьезными и наивными являются утверждения о том, что в центре политики должен находиться человек. Другое дело писатель. В центре его внимания находится (и не может не находиться) человек со своими заботами и проблемами. Подлинный гуманный писатель, как

²⁸⁸ Аристотель Соч.: В 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 184.

свидетельствует опыт мировой литературы, всегда выступает на стороне униженных и оскорбленных. Ф.М. Достоевский в своих произведениях показывает людей, которых некому защищать и которые ужасно страдают от нищеты, голода и холода. Писатель призван, руководствуясь моральными принципами и нормами, описывать в образной форме жизнь личности, отдельного человека, выражать ему свои симпатии или антипатии. Политик же, руководствуясь политическими интересами, политическими законами и принципами, защищает либо интересы государства, либо интересы господствующего класса. Поэтому он приносит в жертву интересы отдельной личности, если они противоречат общим интересам. Поэтому политические и моральные принципы не совпадают, даже нередко они противоречат друг другу.

Но политика может способствовать моральному совершенствованию общества. Если государственные деятели проводят такую политику, которая направлена на благо большинства людей (абсолютно все члены общества никогда не будут довольны существующими социально-экономическими и политическими порядками), то и моральные принципы, правила и устои все больше и больше укрепляются. Веком Перикла называли V век до нашей эры, когда правил Афинами Перикл. Как политик он немало сделал для процветания афинских граждан. Если же политика осуществляется в интересах меньшинства, то она приводит к разложению общества, к росту преступности, формированию мафиозных структур, к моральной деградации, что в конечном счете завершается гибелью социума.

Политик как человек. Политик как политик не может и не обязан руководствоваться моральными нормами и принципами. Но как человек он должен быть высоконравственным, соблюдать и уважать моральные правила, быть примером для своих граждан. Он обязан каждый свой неполитический шаг обдумывать с точки зрения морального кодекса, быть морально чистоплотным человеком и вести себя в соответствии с общепринятыми нормами, а также должен понимать, что от его морального поведения в частной жизни во многом зависит не только его политическая карьера, но и авторитет вверенного ему государства. Одним словом, безнравственному человеку нет места в политике.

Моральные преступления. Если политик как человек нарушает общепринятые моральные нормы и принципы, то он совершает лишь моральные преступления, и его за это следует осуждать лишь с позиции морали. К моральным преступлениям относятся подлость, продажность, предательство друзей и близких, алчность, использование своего высокого политического положения. К такого рода преступлениям относятся и оскорбительные выпады против своего полити-

ческого оппонента, афиширование его физических недостатков, распространение о нем различных сплетен.

Политические преступления. Они имеют иной характер, поскольку связаны с политическими интересами. Глава государства может быть морально чистым человеком, но может допустить тяжкие политические преступления. Последние совершаются, по крайней мере, в следующих случаях: 1) когда нарастает внутренняя нестабильность общества, вызванная либо спадом экономики, либо снижением жизненного уровня населения, либо межэтническими конфликтами, либо иными причинами, а лидер государства ограничивается успокоительными речами, вместо того чтобы действовать смело и решительно; 2) когда глава государства не выполняет конституцию, нарушает ее и тем самым способствует нарастанию конфликтов в обществе. А если его действия приводят к гибели людей или он предаёт своих соратников, политическую партию, лидером которой он был, то политические преступления переходят в уголовные и он несет не только политическую, но и уголовную ответственность. Но здесь надо иметь в виду, что в отличие от преступлений, совершаемых рядовыми гражданами, политико-уголовые преступления главы государства совершаются как бы не одним человеком (монархом, королем, президентом), а целым государственным аппаратом, политическими институтами, поскольку его действия получают одобрение со стороны аппарата и этих институтов. Поэтому очень трудно бывает привлечь к уголовной ответственности такого главу государства. Кроме того, привлечение его к уголовной ответственности во многом зависит от традиций, стабильности и эффективности политических институтов, уровня политической культуры людей, отношения к нему мировых политиков и т. д.; 3) когда интересам государства угрожают внешние силы, но его глава не предпринимает никаких шагов по отражению агрессии, либо принимаемые меры имеют паллиативный характер; 4) когда открыто предаются интересы государства, что в итоге приводит к его распаду. И в данном случае политические преступления переходят в уголовные; 5) когда проводится политика, направленная на разжигание межнациональной розни, на физическое уничтожение других рас и народов.

Таким образом, политика и мораль являются двумя автономными сферами общественной жизни. Впервые на это обратил внимание Макиавелли, и его величие «как раз заключается в том, что он отделил политику от этики»²⁸⁹. Они взаимосвязаны и взаимодействуют, но тем не менее выполняют разные функции, смешение которых может резко отрицательно сказаться как на морали, так и на политике.

²⁸⁹ Грамши А. Тюремные тетради. М., 1991. Ч. 1. С. 472.

§ 4. Война и политика

Поскольку в межгосударственных отношениях немаловажную роль играет война, она как специфическое политическое явление занимала особое место в социальной философии. Платон, например, утверждал, что войны происходят из-за богатства. Гоббс же причину войн видел в естественном равенстве людей, которое приводит к войне всех против всех. Голландский ученый XVII века Гроций, развивая теорию естественного права, в отличие от Гоббса считал, что результатом равенства должно быть не состояние войны, а мир и дружба. Саму войну он квалифицировал как состояние борьбы. Кстати, ему принадлежит первая классификация войн. По его мнению, они бывают частные, публичные и смешанные. Под частной войной Гроций, по существу, понимает драку между двумя или несколькими лицами. Публичная война ведется органами государственной власти, т.е. это война, объявленная одним государством другому. Что касается смешанной войны, то она, с одной стороны, носит публичный характер, а с другой — частный.

В свою очередь, публичные войны Гроций делит на торжественные (справедливые) и неторжественные. Справедливая война, пишет он, ведется с целью защиты национального суверенитета или же его восстановления. Оправдывая такие войны, Гроций тем не менее советует не начинать их, использовать все мирные средства для решения спорных вопросов. Одновременно он осуждает неторжественные войны, лишенные оправдательных причин.

Гольбах резко осуждал войны, утверждал, что они приносят одни бедствия воюющим народам. Но причины их развязывания он приписывал государям, которые ради своих корыстных целей готовы жертвовать жизнью других людей. Интересно, что он осуждает тех поэтов и писателей, которые восхваляли походы полководцев, вместо того чтобы критиковать и изобличать их действия и поступки. Побудительные мотивы завоевателей Гольбах видел в ленисти, неспособности и невежестве в управлении делами государства. Хороший и способный государь, с его точки зрения, думает не о завоеваниях, а о том, как бы превратить свою страну в цветущий край. Осуждая войны, Гольбах в то же время выступал за справедливые войны, целью которых является защита суверенитета и территориальной целостности.

Много внимания теоретическим проблемам войны и мира уделял Кант. Он мечтал о вечном мире между народами. Но вначале он решил изучить причины ненависти народов и государств друг к другу. По его мнению, война и ненависть людей друг к другу не содержат

какой-нибудь разумной собственной цели, и поэтому нужно «попытаться открыть в этом бессмысленном ходе человеческих дел цель природы, на основании которой у существ, действующих без собственного плана, все же была бы возможна история согласно определенному плану природы»²⁹⁰. Исходя из этого, Кант стремится объяснить природу человека, его физиологические и психологические особенности. Он утверждает, что все задатки любого живого существа предназначены для целесообразного развития, и если такого развития нет, то имеется не закономерная, а бесцельно действующая природа, что противоречит телеологическому учению. Природные задатки человека, обладающего разумом, получают свое развитие, считает немецкий философ, не в индивидуе, а в роде. Для их проявления природа использует такое средство, как антагонизм: человек, с одной стороны, не может жить без общения, с другой — стремится к уединению. Поэтому он ожидает, что встретит сопротивление, и именно это заставляет его действовать. Иначе говоря, согласно Канту, там, где нет противоречий и взаимных столкновений, нет развития ни самого человека, ни его культуры.

Кант полагает, что причины войн проистекают из стремления создать новые отношения между государствами, но через некоторое время эти отношения снова приводят к военным столкновениям. Поэтому необходимо основать международный союз государств, в котором каждое государство чувствовало бы себя свободным и в то же время не мешало бы другим нормально жить.

В своем учении о войне и мире Кант исходит из выдвинутого им категорического императива: *«Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»*²⁹¹. Он полагает, что каждое государство должно поступать так, чтобы не причинять другому ущерб и не задевать его интересы. Как и многие другие мыслители, Кант большое значение придавал разработке международного права, регулирующего государственные отношения и запрещающего вмешательство во внутренние дела других государств. По его утверждению, государства от природы находятся в неправовом состоянии, т. е. в состоянии войны (право более сильного мешать более слабому, не давать ему спокойно и самостоятельно решать свои проблемы). И поэтому для исключения войн из жизни общества, по утверждению Канта, необходим мирный договор. В работе «К веч-

²⁹⁰ Кант И. Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 6. С. 8.

²⁹¹ Кант И. Соч. Т. 4, ч. 1. С. 260.

ному миру» Кант изложил основные принципы такого мирного договора. Он считает, что в любом мирном договоре не должно быть никаких оснований для будущей войны. Каждое государство независимо от размеров имеет право на самостоятельное существование, и поэтому не может быть захвачено другими государствами. Но для установления вечного мира нужен федерализм или союз свободных государств. Целью такого союза является обеспечение свободы каждого государства. Со временем этот союз должен охватить все государства, что в конечном итоге, по глубокому убеждению Канта, приведет к вечному миру.

Кантовская концепция вечного мира носит утопический характер, но важно то, что родоначальник классической немецкой философии осуждал войны, выступал в защиту гуманизма и установления подлинно мирных отношений между государствами.

Другой представитель классической немецкой философии Гегель считал, что война не должна рассматриваться лишь как абсолютное зло или лишь как внешняя случайность. Основания войны он видит в страстях властелинов и народов. Гегель ратовал за сильную государственную власть, отсутствие которой, по его мнению, приводит к разложению общества и государства. Поэтому он утверждал, что война способствует установлению крепкой власти и оздоровлению всего общества. «...Высокое значение войны, — писал Гегель, — состоит в том, что благодаря ей... сохраняется нравственное здоровье народов, их безразличие к застыванию конечных определенностей; подобно тому, как движение ветров не дает озеру загнивать, что с ним непременно случилось бы при продолжительном безветрии, так и война предохраняет народы от гниения, которое непременно явилось бы следствием продолжительного, а тем паче вечного мира»²⁹². Гегель здесь имеет в виду концепцию Канта о вечном мире. Государство, продолжает Гегель, есть индивид и как индивидуальность содержит в себе отрицание. И если даже некоторое число государств образуют союз, все равно этот союз как индивидуальность должен создать свою противоположность и породить врага.

Гегель считает, что в мирное время гражданская жизнь расширяется, люди засасываются болотом, утрачиваются их частные особенности, все меньше и меньше проявляются их индивидуальные черты. Общество начинает походить на больного человека. Здоровье требует единства тел, но когда части затвердевают, наступает смерть. Удачные войны не дают развития внутренним беспорядкам,

²⁹² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 360.

укрепляется государственная власть. «Народы выходят из войны не только усиленными, благодаря внешним войнам нации, внутри которых действуют непреодолимые противоречия, но и обретают внутреннее спокойствие»²⁹³.

Гегелевскую концепцию войны не следует упрощать, ибо это может привести к тому, что Гегель превратится в апологета войны, что, конечно, неверно. На самом деле вопрос гораздо сложнее. Эту концепцию надо связывать с гегелевским учением о противоречии как источнике развития. Гегель писал, что «противоречие... есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, обладает импульсом и деятельностью»²⁹⁴. Не следует упускать из виду и конкретно-исторические обстоятельства, связанные с жизнью великого философа и с его эпохой. Гегель живо интересовался политической ситуацией Германии, и поэтому его высказывания часто отражали эту ситуацию. Он сильно переживал кризисное положение своей страны, отмечал, что она даже не в состоянии защитить свой суверенитет. Главную причину кризиса своего отечества Гегель видел в отсутствии единой и нераздельной Германии с сильной централизованной властью. Слабость государства, отмечал великий философ, сразу же обнаруживается во время войны, ибо война требует концентрации всех сил. Она показывает его слабые, уязвимые места и в то же время вызывает необходимость его совершенствования.

Соотечественник Гегеля Клаузевиц непосредственно связал политику и войну: «...Война есть не что иное, как продолжение политических отношений с применением иных средств»²⁹⁵. Война, пишет Клаузевиц, не возникает внезапно, а готовится очень долго соответствующими правительствами, ведущими определенную политику. Нельзя думать, что после начала войны прекращаются политические отношения, поскольку эти отношения выступают как целое, а война есть часть этого целого. Война обладает теми свойствами, которые имеет политика. Именно политика порождает войну, а не наоборот. Объявившее войну правительство до начала военных действий проводит определенную политику, направленную на удовлетворение своих интересов, и когда она не дает желаемых результатов, то правительство переходит к другой форме политики — к войне. Ее целью является сокрушение политики противника военными средствами.

²⁹³ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 361.

²⁹⁴ Гегель Г.В.Ф. *Соч.* Т. 5. М., 1937. С. 520.

²⁹⁵ Клаузевиц. *О войне*. 111. М., 1933. С. 101.

Поэтому «война есть акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю»²⁹⁶.

Клаузевиц считает, что чем сильнее мотивы и чем хуже отношения между государствами, тем больше кажется, что война и политика совпадают полностью и что поэтому война носит как бы чисто военный характер и не имеет отношения к политике. И наоборот, чем меньше мотивов, тем больше расхождений между войной и политикой. Но Клаузевиц диалектически анализирует вопросы войны и политики (надо сказать, что он придавал большое значение философскому исследованию войны, высоко ценил гегелевскую диалектику, подчеркивал ее важность для изучения вопросов войны и политики). Он считает, что война и политика неразделимы, хотя внешне они как бы противоречат друг другу. Все войны надо рассматривать как политические действия. «Во-первых, войну мы должны мыслить при всех обстоятельствах не как нечто самостоятельное, а как орудие политики; во-вторых, именно эта точка зрения показывает нам, как различными должны быть войны в зависимости от мотивов и обстоятельств, из которых они зарождаются»²⁹⁷.

Клаузевиц ближе всех подошел к философско-политической характеристике войны, определив ее как продолжение политики насильственными средствами. Но Клаузевицу все же не удалось раскрыть причины войны. Раскрытие этих причин требует исследования экономических условий жизни людей, концентрированным выражением которых является политика. Война — это насилие, а проведение насильственной политики во многом зависит от экономической мощи государства. Производитель более совершенного оружия побеждает производителя менее совершенного оружия при всех прочих равных условиях. Но выпуск более мощного оружия зависит от уровня экономики. Война, как и политика, относится к надстроечным явлениям и детерминируется в конечном счете экономическими отношениями.

Истоки войн уходят в первобытное общество, когда одно племя воевало с другим. Но в строгом смысле слова это не были войны, потому что не преследовали цели подчинения одного племени другому, хотя могли всех членов племени истребить или превратить в рабов. Они заранее к войне не готовились. Это были конфликты, часто имевшие трагический характер, но все же конфликты. Проведение военных операций — явление сложное. Война связана с более или

²⁹⁶ Клаузевиц. О войне. 1. М.; Л., 1932. С. 3.

²⁹⁷ Клаузевиц. Война. 1. М.; Л., 1932. С. 21—22.

менее регулярной армией, которая готовится к войне в мирное время и т. д. и т. п. Все это стало возможно только в эпоху классового общества. Поэтому война есть продукт классового общества, когда появилось государство со своими признаками и когда социум уже имеет не примитивный, а сложно структурированный характер. Война есть организованная вооруженная борьба между народами, государствами или классами. Ее могут вести либо два государства (локальные войны), либо множество государств (мировая война), либо различные классы (гражданские войны). Война имеет свои правила, но при ведении военных операций никто их фактически не выполняет, что вполне можно объяснить, но не оправдать. Дело в том, что любая война преследует цель подавить волю противника, уничтожить его возможности сопротивляться и поэтому воюющие стороны используют все средства для достижения победы.

Л.Н. Гумилев при анализе причин войн большое значение придает понятию пассионарности. Под этим понятием он подразумевает «эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность часто ради иллюзорной цели»²⁹⁸. Речь идет о том, что этносы и индивиды, наделенные определенными страстями²⁹⁹, часто совершают поступки, которые можно объяснить только стремлением к реализации цели, необъяснимой с помощью общепринятых норм поведения людей. Пассионарными личностями Л.Н. Гумилев объявляет Александра Македонского, Наполеона I и многих других. Александр Македонский все имел от рождения, но тем не менее занялся завоевательными походами, в результате которых была создана огромная империя. «Вряд ли стоит, — пишет Л.Н. Гумилев, — искать причину, толкнувшую македонского царя в поход, в стремлении к приобретению рынков для торговых городов или к уничтожению финикийской конкуренции Афин и Коринфа, которые только что были покорены силой оружия, продолжали оставаться врагами Македонии, жертвовать собой ради врага уж вовсе бессмысленно. Так что мотивы поведения Александра приходится искать в его собственном характере. Два качества, доведенные до крайности, отмечают у Александра и Арриан, и Плутарх: честолюбие и гордость, т. е. проявления описанной нами пассионарности. Этого избытка энергии оказалось достаточно не только для победы, но и для того, чтобы принудить своих подданных вести войну, которая была им нужна»³⁰⁰.

²⁹⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1994. С. 497.

²⁹⁹ По-французски: la passion. Отсюда пассионарность.

³⁰⁰ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. С. 265.

Не отрицая роли личных качеств, в том числе страстей, в тех или иных исторических событиях, на мой взгляд, нельзя только ими объяснять деятельность любого индивида, тем более таких личностей, как Александр Македонский, Ганнибал или Наполеон I. Посмотрим, что говорит карфагенский полководец Ганнибал своим войскам перед началом боевых действий против римлян. Речь его была передана римским историком Титом Ливием: «Мы начинаем войну, мы грозною ратью надвигаемся на Италию; мы потому уже должны обнаружить в сражении более смелости и стойкости, чем враг, что надежда и бодрость всегда в большей мере сопутствуют нападающему, чем отражающему нападению. К тому же нас воспламеняет и подстрекает гнев за нанесенное нам возмутительное оскорбление: они ведь потребовали, чтобы им выдали для казни первым делом меня, предводителя, затем и вас, осадивших Сагунт, и собирались, если бы нас им выдали, предать нас самым жестоким мучениям! Этот кровожадный и высокомерный народ воображает, что все принадлежит ему, все должно слушаться его воли. Он считает своим правом предписывать нам, с кем нам вести войну, с кем жить в мире. Он назначает нам границы, запирает нас между гор и рек, не позволяя переходить их, и сам первый переступает им же положенные границы. «Не переходи Гибера!» — «Не буду». — «Не трогай Сагунта!» — «Да разве Сагунт на Гибере?» — «Нужды нет; не смей двигаться с места!» — «Стало быть, тебе мало того, что ты отнял у меня мои исконные провинции, Сицилию и Сардинию? Ты отнимаешь и Испанию, если я уступлю ее тебе, грозишь перейти в Африку?.. Нигде не оставлено нам ни клочка земли, кроме той, которую мы отвоюем с оружием в руках»³⁰¹. Отсюда видно, что не страсти вели Ганнибала в походы против римлян, а любовь к Родине, стремление к сохранению ее независимости, к защите человеческого достоинства. Наполеон I был честолюбив, но воевал с европейскими державами прежде всего потому, что защищал Французскую революцию и вообще Францию, которую реакционные режимы Европы терпеть не могли.

Со времен Гроция принято делить войны на захватнические и оборонительные. Первые преследуют цель завоевания чужих территорий, навязывания другим государствам своей воли и порядков. Вторые — защиту национального суверенитета и территориальной целостности.

В современную эпоху эта классификация войн многими отвергается. По их утверждению, сейчас главное — защита не национального

³⁰¹ История античности. Т. 2. Древний Рим. М., 1989. С. 163—164.

суверенитета, а прав человека и демократии. И если они нарушаются каким-либо государством, то можно применить в отношении этого государства военную силу. Однако этот аргумент не выдерживает никакой критики. Государство, как уже отмечалось, представляет собой форму социального бытия народа. И если народ лишен этого бытия, то фактически он лишается всякого бытия. Никакие наднациональные органы не будут содействовать развитию национальной культуры, вообще сохранению национальной самобытности. Поэтому всякое уважающее себя государство должно отражать любую агрессию, использовать все находящиеся в его распоряжении средства для защиты своего суверенитета. Кстати, современные крупные государства никому не позволяют вмешиваться в их внутренние дела, хотя они другим нередко диктуют свои условия. Вывод: классическое деление войн на захватнические и оборонительные не устарело и в современную эпоху.

Подвергается критике и тезис Клаузевица о том, что война есть продолжение политики иными средствами. Это определение войны некоторые подвергают критике на том основании, что в ядерную эпоху в случае применения атомного оружия не будет ни победителей, ни побежденных. Поэтому якобы бессмысленно говорить, что война является продолжением той политики, которую проводили до начала боевых действий воюющие государства. Полагаю, что такое утверждение научно не обосновано. Во-первых, кроме ядерной войны, которая, надеюсь, никогда не разразится, есть еще обычные войны, которые все время ведутся. Они есть не что иное, как продолжение политики другими средствами. Во-вторых, ядерные державы постоянно совершенствуют свое атомное оружие и вовсе не собираются уничтожать его. Поэтому в случае крайней необходимости они могут его применить. В-третьих, атомное оружие используется как средство шантажа других государств, не обладающих таким оружием. Не случайно многие государства стремятся к обладанию ядерными средствами. Вот почему война и в современную эпоху остается продолжением политики иными средствами. Политика же будет функционировать до тех пор, пока есть государство. Государство, по всей вероятности, будет существовать до тех пор, пока будет жить человечество. Отсюда неизбежный вывод: войны могут иметь место, пока есть человечество. Конечно, это вовсе не значит, что нельзя предотвратить войну. Люди сами творят свою историю, и, следовательно, они могут всегда договориться и решить любые проблемы мирным путем. И надо осознать, особенно в нашу эпоху, что любая война, а уж тем более мировая, может иметь катастрофические последствия для будущего всей цивилизации.

Глава XIII. Гражданское общество

§ 1. Проблема гражданского общества в истории социальной философии

Термин «гражданское общество» появился еще в античную эпоху. Его употреблял Аристотель. Д.Кола проследил, как он выражается, лексическое поле «гражданского общества»³⁰², которое выглядит так:

Авторы	Использованные термины	Синонимы	Перевод
Аристотель	Kolonia politike	Полис	Гражданское общество, государство
Августин Блаженный	Societas terrestra	Civitas respublica	Гражданское общество
Эгидий Колонна	Societas civilis	Civitas	Сообщество людей
Лютер, Меланхтон	Societas civilis	Civitas respublica	Гражданское общество
Фома Аквинский	Communication politike	Societas Communitas	Политическое сообщество
Гоббс	Civil Society	Commonwealth	Гражданское общество
Спиноза	Societas civilis	Imperium	Гражданское общество
Руссо	Societe civile	Etat	Гражданское общество
Фергюсон	Civil society		Гражданское общество
Гегель	Burgerliche	Gesellschaft	Гражданское общество
Маркс	Burgerliche	Gesellschaft	Гражданское общество, гражданское буржуазное общество
Дюркгейм	Societe civile		Peuple, nation

³⁰² Кола Д. Политическая социология. М., 2001. С. 284.

Как видно из этой таблицы, все философы в понятие гражданского общества вкладывали разные смыслы. Так, поскольку Аристотель считал, что человек есть существо полисное (политическое, государственное), то под гражданским обществом подразумевается политическое общество, т. е. государство. В данном случае полис (государство) и гражданство употребляются как синонимы.

Гоббс тоже отождествлял гражданское общество и государство. Он считал, что люди вне гражданского общества, т. е. в естественном состоянии, постоянно воевали между собой. И чтобы они полностью не истребили друг друга, необходима была сила, которая обеспечивала бы безопасность каждого гражданина. В качестве такой силы выступает общая власть, для установления которой люди должны договориться между собой.

Руссо связывал появление гражданского общества с возникновением частной собственности. Он писал: «Первый, кто огородил участок земли, придумал заявить: «Это мое!» и нашел людей достаточно простодушных, был подлинным основателем гражданского общества»³⁰³. Кант под гражданским обществом подразумевал такую власть, которая разрешает конфликты людей. Он считал, что «только в нем возможно наибольшее развитие природных задатков»³⁰⁴.

Большое значение анализу гражданского общества придавал Гегель. Пожалуй, он впервые в философии подробно рассмотрел атрибутивные характеристики гражданского общества. Его возникновение Гегель связывает с семьей. С течением времени, пишет немецкий философ, семья разбивается на множество семей, отношения которых друг к другу представляют уже не некое внутреннее единство, а нечто внешнее. Это положение Гегель называет ступенью дифференциации, когда утрачивается нравственность, являвшаяся базой семьи. Здесь совершается переход от семьи к гражданскому обществу. «Гражданское общество есть дифференциация, которая выступает между семьей и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства; ибо в качестве дифференциации оно предполагает государство, которое оно, чтобы пребывать, должно иметь перед собой как нечто самостоятельное»³⁰⁵. Гегель считает, что лишь в современном ему мире создано гражданское общество, в котором каждый для себя является целью, а остальные

³⁰³ *Rousseau J.-J.* Discours sur l'origine et les fondements de l'inegalite parmi les hommes. Paris, 1965. P. 108.

³⁰⁴ *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1966. Т. 5. С. 465.

³⁰⁵ *Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М., 1990. С. 228.

для него как бы не существуют. Но без взаимодействия с другими нельзя добиться своей цели. Поэтому они используются как средство. Очевидно, Гегель имеет в виду буржуазное общество.

В гражданском обществе доминирует индивидуализм. Каждый преследует свою эгоистическую цель, но она может быть достигнута лишь на базе правовых норм и принципов. При этом индивиды не всегда понимают, что в обществе надо выполнять определенные обязанности, иначе оно просто-напросто погибнет. «Так, например, большинство людей рассматривают требование уплаты налогов как нарушение их особенности, как нечто им враждебное, препятствующее осуществлению их цели; однако сколь истинным это им ни *кажется*, особенность цели не может быть удовлетворена без всеобщего, и страна, в которой не платили бы налогов, не способна была бы отличаться и усилением особенности»³⁰⁶. Таким образом, Гегель твердо убежден в том, что надо защищать всеобщее. Но вместе с тем он выступает против игнорирования особенного. Гегель и в данном случае показывает себя как великий диалектик: «Способствуя осуществлению моей цели, я способствую и осуществлению всеобщего, а оно в свою очередь способствует осуществлению моей цели»³⁰⁷.

Гегель выделяет три элемента гражданского общества: 1) систему потребностей; 2) защиту собственности посредством правосудия; 3) полицию и корпорации.

Гегель подчеркивает, что человек своим трудом создает необходимые предметы потребления, что «средства удовлетворения человеческих потребностей добываются потом и трудом человека»³⁰⁸. В этой связи он критикует тех мыслителей, которые утверждали, что в естественном состоянии человек свободен с точки зрения своих потребностей, ибо он их удовлетворяет готовыми продуктами природы. И сам человек, и его потребности, отмечает немецкий мыслитель, не выходят за пределы природы, и поэтому он не был свободен. Гегель придает исключительное значение трудовой деятельности человека в гражданском обществе. «Варвар, — пишет он, — ленив и отличается от образованного человека тем, что он предается тупому безделью, ибо практическое образование и состоит в привычке и потребности в занятии. Неумелый человек всегда производит не то, что он хочет произвести, потому что он не господин

³⁰⁶ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 229.

³⁰⁷ Там же. С. 229.

³⁰⁸ Там же. С. 239.

своей собственной деятельности, тогда как умелым может быть назван рабочий, который производит предмет таким, каким он должен быть, и не обнаруживает в своей субъективной деятельности противодействия цели»³⁰⁹.

Гегель большое значение придает разделению труда. Чем выше уровень разделения труда, тем выше умение человека создавать продукты потребления. Вместе с ростом разделения труда растет и взаимозависимость людей в гражданском обществе.

В гражданском обществе создается, как выражается Гегель, всеобщее имущество или, выражаясь современным языком, общественное богатство. Кроме того, образуются «всеобщие массы», которые в зависимости от характера удовлетворения потребностей, от их средств и труда разбиваются на сословия, определяющиеся «соответственно *понятию* как *субстанциальное*, или непосредственное, как рефлектирующее, или *формальное* и, наконец, как *всеобщее* сословие»³¹⁰. Под субстанциальным сословием Гегель подразумевает земледельческое сословие. Земля, по его мнению, может быть исключительно частной собственностью. Рефлектирующее, или формальное сословие, — это промышленное сословие. «*Занятие промышленного сословия* состоит в формировании продуктов природы и зависит в добывании средств к существованию от своего *труда*, от рефлексии и рассудка, а также существенно от опосредования потребностями и трудом других»³¹¹. По мнению Гегеля, промышленное сословие всем обязано самому себе: оно само все производит и потребляет. Что касается земледельческого сословия, то оно во многом зависит от плодородия земли, от климатических условий и т. д.

Гегель считает, что поскольку индивид промышленного сословия полностью зависит от самого себя, то он осознает свою значимость, которая очень тесно связана с правопорядком. Поэтому, по его убеждению, сознание свободы и правопорядка возникло прежде всего в городах.

Наконец, всеобщее сословие. Оно, по утверждению Гегеля, занято охраной всеобщих интересов общества. Поэтому оно «освобождено от непосредственного труда для удовлетворения своих потребностей либо благодаря частному состоянию, либо благодаря тому, что государство, заинтересованное в его деятельности, способствует его безбедному существованию, и таким образом частный интерес нахо-

³⁰⁹ Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 239.

³¹⁰ Там же. С. 241.

³¹¹ Там же. С. 243.

дит свое удовлетворение в работе на пользу всеобщего»³¹². Иными словами, к всеобщему сословию относятся те индивиды, которые работают в государственных органах.

Гражданское общество не может существовать без правосудия, так как нужно ежедневно решать разные вопросы, связанные с имущественными, сословными и иными отношениями людей. Для этого необходимо иметь соответствующие юридические законы. Но Гегель рассматривает право как закон, который должны знать граждане. Вообще Гегель придает огромное значение правосознанию. Варвары, пишет он, не осознают, что ими управляют обычаи, традиции, влечения, чувства. Но в гражданском обществе управляют законы, и «благодаря тому, что право положено и знакомо, все случайное, связанное с чувствами, мнениями, формой мщения, сострадания, корыстолюбия, отпадает и, таким образом, право лишь теперь обретает свою определенность и свою честь. Лишь благодаря культивированию восприятия оно становится способным достигнуть всеобщности»³¹³. Необходимо, продолжает Гегель, сделать все для того, чтобы граждане знали содержание законов, не прятать их в юридических и иных учреждениях. Право касается свободы человека, и он должен знать содержание законов, представлять и понимать, что можно делать в их рамках и за что следует понести наказание в случае их нарушения. Текст законов должен быть написан простым, ясным и четким языком.

В гражданском обществе, отмечает Гегель, исчезают прежние формы отношений между людьми, когда традиции и обычаи выступали в роли правового механизма решения вопросов. В нем, скажем, проблемы собственности решаются посредством договоров и выполнения формальностей, которые порою кое-кому кажутся излишними. Но с этим надо считаться, так как формальности и договоры фиксируют волю индивида, которая должна быть признана другими индивидами. В этом Гегель видит позитивный элемент гражданского общества. Здесь же суд обретает свой действительный смысл, когда член гражданского общества имеет права и обязанности перед судом. Но он должен знать законы, потому что в противном случае право ему ничем не поможет.

В гражданском обществе, продолжает немецкий философ, индивид должен действовать свободно для достижения своей цели, и задача полиции состоит в том, чтобы предоставить ему такую возможность. «Полиция должна заботиться об уличном освещении,

³¹² Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 243—244.

³¹³ Там же. С. 249.

строительстве мостов, установлении твердых цен на товары повседневного потребления, а также о здоровье людей»³¹⁴. Как видно, великий философ возлагает на полицию довольно специфические обязанности. Но дело в том, что, с точки зрения Гегеля, гражданское общество должно защищать интересы индивида, заботиться о нем, оберегать от всех неприятностей, индивид же обязан соблюдать все права гражданского общества, работать на него и все свои действия соизмерять с его интересами.

Поскольку гражданское общество, продолжает Гегель, защищает интересы всех членов общества, оно представляет собой своего рода всеобщую семью. Поэтому оно должно иметь право следить за воспитанием детей, пресекать произвол родителей, принимать соответствующие меры в защиту детей. Как видно, Гегель довольно широкими полномочиями наделяет гражданское общество.

Анализируя корпорацию, Гегель пишет, что возникновение многочисленных корпораций связано с тем, что труд распадается на различные отрасли, которые составляют определенные корпоративные сообщества, имеющие свои собственные интересы, не противоречащие интересам всех. Гегель считает, что семья и корпорация составляют корни гражданского общества. То, что государство не может дать индивиду, он получает в корпорации.

Маркс часто употреблял термин «гражданское общество», но придал ему совершенно другой смысл. Прежде всего, под гражданским обществом он подразумевал производственные отношения. В «Немецкой идеологии» вместо понятия производственных отношений употребляется понятие «форма общения», которое отождествляется с понятием «гражданское общество». Вот что Маркс говорит о гражданском обществе: «Форма общения, на всех существовавших до сих пор исторических ступенях обуславливаемая производительными силами и в свою очередь их обуславливающая, есть *гражданское общество...*»³¹⁵. Оно «обнимает все материальное общение индивидов в рамках определенной ступени развития производительных сил. Оно обнимает всю торговую и промышленную жизнь данной ступени и постольку выходит за пределы государства и нации, хотя, с другой стороны, оно опять-таки должно выступать вовне в виде национальности и строиться внутри в виде государства. Выражение «гражданское общество» возникло в XVIII веке, когда отношения собственности уже высвободились из античной и средневе-

³¹⁴ Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М., 1990. С. 267.

³¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.* Т. 3. С. 35.

ковой общности [Gemeinwesen]. Буржуазное общество [burgerliche Gesellschaft] как таковое развивается только вместе с буржуазией; однако тем же именем всегда обозначалась развивающаяся непосредственно из производства и общения общественная организация, которая во все времена образует базис государства и всякой иной идеалистической надстройки»³¹⁶. Как видно, немецкий термин «burgerliche Gesellschaft» обозначает как буржуазное общество, так и гражданское общество.

Нетрудно увидеть, что Маркс под гражданским обществом подразумевал буржуазное общество, т. е. общество, в котором следует различать bourgeois (буржуа) — члена гражданского общества и citoyen — гражданина государства. Буржуа как члена гражданского общества не следует путать с буржуем, т. е. с человеком, эксплуатирующим другого человека. Вместе с тем Маркс наиболее рельефно показал, что государство и общество не одно и то же. Понятие общества — более широкое понятие. Оно охватывает все многообразные связи и отношения, складывающиеся между людьми в процессе их совместной деятельности. Что касается понятия государства, то оно связано лишь с политической сферой общественной жизни. Но вместе с тем, как уже отмечалось, вместо понятия гражданского общества Маркс вводит понятие производственных отношений, составляющих экономическую структуру общества.

§ 2. Сущностные черты гражданского общества

Современный английский исследователь Дж Кин пишет, что термин «гражданское общество» — «это идеально-типическая категория (idealtyp в смысле Макса Вебера), одновременно описывающая и предвосхищающая сложный и динамичный ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности и которые находятся в постоянных трениях друг с другом и с институтами государственной власти; последние же «оформляют», ограничивают и делают возможной их деятельность»³¹⁷. Автор подчеркивает, что уже в XVIII веке проводится демаркационная линия между гражданским обществом и государством.

Гражданское общество в подлинном смысле слова возникает в условиях формирования капиталистического способа производства. Оно не могло возникнуть не только в эпоху рабства, но и в эпоху фе-

³¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 35.

³¹⁷ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001. С. 18.

одализма, когда крестьяне, имевшие мелкую собственность, были все же полностью зависимы от своих помещиков и не имели возможности вести свободный образ жизни. Иначе говоря, не было свободной рабочей силы, которой свободно распоряжается ее владелец. В отличие от феодализма капиталистический способ производства базируется на частной собственности и свободном найме рабочей силы. Все граждане свободны в том смысле, что никто никого не принуждает работать, но экономическая необходимость заставляет людей, лишенных собственности, наниматься на работу к владельцам средств производства. Все стремятся к реализации своих интересов: наемные люди хотят, чтобы повышали уровень заработной платы, а владельцы собственности — больше прибыли. Принцип личной свободы им дает возможность проявлять себя как агентов производства. Это, в свою очередь, способствует формированию гражданских позиций. Суровая экономическая действительность заставляет людей быть активными членами гражданского общества. «Развитие гражданских обществ под влиянием рынков труда, отделенных от домашних хозяйств, не имело прецедента в истории: никогда прежде работа, понимаемая как оплачиваемая занятость, не разворачивалась с таким размахом и такой силой ни в одной социальной системе; никогда прежде и после работа и ее травмирующая оборотная сторона — безработица — не становились решающим фактором в жизни людей»³¹⁸. Классовые противоречия неизбежно порождали коллизии между буржуазией и рабочими. Постепенно возникают различные формы протеста.

Именно при капитализме человек получает возможность действовать свободно в рамках существующих юридических законов и норм, выражать свою позицию по тем или иным вопросам, создавать политические партии, профессиональные союзы и организации, различного рода движения (молодежные, женские, спортивные и др.) и т. д. Иначе говоря, капитализм предполагает наличие не только официальных структур и институтов, но и неофициальных. Неофициальные структуры автономны, они функционируют в соответствии с принятыми в государстве законами. Они могут формировать общественное мнение. С ними считаются официальные органы власти. Такое общество потому и называется **гражданским**, что все граждане государства могут проявлять себя, могут открыто выражать свое отношение к тем или иным действиям официальных властей, могут протестовать против тех или иных решений государственных орга-

³¹⁸ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М., 2001. С. 137.

нов. И нередко под влиянием неофициальных структур официальные структуры вынуждены пересматривать свои решения.

Нельзя не отметить, что в классическом виде гражданское общество может существовать только в демократических государствах (такими, как известно, считаются западные государства). Понятно, что в диктаторских капиталистических государствах не приходится говорить о гражданском обществе, хотя формально в таких государствах могут существовать и неофициальные структуры. Но они существуют в основном для внешнего потребления или подпольно. Само собой разумеется, формирование гражданского общества немислимо в имперских государствах, т. е. в государствах, где доминирует политическое насилие. Кроме того, гражданское общество не формируется там, где доминируют естественные (кровнородственные) и личные, а не социальные связи.

Гражданское общество имеет некоторые общие признаки, без которых оно не может функционировать. Перечислим их: 1) универсальное правовое государство; 2) возможность легального существования неофициальных социальных институтов, политических движений и течений; 3) доминирование социальных связей над личностными; 4) личностное начало.

Гражданское общество в современном его понимании не может возникнуть в государстве, в котором право не носит универсального характера. Под универсальным характером права подразумевается такое состояние общества, когда все граждане независимо от их социального статуса подчиняются юридическим нормам и законам и несут равную ответственность за несоблюдение этих норм и законов (мы абстрагируемся от того, что нередко в реальной жизни граждане в зависимости от их социального статуса подвергаются разному наказанию в случае нарушения законов).

Часто не только в средствах массовой информации, но и в научной литературе появляются утверждения о том, что в России формируется правовое государство. Это, конечно, неверно. Право возникает везде, в том числе и в России, вместе с появлением государства. Но право приобретает универсальный характер только в эпоху капитализма. Во Франции, например, правовые нормы и принципы существовали до Великой французской буржуазной революции. Тем не менее король Людовик XIV говорил: «Государство — это я». И он был по-своему прав, ибо ни сам король, ни его приближенные, ни крупные земельные собственники — короче, целые сословия общества не обязаны были подчиняться принятым юридическим законам. Они не несли никакой правовой ответственности за их нарушение. Но революция провозгласила равенство всех перед

законом. «Все люди равны по природе перед законом. Закон есть свободное и торжественное выражение общей воли; он один и тот же для всех как в том случае, когда оказывает покровительство, так и в том случае, когда карает; он может предписывать лишь то, что справедливо и полезно обществу; он может запрещать лишь то, что приносит обществу вред»³¹⁹.

В универсально-правовом государстве существует разделение власти на три ветви: законодательную, исполнительную и судебную. Эти ветви власти не имеют права выходить за пределы тех полномочий, которые предписывают им законы (обычно в основном законе страны, т. е. в конституции, фиксируются полномочия всех ветвей власти).

Без возможности образования неофициальных и независимых социальных институтов, учреждений, политических партий, движений, профсоюзных организаций и т. д. нельзя говорить о гражданском обществе. Можно сказать, что наличие таких институтов, пожалуй, является главной отличительной чертой любого гражданского общества. Многие исследователи полагают, что такого рода институты существовали задолго до возникновения буржуазного общества. Конечно, история человечества свидетельствует, что во всех социумах были различные социальные институты, которые непосредственно не были связаны с государством. Но дело в том, что они не оказывали никакого влияния на те или иные решения государственных органов. Возьмем, например, политические партии. До капитализма существовали определенные группы, которые возникали при решении тех или иных срочных государственных задач. Но они не были политическими партиями в строгом смысле слова. Они прекращали свое существование после решения поставленных задач. Совсем иную природу имеют политические партии. Они отражают интересы тех или иных социальных классов, имеют свою программу, в которой декларируются цели и задачи партии, свой устав, которым предписываются права и обязанности членов партии, свои средства информации, используемые для пропаганды своих идей, целей и намерений. Их деятельность носит публичный характер, правда, в том случае, если они действуют в рамках существующих законов и норм.

Если взять профсоюзное движение, то оно — абсолютный продукт капитализма. Экономически появление профсоюзного движения связано с индустриализацией общества, с сосредото-

³¹⁹ Документы истории Великой французской революции. В 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 216.

ем на заводах и фабриках огромного количества рабочих, подвергающихся эксплуатации со стороны предпринимателей. Для защиты своих интересов рабочие создают профессиональные союзы, которые действуют независимо от официальных властей и следят за тем, чтобы не ущемлялись экономические права трудящихся. Кстати сказать, в современном обществе, особенно на Западе, т. е. в классическом гражданском обществе, роль профсоюзных организаций исключительно важна.

В современном гражданском обществе важную роль играют и экологические организации, которых вплоть до второй половины XX века не было. Возникновение таких организаций связано с глубоким экологическим кризисом, охватившим все континенты и регионы нашей Земли. Беспощадная эксплуатация природных ресурсов привело к тому, что резко ухудшилось состояние экологической среды.

Официальные представители власти не отрицают экологического кризиса. Во многих государствах приняты законы о защите природной среды. В обществе, где главным показателем богатства выступает прибыль, фактически нельзя решить экологические проблемы. Вот почему очень важно, чтобы экологические организации и учреждения выступали активно, оказывали давление на официальные власти и вынуждали их принимать соответствующие меры по защите природы.

В гражданском обществе *доминируют* социальные связи над личными. Поясним свою мысль. В добуржуазных обществах социальные связи в собственном смысле слова не играли особой роли. Не случайно эти общества принято считать традиционными обществами. Возьмем, например, первобытное общество. Оно базировалось на кровнородственных, т. е. природных, связях, хотя, конечно, социальные связи полностью не отсутствовали. Жизнь первобытного человека полностью регулировалась вековыми традициями и обычаями. По отношению к ним человек проявлял рабскую покорность и не представлял свою жизнь вне рамок существовавших норм жизни. Если взять феодализм, то и там личные связи играли решающую роль, хотя значение социальных связей резко возросло. Король мог по своему усмотрению одних подданных наказывать, других поощрять и т. д.

В гражданском обществе индивиды связаны между собой прежде всего социальными, а не этническими или личными связями. Иными словами, коллектив в гражданском обществе носит социальный характер. Поэтому члены одного и того же коллектива проявляют социальную солидарность, когда, например, официальные органы власти пытаются ограничить их права или ущемить их экономические интересы. Скажем, если на каком-нибудь предприятии снизили

заработную плату, то профсоюз объявляет забастовку и весь коллектив прекращает работу до удовлетворения его экономических требований. Что касается коллектива в традиционном обществе, то в нем такая солидарность, в сущности, отсутствует.

Без *личностного* начала нет гражданского общества. Человек гражданского общества инициативен и целеустремлен. Он понимает, что от него самого во многом зависит его благополучие. Он цивилизован, старается знать законы своего государства, борется за их выполнение и одновременно выступает против них, если они не отвечают его интересам. Инициативный человек осознает, что его могут подстергать опасности и трудности. Но кто не рискует, тот ничего не добивается в жизни.

Человек гражданского общества должен иметь гражданские позиции и не бояться их открыто выражать. Вообще настоящий человек должен вести не растительный образ жизни, а подлинно человеческий. Он должен понимать, что никто за него не решит его жизненных проблем. «Человек — единственное живое существо, которое ощущает собственное бытие как проблему, которую он должен разрешить и от которой он не может избавиться»³²⁰. Но, чтобы решить эту проблему, человек должен выражать свои позиции открыто, быть смелым, решительным и бороться за улучшение собственного бытия. Это вполне возможно в условиях гражданского общества.

В литературе дается много дефиниций гражданского общества. Приведу некоторые из них. Г. Дилигенский: «Гражданское общество — совокупность социальных отношений и институтов, функционирующих независимо от политической власти и способных на нее воздействовать, общество автономных индивидов и автономных социальных субъектов (актеров)»³²¹. Данная дефиниция гражданского общества, на наш взгляд, в целом адекватно отражает суть гражданского общества. А.Зубов: «Гражданское общество — общество, организованно противостоящее государственной власти»³²². В этом определении не схвачены сущностные характеристики гражданского общества. Кроме того, непонятно, почему гражданское общество должно обязательно противостоять государственной власти. Оно должно воздействовать на государственную власть в рамках законов и требовать от нее защищать интересы тех или иных слоев, той или иной личности и т. д. Одним

³²⁰ Фромм Э. Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 445.

³²¹ Pro et Contra. Гражданское общество. 1997. С. 5.

³²² Там же. С. 22.

словом, гражданское общество — это своего рода выразитель общественного мнения, к которому должны прислушиваться официальные власти, если не хотят потерять доверие народа. А.Леденева: «Гражданское общество — совокупность горизонтальных этических и экономических связей, не опосредованных государством»³²³. Это узкое определение гражданского общества, поскольку ограничивается лишь экономическими и этическими связями.

На наш взгляд, гражданское общество — это такое общество, в котором существуют неофициальные структуры в виде различных политических партий, организаций, движений, комитетов, ассоциаций, обществ, собраний и т. д., действующие в рамках юридических законов и норм и оказывающие заметное влияние на официальные органы власти.

В нашей литературе нередко можно встретить выражение «мы строим гражданское общество». Но гражданское общество не есть дом, который действительно строят. Оно — самый сложный организм, оно не строится, а формируется на протяжении многих веков. Оно формируется вместе с формированием буржуазных общественных отношений, с развитием производительных сил, с демократическими принципами правления. Безусловно, гражданское общество немыслимо без развитого самосознания личности, класса и народа. Под самосознанием в широком смысле слова подразумевается осознание субъектом своих интересов и идеалов, своего места и роли в истории. Обладающий высоким самосознанием человек понимает, что он человек, что у него есть гражданские позиции, и поэтому не может смириться с социальной несправедливостью. Он готов постоять за себя, защитить свое человеческое достоинство, занимать активную жизненную позицию, стремиться к изменению и улучшению окружающей социальной действительности. Он четко осознает, что нельзя не бороться с явлениями, которые тормозят развитие общества.

Под самосознанием народа понимается осознание народом своей роли и места в историческом процессе вообще, в данной стране в частности. В первом случае понятие народа берется в широком смысле, а во втором — в узком. А под самосознанием класса подразумевается осознание классом своего места и своей роли как в историческом процессе, так и в обществе.

Самосознание личности, класса и народа взаимосвязаны. Чем выше самосознание народа, тем выше самосознание личности и класса. А уровень самосознания народа зависит от общего материального и

³²³ Pro et Contra. Гражданское общество. 1997. С. 113.

духовного уровня данного общества, от его менталитета, способности сохранять и умножать традиции, обычаи, вообще все культурные ценности. Народ, перманентно ломающий, вернее, разрушающий свои веками сложившиеся традиции, отвергающий свою собственную историю и переписывающий ее заново после каждого политического переворота, не имеет высокого самосознания. Такой народ вряд ли нуждается в гражданском обществе. Ведь в гражданском обществе нужно показать себя, проявить характер, свою политическую культуру, готовность бороться за свои права, за улучшение своих жизненных условий.

Таким образом, хотя гражданское общество является продуктом буржуазного способа производства, тем не менее не во всяком буржуазном обществе формируется гражданское общество. Оно формируется там, где наряду с высоким уровнем материального и духовного производства есть высокий уровень самосознания народа и сильно развиты демократические принципы.

Глава XIV. Социально-философский анализ глобализации

§ 1. Рост интеграционных процессов в современную эпоху

Характерная особенность современной эпохи — **глобализация**, т. е. усиление интеграционных процессов всех сфер общественной жизни в мировом масштабе. Однако следует заметить, что истоки глобализации уходят в далекое прошлое, когда произошел переход от собирательского хозяйства к производящему, от первобытного общества к классовому, когда сформировались первые цивилизации. Уже в то время происходил обмен материальными и духовными ценностями разных народов и государств. Например, древняя Индия имела тесные торговые контакты с Персией и странами Ближнего Востока. Такие же контакты имели Греция и Индия. Александр Македонский немало сделал для сближения греческой и восточной культур. Например, после завоевания Персии Александр Македонский, по словам Плутарха, «стал все больше приспособлять свой образ жизни к местным обычаям, одновременно сближая их с македонскими, ибо полагал, что благодаря такому смешению и сближению он добром, а не силой укрепит свою власть на тот случай, если отправится в далекий поход. С этой же целью он отобрал тридцать тысяч мальчиков и поставил над ними многочисленных наставников, чтобы выучить их греческой грамоте и обращению с македонским оружием. И его брак с Роксаной, красивой и цветущей девушкой, в которую он однажды влюбился, увидев ее в хороводах на пиру, казалось, вполне соответствовал его замыслу, ибо брак этот сблизил Александра с варварами, и они прониклись к нему доверием и горячо полюбили его за то, что он проявил величайшую воздержанность и не захотел незаконно овладеть даже той единственной женщиной, которая покорила его»³²⁴.

Но процесс взаимодействия различных народов и государств особенно усиливается в эпоху открытия Америки, в эпоху бурного формирования буржуазных общественных отношений. Маркс и Энгельс, показывая роль буржуазии в становлении мирового экономического пространства, писали: «Буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополити-

³²⁴ Плутарх. Соч. М., 1983. С. 89.

ческим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»³²⁵.

В социальной философии некоторые исследователи проводят демаркационную линию между понятиями «глобализация» и «глобализм». Они утверждают, что глобальность, или глобализация, отражает интегративные процессы в мировой истории. «Под *глобальностью* понимается то, что *мы давно уже живем в мировом обществе*, в том смысле, что представление о замкнутых пространствах превратилось в фикцию. Ни одна страна или группа стран не может отгородиться друг от друга»³²⁶. Глобализация не исключает различий, многообразия, национальной идентичности, существования национальных государств и т. д.

Что касается понятия глобализма, то под этим понятием подразумевается мировой рынок и неолиберализм. У.Бек пишет: «*Глобализмом* я называю понимание того, что мировой рынок вытесняет или подменяет политическую деятельность, для меня это идеология господства мирового рынка, идеология неолиберализма. Она действует по монокаузальному, чисто экономическому принципу, сводит многомерность глобализации только к одному, хозяйственному измере-

³²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 427—428.

³²⁶ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 25.

нию, которое мыслится к тому же линейно, и обсуждает другие аспекты глобализации — экологический, культурный, политический, общественно-цивилизационный, — если вообще дело доходит до обсуждения, только ставя их в подчинение главенствующему измерению мирового рынка»³²⁷.

Такое разграничение двух важнейших понятий обществознания (глобализацию изучают многие общественные науки — социальная философия, политология, экономические теории, юриспруденция, социология и др.) имеет определенные гносеологические основания. Глобализм и глобализация отражают разные аспекты общества как целостного социального образования. Но можно и иначе трактовать глобализацию и глобализм.

До наступления глобализации в мире, как уже отмечалось, всегда имели место интеграционные процессы. Народы, государства сотрудничали между собой, обменивались материальными и духовными ценностями, устанавливали торговые связи и т. д. Все эти интеграционные процессы можно обозначить термином **«интернационализм»**. В эпоху интернационализма каждое государство защищает прежде всего свои национальные интересы. Оно, скажем, импортирует только те товары, которые не угрожают разрушить его национальную экономику. Оно способствует сохранению национальных традиций, обычаев, национального языка, вообще национальной идентичности. Оно всеми доступными ему средствами защищает свой национальный суверенитет.

Для защиты мира во всем мире и сохранения национального суверенитета создаются различные международные институты и организации (Лига Наций, ООН и др.). Они защищают принципы национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела других государств.

Что касается глобализации, или, как ее именуют французские исследователи, мондиализации, то она — феномен последней четверти XX столетия. Она особенно усиливается после развала СССР. Она имеет объективный характер и связана прежде всего с тем, что по мере продвижения общества по пути социального прогресса человечество все больше и больше обобществляется. Но в отличие от интернационализации глобализация не признает никаких национальных границ, никакого права народа на самоопределение. Вместо этого предлагаются наднациональные формы правления и принципы прав

³²⁷ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 23.

защиты человека. В этом глобализационном котле исчезают национальные культуры, национальные традиции, национальная идентичность — словом, все национальное. Глобализация приобретает **космополитический** характер.

Поскольку глобализация происходит в условиях капитализма, богатство которого представляет собой «огромное скопление товаров...»³²⁸, то вполне естественно, что главную роль в ней играет рынок. Поэтому ядром глобализации выступает глобализм. Все процессы и феномены общества трансформируются в рынок, поскольку главным становится получение высокой прибыли, а не удовлетворение растущих потребностей людей, все культурные, политические, социальные связи и отношения превращаются в рыночные отношения.

Основные экономические параметры глобализации были разработаны в Соединенных Штатах Америки, являющихся в современном мире единственной сверхдержавой с мощной экономикой и военной техникой. Вот правила, которые обязательны для всех стран, желающих принимать активное участие в международном экономическом сотрудничестве: «частный сектор становится основным мотором экономического развития, поддерживается низкий уровень инфляции, сохраняется стабильность цен, бюрократический аппарат государства уменьшается, вырабатывается сбалансированный бюджет, сокращаются до предела тарифы на импорт, ликвидируются ограничения на иностранные инвестиции, происходит отказ от квот на импортную продукцию, разбиваются внутренние монополии, увеличивается экспорт, приватизируются государственные предприятия, происходит отказ от регуляции движения капиталов, местная индустрия открывается миру, иностранцам предоставляется право покупать любые акции и ценные бумаги, поощряется конкуренция местных компаний, уничтожается коррупция государственных чиновников, происходит отказ от субсидий отдельным предприятиям, частным владельцам открываются банковская и телекоммуникационные системы, частные граждане получают право выбора любого, отечественного или иностранного, пенсионного фонда»³²⁹.

В сфере экономики глобализация проявляется в формировании мировых производительных сил и производственных отношений. Современная мировая экономика представляет собой своего рода единый хозяйственный механизм, все элементы которого разбраса-

³²⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 43.

³²⁹ Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001. С. 21.

ны по всем странам и континентам. Происходит дальнейшее разделение общественного труда, что свидетельствует о том, что человечество сделало еще один шаг вперед, так как чем выше разделение труда, тем развитее общество.

Экономическая глобализация способствовала экономическому росту некоторых слаборазвитых стран. «Открытие рынков для международной торговли помогло многим странам осуществить гораздо более быстрый экономический рост, чем это могло бы быть в ином случае. Международная торговля способствует экономическому развитию тогда, когда экспорт страны влияет на ее экономический рост. Стимулируемый экспортом рост был центральным пунктом промышленной политики, обогатившей значительную часть Азии и существенно улучшившей жизнь миллионов»³³⁰. Китайский прорыв был бы невозможен, если бы Китай не включился в глобализационные процессы и если бы транснациональные корпорации не инвестировали китайскую экономику.

В области политики глобализация предполагает сотрудничество всех государств в решении политических проблем, имеющих международное значение. Особое внимание уделяется формированию демократических институтов, правам человека и борьбе с терроризмом. Утверждается, что все острые политические вопросы надо решать путем компромиссов, консенсуса, а не войны. Кроме Организации Объединенных Наций, объединяющей в своих рядах все государства мира, созданы региональные политические институты, которые по определению занимаются мирным регулированием региональных проблем.

Глобализация в сфере духовной культуры предполагает обмен духовными ценностями, рост культурных связей между народами, плюрализм мнений, творческое содружество деятелей литературы, кино и т. д. Глобализация привела к качественному изменению информатики. «Особенностями глобализации стали компьютеризация, миниатюризация, использование цифровой технологии, волоконная оптика, связь через спутники, Интернет»³³¹. Благодаря быстрой передаче информации сформировалось планетарное мышление, остро и живо реагирующее на все, что происходит в целом мире. Кроме того, новые информационные технологии позволяют обогащать свой духовный мир, осваивать новые достижения мировой культуры.

³³⁰ *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 22.

³³¹ Там же. С. 18.

Таким образом, можно смело утверждать, что в целом рост глобализационных процессов представляет собой несомненный прогресс в историческом процессе.

§ 2. Противоречивый характер глобализации

Но если глобализация есть свидетельство социального прогресса, то почему возникло мощное антиглобалистское движение? Почему многие исследователи и политики подвергают ее сокрушительной критике? Отвечая на эти вопросы, еще раз подчеркнем, что глобализация представляет собой объективный процесс и в этом смысле нельзя ее просто остановить или запретить. Нельзя ее объявлять ни добром, ни злом. На нее надо смотреть диалектически, надо видеть ее противоречивый характер, ее негативные последствия. Эти последние связаны прежде всего с абсолютизацией рынка. Рынок рассматривается как глобальная панацея от всех бед. Утверждается, что с помощью глобального рынка можно решить любые проблемы человеческого общества. Рынок представляется как своего рода гид, который приведет все человечество к светлому будущему. «Говорится, что даже в охране окружающей среды можно достигнуть прогресса благодаря свободной торговле, поскольку давление конкуренции якобы способствует бережному отношению к ресурсам, побуждает к деликатному обращению с природой»³³².

На самом деле рынок представляет собой определенный механизм регулирования товарообмена, а не панацею от всех бед. Он включен в структуру общественных отношений, и он автоматически не решит ни одной проблемы. Рынок без людей не существует. Рыночный механизм надо регулировать таким образом, чтобы сокращалось неравенство людей, повышался жизненный уровень всех народов и государств. От современного глобального рынка проигрывает абсолютное большинство государств.

Транснациональные корпорации навязывают свои порядки и свое видение всем государствам независимо от их географического положения и экономических возможностей. Они выступают за открытость политических границ. Всемирный банк, Международный валютный фонд, Всемирная торговая организация предписывают строго выполнять их инструкции. Иначе говоря, они ратуют за неолиберализм.

³³² Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 204.

Но этот неолиберализм выгоден прежде всего развитым государствам, и в первую очередь Соединенным Штатам Америки. Дело в том, что под флагом неолиберализма и глобализации на самом деле защищаются национальные интересы этих государств: то, что выгодно международным корпорациям, выгодно и развитым странам по той простой причине, что эти корпорации являются их детищем. Поэтому когда мы говорим о глобализации, то мы не должны забывать и о национальных интересах, которые хорошо умеют защищать западные страны. По этой же причине суверенные государства объявляются потенциальными зонами боевых действий против терроризма только потому, что они пытаются проводить самостоятельную политику, направленную на защиту национальных интересов.

Следует подчеркнуть, что многие стороны самой экономики вследствие глобализации приобрели виртуальный характер. Возьмем, например, финансовый капитал. Все денежные потоки направляются через компьютерную систему. В этой системе заняты миллионы людей. Круглые сутки они перебрасывают огромное количество денег в разные банки, учреждения, организации и др. Создается впечатление, что эти миллиардные суммы сами себя воспроизводят и существуют абсолютно независимо от материального общественного богатства. Между тем без этого общественного богатства миллиардные суммы превращаются в пыль. Страна, наиболее промышленно развитая, является наиболее богатой страной. Поэтому огромное количество денег не есть свидетельство богатства государства. Виртуальная реальность и объективная реальность — не одно и то же.

В эпоху глобализации финансовые потоки формируют и финансовых жонглеров. Находятся люди, которые взламывают сайты и переводят деньги на свой или чужой счет. У.Бек пишет, что «несколько лет назад один молодой финансовый жонглер с помощью разрешенных и запрещенных транснациональных спекуляций разорил старинный британский банк, который в кратчайшее время потерял несколько миллиардов фунтов стерлингов. В джунглях мирового рынка образовалась новая виртуальная экономика транснациональных денежных потоков, все менее и менее привязанных к материальному субстрату и растворяющихся в игре информационных данных. Вытекающие отсюда новые спекулятивные опасности не поддаются национально-государственному контролю и разрушают основы национальных экономик...»³³³.

³³³ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 38.

Глобализация приводит к стандартизации и унификации: те же транснациональные корпорации стремятся к тому, чтобы во всех их филиалах, находящихся на разных континентах, производили одинаковые товары. Следовательно, повсюду должны носить одинаковую одежду, есть одну и ту же пищу, ездить на одних и тех же машинах, покупать одни и те же телевизоры, одни и те же мобильные телефоны и т. д. и т. п. Исчезает национальное своеобразие во всем. Вместо единства и многообразия человечество все больше и больше превращается в унифицированное общество. Причем унификация происходит на базе американских стандартов.

Стандартизации сильно способствует реклама. Она, по существу, формирует одинаковые потребности у всех людей независимо от их национальной и расовой принадлежности. Реклама вездесуща и навязчива. Причем она формирует такие потребности, которые национальная экономика, особенно слаборазвитых стран, не может удовлетворить, но зато транснациональные корпорации, кстати, рекламирующие товары, готовы удовлетворить. Они экспортируют в эти страны свои товары и все делают для того, чтобы лишить их возможности самим производить аналогичные товары.

Реклама уничтожает национальный колорит городов. Немецкие исследователи Г.-П. Мартин и Х.Шуманн пишут, что «подобно своего рода глобальной лавине, сметающей все на своем пути, спрос миллиардов на поток товаров, рекламируемых в мировом масштабе, неутомимо подчиняет себе торговые улицы больших городов... Последней жертвой этой лавины стала Вена, в прошлом столица империи. Бесчисленные магазинчики, оригинальное оформление которых придавало центру города приятный и самобытный облик, были вынуждены закрыться после того, как Австрия в начале 1995 года вступила в Европейский Союз, главным образом из-за одновременной отмены строгого регулирования арендной платы. Сети международных магазинов занимают лучшие места; унылого вида закусочные, фирмы — изготовители вызывающе откровенного нижнего белья и аптеки, оборудованные по последнему слову техники, открывают свои стерильные отделения»³³⁴.

Рекламируется все: джинсы, пиво, водка, обувь, лекарства, секс и т. д., но полностью игнорируется труд, создающий эти ценности. Труд потерял свою привлекательность. Реклама — это шоу, это спектакль, а труд — сложная форма человеческой деятельности, без которой че-

³³⁴ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 79

ловечество не смогло бы просуществовать и сутки. Но стандартизация жизни во всем мире делает свое дело и никого не волнует, каким образом человек зарабатывает деньги, то ли честным трудом, то ли грабежом. Никого не интересуют люди, работающие честно и добросовестно.

Экономическая глобализация приводит к снижению жизненного уровня миллионов людей развивающихся стран. Пример Аргентины, Венесуэлы и многих других отсталых государств показал, что навязываемые международными финансовыми организациями рекомендации по развитию национальной экономики приводят к ее краху. Как пишет Дж. Стиглиц, «растущий разрыв между имущими и неимущими оставляет все больше людей «третьего мира» в жестокой бедности, живущими менее чем на один доллар в день. Несмотря на повторные обещания, данные в течение последнего десятилетия XX в., число людей, живущих в бедности, возросло почти на 100 млн. И это происходит в то время, когда общемировой доход возрастал в среднем на 2,5 процента в год»³³⁵.

Западные страны на словах выступают за то, чтобы слаборазвитым государствам была оказана всесторонняя помощь для преодоления своей отсталости и повышения жизненного уровня народа. Они считали главным средством преодоления отсталости включение этих стран в орбиту глобализации. Но «Запад так продвигал программу глобализации, чтобы обеспечить себе непропорционально большую долю выгод за счет развивающихся стран. Несправедливым было то, что более развитые промышленные страны отказывались открыть свои рынки для товаров развивающихся стран, например сохраняя свои квоты на множество товаров — от текстиля до сахара, — и настаивали в то же время на том, чтобы те открыли свои рынки для товаров из более богатых стран; несправедливым было то, что развитые промышленные страны продолжали субсидировать свое сельское хозяйство, затрудняя развивающимся странам конкуренцию и настаивая при этом на том, чтобы развивающиеся страны ликвидировали свои субсидии производству промышленных товаров»³³⁶. Совершенно ясно, что такая экономическая политика западных стран никак не способствует подъему экономики отсталых государств. Очевидно и то, что жизненный уровень народов «третьего мира» снижается, а не повышается. Не спасает ситуацию и списывание долгов слаборазвитых стран. Особенно сильно заинтересованы в глобализации США,

³³⁵ Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 23.

³³⁶ Там же. С. 25.

потому что глобализация происходит по американским стандартам. Не случайно многие пишущие о глобализации употребляют термин «американизация» как синоним термина «глобализация». Кроме того, от глобализации больше всех выигрывают они. Достаточно сказать, что из 50 самых крупных транснациональных корпораций 27 принадлежат именно им.

Но глобализация ухудшает жизненный уровень и миллионов людей развитых стран, в том числе США. «В 1995 году четыре пятых всех американских рабочих и служащих мужского пола зарабатывали в реальном исчислении на 11 процентов в час меньше, чем в 1973 году. Другими словами, вот уже более двух десятилетий уровень жизни огромного большинства американцев падает»³³⁷. Падает не только жизненный уровень трудящихся масс, растет и безработица. Транснациональные корпорации предпочитают приглашать специалистов из отсталых стран, поскольку они обходятся гораздо дешевле, чем специалисты развитых государств.

Негативные последствия глобализации в экономической сфере вызывают резкую критику глобализации. Возникло мощное антиглобалистское движение, которое выступает против современной формы глобализации, ухудшающей жизненные условия сотен и сотен миллионов людей, лишает национальные государства суверенитета и самостоятельности.

Если взять политику, то и здесь мы наблюдаем процессы глобализации. Слов нет, сформировавшееся единое политическое пространство требует выработки неких общих форм политического правления и политического поведения государств. В отличие от феодализма, где доминировали монархические формы правления, в эпоху полного господства капитализма, естественно, доминируют демократические формы правления. Но отсюда не следует, что нужно унифицировать все формы и методы политической власти и ликвидировать национальную специфику политики и веками существующие государственные границы. Между тем как раз наблюдается своего рода стандартизация политической жизни. Причем стандартизация происходит по западному образцу. Возьмем, например, выборы. Запад навязывает всем странам независимо от их социально-политического уровня и национальных традиций свои представления о методах и правилах выборов в различные органы власти. Эти представления он выдает за эталон и строго следит за тем, чтобы они неукоснительно выполня-

³³⁷ Мартин Г.-П., Шуманн Х. Западная глобализация. Атака на процветание и демократию. М., 2001. С. 161.

лись. Для этого рассылаются наблюдатели, которые затем представляют отчеты своим руководителям, и если, с их точки зрения, обнаруживаются какие-то нарушения, то выборы объявляются недействительными. При этом проявляется полное лицемерие: если, например, президентом страны стал нужный Западу человек, то любые нарушения выборов игнорируются, но если наоборот, то малейшее нарушение возводится в абсолют и выборы не признаются.

Современные выборы органов власти не только стандартизируются и унифицируются, но и превращаются в шоу, в спектакль, в обман и надувательство граждан. Средства массовой информации (СМИ), особенно телевидение, любого человека, имеющего большие финансовые возможности, могут так раскрутить, что граждане за него будут голосовать. Подкуп, обман, коррупция, предательство, демагогия, популизм — вот далеко не полный перечень составляющих современных выборов. Люди голосуют не за те или иные программы, не за те или иные идеи, не за те или иные ценности, а за того или иного человека. Словом, власть персонифицирована. Людям нравятся не идеи, а кандидат на должность. Он должен быть телегеничным, краснобаем, готовым в любую минуту рассмешить людей, т. е. своих избирателей. Короче, он должен вести себя как рубаха-парень, и тогда у него есть шансы выиграть выборы. Человек, отдавший свой голос за того или иного политика, чувствует себя одиноко как в самых демократических государствах, так и в диктаторских. Если у него нет капитала, работы, жилья, то он обречен и ему безразлична всякая демократия.

В эпоху глобализации особо важное значение придается правам человека. Но эти права фактически сводятся к «правам» животного. Животное имеет право не есть, не работать, не иметь жилья, не отдыхать, умирать и т. д. Но оно не выходит за пределы природы и, так сказать, находится внутри нее. Поэтому все его «права» даны самой природой. Иными словами, говорить о «правах» животного абсурдно. Права возникают в обществе. Они — продукт взаимодействия людей. В процессе этого взаимодействия индивиды в сложной социальной иерархии занимают разное социальное положение, позволяющее одним ограничивать права других, не давать им возможности проявлять себя, удовлетворять свои реальные материальные и духовные интересы. Права человека имеют конкретный, а не абстрактный характер. Они реализуются в зависимости от социального и экономического положения индивида. Богатый человек имеет право, собственно говоря, на все: на жилье, на отдых, на образование, на путешествия. Поэтому ему, в сущности, от государства ничего не требуется. Ему нужно только, чтобы его богатство надежно защищалось. Бедный человек тоже имеет право на все, но фактически он бесправен, потому

что у него нет денег ни на жилье, ни на путешествия, ни на отдых, ни порою даже на кусок хлеба. То же самое касается социальных классов. Один живет за счет эксплуатации другого. Он на это имеет право. Но и эксплуатируемый класс имеет право на забастовки, на восстания и т. д. Могут сказать, что революционные взрывы, восстания и забастовки расшатывают общество. Это верно, но верно и то, что общество не имеет права на существование, когда большинство людей не в состоянии удовлетворить свои элементарные потребности, а меньшинство живет в роскоши.

Реализация прав человека во многом также зависит от традиций, обычаев и конкретно-исторических условий. На Западе очень модно в настоящее время навязывать свои ценности остальному миру, выдавая их за общечеловеческие ценности. В этой связи особое внимание обращается на права человека. Но западные представления о правах человека и представления о них в других регионах сильно отличаются друг от друга. На Западе доминирует индивидуализм, а на Востоке — коллективизм. Не случайно теория естественного права возникла на Западе в период бурного формирования буржуазных общественных отношений. Новый строй требовал освобождения человека от религиозных и экономических оков средневековья. Ему нужен был человек предприимчивый, свободный от всяких условностей, готовый идти на риск. И такой человек постепенно сформировался. Он приспособился к новым общественно-политическим порядкам, уважает принятые государством законы, постановления и другие законодательные акты, старается действовать в их рамках, хотя нередко их нарушает. Он предпочитает жить более или менее независимо от родителей и вообще от родственников.

Восточный человек, даже в развитых капиталистических странах, имеет другие представления о своих правах. Он уважает традиции и обычаи предков, прислушивается к голосу старших, особенно родителей. На Востоке радиус родственных связей намного шире, чем на Западе.

Если вспомнить формирование государств, то следует отметить, что несколько иначе, чем западные государства, формировались восточные государства в силу географических и иных условий. В некоторых государствах Востока, например, не было частной собственности на землю. Этот факт Энгельс объясняет так: «Отсутствие частной собственности на землю действительно является ключом к пониманию всего Востока. В этом основа всей его политической и религиозной истории. Но почему восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы,

в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию и Татарию вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь — это искусственное орошение, а оно является делом либо общим, либо провинций, либо центрального правительства»³³⁸.

Кстати сказать, на роль природы и ее влияние на формирование русского централизованного государства обращали внимание выдающиеся русские историки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский. В России холодный климат, низкое плодородие почвы, огромные пространства требовали создания централизованного, если угодно, деспотического государства, сосредоточившего в своих руках все рычаги управления и нередко приносившего интересы отдельной личности в жертву интересам всего государства.

В восточных странах сильны традиции патернализма. Граждане Востока в отличие от жителей Запада надеются не столько на себя, сколько на центральные органы власти. Поэтому восточные государства несколько иначе представляют себе права человека. И нельзя не считаться с этими реалиями. Мир многообразен, и следует исходить из того, что многообразие не исключает единства, но и единство не должно исключать многообразия.

Нельзя не обратить внимания и на то, что современные интерпретаторы прав человека забыли лозунг Великой французской революции XVIII века: «Свобода, равенство, братство». Они берут только свободу, предполагающую предоставление соответствующих прав человеку. Но свобода без социального равенства — пустой звук. О свободе можно говорить лишь в том случае, если индивиды имеют одинаковые стартовые возможности. Кроме того, свобода предполагает не только открыто высказывать свою позицию по тем или иным вопросам, но и влиять на общественные и государственные дела. Однако исторический и современный опыт свидетельствует о том, что свободнее чувствуют себя богатые люди, имеющие доступ ко всем ценностям и возможности воздействовать на социально-политические процессы.

Кроме того, нельзя отрывать права человека от прав народов на самоопределение. В полиэтническом государстве — в мире почти все государства являются полиэтническими — права человека реализуются в первую очередь через права народов и наций. В реальной жизни большими правами пользуется представитель того народа, который доминирует в данном обществе.

³³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 221.

Если взять международные политические организации, то по определению они должны защищать интересы всех государств и народов независимо от их размеров, экономического и культурного вклада в мировую цивилизацию. В действительности же эти организации в настоящее время превратились в филиал западных политических и военных объединений. Возьмем Организацию Объединенных Наций (ООН). Эта организация была создана после окончания Второй мировой войны для защиты мира и суверенитетов всех национальных государств независимо от их экономической и военной мощи. И надо сказать, что она сыграла ключевую роль в предотвращении Третьей мировой войны, в защите прав многих народов на создание собственных государств. Но даже в это время США использовали ООН прежде всего в своих интересах. «В течение большей половины столетия ООН представляла собой основной форум для США, пытавшихся создать мир по своему образу и подобию путем организации совместных со своими союзниками акций, направленных на заключение таких глобальных соглашений по правам человека, ядерным испытаниям или окружающей среде, в которых, по настоянию Вашингтона, отражались бы его собственные ценности»³³⁹.

Однако после развала СССР и Варшавского мирного договора ООН постепенно теряет свои прежние позиции. В роли международной организации все больше выступают европейские структуры и военный блок НАТО. А главным международным арбитром стали Соединенные Штаты Америки. Они решают, какое государство наказать, какое поощрить, какому предоставить финансовую и иную помощь. Вместо биполярного мира, во главе которого стояли СССР и США, сегодня мы имеем однополярный мир во главе с США. Не только руководители США, но и многие американские исследователи оправдывают глобализацию и стандартизацию мира по образцу США. Об этом прямо пишет З.Бжезинский. Он нарисовал широкую панораму будущего политического мирового устройства, в котором доминирующая роль отводится Соединенным Штатам Америки. По его утверждению, США несут в себе заряд демократии и высокой культуры. Поэтому они не могут не служить примером для остальных государств и народов. Весь мир подражает американцам.

Трудно не согласиться с З.Бжезинским в том, что в мире доминируют американские шлягеры и американские фильмы, но количественное преимущество еще не означает качественного превосходства. Подавляющая часть американских эстрадных песен и американских

³³⁹ См.: Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002. С. 99.

фильмов уступает песням и фильмам других регионов мира. Какую художественную ценность имеют, например, американские боевики? Насилие, убийства, аморальность, стремление любой ценой занять деньги — вот что несут эти боевики зрителю. Вообще во многих американских фильмах есть только три составляющие: деньги, оружие и секс. Не случайно против американского засилья выступают во всем мире, в том числе и на старом континенте, т. е. в Европе — колыбели великих духовных ценностей.

Не менее привлекательны, с точки зрения З.Бжезинского, американские идеалы и представления о демократии. Американские формы правления, американское уважение к конституции как к основному закону страны служат стандартом для всех государств. Для сохранения своего лидирующего положения в XXI веке, по глубокому убеждению З.Бжезинского, у США есть все основания, потому что весь мир все больше и больше убеждается в эффективности американского пути развития, американской экономики, американской демократии и американской культуры.

Франция, по мнению американского политолога, будет стремиться к усилению своего влияния в Европе, но при этом она не будет выступать против США, поскольку, как показал опыт «холодной войны», она в конце концов поддерживала американскую внешнюю политику. Германия тоже будет усиливать свое влияние в Европе. Причем это влияние будет проходить по разным направлениям. В этой связи особое значение, по мысли З.Бжезинского, приобретает тесное сотрудничество Германии и Польши. Именно «через Польшу влияние Германии может распространиться на север — на республики Балтии — и на восток — на Украину и Беларусь. Более того, рамки германо-польского сотрудничества в некоторой степени расширились благодаря тому, что Польша несколько раз принимала участие в важных франко-германских дискуссиях по вопросу будущего Европы. Так называемый «веймарский треугольник» (названный так в честь немецкого города, где были впервые проведены трехсторонние франко-германо-польские консультации на высоком уровне, ставшие впоследствии регулярными) создал на Европейском континенте потенциально имеющую большое значение геополитическую «ось», охватывающую около 180 млн человек, принадлежащих к трем нациям с ярко выраженным чувством национальной самобытности»³⁴⁰.

Таким образом, глобализация в политике проходит по западным, прежде всего по американским, стандартам. Она отвечает их жизнен-

³⁴⁰ Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1998. С. 89.

ным интересам, но не улучшает международного политического климата. Политическая глобализация — это стандартизация и унификация политической жизни в интересах Запада, а не всего мира.

Глобализация и стандартизация охватили духовную жизнь. В отличие от прошлых времен человечество имеет единое информационное пространство, благодаря которому сформировалось планетарное мышление, остро и живо реагирующее на все, что происходит в мире. С помощью Интернета можно в считанные секунды передать любую информацию в самый отдаленный уголок земного шара. Народы все больше и больше узнают друг о друге. Все это нельзя не оценить позитивно.

Но вместе с тем следует подчеркнуть, что глобализация духовной жизни ведет к утрате национальной культуры. Всему миру навязываются западные, и прежде всего американские, стандарты культуры; американские фильмы заполнили экраны всех стран мира; американские привычки обедать, пить и развлекаться навязываются всем народам. Сегодня США выступают своего рода эталоном культуры для всех стран мира, хотя хорошо известно, что Соединенные Штаты в отличие от других государств не имеют тысячелетних исторических традиций и уже в силу этого не могут выступать эталоном культуры. Но они обладают сильными экономическими рычагами и поэтому распространяют свою псевдокультуру по всему земному шару.

Никогда человечество не имело таких возможностей для обогащения духовного мира индивидов. Но никогда общий интеллектуальный уровень людей не падал так низко, как в настоящее время. Люди, особенно молодежь, не желают заниматься интенсивной умственной работой. Многие школьники не знают таблицу умножения и ничего плохого не видят в этом. Если нужно что-то посчитать, они достают из кармана калькулятор, чтобы совершить элементарные арифметические подсчеты. Крайне редко стали обращаться к классикам мировой литературы. Прежние духовные ценности либо уничтожаются, либо игнорируются. По существу, происходит дебилизация общества. Исчезает критическое мышление. Начинает доминировать всеобщее мещанство. Добродетельный человек, которым гордились и которого ценили высоко, считается неудачником. Теперь главное не моральные принципы и нормы, а полезность. Человек человеку нужен постольку, поскольку он полезен в данных конкретных обстоятельствах. В школах главное внимание обращается не на духовное обогащение, а на полезность. Полезны, например, знания в области секса, поэтому вводится курс сексологии. Взаимоотношения разных полов сводятся только к чисто сексуальным отношениям. Любовь как возвышенное чувство уступает место удовлетворению животных

инстинктов. Насильственно стираются различия между мужчиной и женщиной. Обоим полам навязываются одинаковые правила поведения: агрессивность, отказ от чувства стыда как комплекса «неполноценности», утверждается биологическое равенство, хотя известно, что такое равенство немислимо. Под видом соблюдения прав человека проповедуется гомосексуализм, противоречащий законам природы. Рушатся семейные нормы и принципы.

Сегодня духовная сфера представляет собой самое грандиозное шоу, спектакль. Талант никого не интересует. Любого, даже самого тупого человека можно раскрутить, если у него есть деньги. Классическая музыка и классические танцы (например, танго или вальс) мало кого волнуют. Современная эстрадная музыка рассчитана на молодых людей, лишенных какого-либо интеллекта. Особая роль принадлежит СМИ, прежде всего телевидению. Можно сказать, что телевидение стало играть решающую роль в формировании мировоззрения людей. Телевидение породило такую болезнь, как социальный идиотизм. Больные социальным идиотизмом черное выдают за белое, а белое — за черное. Из философии вытесняются классические категории: интерес, прогресс, детерминизм, производственные отношения, законы и др. Они заменены пустыми постмодернистскими разговорами. В исторической науке все перемешалось. Исторические факты заменяются мифами, отвергается объективность исторического знания. Не лучшим образом обстоят дела и в других общественных дисциплинах.

Зато растет роль шоу, спектаклей. Но человечество должно помнить, что главная причина падения Римской империи заключается в том, что римляне труду предпочли игры, зрелища. Римский император Траян устроил игры, которые продолжались 122 дня. В них было убито 11 000 человек и 10 000 животных. Не отставали от Траяна и другие императоры. Так, в играх, организованных императором Филиппом, было убито 1000 пар гладиаторов, 32 слона, 10 тигров, 60 львов, 30 леопардов, 10 гиен, 10 жирафов, 20 диких ослов, 40 диких лошадей, 10 зебр, 6 бегемотов и 1 носорог³⁴¹. Римляне настолько привыкли к шоу, что они не представляли своей жизни без него. Целыми неделями они готовились к этим играм, потом обсуждали тоже неделями. Так римские правители отвлекали людей от насущных проблем. Римляне, по существу, превратились в толпу, которая, кроме зрелищ, ничего не признавала. Конец Римской империи известен. И если человечество не перестанет «играть», то его конец то-

³⁴¹ См.: Даниэль П. Манникс. Идущие на смерть. М., 1994. С. 136.

же легко можно предсказать. Причем это будет не просто конец человечества, а конец земной, уникальной, цивилизации.

Выше мы уже подчеркивали, что глобализация — объективный процесс. Человечество все больше и больше обобществляется. Такова логика мировой истории. Но отсюда не следует, что нынешняя глобализация носит фатальный характер. Люди не являются пассивными наблюдателями истории. Они не столько зрители, сколько творцы собственной истории. Поэтому у них есть возможность скорректировать нынешнюю глобализацию, придать ей справедливый и эгалитарный характер: от глобализации должны выигрывать все народы, все культуры, все государства, а не только «золотой миллиард». Как пишет американский исследователь Н.Хомский, «глобализация — это результат насильственного навязывания народам мира могущественными правительствами, особенно правительством США, торговых сделок и прочих соглашений, призванных облегчить корпорациям и богачам господство над национальными экономиками при отсутствии обязательств перед представителями этих наций»³⁴².

Вот почему корректировка глобализации зависит в первую очередь от развитых стран. Если мировое сообщество хочет выжить, то государства, и в первую очередь развитые, должны идти на определенные компромиссы. Вообще подлинная глобализация невозможна на базе жесткой и жестокой конкуренции, на базе стремления к получению высокой прибыли, на базе индивидуализма и отчужденности людей друг от друга. Одним словом, настоящая глобализация невозможна на базе капитализма, основной целью которого является получение высокой прибыли. Она возможна лишь на базе новых ценностей, на базе уважения всех народов и государств, на базе расцвета национальных культур, на базе создания человеку всех условий для проявления его сущностных сил. Иначе говоря, будущее человечества зависит от такой глобализации, которая ведет не к обострению противоречий между государствами, народами и цивилизациями, а к расцвету всех народов и культур.

³⁴² Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002. С. 19.

Глава XV. Духовное бытие общества

§ 1. Духовное производство

Общество как форма бытия людей представляет собой единство материального и духовного. Материальное бытие — это материальная жизнь, а духовное бытие — духовная жизнь. Материальная жизнь связана с удовлетворением материальных благ. Это в первую очередь продукты питания, затем одежда и жилье. Удовлетворяя свои материальные потребности, люди тем самым воспроизводят себя как биосоциальное существо. Поэтому материальное производство является главным актом жизнедеятельности людей.

Но человек становится действительным человеком лишь тогда, когда он удовлетворяет не только материальные, но и духовные потребности. Ведь человек — единственное существо, имеющее субъективный, духовный мир. А этот мир удовлетворяется лишь духовными ценностями, которые производит сам же человек. Поэтому духовная жизнь — такая же неотъемлемая часть общества, как материальная. Понятие духовной жизни охватывает все те феномены и процессы, которые связаны с производством и потреблением духовных ценностей. Но прежде чем потребить духовные ценности, надо их произвести.

Существенно подчеркнуть, что на заре человечества духовное производство непосредственно было вплетено в материальное. Оно не существовало как самостоятельная отрасль общественной жизни. Низкий уровень производительных сил не позволял первобытным людям заниматься непосредственно духовным производством: рисовать, писать, изобретать и т. д. Но по мере развития общества по восходящей линии духовное производство отделяется от материального производства. Этот качественный скачок происходит при переходе к цивилизации, когда высокий уровень общественного богатства позволяет одной части (богатым) общества заниматься не материальным производством, а духовным. Труд делится на физический (материальный) и умственный (духовный). Появляются люди, исключительно занятые в сфере духовного производства. Оно приобретает определенную самостоятельность и развивается по своим имманентным законам, которые принято называть законами духовного производства.

Духовное производство охватывает все, что связано с духовной жизнью людей: традиции, нравственные нормы и принципы, литера-

туру, кино, философию, историю, социологию, культурологию, юриспруденцию и т. д.

Уровень развития духовного производства зависит от уровня развития материального производства. Чем выше уровень материального производства, тем мощнее духовное производство. Богатое в экономическом отношении государство в состоянии выпускать огромное количество кинокартин, иметь многочисленные театры, издавать книги и газеты многомиллионными тиражами, открывать многочисленные телевизионные каналы. Но духовное производство обладает относительной самостоятельностью. Ценность духовных произведений зависит не столько от уровня духовного производства, сколько от таланта их создателей. Пушкин жил в эпоху крепостного права, но создал произведения, которые по всем параметрам превосходят произведения современных поэтов и писателей. В этой связи следует заметить, что составляющие духовного производства, хотя все они обогащают духовный мир человека, тем не менее выполняют разные функции. Так, освоение моральных ценностей связано с моральным совершенствованием человека. Соблюдение человеком моральных принципов и норм есть признак его добродетельности, гуманности, порядочности и честности. Не случайно во все времена нравственное совершенствование человека считалось важнейшим принципом воспитания людей. Потребление эстетических ценностей развивает вкус к красоте, уважение художественных творений людей и т. д. В произведениях искусства отражаются реальные процессы жизни вообще. Но это не просто физическое отражение. Это художественное отражение, заключающееся в том, что творец художественных произведений в эмоционально-образной форме передает многообразие жизни. При этом он творит по законам красоты. «Отсюда троякая задача искусства вообще: 1) прямая объективация тех глубочайших внутренних определений и качеств живой идеи, которые не могут быть выражены природой; 2) одухотворение природной красоты и через это 3) увековечение ее индивидуальных явлений. Это есть превращение физической жизни в духовную, т. е. в такую, которая, во-первых, имеет сама в себе свое слово, или Откровение, способна непосредственно выразиться вовне, которая, во-вторых, способна внутренне преобразовать, одухотворять материю или истинно в ней воплощаться и которая, в-третьих, свободна от власти материального процесса и потому пребывает вечно»³⁴³.

³⁴³ Соловьев В.С. Соч.: В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 398.

Если взять науку как продукт духовного производства, то можно сказать, что ее возникновение связано в первую очередь с практическими потребностями людей. В процессе своей практической деятельности люди наталкивались на определенные трудности, преодоление которых предполагало познание глубинных причин тех или иных природных феноменов и процессов. Поэтому постепенно появляются ученые, занимающиеся исследованием природы, а затем и общества. Так возникает наука как система идей и знаний. По мере развития человеческого общества растет потребность в результатах научных исследований. В современную эпоху наука превратилась, как писал еще Маркс, в непосредственную производительную силу. Невозможно представить современное материальное производство без использования науки.

В настоящее время наука — это огромная отрасль всего общественного производства. Сотни научно-исследовательских институтов заняты изучением закономерностей природных процессов и явлений, а также общества. Сегодня наукой охвачены во всем мире миллионы людей. Можно сказать, что наука приобрела массовидный характер, хотя великие научные открытия делают не массы ученых, а выдающиеся люди. В науке, как, скажем, в музыке или живописи, великих успехов добиваются великие таланты, а не серые личности.

Сегодня наука — это не просто вид духовного производства, но и капитал. Те государства, которые обладают научным капиталом, имеют все основания для стабильного развития.

Характерная черта духовных ценностей — их многократное потребление. Материальные ценности употребляются один раз, а духовные ценности употребляются каждым поколением заново. Материальные блага эпохи Платона давно исчезли, но мы наслаждаемся произведениями античных философов и писателей, античной скульптурой и архитектурой.

Духовная жизнь, как и материальная жизнь, имеет длительную историю развития. В первобытном обществе она носила крайне скудный характер. Духовная жизнь первобытных людей, например, ограничивалась танцами, пением, соблюдением нравственных норм и принципов, созерцанием наскальных рисунков и т. д.

С возникновением цивилизации и с выделением духовного производства в самостоятельную сферу производства в духовной жизни совершается качественный скачок. Античная эпоха иллюстрирует высокий уровень духовной жизни. Философы, поэты, историки, ученые античности заложили фундамент духовного бытия последующих

поколений. А эпоха Возрождения породила великих деятелей искусства и литературы. Данте, Петрарка, Микеланджело, Рафаэль, Леонардо да Винчи и многие другие внесли огромный вклад в мировую культуру. Эпоха Возрождения славится также вытеснением религиозных догм и большими инновациями на территории Европы. Как пишет французский исследователь Ж.Аттали, в 1592 году в Европе «появляются шоколад, табак, кукуруза, картофель... В Нюрберге Мартин Бегаим конструирует первый земной шар; в Ферраре печатают первую лиру; профессор Антонио де Небриа выпустил первый учебник испанского языка; в Женеве появляется сифилис; в Ватикане пытаются осуществить переливание крови; в Италии впервые издают трактат о гармонии в музыке Бэция»³⁴⁴. Последующие века тоже ознаменовались величайшими достижениями в сфере духовного производства. Достаточно вспомнить имена Шекспира, Гете, Шиллера, Бальзака, Пушкина, Достоевского, Л.Толстого и других корифеев мировой литературы.

В современную эпоху благодаря новейшим технологиям и технике духовное производство получает невиданный размах. Миллиарды книг, журналов и газет заполнили книжные лавки. Специальные магазины открыты для продажи духовной продукции. Но отсюда вовсе не следует, что качество, т. е. содержание и художественный уровень современных духовных творений выше, чем качество таких же творений, скажем, XIX века. Напротив, из современных философов, например, некого сравнить с Кантом или даже с Фейербахом, не говоря уже о Гегеле или Марксе. Вообще в современном духовном производстве наблюдается острейший кризис.

Духовная жизнь во многом зависит от социального статуса людей. Здесь особенно проявляется принадлежность человека к тому или иному классу. Представители имущих классов, несомненно, имеют гораздо больше возможностей для удовлетворения своих духовных потребностей. Финансовое положение позволяет им приобретать в огромном количестве духовные произведения, получать престижное высшее образование и в конце концов самим создавать произведения искусства и литературы. История духовного производства свидетельствует о том, что творцами духовных ценностей за редким исключением выступали выходцы из богатых слоев населения. Это проявляется и в настоящее время. Финансово обеспеченный человек имеет возможность оказаться среди творцов духовных ценностей, если даже у него нет никакого таланта.

³⁴⁴ Attali J. 1492. Paris, 1991. P. 8.

§ 2. Духовная культура

Понятие «культура» (от латинского слова *cultura* — возделывание, обрабатывание) употребляется в самых различных смыслах. Скажем, в обыденной речи выражение «культурный человек» может обозначать и «образованный человек», и «воспитанный человек». Когда мы говорим о культуре труда, то подразумеваем организованный, деловой и целенаправленный характер труда.

Различные интерпретации связаны не только с тем, что термин «культура» прочно вошел, так сказать, в будничную жизнь людей, но и с тем, что культура является объектом многих наук: истории, этнографии, социальной психологии, археологии, филологии, культурологии и др. Совершенно ясно, что каждая наука вкладывает в понятие культуры свой собственный смысл. Социальная философия, например, в силу специфики своего предмета ищет некие общие черты, присущие всем культурам независимо от их пространственного и временного расположения. Кроме того, социальная философия сравнивает категорию культуры с другими, близкими ей по содержанию категориями. Наиболее близкой оказывается категория цивилизации. Ведь не случайно их до недавнего времени рассматривали как синонимы.

Из этимологии понятия культуры вытекает, что оно применимо лишь к результатам человеческой деятельности. Все, что создано человеческим трудом, выступает как элемент культуры. «Продукт природы — то, что свободно произрастает из земли. Продукты же культуры производит поле, которое человек вспахал и засеял»³⁴⁵. Дикая природа не является объектом культуры, но природа, преобразованная человеком, является таким объектом. Далее, культура проявляется в самых разнообразных формах как в сфере материального, так и в сфере духовного производства. Иными словами, имеется два вида культуры — материальная и духовная. Они тесно связаны между собой, взаимовлияют друг на друга, но примат принадлежит материальной культуре.

Духовная культура каждого народа имеет свои неповторимые черты и особенности, которые складываются веками и передаются из поколения в поколение. При этом важно иметь в виду, что культура независимо от того, кто ее представляет — большая или малая нация, — уникальна, неповторима и интересна. Поэтому нет ни высших, ни низших культур. Есть культура больших народов и культура малых народов. Каждый народ в меру своих возможностей умножает и обогащает мировую культуру.

³⁴⁵ Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 69.

Существуют многочисленные дефиниции культуры. На мой взгляд, культура — *это способ проявления сущностных сил человека, его физических и духовных потенций*. Культура, по словам Маркса, «есть культивирование всех свойств общественного человека и производство его как человека с возможно более богатыми свойствами и связями, а потому и потребностями — производство человека как возможно более целостного и универсального продукта общества»³⁴⁶. Именно в культуре проявляется человек как общественное существо. В процессе создания культурных ценностей человек сам обогащается достижениями культуры. Человек и потребитель, и творец предметов культуры. Через культуру проявляется связь разных поколений. Благодаря культуре люди идентифицируют себя с тем или иным этносом. Культурная идентичность нередко проявляется как этническая идентичность. А национальная идентичность вообще немислима без культурной идентичности.

Э. Кассирер в свое время утверждал, что «культуру нельзя ни объяснить, ни определить в терминах необходимости, ее следует определить в терминах свободы — свободы, понимаемой не в метафизическом, а в этическом смысле»³⁴⁷. На самом деле культуру можно и нужно объяснить как в терминах необходимости, так и в терминах свободы. В терминах необходимости она объясняется и определяется потому, что нет культуры без общества, а общество необходимым образом возникло на определенном этапе эволюции природы. Раз сложились такие условия, то оно не могло не возникнуть. Но процесс социогенеза и процесс антропогенеза, как уже отмечалось, есть единый процесс. Процесс жизнедеятельности сформировавшегося человека (около 40 000 лет) с самого начала носит культурный характер, потому что человек — единственное производящее существо (*homo faber*), творящее по законам красоты. Излишне говорить о том, что труд его необходим для поддержания и воспроизводства своих физических и духовных сил.

В терминах свободы культура объясняется потому, что для производства культурных ценностей человек нуждается в свободе. Проще говоря, без свободы нет культуры. Но и без культуры нет свободы. Настоящей свободой обладает лишь культурный человек, осознающий свою ответственность перед обществом, коллективом или семьей. Не случайно многие исследователи угрозу культуре связывали с угрозой потери свободы. Так, крупнейший культуролог А. Швейцер прямо заявляет: «В наиболее общем виде угроза культуре, таящаяся в

³⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46, ч. 1. С. 386.

³⁴⁷ Кассирер Э. Критический идеализм как философия культуры // Культурология. XX век. Антология. М., 1995. С. 149.

материальных достижениях, состоит в том, что массы людей в результате коренного преобразования условий их жизни из свободных превращаются в несвободных. Те, кто обрабатывал свою землю, становятся рабочими, обслуживающими машины на крупных предприятиях; ремесленники и люди делового мира превращаются в служащих. Все они утрачивают элементарную свободу человека, живущего в собственном доме и непосредственно связанного с кормилицей-землей»³⁴⁸. То, о чем пишет А.Швейцер, проявляется особенно рельефно в современном постиндустриальном обществе. Но такова объективная диалектика культуры и свободы.

Современный кризис культуры, о котором много пишут исследователи, может оказать доминирующее влияние на перспективы развития человечества. Как известно, основную причину гибели Римской империи многие видят в кризисе римской культуры. И действительно, римская культура переживала тяжелейший кризис. Конечно, были поэты Катулл, Гораций, Вергилий, Овидий, философы Цицерон, Лукреций Кар, Сенека, но все же по сравнению с древнегреческой культурой римская культура не совершает качественного скачка в мировой культуре. К тому же она частично была заимствована из греческой культуры. Постепенно она пришла в упадок, что привело в конечном итоге к гибели Римской империи. М.Вебер пишет, что «уже в начале III века умолкла римская литература. Юриспруденция и юридические школы пришли в упадок. Греческая и латинская поэзия спали мертвым сном. Истории почти не существовало, и даже надписи начинали безмолвствовать. Латинский язык был близок к полному вырождению»³⁴⁹.

Сравнивая категории культуры и цивилизации, надо отметить, что генетически культура возникает раньше цивилизации. Первобытные общества были культурными обществами, хотя у них не было никакой цивилизации. В отличие от цивилизации культура указывает на присутствие субъективного фактора в историческом процессе, на то, что общественное богатство создается людьми, а сама история есть результат их деятельности. Цивилизации находятся на разных уровнях исторического развития, и в этом смысле можно говорить о низших и высших цивилизациях. Что касается культур, то к ним такой подход исключается, поскольку каждая культура неповторима и уникальна.

Культурологический подход к истории использовал немецкий философ О.Шпенглер, взгляды которого были распространены на Запа-

³⁴⁸ Швейцер А. Культура и этика. М., 1973. С. 99.

³⁴⁹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. С. 447.

де в первой половине XX века. Каждая культура, по его мнению, существует изолированно и замкнуто. Она появляется на определенном этапе исторического процесса, а затем погибает. Таких культур Шпенглер насчитал восемь: индийская, китайская, вавилонская, египетская, античная, арабская, русская и западноевропейская. Любая культура переживает возрасты отдельного человека: детство, юность, возмужалость и старость.

Каждая культура, считает немецкий философ, имеет собственную цивилизацию. Цивилизации — это те самые крайние и искусственные состояния, осуществить которые способен высший вид людей. Они завершение, они следуют как ставшее за становлением, как смерть за жизнью, как неподвижность за развитием, как умственная старость и окаменевший мировой город за деревней и задушевым детством, являемым нам дорикой и готикой. Смерть культуры, по Шпенглеру, начинается с возникновения цивилизации, когда вся культура сосредоточивается в крупных городах, а вся остальная часть государства превращается в провинцию. Городской житель, считает Шпенглер, лишен традиций и растворяется в бесформенной массе. Большие города цивилизованны, но не имеют культуры.

Немецкий мыслитель подметил некоторые негативные черты цивилизации. Действительно, в городах, особенно крупных, люди отчуждены друг от друга, чувствуют себя более одинокими, чем в любой деревне. Верно и то, что в городах меньше соблюдаются веками установленные традиции и обычаи. Но нельзя на этом основании проповедовать пессимизм и обвинять цивилизацию в гибели культуры. Культура не погибает, а переходит в качественно новое состояние, в становлении которого существенную роль играют цивилизационные процессы. Нельзя противопоставлять культуру и цивилизацию, которые не противоречат друг другу и связаны с изучением разных сторон многообразной истории людей и их деятельности.

§ 3. Общественное сознание

В обществе всегда существуют разные воззрения на те или иные события, на те или иные факты и явления. Все эти воззрения в общественном сознании обозначаются термином «общественное сознание». Поэтому можно сказать, что под общественным сознанием подразумевается совокупность философских, этических, эстетических, правовых, научных, экономических, религиозных и иных воззрений, взглядов, традиций, обычаев, нравов, так или иначе отражающих жизнь человеческого общества.

Общественное сознание детерминируется в конечном счете общественным бытием, т. е. способом производства материальной жизни людей. С изменением способа производства происходит постепенное изменение общественного сознания. Но следует иметь в виду, что общественное сознание, как и любой социальный феномен, относительно автономно и имеет свою имманентную логику и закономерности развития.

В структуре общественного сознания можно выделить два элемента: обыденное сознание (социальную психологию) и идеологию. Обыденное сознание есть совокупность представлений, чувств, эмоций, настроений, отражающих повседневную жизнь людей. Жизнь очень сложна и многообразна. Люди реагируют на те или иные жизненные обстоятельства. Они выражают свое отношение к тем или иным событиям, к тем или иным процессам и явлениям общества. Все это происходит на уровне обыденного сознания. Оно отражает на эмпирическом уровне то, что происходит ежедневно и ежечасно в обществе. Оно может быть эмоциональным или равнодушным, но всегда имеет чисто обыденный характер.

Термин «идеология» был введен французским просветителем XVIII века Дестютом де Траси. Под этим термином он подразумевал науку об идеях. Но затем, как это нередко бывает в философии, содержание этого термина претерпевает различные трансформации, особенно после того, как Наполеон I Дестюта де Траси и других своих философских противников назвал «туманными метафизиками и идеологами». С тех пор этот термин приобрел уничижительный смысл. Идеология — это уже учение не об идеях, а ложное сознание, извращенно отражающее реальную действительность. Маркс и Энгельс под идеологией понимали идеалистические философские теории, превратно отражающие социальный мир. Уже в работе «Немецкая идеология», написанной в 1845—1846 годы, они прямо писали: «У немецкого идеализма нет никакого специфического отличия по сравнению с идеологией всех остальных народов. Эта последняя также считает, что идеи господствуют над миром, идеи и понятия она считает определяющими принципами, определенные мысли — таинством материального мира, которые доступны только философам.

Гегель завершил позитивный идеализм. У него не только весь материальный мир превратился в мир мыслей, а и вся история — в историю мыслей»³⁵⁰. Идеалистическому пониманию истории Маркс и Энгельс противопоставили свое, материалистическое, понимание.

³⁵⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 12.

«В прямую противоположность немецкой философии, спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе, — мы исходим также не из существующих только на словах, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса»³⁵¹.

Идеология возникает вместе с классовым обществом, поэтому она приобретает классовый характер. Тот класс, который господствует материально, господствует и идеологически. «Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений...»³⁵². Таким образом, с точки зрения Маркса и Энгельса, идеология — это ложное, иллюзорное сознание, это идеалистическое понимание истории.

В XX веке идеологию стали интерпретировать лишь через призму политики, неотъемлемым элементом которой выступают пропаганда и агитация. В.И. Ленин прямо заявлял, что две идеологии: буржуазная и социалистическая, и поэтому всякое умаление социалистической идеологии означает усиление буржуазной идеологии. Отсюда В.И. Ленин делал вывод о необходимости пропаганды социалистической идеологии.

К. Манхейм выделил два значения понятия идеологии: частичную идеологию и тотальную идеологию. «О понятии частичной идеологии мы говорим в тех случаях, когда это слово должно означать, что мы не верим **определенным** «идеям» и «представлениям» противника, ибо считаем их более или менее осознанным искажением действительных фактов, подлинное воспроизведение которых не соответствует его интересам. Здесь речь может идти о целой шкале определений — от сознательной лжи до полусознанного инстинктивного сокрытия истины, от обмана до самообмана. Подобное понятие идеологии, которое лишь постепенно обособилось от простого понятия лжи, может быть по ряду причин названо частичным. Его частичный характер сразу

³⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 25.

³⁵² Там же. С. 46.

бросается в глаза, если противопоставить ему понятие **радикальной тотальной** идеологии. Можно говорить об идеологии эпохи или конкретной исторической и социальной группы (например, класса), имея в виду своеобразие и характер всей **структуры сознания** этой эпохи или этих групп»³⁵³. Когда, продолжает Манхейм, на историческую арену выдвигается новый социальный класс, то он выдвигает новые идеи, к которым люди относятся с недоверием. Но также с недоверием относятся к идеям того класса, который в данный момент господствует. К. Манхейм тоже политизировал понятие идеологии.

Идеология представляет высший уровень общественного сознания. Она непосредственно не связана с повседневной жизнью людей. Она теоретически оформляет философские, религиозные, эстетические, этические, научные и иные представления людей об обществе. Иначе говоря, в идеологии общественное сознание получает теоретическое оформление с помощью определенных инструментов познания. Философия, например, на протяжении веков разрабатывалась как теоретическое знание посредством философских категорий (материя и сознание, количество и качество, сущность и явление, содержание и форма, возможность и действительность и др.) и методов (диалектический метод, принцип развития, принцип историзма и др.).

Общественное сознание проявляется в разных формах. Существуют такие формы общественного сознания: философское сознание, правовое сознание, политическое сознание, моральное сознание, эстетическое сознание и религиозное сознание.

Философия как любовь к мудрости возникла в VI веке до нашей эры. Платон считал, что философия начинается с изумления. Но он философом называл каждого человека, стремящегося узнать что-то новое. Подлинными философами, по убеждению Платона, являются те, кто любит искать истину. Философ познает не какие-либо мнения, а бытие и истину.

Изумление свидетельствует о том, что общество достигло такого уровня в своем развитии, когда стала абсолютно необходимой выработка общих понятий (категорий), с помощью которых можно было бы вести рассуждения о собственном бытии человека и бытии окружающего объективного мира.

Философия изучает наиболее общие законы развития природы, общества и мышления. Она раскрывает имманентную логику природной и социальной действительности, выявляет внутренние механизмы и пружины общественного прогресса. Философия — это

³⁵³ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 57.

размышления человека о себе, о природе, об обществе. Именно человек, как существо разумное, хочет понять смысл своей жизни и вообще смысл всего исторического процесса.

Философия — высокая абстракция, но это такая абстракция, которая глубже отражает сущностные черты объективного мира. Вместе с тем философия — это мировоззрение. Знание философии помогает человеку легче ориентироваться в общественной жизни. Философия учит культуре мышления. Философски образованному человеку легче осваивать научные дисциплины, поскольку философия повышает не только культуру мышления, но и кругозор.

Право представляет совокупность определенных норм и законов, регулирующих отношения людей в процессе их деятельности по производству материальных и духовных ценностей. Право возникает вместе с государством, когда моральных норм и принципов становится недостаточно для регулирования общественных отношений.

Характерной чертой права является то, что оно уравнивает людей, делает их, так сказать, одинаковыми, хотя они в реальной жизни таковыми не являются и не могут быть. Право тесно связано с такими понятиями, как демократия, свобода, ответственность и др. Так, человек в рамках правовых отношений должен иметь определенную свободу действий, иначе право лишается всякого смысла. Но вместе с тем свободно действующий индивид должен чувствовать свою ответственность за свои действия и поступки.

Очень важно формировать у людей правовое сознание. Можно издавать огромное количество юридических законов, но если у граждан отсутствует правовое сознание, то эти законы трудно будет исполнять. Поэтому государство должно придавать исключительно важное значение правовому воспитанию граждан. Для этого оно должно использовать не только образовательные учреждения (школы, высшие учебные заведения и т. д.), но и средства массовой информации, и прежде всего телевидение. От уровня правовой культуры во многом зависит стабильность общества.

Политическое сознание возникает вместе с политикой, представляющей одну из форм регулирования общественных отношений. Политика — это такая сфера общественной жизни, которая пронизывает все другие сферы — экономическую, социальную и духовную. Поэтому политическое сознание занимает особое место среди других форм общественного сознания. Чем выше уровень политического сознания, тем выше уровень демократии и тем больше возможностей у людей влиять на политические решения, от которых в конце концов зависит их благополучие.

В политическом сознании можно выделить два уровня: обыденный и теоретический. На обыденном уровне политическое сознание проявляется в повседневной жизни, в повседневном отношении людей к тем или иным политическим событиям, действиям и решениям, а также к политическим лидерам. Люди выражают свое отношение на митингах, в интервью журналистам, на работе — словом, везде, где это возможно. При этом следует иметь в виду, что они не всегда правильно оценивают те или иные события. В основном они исходят из личных интересов, руководствуются сугубо эмоциями и чувствами.

Исключительную роль в формировании политического сознания на обыденном уровне играют средства массовой информации, особенно телевидение. Можно сказать, что от телевидения зависит исход политических выборов. Поэтому не случайно политики стремятся использовать телеканалы. Но их могут использовать только те политики, которые имеют большие финансы. Вот почему сегодня политическое сознание на обыденном уровне не всегда адекватно отражает реалии жизни.

Теоретический уровень политического сознания предполагает анализ политики с помощью определенных научных методов и средств. Этот уровень непосредственно не связан с повседневной жизнью. Теория интерпретирует политику с точки зрения ее возникновения, формирования и роли в общественной жизни.

Моральное сознание. Мораль в широком смысле слова есть некоторая совокупность норм, принципов и правил, которыми руководствуются люди в процессе совместной деятельности и общения. Мораль возникает вместе с возникновением человеческого общества. В первобытную эпоху именно моральные принципы и нормы были основными регуляторами отношений между людьми. Многие племенные вожди имели гораздо больше авторитета, чем некоторые официальные короли и цари. И этот авторитет они заслужили именно благодаря своим высоким моральным качествам. Но с течением времени, с возникновением классового общества моральные нормы уже не могли выступать в роли универсальных регуляторов. Появляются политические регуляторы, что в конце концов приводит к разграничению сферы политики и сферы морали.

Мораль оперирует понятиями «совесть», «хорошо», «плохо», «добро», «зло», «справедливость», «несправедливость», «гуманизм» и т. д. Они отражают социальные реалии, отношения людей друг к другу и к обществу. На протяжении тысячелетий выработались такие нормы и принципы морали, без соблюдения которых общество не может нормально функционировать, оно просто-напросто погибнет. Возьмем

понятие совести. Оно очень объемно и включает в себя, по существу, все моральные принципы. Совесть, по выражению Канта, есть удивительная способность человека. Она предполагает справедливость, добро, гуманность, любовь и т. д. Совесть — это внутренний судья человека, к голосу которого он должен прислушиваться постоянно. Человек без совести способен на любое преступление.

Моральные нормы связаны с ценностями. Моральные ценности, как и все в жизни, меняются в ходе общественного развития. Если, например, в прошлые времена вызванный на дуэль человек обязан был явиться на место дуэли, поскольку общественная мораль предписывала ему не проявлять малодушия и не бояться смерти, то в настоящее время сам термин «дуэль» вызывает лишь улыбку. Нельзя забывать и то, что понятия морали относительны. Скажем, добро и зло относительны: в одном случае добро может оказаться злом, в другом зло — добром. И тем не менее для всех поколений общества понятия морали имеют универсальный характер. Совесть в древнюю эпоху исполняла те же функции, что и в современную эпоху.

Эстетическое сознание. Эстетика — это наука о красоте. Человек — единственное существо, относящееся к социальной и природной действительности с точки зрения ее красоты. Всю эту красоту человек выражает через художественное творчество: литературу, живопись и т. д. Человек создает произведения, которые в художественно-образной форме отражают объективную действительность. Художественные произведения имеют огромное познавательное значение. Благодаря творчеству, например, Л. Н. Толстого мы имеем представление о жизни русского народа второй половины XIX века. Искусство играет огромную роль в формировании мировоззрения людей. Оно обогащает внутренний мир человека, делает его более образованным и гуманным.

Эстетическое сознание, как и другие формы общественного сознания, изменяется и развивается вместе с изменением и развитием общественной жизни людей. Изменяются и формы, и способы творения художественных произведений. В эпоху Пушкина, например, использовали гусиное перо, а в настоящее время — в основном компьютер. Но эстетическая ценность художественных произведений зависит от таланта их авторов. Чем талантливее человек, тем эстетичнее его сочинения.

Религиозное сознание. Религия возникает еще в первобытную эпоху. Причины ее возникновения следует искать прежде всего в социальных и природных условиях жизни первобытных людей. В те далекие времена, когда не было ни цивилизации, ни письменности, ни высокого уровня производительных сил, когда люди вели примитивный образ жизни, человек оказывался бессильным перед при-

родными и социальными процессами. Он был абсолютно беспомощен. Он не мог, например, объяснить те или иные природные явления (дождь, грозу, град, молнию и т. д.), не мог понять те социальные условия, в которых оказался. Поэтому он думал, чт. е. какие-то сверхъестественные силы, которые управляют природными и социальными процессами.

Главное в религии — вера в сверхъестественные силы, т. е. в силы, которые находятся за пределами природы и общества. Религия иррациональна. Наука рациональна. Поэтому религия и наука несовместимы.

Религиозное сознание претерпело существенные изменения на протяжении всей своей истории. Вначале оно носило языческий характер. Люди верили во множество богов. Затем появляются мировые религии: иудаизм, буддизм, ислам и христианство. Внутри этих религий существуют различные течения и секты.

Религиозное сознание — культовое сознание. Рост влияния этого сознания во многом определяется состоянием общества. Если общество развивается стабильно и без конфликтов, то ослабевает влияние религии. Но если общество переживает глубокий кризис, то усиливается влияние религии, потому что люди начинают искать спасение от всяких жизненных невзгод и находят они его в боге. Поскольку общество в целом и каждый человек в отдельности всегда будут сталкиваться с трудностями, то и религия будет сопровождать человечество, пока оно будет существовать.

Глава XVI. Социальная философия и постмодернизм

§ 1. Истоки постмодернизма

Постмодернизм, как и любой социальный феномен, возник в определенной социально-экономической, политической и духовной ситуации. Эту ситуацию можно охарактеризовать как глобальный кризис. Еще П.Сорокин в работе «Кризис нашего времени» писал: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы как бы находимся между двумя эпохами: умирающей чувственной культурой нашего лучезарного вчера и грядущей идеациональной культурой создаваемого завтра. Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков... Свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами»³⁵⁴.

Эти строки П.Сорокин писал в конце 30-х годов прошлого века. Под кризисом он тогда подразумевал кризис духовной культуры западного общества. Однако сегодня в начале XXI века мы наблюдаем не только духовный кризис западного общества, но и глобальный кризис современного социального мира, охвативший экономику, политику, культуру и другие сферы общественной жизни.

Усиливаются иррационалистические тенденции, на что в свое время обратил внимание немецкий философ К.Манхейм. В связи с этим он выдвинул три тезиса. Суть **первого** тезиса заключается в том, что «современное общественное устройство ждет крушение, если рациональное самообладание всех людей и отдельных индивидов не будет идти в ногу с техническим развитием»³⁵⁵. К.Манхейм пишет, что возникла диспропорциональность в развитии человеческих сил. С одной стороны, наблюдается развитие науки и техники, а с другой — мораль-

³⁵⁴ Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 427.

³⁵⁵ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287.

ное совершенствование общества не успевает за этим развитием. Отсюда следует **второй** тезис: «рост рациональности, формирование инстинктов и моральности являются в общественном развитии не чем-то случайным и отнюдь не в первую очередь делом отдельных индивидов, а зависят от данной общественной структуры задач»³⁵⁶. Одни индивиды, социальные группы оказываются в более привилегированном положении, чем другие, что не может не сказываться негативно на всем развитии общества. **Третий** тезис связан с тем, «что все предшествующие общества могли допускать диспропорциональность в распределении рациональности и моральных сил, так как они основывались именно на этой социальной диспропорциональности рациональных и моральных элементов... Новое в современном обществе состоит, по моему мнению, в том, что оно длительно не может выносить обе упомянутые формы диспропорциональности: ни общий недостаток рациональности и моральности в духовном господстве над общим процессом, ни их неравномерное социальное распределение»³⁵⁷. К.Манхейм выражал обеспокоенность таким положением дел.

В современную эпоху ситуация еще больше ухудшилась. Со всех сторон идут атаки на классическую философию, на рационализм, на возможности разума познать объективную действительность, на науку. И здесь особая «заслуга» принадлежит **постмодернизму**, воспринявшему иррационалистические идеи Ницше. Как писал Н.К. Михайловский, «ему претит все, в чем он усматривает преобладание разумности...»³⁵⁸. Постмодернисты, как и их идейный вдохновитель Ницше, обрушились на науку и рационализм, обвинив их во всех бедах современного общества. «Первыми свидетельство о смерти притязаниям науки на разум и рационализм с радостным энтузиазмом выдали философы постмодернизма»³⁵⁹. Таким образом, истоки философии постмодернизма следует искать в кризисе социума и в иррационалистических философских течениях, особенно в философии Ницше.

Главными представителями постмодернистской философии Ж.Бодрийар, Ж.Ф. Лиотар, Ж.Делез, Ф.Гваттари, М.Серр, Р.Рорти и многие другие все превратили в «пост», т. е. в «после»: постфилософия, постнаука, постиискусство, постлитература, постистория и т. д. и т. п.

³⁵⁶ Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 287.

³⁵⁷ Там же. С. 288.

³⁵⁸ Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 390.

³⁵⁹ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М., 2001. С. 21.

В этой связи необходимо вспомнить мощные демонстрации во Франции в 1968 году, начало которым положили студенты и которые охватили более десяти миллионов человек. Среди студентов было и немало будущих постмодернистов, желавших немедленного свержения власти буржуазии и установления революционных порядков. Кроме того, они требовали, чтобы были изменены учебные программы, чтобы сократили часы на преподавание философии, особенно истории философии, поскольку, с их точки зрения, классическая философия в жизни им никогда не пригодится. Более того, во всех своих бедах они обвиняли философов-рационалистов XVIII века, проповедовавших просветительские и материалистические идеи. Все это было использовано затем постмодернистами. В сущности, они требовали полной либерализации всех жизненных ценностей, узаконения гомосексуальных связей и т. д. и т. п.

Однако студенты потерпели поражение, после чего очень разочаровались в революции и революционных теориях. Произошел раскол среди студенчества и революционной интеллигенции. В результате этого раскола возникло три духовных течения: новая философия, философия новых правых и философия постмодернистов. «Новые философы» (А.Глюксман, Ж.М. Бенуа, Ж.П. Долле, М.Герен, Б.А. Леви и др.) подвергали критике классическую философию, прежде всего марксистскую философию. Они политизировали философию, придав ей исключительно политическую окраску. Они выступили с позиции иррационализма и пессимизма.

Что касается новых правых (А. де Бенуа, Ш.Брессоль, А.Гобар, П.Виаль и другие), то они стали выдвигать националистические и расистские идеи. Они объявили себя неоконсерваторами и релятивистами.

Нельзя не отметить, что в отличие от новых философов и новых правых постмодернисты вначале не пользовались широкой популярностью. Пик их популярности приходится на середину 80-х годов XX столетия. В настоящее время постмодернистские идеи доминируют в общественном сознании, искусстве и литературе, архитектуре и т. д. Нельзя не отметить, что среди философов-постмодернистов очень мало людей с базовым философским образованием. В основном это либо литераторы, либо психоаналитики, либо лингвисты, либо медики и т. д.

В России немало сторонников постмодернизма, особенно среди молодежи³⁶⁰. Молодые люди по природе своей ищут нечто новое,

³⁶⁰ Это неудивительно: «прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне» (Чаадаев); у нас «гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад» (Маркс).

что, несомненно, заслуживает похвалы. Но при этом не следует забывать, что не всякое новое философское течение есть шаг вперед в развитии философии. Тем не менее многие молодые деятели интеллектуального труда постмодернизм представляют как последнее достижение духовного производства общества. Они жонглируют постмодернистскими фразами, но не задумываются над их смыслом и содержанием. Главное для них — дискурс и еще раз дискурс. Их не волнует то, что этот дискурс ничего общего не имеет с реалиями жизни и с подлинной философией.

Многие представители старшего поколения подыгрывают молодым философам, потому что у них никогда не было своих философских убеждений, и хотя, так сказать, шагать вместе с молодежью. Есть и такие философы из старшего поколения, которые понимают абсурдность постмодернистских философских рассуждений, но боятся говорить об этом вслух. Они имплицитно полагают, что если начнут открыто критиковать постмодернизм, то будут обвинены в ретроградстве. Но настоящий ученый не боится быть обвиненным в ретроградстве или еще в чем-то. Девиз подлинного ученого перефразированные Марксом слова Данте: следуй своей дорогой, и пусть люди говорят что угодно.

В отличие от большинства российских философов на Западе появилось немало интересных работ, в которых подвергаются убедительной критике постмодернистские дискурсы. В этой связи особо следует выделить замечательную книгу двух физиков А.Сокала и Ж.Брикмона «Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна». Поскольку эту книгу не все смогли прочесть (тираж всего-навсего 1000 экземпляров), я хочу привести полностью историю зарождения этой прекрасной книги, описанную ее авторами. Предоставляю слово им самим: «История создания этой книги, — пишут А.Сокал и Ж.Брикмон, — началась с розыгрыша. В течение нескольких последних лет нас удивляло и удручало интеллектуальное перерождение американской университетской интеллигенции. Широкие области гуманитарных наук и литературоведения оказались обращены в то, что мы для простоты будем называть «постмодернизм». Это интеллектуальное течение характеризуется более или менее развернутым отказом от рационалистической традиции Просвещения, установлением независимых от любой эмпирической проверки теорий, когнитивным и культурологическим релятивизмом, который рассматривает науки как «наррации» или социальные конструкторы среди прочих.

Чтобы отреагировать на это явление, один из нас (Сокал) решил провести не очень научный, зато оригинальный эксперимент: пред-

ложить в одном модном культурологическом журнале «Социальный текст» пародию на ту самую литературу, что так быстро распространяет свое влияние, конечно, ничего не говоря об этом издателям, и посмотреть, опубликуют ли ее. Статья под громким названием «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации» переполнена глупостями и явными нелепостями. Более того, она декларирует крайний когнитивистский релятивизм: с самого начала ставится под сомнение устаревшая «догма», согласно которой «существует внешний по отношению к нашему сознанию мир, содержание которого независимо от отдельного человека и всего человечества в целом», а далее категорически заявляется, что «физическая реальность», точно так же как «реальность» социальная, является лингвистической и социальной конструкцией». На основе дальнейших совершенно логически диких рассуждений делается вывод о том, что «число π Эвклида и сила притяжения G Ньютона, которые до сих пор считались постоянными и универсальными, теперь должны рассматриваться как исторически преходящие». И вся статья в том же духе.

Тем не менее статья была принята и опубликована! Более того, она была опубликована в специальном номере как ответ на выступление отдельных ученых против постмодерна. Публикация статьи, да еще в специальном номере, оказалась для издателей «Социального текста» самым радикальным из возможных саморазоблачений!»³⁶¹. Публикация постмодернистами этой статьи свидетельствует об их невежественности и шарлатанстве. Они даже не поняли, что их разыграли.

А.Сокал и Ж.Брикмон поставили перед собой такие цели: во-первых, подвергнуть критике постмодернистов (Лакана, Бодрийара, Кристеву, Иригарэя, Делеза и др.) за их, как они считают, безграмотное использование научных идей, за их злоупотребление научными данными для подтверждения своих философских тезисов; во-вторых, дать аргументированную критику постмодернистского абсолютного эпистемологического релятивизма, согласно которому нет никакой разницы между мифом и наукой, между научными данными и вымыслом. К чести авторов книги они успешно реализовали обе цели.

А.Сокал и Ж.Брикмон как физики обнаружили в работах постмодернистов, пытающихся произвольно интерпретировать научные данные, злоупотребления. Под этими злоупотреблениями авторы подразумевают следующее:

³⁶¹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 16–17.

«1. Свободно рассуждать о точных теориях, о которых имеются, в лучшем случае, лишь смутные впечатления. Чаще всего авторы лишь используют научные (или кажущиеся научными) термины, не задумываясь о том, что они означают.

2. Переносить понятия точных наук в гуманитарные науки без какого бы то ни было эмпирического или концептуального обоснования. Ведь биологу, который захотел бы использовать элементарные понятия топологии (вроде тора), теории множеств или дифференциальной геометрии, пришлось бы объясняться. Его коллеги просто не поняли бы его рассуждений по аналогии. Здесь же, наоборот, выясняется, что, с точки зрения Лакана, структура невротика и есть тор (т. е. это сама реальность!..), с точки зрения Кристевой, поэтический язык есть сила континуума, а с точки зрения Бодрийара, современные войны разворачиваются в неевклидовом пространстве...

3. Кичиться ложной эрудированностью, обрушивая на голову читателя ученые слова в таком контексте, в котором они не имеют вообще никакого смысла. С одной целью, несомненно, — поразить и, главное, смутить не подготовленного специально читателя...

4. Жонглировать фразами, лишенными смысла, и играть словами. Речь идет о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям»³⁶².

Абсолютно верные слова. Постмодернисты действительно любят жонглировать фразами, лишенными смысла, и заниматься словесными упражнениями. Вся работа Делеза «Различие и повторение» состоит из фраз, лишенных смысла. Наугад открываю страницу 30 и читаю: «Дискретное, отчужденное, вытесненное — три случая естественной блокировки, соответствующие номинальным концептам, понятиям природы и свободы. Но во всех случаях, чтобы объяснить повторение, обращаются к форме тождественности понятия, форме Одинакового в представлении»³⁶³.

И эту «тарабарщину» объявляют новым словом в философии!

Нельзя не отметить, что само понятие постмодернизма довольно расплывчато и туманно. Модерн — это новая эпоха, охватывающая три с половиной века, это эпоха формирования буржуазных общественных отношений. Именно в эту эпоху начинает доминировать *laisser-fairisme*, принцип личной инициативы. Вспомним феодализм с его сословными и кастовыми делениями и привилегиями. В услови-

³⁶² Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 19.

³⁶³ Делез Ж. Различие и повторение / Пер. с фр. СПб., 1998. С. 30.

ях феодального строя человек лишен возможности проявить личную инициативу, действовать свободно и независимо. Человек же модерна, или капитализма, получает свободу действий в рамках существующих правовых норм и законов. Не приходится сомневаться в том, что это был великий скачок в создании для человека условий проявлять свои физические и духовные потенции.

В эпоху модерна получает широкое развитие наука. Декарт, Галилей, Ньютон и многие другие великие ученые внесли огромный вклад в науку. В эту же эпоху расцветает философия. Просветители Франции, Англии, Германии, классическая немецкая философия — свидетельство взлета человеческой мысли, человеческого разума.

Понятие модерна четко и ясно указывает на великую эпоху в развитии человеческого общества. Мыслители этой эпохи довольно отчетливо выразили в своих сочинениях то, что они хотели сказать. Они возвеличивали разум, выступали за прогресс, верили в лучшее будущее человеческого общества. Они свои мысли излагали строго логически и аргументированно защищали выдвигаемые им теоретические тезисы. В их сочинениях виден прогресс знаний, и уже в силу этого нельзя их просто воспроизводить без критического анализа.

Что касается понятия постмодернизма, то, как я уже отмечал выше, трудно определить, какую смысловую и теоретическую нагрузку несет это понятие. Не случайно многие философы (Ж.Деррида, например) от него отрешиваются. Это понятие охватывает современное гуманитарное знание, современное искусство, современную архитектуру, современную художественную литературу и т. д. и т. п. Не берусь судить относительно других областей культуры, но по поводу постмодернистской философии могу сказать, что это шаг назад в философской рефлексии. Сочинения постмодернистов порой бессмысленны и бессодержательны. Их можно воспроизводить бесконечно, и никакого научного прогресса никто не заметит.

Посмотрим, как трактуют философию Делез и Гваттари. Они решили выяснить суть философии в работе «*Qu'est-ce que la philosophie?*» («Что такое философия?»). Во введении авторы пишут, что раньше тоже ставили вопрос о том, что такое философия, но ставили его абстрактно и туманно. Но теперь пришло время ставить этот вопрос конкретно и ясно (!). «...Мы уже нашли неизменный ответ на этот вопрос: философия есть искусство формулировать, изобретать и фабриковать понятия. Но недостаточно, чтобы ответ соответствовал вопросу. Нужно также, чтобы он определял час, благоприятный момент, пейзаж и персонажей, а также условия и неизвестные моменты вопроса. Нужно уметь найти этот час, когда не доверяют даже другу и

ведут себя, как волк и собака»³⁶⁴. (С такого рода бессмыслицей мы будем встречаться в работах постмодернистов постоянно, но придется с этим хотя бы временно смириться.)

Но понятия, продолжают постмодернисты Делез и Гваттари, нуждаются, как они выражаются, в концептуальных персонажах, которые помогают их выяснению. Таким персонажем, оказывается, выступает Друг, свидетельствующий о греческих истоках философии. В других странах имели Мудрого при определении философии. «Греки похоронили Мудрого и заменили его философами, друзьями мудрости, т. е. теми, кто ищет мудрость, но совершенно не обладает ею»³⁶⁵. Старый мудрец, продолжают Делез и Гваттари, явившийся с Востока, мыслит образами, в то время как греческий философ изобретает и мыслит понятиями.

По мнению Делеза и Гваттари, очень трудно определить содержание термина Друг, между тем это необходимо, так как данный термин греческие философы широко используют.

Как видно, Делез и Гваттари при анализе античной философии обращают внимание ни на фундаментальные проблемы философии в работах греческих философов, а на второстепенные вопросы. Ведь дело не в том, что применяются термины «друг» или «мудрость», а в том, что с самого начала античные философы, рефлексировав над бытием окружающей природной и социальной действительности, занимались гносеологическими и метафизическими проблемами философии.

Авторы книги «*Qu'est-ce que la philosophie?*» в первую очередь решили рассмотреть сам термин «понятие». Всякое понятие, пишут они, состоит из разных элементов и определяется через них. Нет понятия, состоящего из одного элемента. Оно может состоять из множества элементов. Поэтому понятие можно делить на куски, добавлять к нему новый элемент или редуцировать к нескольким элементам. Это дело вкуса. При этом для Делеза и Гваттари не стоит вопрос о том, что всякое понятие так или иначе должно отражать хотя бы приблизительно объективный мир. Ведь оно несет определенную смысловую нагрузку лишь благодаря тому, что отражает существенные стороны и черты мира природы и мира общества.

Всякое понятие, продолжают французские постмодернисты, имеет свою историю и свое становление. Они связаны между собой. Они одновременно относительны и абсолютны. Но они не имеют дискурсивного характера.

³⁶⁴ Deleuze G., Guattari F. *Qu'est-ce que la philosophie?* Paris, 1991. P. 8.

³⁶⁵ Ibid. P. 8.

Для того чтобы подтвердить свои философские рассуждения, Делез и Гваттари приводят разные примеры. В частности, они анализируют знаменитый тезис Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую». Понятие Я у Декарта, пишут его современные соотечественники, имеет три составляющие: сомневаться, мыслить и существовать. «Все содержание понятия, состоящего из множества элементов, будет выглядеть так: я мыслю, следовательно, я существую или более полно: я, который сомневается, я мыслю, я есть, я есть вещь, которая мыслит»³⁶⁶. Понятие сжимается до Я, которое проходит через все элементы. Получается так: Я — сомневаться, Я — мыслить, Я — существовать. Все элементы понятия неразрывно связаны между собой и находятся в определенных зонах. «Первая зона находится между «сомневаться» и «мыслить» (я, который сомневается, я не могу сомневаться в том, что я мыслю), а вторая зона — между «мыслить» и «существовать» (чтобы мыслить, надо существовать)»³⁶⁷.

Общий вывод Делеза и Гваттари: философия не есть ни созерцание, ни рефлексия, ни коммуникация. Она формулирует понятия. Задача философии выяснить, какова природа понятия.

Этот вывод можно было бы приветствовать, если бы Делез и Гваттари действительно анализировали понятия, отражающие общие и существенные черты предметов объективного мира. Нет, они этого не хотят. Они занимаются как истинные постмодернисты эквилибристикой и казуистикой.

Теперь посмотрим, как постмодернисты относятся к прошлому философскому наследию. Сразу же отмечу, что постмодернисты во всех кризисных явлениях современного общества обвиняют классический рационализм. Они, например, утверждают, что XX век — это век непрерывных войн, унесших миллионы человеческих жизней. М.Серр, например, анализируя причины того, почему он крайне негативно относится к эпохе модерна, пишет, что его поколение, родившееся в начале 30-х годов, можно назвать поколением войны: «В шесть лет узнал о войне в Испании, в девять лет о Blitzkrieg 1939 года, о поражении и крахе; в двенадцать лет — о разрыве между сторонниками Сопrotивления и коллаборационистами; в четырнадцать — об Освобождении и сведении счетов, которые вызвало это Освобождение во Франции; в пятнадцать лет о Хиросиме. Короче, с девяти до семнадцати лет, когда формируются дух и тело человека, свирепству-

³⁶⁶ Deleuze G., Guattari F. Qu'est-ce que la philosophie? Paris, 1991. P. 29.

³⁶⁷ Ibid. P. 29.

ет голод и везде карточная система, везде убийства и бомбардировки, везде тысячи преступлений... война всегда война с шести до двадцати шести лет»³⁶⁸.

В XX веке появляется ядерное оружие, угрожающее самому существованию человеческого общества. И все это якобы является результатом рационального отношения к жизни, научной революции и прогрессистских концепций общественного развития, доминировавших в эпоху Просвещения. Вообще просветители для постмодернистов, как и для Ницше³⁶⁹, являются в первую очередь противниками. Они обвиняют их во всех современных бедствиях: в оптимистическом взгляде на развитие исторического процесса, в вере в бесконечный прогресс общества, свободу и равенство, принцип историзма, науку, необходимость изменения существующих социально-экономических и политических порядков, в чрезмерной эксплуатации природных ресурсов и т. д. и т. п. Их обвиняют, потому что они были рационалистами.

Один из виднейших американских постмодернистов Р.Рорти прямо заявляет в своей книге «Философия и Зеркало Природы»: «Эта книга представляет собой обзор развития последних философских исследований, особенно в области аналитической философии, с точки зрения антикартезианской и антикантианской революции... Цель книги заключается в том, чтобы подорвать доверие читателя к уму как к чему-то такому, по поводу чего нужно иметь «философский» взгляд, к познанию как к чему-то такому, о чем должна быть теория и что имеет основания, а также к философии как она воспринималась со времен Канта»³⁷⁰. Рорти считает, что рационалистическая философия заменила интеллектуалам религию, т. е. стала своего рода верой в философские высказывания и умозаключения.

³⁶⁸ *Serres M. Eclaircissements. Paris, 1992. P. 10—11.*

³⁶⁹ Вот какую уничижительную критику Руссо дает Ницше: «Руссо, этот первый современный человек, идеалист и *canaille* в одном лице, которому нужно было моральное «достоинство», чтобы выносить собственный вид; большой от разнузданного тщеславия и разнузданного самопрозрения. Также и этот выродок, растянувшийся у порога нового времени, хотел «возвращения к природе» — куда, спрашиваю еще раз, хотел Руссо назад? Я ненавижу Руссо и в революции: она есть всемирно-историческое выражение для этой двойственности и идеалиста и *canaille*. Кровавый фарс, которым разыгралась эта революция, ее «имморальность», мало меня трогает: я ненавижу ее моральность в духе Руссо — так называемые «истины» революции, которые еще не утратили влияния и привлекают к ней все плоское и посредственное» (Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 622).

³⁷⁰ *Рорти Р. Философия и Зеркало Природы. Новосибирск, 1997. С. 5.*

Характерные черты постмодернизма: 1) *гиперкультурализм*: ревализация исторического (историцизма) и культурного (традиционализма) богатства и многообразия человечества, в котором постсовременный человек черпает свои силы и которое создает по своему усмотрению. В этом смысле модернизм есть только одна из традиций среди других. Постмодернизм имеет эклектический и релятивистский характер. Это смесь различных философских течений и мыслей; 2) *отказ от иерархического характера различий*: все мифы, все истории, все культуры, все формы жизни имеют собственную ценность, и поэтому нет иерархизированных ценностей. Критика всякой власти, поскольку она якобы всегда имеет репрессивный характер. Постмодернизм имеет толерантный и скептический характер; 3) *отказ от «важных вех»* обоснования западной цивилизации. Постмодернизм отвергает иудео-христианскую историю, философию Гегеля, позитивизм, теорию общественного прогресса просветителей XVIII века, социализм, марксистскую теорию, эволюционистские концепции, которые якобы претендовали на то, чтобы привести человечество к светлому будущему³⁷¹.

Постмодернисты отвергают деление мировой истории на прошлое, настоящее и будущее. Это связано в основном с тем, что они отрицают какой-либо прогресс в движении человеческого общества. Как выразился Ф.Досс, с точки зрения постмодернистов, настоящее мыслится без развития. Настоящее представляется не как антиципация будущего, а как повторение одного и того же цикла.

М.Серр задается вопросом: что такое настоящее? Против тезиса о делении времени на прошлое, настоящее и будущее он выдвигает такой аргумент. Всякий предмет, сделанный руками человека, представляет собой комплекс многих идей, возникших в разное время. Возьмем современную модель автомобиля. Этот автомобиль есть продукт научно-технических идей различных эпох. Одна из его частей была изобретена в начале двадцатого века, другая двести лет назад, колеса были изобретены в эпоху неолита и т. д.³⁷² То же самое, отмечает Серр, касается и духовных ценностей. Нельзя, например, сказать, что Платон не является нашим современником: ведь многие философские идеи Платона актуальны и в нашем обществе.

М.Серр прав в том, что любое изобретение имеет, так сказать, различные истоки, что свидетельствует о единстве человеческого общества. Но следует ли отсюда презентификация, или, если можно так

³⁷¹ *Hottois G. De la Renaissance à la Postmodernité. Paris, Bruxelles, 1998. P. 445–446.*

³⁷² *Serres M. Eclaircissements. Paris, 1992. P. 72.*

выразиться, «онастоящивание», всего человечества? Нет, конечно. Такое «онастоящивание» приводит к тому, что исторический процесс представляется как сплошной хаотический поток событий, фактов, технических изобретений, духовных ценностей и т. д., лишенный всякой имманентной логики. На самом деле история имеет свою логику развития, свое прошлое, настоящее и будущее, которые качественно отличаются друг от друга, но вместе с тем неразрывно связаны. Развитие истории носит континуистский, а не спорадический характер. Кроме того, полный разрыв с прошлым опасен для новых поколений. Когда-то Ортега-и-Гассет правильно писал, что разрыв с прошлым «таит в себе подозрение, более или менее, смутное, которое вызывает и смуту, столь характерную для сегодняшней жизни. Мы чувствуем, что мы как-то внезапно остались одни на земле; что мертвые не только не оставили нас, но исчезли совсем, навсегда, что они больше не могут помогать нам. Все остатки традиционного духа исчезли. Образцы, нормы, стандарты больше нам не служат. Мы обречены разрешать наши проблемы без содействия прошлого, будь то в искусстве, науке или политике»³⁷³.

Постмодернисты предпочитают излагать свои мысли с помощью аналогии, а не строгих логических рассуждений. И порою не понятно, о чем идет речь, порою кажется, что это сплошной поток слов без логической оформленности. Вот пример из книги Ж. Делеза «Различие и повторение»: «Мысль, рождающаяся в мышлении, акт мышления, зарождающийся в генитальности не как врожденная данность и не как предполагаемое в припоминании — это мышления без образа»³⁷⁴. Это не только в русском переводе так звучат постмодернистские изречения. То же самое касается языка оригинала. И не случайно даже не все философы читают их труды.

Один из крупнейших представителей постмодернизма Ж.Ф. Лиотар пишет, что слово «постмодерн» «обозначает состояние культуры после трансформаций, которым подверглись правила игры в науке, литературе и искусстве в конце XIX века»³⁷⁵. Наука, продолжает он, стремится к познанию истины, и поэтому она должна разработать свои методы исследования, или, как выражается, Лиотар, «правила игры». (Здесь уже видно, как легкомысленно постмодернисты относятся к научному аппарату. Вместо понятия «методы исследования» они придумали «правила игры», вместо «темы» — «сюжет» и т. д. Это

³⁷³ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия. 2001. С. 211.

³⁷⁴ Делез Ж. Различие и повторение. М.; СПб., 1998. С. 208.

³⁷⁵ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 9.

жонглирование новыми словечками свидетельствует о том, что постмодернисты абсолютно несерьезно относятся к научным исследованиям, к традициям интеллектуального труда.)

По мере перехода, пишет Лиотар, общества в постиндустриальное состояние меняется статус знания. Поскольку научное знание представляется как вид дискурса, в постиндустриальном обществе формы передачи научных знаний через языковые средства меняются. Так, с помощью компьютерной техники можно передавать различную научную информацию. Но отсюда следует, что меняется природа знания. Знания в постиндустриальную эпоху производятся не для того, чтобы их отправить в архив, а для того, чтобы продавать. Знания — это деньги. Причем этими знаниями распоряжается не государство, а частные лица.

В постиндустриальном обществе, продолжает Лиотар, меняется роль обладателей знаниями. Если в индустриальном обществе все политические, экономические, социальные и иные проблемы решались властью имущими и собственниками, то в постиндустриальном обществе доминирующую роль играют уже специалисты. «Правящий класс есть и будет классом, который принимает решения. Но он уже образуется не традиционным политическим классом, а разнородным слоем, сформированным из руководителей предприятий, крупных функционеров, руководителей больших профессиональных организаций, профсоюзов, политических партий и религиозных конфессий»³⁷⁶.

Нет сомнения в том, что Лиотар анализирует новые реалии, возникшие в современных развитых капиталистических странах. Действительно, современные информационные технологии, имеющие исключительно большое значение не только для экономической сферы, но и для всех сфер общественной жизни, создаются специалистами. И те государства, которые будут иметь в своем распоряжении таких высокочастотных специалистов, будут добиваться наибольших успехов. Скажу больше, от наличия информационного пространства, включающего в себя не только технику и новейшие технологии, но и средства массовой коммуникации, во многом будет зависеть будущее тех или иных государств. На примере слаборазвитых стран мы видим, что значит отсутствие такого информационного пространства. Но отсюда нужно делать не тот вывод, к которому пришли постмодернисты, о переходе властных функций от политиков и собственников к специалистам. Надо заметить, что об этом многие писали до постмо-

³⁷⁶ Лиотар Ж.Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998. С. 43

дернистов. Достаточно для этого ознакомиться с работами крупного американского экономиста Дж.Гэлбрейта. В отличие от постмодернистов я прихожу к другому выводу: сферы общественной жизни структурно вариантны, но функционально инвариантны. Скажем, в политике не советники как специалисты принимают решения, а политики, наделенные властными функциями. Другой вопрос, что многим современным политикам нужны кукловоды, поскольку они сами лишены интеллекта и поэтому не в состоянии думать и анализировать политические реалии.

Постмодернисты отвергают понятия классической философии — *разум, абсолют, истина, прогресс, противоречия, дискуссия* и т. д. Вместо этих понятий и категорий они выдвигают понятия «деконструкция», «тело», «конструктивизм», «фрагментарность», «сюжет», «дискурс» и т. д., не несущие никакой смысловой и теоретической нагрузки, но зато звучащие оригинально.

Постмодернисты предлагают, скажем, урегулирование тех или иных конфликтов путем переговоров, консенсуса. Они выступают за толерантность и взаимное уважение. Здесь с ними нельзя не согласиться. Толерантность — это хорошо, консенсус — тоже хорошо, отсутствие конфликтов — еще лучше. Но общество гораздо сложнее, чем это кажется постмодернистам. В нем действуют люди, преследующие свои цели. Эти цели не всегда совпадают, более того, они нередко противоречат друг другу. Вообще противоречия — естественное состояние любого общества. Очень важно, чтобы они разрешались путем консенсуса и компромисса. Но для этого конфликтующие стороны должны идти на определенные уступки. Поэтому нужно призывать не просто к толерантности, а к тому, чтобы создавать такие условия, в которых все члены общества, а не только богатые, могли бы проявлять свои физические и духовные потенции.

Эра постмодерна — это эра пустоты, мещанства и наслаждения. Но чтобы, скажем, наслаждаться искусством, надо его превратить в псевдоискусство. Наслаждаться классической музыкой — великое дело. Она обогащает духовный мир человека, делает его добродетельным и гуманным. Но наслаждение классической музыкой требует музыкальной подготовки, усидчивости и самодисциплины. Не каждый человек может и хочет готовить себя к тому, чтобы слушать музыку великих творцов культуры. Это особенно касается молодежи. Из-за своего возраста молодые люди в большинстве предпочитают классической музыке легкую, которую можно и не слушать, но под которую можно танцевать или петь. Постмодернизм, отрицающий иерархию ценностей, как раз и внушает молодежи, что поп-музыка и есть тот вид искусства, который приносит наибольшее наслаждение.

Причем в отличие от классической музыки поп-музыка, особенно в ее современном виде, не требует никаких усилий от слушателя. Ее можно слушать в любом месте и в любое время. Она не обогащает человека духовно, но этого и не требуется. Главное — наслаждение, а не духовное обогащение.

Эпоха постмодерна — эпоха товарного фетишизма. Все превращено в товар: предметы потребления, моральные нормы и принципы, честность и добродетельность, совесть и порядочность. Даже духовное творчество превращено в товар. Все можно купить и продать, лишь бы деньги были. Английский философ А.Калиникос пишет, что «когда Теодор Адорно и Макс Хоркхаймер придумали словосочетание «культурная индустрия», они считали его ироническим и критическим понятием: ничто не казалось им более абсурдным или противоречивым, чем сведение творческих процессов к индустрии, определяемой той же логикой рационализации, как и все остальное. Но в сегодняшней Великобритании, которая, по крайней мере в Европе, стоит в авангарде неолиберальной коалиции, члены кабинета министров говорят о культурной индустрии без всякого ощущения парадоксальности или дискомфорта... Последствия этого прямого подчинения культурной индустрии приоритетам накопления прибыли можно наблюдать каждый день на телевидении, где похоть, алчность, слава и образ жизни, усиливая друг друга, сливаются в круговорот кошмарной пошлости»³⁷⁷.

Эпоха постмодерна есть эпоха без идеалов, без моральных принципов и норм, без будущего, без социального прогресса и без социальной ответственности, эпоха без геройства, эпоха равнодушного отношения к чужой боли. Сотни миллионов людей живут в нищете, либо уничтожаются чужие города и культуры, либо убивают ни в чем не повинных людей, но обывателю до этого нет дела. Ему нужно наслаждаться жизнью, а не думать об окружающих, о тех, кто влачит жалкое существование. В эпоху модерна, т. е. в прошлом, была вера в будущее, в науку и технику, в разум и революционные изменения. В отличие от прошлого «общество постмодерна есть общество, в котором царствует безразличие масс, в котором доминируют повторение и топтание на месте, в котором личная независимость превыше всего, в котором не видят разницы между новым и старым, в котором всякое нововведение опошляется, а будущее не уподобляется неизбежному прогрессу»³⁷⁸.

³⁷⁷ Калиникос А. Антикапиталистический манифест. М., 2005. С. 35.

³⁷⁸ Lipovetsky G. L'Ere du vide. Essais sur l'individualisme contemporain. Paris, 1983. P. 11.

Постмодерн — это эра индивидуализма, нарциссизма и неолиберализма. Сегодня индивидуальные желания более предпочтительны, чем групповые и классовые интересы, более предпочтительна приватизация, чем коллективная деятельность, гедонизм больше приветствуется, чем формы совместных действий. Если в прошлые времена индивид обязан был подчиняться общим коллективным рациональным правилам поведения, то нынче эти правила отвергаются и примат отводится личной свободе. Иначе говоря, права человека возводятся в абсолют и совершенно игнорируются коллективные формы человеческого существования. На первый взгляд личная свобода действительно превыше всего. На самом деле это неверно. Человек становится человеком только в обществе и свои сущностные силы тоже может проявлять только в обществе. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

В эру постмодерна происходит переоценка ценностей. Если в эпоху модерна такие моральные ценности, как порядочность, героизм, любовь к труду, целомудрие, гуманность и др., высоко ставились людьми, то в эпоху постмодерна они потеряли свою значимость. Ныне героизм никого не трогает (молодые люди не выражают особого восторга, когда им рассказывают о героях Великой Отечественной войны), труд как созидание презирается (как показывают социологические опросы, на Западе миллионы людей не хотят работать, они предпочитают труду наслаждение, не случайно западные правительства официально приглашают рабочих из развивающихся стран), порядочность воспринимается как неудача, целомудрие представляется как комплекс неполноценности, продается естественная красота человека, а обладатель этой красоты становится богатым и уважаемым человеком, творцы же подлинных ценностей могут оказаться в маргиналах. Теперь пропагандируются антиценности: алчность, стремление к беспредельному богатству, неуважение к униженным и оскорбленным, проституция, гомосексуализм, наглость и т. д. и т. п. Взяточники, воры, убийцы — словом, преступники всех мастей превращены в героев. Их показывают на всех телеканалах. О них пишут газеты, журналы и т. д. Молодое поколение подражает не подлинным героям, а мнимым.

Человек эпохи постмодерна — это массовый человек, характерной чертой которого является полная потеря своей индивидуальности. Массовый человек не есть личность. Всякая личность индивидуальна и оригинальна. У нее есть свои убеждения, свои принципы и она их готова защищать, порою даже ценою жизни. У нее есть свой кодекс поведения. У нее критическое мышление, и она не поддается влиянию дешевых произведений духовной культуры. Многие лич-

ности становятся выдающимися благодаря своим достижениям и своему вкладу в ту или иную сферу общественной жизни. Массовый человек — это серый человек, лишенный подлинного интеллекта, не желающий обогащать свой духовный мир. «Размытость сознания массового человека и новое его переструктурирование, заданность специальной интегрирующей «сборки» приводит к утрате способности критического мышления, управляемости через формируемое посредством СМИ настроение. Бессвязность мышления и фрагментарность модели мира, складывающейся у него, позволяют навязать ему систему мифов, по которым человек будет выстраивать свою реальную жизнь и оценивать ее»³⁷⁹. Благодаря этой системе мифов массового человека можно использовать в любых целях.

В сфере политики эпоха постмодерна проявляется в псевдодемократичности политики. Политики стараются, особенно во время избирательных кампаний, быть скромными и сердечными, доступными и улыбающимися. Они выдают себя за людей, день и ночь думающих о народе, о его благополучии и безопасности. Это хочет услышать и сам избиратель. Поэтому «надо осыпать его самой нелепой лестью и, не стесняясь, давать ему самые фантастические обещания. Если это рабочий, то надо льстить ему, браня его хозяина; что же касается соперника-кандидата, то надо стараться уничтожить его, распространяя о нем посредством утверждения, повторения и мнение, что он последний из негодяев и что всем известно, как много он совершил преступлений. Незачем, конечно, искать в данном случае чего-нибудь даже похожего на доказательства. Если противник мало знаком с психологией толпы, он станет оправдываться с помощью аргументов, вместо того чтобы отвечать на утверждения противоположными утверждениями, и конечно, таким образом лишится всяких шансов на успех»³⁸⁰.

Эпоха постмодерна — это эпоха охлократии, т. е. власти толпы. Современные выборы в органы правления — яркое проявление охлократии. Вообще надо сказать, что проблема охлократии возникла не сегодня и даже не вчера. Она возникла еще в античную эпоху и рассматривалась многими древнегреческими философами. Так, Платон охлократию связывает с демократией, когда господствует принцип вседозволенности, что на первый взгляд следует оценить положительно, ибо он дает человеку возможность делать то, что ему

³⁷⁹ *Самохвалова В.И.* Массовый человек — реальность современного информационного общества // *Массовая культура и массовое искусство, «За» и «Против»*. М., 2003. С. 125.

³⁸⁰ *Лебон Г.* Психологи масс // *Психологи масс. Хрестоматия*. М., 2001. С. 109.

хочется. Необязательно принимать участие в государственных делах, необязательно и подчиняться, необязательно и воевать. Однако первое впечатление обманчиво, так как появляется презрение к тому, что важно для идеального государства. Платон убежден в том, что демократическая форма правления неэффективна. Она уравнивает равных и неравных. Государственные должности занимают не те, кто этого заслужил, а те, кто понравился охлосу (толпе). Человек демократического строя наследует все отрицательные черты этого строя: стремление к наслаждению, пустая трата денег, неуважение законов, старших и т. д.

Аристотель, рассматривая формы государственного устройства, выделяет такие виды демократии. Первый вид демократии связан с равенством, предполагающим равные права как для богатых, так и для бедных. Народ составляет большинство, и его голос имеет решающее значение. Второй вид демократии предполагает невысокий имущественный ценз. Тот, кто имеет такой ценз, получает доступ к занятию должностей, кто теряет ценз, лишается права занять такую должность. Третий вид демократии исходит из того, что все граждане по происхождению являются гражданами, а властвует закон. Четвертый вид демократии — это такая демократия, когда любой гражданин имеет право занимать должность, хотя властвует опять-таки закон. Пятый вид демократии предполагает предыдущие условия, но верховная власть принадлежит не закону, а простому народу. В данном случае решающее слово принадлежит народу, который благодаря демагогии добивается своего. Там, где властвует закон, демагогам нет места. Этот, пятый вид демократии, по Аристотелю, напоминает тиранию. «...И крайняя демократия, и тирания поступают деспотически с лучшими гражданами; постановления такой демократии имеют то же значение, что и в тирании распоряжения»³⁸¹. Такая демократия отвергается Аристотелем. Он ее не считает демократией, поскольку никакое постановление не может иметь общего характера. Он твердо убежден в том, что «закон должен властвовать над всем; должностным же лицам и народному собранию следует предоставить обсуждение частных вопросов»³⁸².

И все же античная демократия представляла качественный скачок в развитии политических институтов. В Афинах эпохи Перикла была развитая рабовладельческая демократия, суть которой выразил Перикл так: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами

³⁸¹ Аристотель. Соч. М., 1984. Т. 4. С. 497.

³⁸² Там же.

являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству»³⁸³.

Исключительное значение в греческой демократии придавалось слову «пайдея», которое обозначает и воспитание, и обучение, и культуру, и просвещение и т. д. Это довольно емкое слово, которое в ту далекую эпоху широко использовалось в духовной жизни греков. И «греческая демократия определила сущность греческой пайдеи, главную особенность греческой культуры — идею о главенстве человеческого разума, принцип разумного миропонимания и представления о Прометеевом (творческом) назначении человека. **Открытие человека — идея о гражданине полиса как самостоятельной ценности, признание за ним права на инициативу, вера в то, что свободный человек в состоянии сделать правильный выбор, доверие к разуму человека и его свободе — вот что является важнейшим достижением греческой культуры, достижением, определившим ее всемирно-историческое значение**»³⁸⁴.

Доверие к человеческому разуму в сфере демократии приводит к политическому рационализму. Все, кто участвовал в политических дебатах, должны были обосновать свои аргументы, придать им, так сказать, доказательный характер. Иначе говоря, надо было убеждать своих слушателей с помощью аргументов и фактов. Можно сказать, что характерная черта античной демократии — **убеждение**. Античные ораторы убеждали своих слушателей, приводили соответствующие аргументы в защиту своих позиций. А убеждение, естественно, связано с рационализмом. Поэтому античная демократия — это рационалистическая демократия. И философия античности — это рационалистическая философия. Видимо, можно было бы сказать, что без политического рационализма не было бы философского рационализма.

Но если в античную эпоху демократия имела определенные изъяны, то в наше, **постмодернистское**, время она просто-напросто выро-

³⁸³ Фукидид. История. М., 1981. С. 106.

³⁸⁴ Кессиди Ф. От мифа к логосу. Становление греческой философии. СПб., 2003. С. 30—31.

дилась и стала охлократией. Народ превратился в электорат, а электорат — в толпу. Она использует не метод убеждения, а метод **внушения**. Обращаются не к разуму человека, а к его низменным инстинктам, к его чувствам. С этой целью политтехнологи разрабатывают различные сценарии избирательной кампании: привлечение артистов, особенно эстрадных певцов, создание «народного» имиджа кандидата во властные структуры, либеральную или патриотическую демагогию в зависимости от аудитории. Избиратели, превращенные в иррациональную толпу, обращают внимание не на программы и не на реальные дела кандидатов, а на их телегеничность, улыбку, походку и т. д. и т. п. Те кандидаты, которые преуспевают в этом шоу, попадают в органы власти. К слову сказать, ни один великий политик прошлого не попал бы во власть, потому что он не смог бы конкурировать с современными краснобаями.

Всеобщее избирательное право выглядит как огромный шаг вперед по демократизации политических институтов и учреждений. В самом деле, в отличие от прошлых времен все граждане независимо от их социального статуса, половых и расовых различий принимают участие в выборах органов власти. Каждый гражданин может быть избран в органы государственной власти. Каждый гражданин чувствует себя соучастником политических событий.

Но на уровне сущности все гораздо сложнее. Политика — очень сложная сфера общественной жизни. Политика, как писал М. Вебер, — это призвание и профессия. Причем эта профессия не менее сложна, чем, скажем, профессия врача, учителя, летчика, космонавта и т. д. Для того чтобы заниматься политикой, надо иметь политический талант. Нельзя стать великим или просто выдающимся поэтом без поэтического таланта. Можно быть великим философом, математиком, физиком и т. д., но абсолютно плохим политиком. Можно человека научить политическим технологиям, но нельзя его научить управлять государством. Политический дар — это особый вид дара, который не всем дан.

Политика — это колоссальная ответственность за судьбы миллионов людей, за будущее государства, за будущее всей мировой цивилизации. И подлинный политик чувствует эту ответственность. Как бы ни относились к монархам, но подавляющее большинство из них понимало свою ответственность и принимало ответственные решения.

Демократия, если даже ее считать наиболее оптимальной формой государственного правления, не готовое состояние, а длительный и мучительный процесс. И, возможно, многие государства останутся

за рамками демократических институтов, хотя в потенции они могут стать демократическими. Но одно дело в потенции, совсем другое — в действительности. Нельзя не вспомнить в этой связи Гегеля: «Возможно, — писал он, — что сегодня вечером упадет луна на землю, ибо луна есть тело, отделенное от земли, и может поэтому также упасть вниз, как камень, брошенный в воздух; возможно, что турецкий султан сделается папой, ибо он человек и может как таковой обратиться в христианскую веру, сделаться католическим священником и т. д. В этих разговорах о возможности преимущественно используется закон достаточного основания, применяемый вышеуказанным нами способом — утверждают: возможно то, в пользу чего можно найти основание. Чем необразованнее человек, тем менее известны ему определенные отношения предметов, которые он намерен рассматривать, тем больше он склонен распространяться о всякого рода пустых возможностях, как это, например, бывает в политической области с так называемыми политиками пивных»³⁸⁵. Не всем народам нравятся демократические формы правления. У них исторически сложились свои представления о политике, свои формы правления, которые довольно эффективно работают. Поэтому не надо им навязывать западные политические структуры.

Демократия, как уже выше отмечалось, базируется на всеобщем избирательном праве, согласно которому каждый гражданин имеет право принимать участие в выборах и голосовать за того кандидата, программа которого ему больше всего импонирует и реализация которой в случае избрания этого кандидата может улучшить его жизненные условия. Но это, в свою очередь, связано, во-первых, с уровнем политического сознания общества в целом и каждого его члена в отдельности, во-вторых, с получаемой информацией. А эту информацию подают современные средства массовой информации. Выигрывает выборы тот, кто распоряжается СМИ, а ими распоряжаются те, кто их финансирует, платит за эфирное время. А деньги имеют буржуазные партии, так как они защищают интересы богатых людей. Они скупают не только СМИ, но и избирателей. Последним дают деньги, организуют для них бесплатные обеды и т. д. Короче, во время избирательной кампании используются все способы, в том числе самые грязные.

³⁸⁵ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1979. С. 316.

После окончания выборов избиратели полностью исключаются из политической жизни. Правительство и депутаты могут теперь чувствовать себя спокойно. Они время от времени устраивают пресс-конференции, информируют в нужном им духе журналистов, но никаких отчетов о своей работе не делают. Избиратель же остается наедине со своими проблемами. Ему некуда обратиться, он отчужден от власти и не может влиять на ее решения. Избиратель сделал свое дело и теперь может спокойно умереть или ждать следующих выборов. Но и они ему ничего не принесут, потому что вновь избранные депутаты, как и их предшественники, о нем забудут. И так происходит после всех выборов. Таково действительное лицо современной западной демократии. И как ни вспомнить меткую характеристику демократии, данную Н.А. Бердяевым: «...Демократия знает только формальный принцип волеизъявления, которым дорожит превыше всего и который ничему не хочет подчинить. Демократия безразлична к направлению и содержанию народной воли и не имеет в себе никаких критериев для определения истинности или ложности направления, в котором изъясляется народная воля... Демократия не знает истины, и потому она предоставляет раскрытие истины решению большинства голосов»³⁸⁶. А большинство голосов не есть критерий истины.

Вот это **большинство** и есть **охлос** (толпа). Его легко используют политические демагоги со времен античности. В настоящее время, когда обращение к всеобщему избирательному праву превратилось в единственный критерий достижения всех политических целей, используется толпа. О роли этой толпы писали многие исследователи. Французский ученый Г.Лебон дал довольно интересную характеристику толпы. «Под словом «толпа», — пишет он, — подразумевается в обыкновенном смысле собрание индивидов, какова бы ни была их национальность, профессия или пол и каковы бы ни были случайности, вызвавшие это собрание»³⁸⁷. Но, продолжает Лебон, в соответствующих условиях толпа с точки зрения психологии получает совершенно другую окраску. Толпа превращается в нечто иррациональное, бессознательное скопление людей. Толпа — это сборище людей без индивидуальных черт.

Лебон выделяет некоторые общие черты толпы: **одухотворенность**, **заразительность**, **внушаемость**. В толпе индивиды теряют свои отличия

³⁸⁶ Бердяев Н.А. Новое средневековье. М., 1991. С. 63.

³⁸⁷ Лебон Г. Психологи масс // Психологи масс. Хрестоматия. М., 2001. С. 11.

тельные черты, т. е. свою индивидуальность. В ней исчезают социальные, профессиональные и образовательные различия людей. Все — члены толпы. Все они воодушевляются некоей общей идеей, и их поведение приобретает иррационально-коллективистский характер. Одухотворенная толпа готова на любые сиюминутные действия. Она совершенно не думает о последствиях своих действий. Толпа может играть как положительную, так и отрицательную роль в зависимости от преследуемых целей ее лидеров.

Толпа может появиться на улице, но может вообще никуда не выходить и оставаться толпой. Электорат, например, сидит дома, но на выборах ведет себя как настоящая толпа. Он голосует не разумом, а сердцем, а иной раз и глазом. Увидел, допустим, кандидата в органы власти. Он внешне понравился ему, поэтому и отдает свой голос за него. Его не волнует не только судьба страны, но и собственная судьба. Он ведет себя не как **homo sapiens** (человек разумный), а как **homo suggere** (человек внушаемый), которому легко можно внушить все что угодно. Ему легко можно внушить, что данный кандидат на президентский пост идеально выражает его интересы. Ему можно внушить, что данное государство представляет собой угрозу для его жизни. Сейчас народам всей земли внушают мысль о том, что терроризм для них является самым опасным врагом. Изо дня в день с утра до вечера СМИ, и прежде всего телевидение, говорят о том, что везде совершаются террористические акты. И народы этому верят. При этом абсолютно игнорируются причины совершения террористических актов. Главное — следствие, а не причина. И люди не задаются вопросом, почему совершаются теракты, потому что они уже не воспринимают объяснения. Они зомбированы и поступают иррационально. Они — **охлос**, а охлос иррационален.

Бодрийар вместо понятия «толпа» использует понятие «масса». Он пишет, что в современном мире все крутится вокруг массы. Она представляет собой некое молчаливое большинство, которое время от времени проявляет свою активность и которая используется в политических целях. Политики постоянно говорят о необходимости просвещения массы, ее информирования, для чего используются СМИ. «В этих призывах, — справедливо замечает Бодрийар, — однако, нет никакого толку — рациональная коммуникация и массы несовместимы. Массам преподносится смысл, а они жаждут зрелища. Убедить их в необходимости серьезного подхода к содержанию или хотя бы к коду сообщения не удастся никакими усилиями. Массам вручают послания, а они интересуются лишь знаковостью. Массы —

это те, кто ослеплен игрой символов и поработан стереотипами, это те, кто воспримет все, что угодно, лишь бы это оказалось зрелищным»³⁸⁸. Массы, продолжает Бодрийар, больше интересуются, скажем, победой национальной сборной по футболу на чемпионате мира, чем каким-нибудь событием, имеющим непосредственное значение для их будущего.

Прав Бодрийар, когда подчеркивает, что массы не ориентированы на высшие цели. Но он совершенно не прав, когда утверждает, что их никто не вводит в заблуждение. Их как раз вводят в заблуждение современные политики, защищающие интересы господствующего класса, но выдающие эти интересы за интересы всех масс. Для этого используются все методы современных политических технологий: зомбирование, подкуп, обман, провокации и т. д. и т. п. Народ превращен в массу, толпу, которой манипулируют по своему усмотрению. Вот это и есть современная демократия, или охлократия.

Продолжая анализ роли охлоса в современной политике, нельзя не заметить, что этому охлосу нравятся не умные и интеллектуальные политики, умеющие оценивать ситуацию спокойно и рассудительно, принимающие исключительно ответственно решения, а краснобаи и болтуны, любящие красоваться перед телекамерами и бойко отвечающие на любые глупые вопросы журналистов. Я уже выше отмечал, что ни один великий политик в прошлом не смог бы выиграть выборы даже у самого неумного, но болтливого политика. Охлос во многом виноват в приходе к власти фашистов в Италии и Германии. О культе Гитлера много известно, меньше знают о культе Муссолини. Вот что пишет Р.Колье о культе Муссолини: «Вознесенный между небом и землей, как его охарактеризовал Папа Пий XI, он стал объектом паломничества. Некий старец прошел пешком с тачкой семьсот километров к месту ранения Муссолини во время войны, чтобы привезти ему бочонок воды из реки Пьяв. А двенадцатилетний паренек из Мерано прошел девятьсот километров босиком, чтобы только увидеть его. Один туринец, которого дуче обнял на какой-то церемонии, перестал умывать свое лицо. В Риччионе, где находилась его приморская вилла, истеричные женщины часами плавали в воде, чтобы только увидеть, как он входит в море»³⁸⁹.

Современная демократия как демократия охлоса тоталитарна. Она ориентирована на серых и посредственных людей, не желающих брать на себя какую-либо ответственность, но жаждущих шоу. Таки-

³⁸⁸ Бодрийар Ж. В тени молчаливого большинства. Екатеринбург, 2000. С. 14—15.

³⁸⁹ Келье Р. Дуче! Взлет и падение Бенито Муссолини. М., 2001. С. 131.

ми серыми выглядят не только избиратели, но и избранные, ведущие себя во время избирательной кампании как настоящие шуты и клоуны, готовые выполнить любую прихоть толпы. Эти президенты после ухода с политической сцены предаются забвению и ничего не оставляют для истории. В отличие от Петра Великого, Наполеона, Дж.Вашингтона, В.Ленина, У.Черчилля, И.В. Сталина, Ш. де Голля они неисторические личности и никакого интереса не представляют для будущих поколений.

Абсолютизация любого социального, политического феномена приводит к диаметрально противоположным результатам. Абсолютизация демократии приводит к произволу, безответственности, анархии и деградации общества. Нельзя же путем демократии выбирать на руководящие должности, где требуется исключительная компетентность и талант. Как можно, скажем, при выборе на должность художественного руководителя театра использовать демократические формы? Как правило, подчиненные не любят знающего и требовательного руководителя. Они предпочитают тихого, безвольного руководителя, не мешающего им плохо работать.

Разумеется, отсюда не следует, что диктатура лучше демократии. Абсолютизация диктатуры так же опасна, как и абсолютизация демократии. Всегда надо исходить из конкретно-исторических условий и соблюдать меру.

Конечно, охлосу льстит, что он принимает участие в политической жизни, прежде всего через механизмы всеобщего избирательного права. Но как пишет видный французский политик М.Рокар, «всеобщее избирательное право начинает терять свою эффективность, поскольку важные решения, которые необходимо бывает принять, все меньше могут быть отложены до тех пор, пока люди, выбранные на его основе, сумеют высказать свое мнение. По этой причине такие механизмы, как парламент, начинают терять свое влияние»³⁹⁰. Даже в странах с установившимися демократическими традициями люди большее значение придают субъектам исполнительной, чем законодательной, власти, потому что в конечном итоге от них зависит решение каждодневных вопросов. А что касается государств, где такие традиции отсутствуют, то там народ с недоверием относится к представителям законодательной власти и мало беспокоится, когда исполнительная власть игнорирует ее законы или вовсе запрещает. Он считает, что депутаты много говорят, но мало делают. Вообще парламентская говорильня дорого обходится народу, если к тому же учесть,

³⁹⁰ *Рокар М.* Трудиться с душой. М., 1990. С. 133.

что современная говорильня обслуживается сотнями тысяч работников радио и телевидения, газет и журналов.

Демократия — это огромная ответственность каждого гражданина перед своей семьей, государством, обществом, отечеством. Демократия не есть анархия и произвол. Демократия — это соблюдение всех правовых принципов и норм. Демократия — это абсолютное равенство всех перед законом. Любой гражданин, начиная от президента и кончая рядовым, должен нести ответственность за нарушение существующих в государстве законов. Он должен сознавать, что честное отношение к выполнению своих служебных и иных обязанностей является, так сказать, его священным долгом. Демократия может перерасти в анархию и вседозволенность, если не выполняются принятые государством законы. Демократия — это не только выборы, которые проводятся время от времени, но и повседневное участие граждан в управлении делами государства. Современная демократия, как уже отмечалось, дает человеку право выбора того или иного политика, но лишает его права повседневно и реально влиять на государственные дела.

Самой опасной чертой постмодернистской политики является игнорирование национальных интересов и права народов на самоопределение. Под предлогом защиты прав личности постмодернистские политики любой политической режим могут объявить диктаторским, якобы нарушающим права человека, и свергнуть его любыми средствами, в том числе военными. А его законных руководителей могут физически уничтожить или судить как преступников. При этом, если даже протестуют миллионы людей против войны, все равно лидеры постмодернистских государств цинично бомбят территорию независимого государства, убивают ни в чем не повинных людей и устанавливают «демократический порядок». Причем трагизм ситуации состоит в том, что правительства других государств либо полностью поддерживают агрессора, либо робко возражают, либо просто-напросто молчат.

Эпоха постмодерна — это эпоха космополитизма и игнорирования патриотизма. Глобализация ведет не только к исчезновению национальных границ, но и к игнорированию патриотизма. Теперь, оказывается, не надо проявлять патриотические чувства, не надо любить Родину, не надо хранить и приумножать национальные культурные ценности, не надо соблюдать национальные обычаи и традиции. Теперь не важно, где ты родился, важно, где тебе больше платят, где ты комфортнее чувствуешь себя, где ты получаешь больше наслаждения. И если на твою историческую Родину совершена агрессия, то необязательно ее защищать, ведь ты — гражданин всего мира, а не какого-то отдельного государства. Правда, здесь существенно заме-

тять, что главный проповедник космополитизма США не допускают в отношении себя никакой критики и никакого ущемления национальных интересов. Они фактически под космополитизмом подразумевают распространение американских ценностей.

Постмодернизм есть зеркальное отражение кризиса современного общества. Он, выражаясь словами Гегеля, тождествен со своей эпохой. Его приверженцы подметили колоссальные изменения в современном мире, с чем нельзя не согласиться. Абсолютно прав Бодрийар, когда пишет: «Если бы мне надо было дать название современному положению вещей, я сказал бы, что это — состояние после оргии. Оргия — это каждый взрывной момент в современном мире, это момент освобождения в какой бы то ни было сфере. Освобождения политического и сексуального, освобождения сил производительных и разрушительных, освобождения женщины и ребенка, освобождения бессознательных импульсов, освобождения искусства. И вознесение всех мистерий и антимиистерий»³⁹¹. Действительно, современный буржуазный мир представляет собой «состояние после оргии». Людей от всего освобождают: от морали, от совести, от ответственности, от труда, от воспитания и т. д. и т. п. Такое состояние беспокоит не только Бодрийара, но и многих других постмодернистов. Оно беспокоит всех здравомыслящих людей, понимающих, что человечество находится на точке бифуркации и что оно должно, если желает и дальше жить, освободиться от такого состояния. Постмодернисты критикуют это состояние, но позитива не предлагают. Более того, они его усугубляют своим нигилизмом к прошлому и нежеланием изменить что-либо.

Выше уже отмечалось, что постмодернисты свою бурную деятельность развернули после майских событий 1968 года во Франции. Многие из них, особенно в США, считают себя «новыми левыми», которые в отличие от «старых левых» отвергают классический рационализм и проповедуют иррационализм и релятивизм. Р.Рорти прямо пишет: «Мне кажется, нам следует отбросить термин «Старые Левые» в качестве обозначения американцев, называвших себя «социалистами» между 1945 и 1964 годом. Я предлагаю использовать термин «левые реформисты», для обозначения всех американцев, которые между 1900 и 1964 годом боролись в рамках конституционной демократии во имя защиты слабых от сильных. В их число входит множество людей, которые называли себя «коммунистами» и «социалистами», и множество людей, которым и не снилось так себя называть. Я

³⁹¹ Бодрийар Ж. Прозрачность зла. М., 2000. С. 7.

буду употреблять термин «Новые левые», чтобы обозначить людей, главным образом студентов, которые примерно в 1964 году решили, что в рамках системы более невозможно содействовать достижению социальной справедливости»³⁹².

Почему же постмодернисты себя объявили «новыми левыми»? А.Сокал и Ж.Брикмон это объясняют тем, что в 60-е годы возникли антирасистские, феминистские, гомосексуальные и другие социальные движения, которые традиционные левые игнорируют. Многие из этих движений пришли к выводу, что постмодернистская философия полностью отвечает их чаяниям. «Одна из привлекательных черт постмодернизма — кажется, что он подводит философскую базу под политику различия и тем самым обосновывает уважение к другим культурам и образам жизни»³⁹³. С точки зрения постмодернистов, все духовные ценности относительны и равноценны. Скажем, картины Ван Гога ничуть не лучше картин уличного живописца, или стихи гениального Пушкина ничуть не лучше стихов посредственного поэта, или классические оперы ничуть не лучше уличных песен. Эти псевдомысли привлекают многие слои общества, и прежде всего маргинальные группы, гомосексуалистов, феминисток и т. д., которые потеряли веру в идеалы равенства и справедливости. Они находят в постмодернизме благодатную почву, потому что он отвлекает от реальных проблем и главное внимание уделяет не рациональному объяснению существующих трудностей общественной жизни, а упражнению ума и анализу различных текстов. «Левые» постмодернисты, отказавшись от классического философского наследия и проповедующих иррационализм и релятивизм, фактически разоружают те социальные движения, которые к ним тянутся.

А есть ли смысл критиковать постмодернизм? Представляет ли он опасность для культуры? Если говорить о точных науках, то правы А.Сокал и Ж.Брикмон. Для этих наук постмодернизм не представляет никакой опасности, потому что там, где требуются точные знания, нет места трепу. И попытки постмодернистов использовать точные науки обречены на провал. Совсем другое дело гуманитарные науки. «От разлагающего влияния модной сегодня бессмыслицы страдают прежде всего гуманитарные науки, когда языковые игры изгоняют критический и строгий анализ социальной реальности»³⁹⁴. Очень верные

³⁹² *Рорти Р.* Обретая нашу страну. Политика левых в Америке XX века. М., 1998. С. 53—54.

³⁹³ *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 163.

³⁹⁴ Там же. С. 168.

слова. Вместо серьезного анализа социальных, экономических, политических, культурологических, исторических и иных проблем сегодня гуманитарные науки завязли в пустых дискурсах и спекулятивных рассуждениях. Историческая наука, в которой факты истории отвергаются, а миф и научные данные объявляются синонимами, никому не нужна. Авторы правильно пишут, что негативное влияние постмодернизма проявляется, во-первых, в том, что гуманитарные науки теряют время, они просто-напросто не развиваются, потому что в них нет роста знаний, во-вторых, в том, что на наших глазах происходит культурологическая путаница, которая ведет к мракобесию, и, в-третьих, в том, что ослабляется политика левых сил.

Особую озабоченность у А.Сокала и Ж.Брикмона вызывают образование и культура: «Более серьезным, по нашему мнению, является пагубное воздействие отказа от ясного мышления на образование и культуру. Студенты учатся повторять и выстраивать рассуждения, в которых они мало что понимают... В конечном счете, обдуманно невразумительные рассуждения и сопутствующая им интеллектуальная бесчестность отравляют часть интеллектуальной жизни и усиливают и без того распространенный среди населения примитивный антиинтеллектуализм»³⁹⁵.

Трудно не согласиться с этим утверждением. Кажется бы, выходят миллионы газет, журналов, книг и т. д., но люди читают все меньше и меньше, а если и читают, то предпочитают серьезной литературе бульварную. Ясно, что от чтения бульварной литературы не повышается интеллектуальный уровень людей. Постмодернисты способствуют деинтеллектуализации общества.

Нельзя не согласиться и с таким утверждением А.Сокала и Ж.Брикмона: «В тот час, когда суеверие, мракобесие и националистический и религиозный фанатизм чувствуют себя замечательно, по крайней мере безответственно обращаться с легкостью с тем, что исторически было единственным заслугом перед этим безумием, а именно рациональное мировоззрение. Содействие мракобесию наверняка не является задачей постмодернистских авторов, но оно является неизбежным следствием их деятельности»³⁹⁶. Сегодня в нашем мире неспокойно. Терроризм, национализм и религиозный фанатизм стали доминирующим фактором в общественной жизни. В этих условиях очень опасно еще выступать против рационализма,

³⁹⁵ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 168, 169.

³⁹⁶ Там же. С. 169.

против разума, стремящегося к цивилизованному разрешению всех социальных противоречий.

А.Сокал и Ж.Брикмон как истинные ученые обратили внимание и на политические последствия постмодернизма. «Наконец, для нас и для всех политически левых постмодернизм имеет свои негативные последствия. Во-первых, сосредоточение на языке и элитарность, связанная с употреблением претенциозного жаргона, способствуют тому, чтобы загнать интеллектуалов в рамки стерильных споров и изолировать их от общественных движений, которые происходят за стенами их башни из слоновой кости... Во-вторых, стойкое существование путаных идей и невразумительных рассуждений среди определенной части левых может дискредитировать все левое движение...»³⁹⁷. Если все дискурсы, продолжают авторы рецензируемой книги, являются объективными и равноценными, если исключается всякая критика тех или иных социально-экономических теорий, то следует признать правомерность и, скажем, расистских теорий. Совершенно ясно, что такой релятивизм не способствует успеху левых сил.

Постмодернистская философия фактически уничтожает философию. Постмодернисты лишают ее мировоззренческих, методологических, гносеологических и прогностических функций. Они сводят ее к бесконечному дискурсу, к словесным упражнениям и пустым разговорам. Постмодернизм в философии не дает новых знаний. Он может непрерывно воспроизводить одни и те же дискурсы. Он не ставит проблем, без чего вообще не мыслима никакая наука, никакая философия.

Эпоха постмодернизма чем-то напоминает средневековую эпоху — эпоху глубокого кризиса духовных ценностей. Но после средневековья наступила эпоха Возрождения духовной жизни людей, эпоха расцвета философии, науки, литературы и других отраслей духовного производства. Надо надеяться, что после постмодернизма наступит новое Возрождение.

§ 2. Постмодернизм и социальное познание

Прежде всего, следует отметить, что в основе любого научного познания лежит признание внешнего мира и отражение его в человеческой голове. Но социальное познание обладает рядом специфических черт. *Во-первых*, в социальном познании в качестве объекта познания выступает общество, которое одновременно является и субъектом познания. Иначе говоря, субъектно-объектные отношения меняются

³⁹⁷ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 170.

местами. Физик имеет дело с природой, т. е. с таким объектом, который противопоставлен ему и всегда, так сказать, «безропотно подчиняется». Обществовед же имеет дело с деятельностью людей, поступающих сознательно и творящих материальные и духовные ценности. Человек стремится к тому, чтобы добиться поставленной цели. Но цели людей нередко противоречат друг другу. Поэтому в обществе часто возникают различного рода коллизии, изучение которых представляет определенные трудности.

Физик-экспериментатор может повторять свои эксперименты до тех пор, пока окончательно не убедится в истинности полученных им результатов. Обществовед лишен такой возможности, так как в отличие от природы общество меняется быстрее, меняются люди, условия жизни, психологическая атмосфера и т. д. Физик может надеяться на «искренность» природы, и раскрытие ее тайн зависит в основном от него самого. Обществовед не может быть полностью уверен в том, что люди на его вопросы отвечают искренне. А если он исследует историю, то вопрос еще больше осложняется, так как прошлое никак нельзя вернуть. *Во-вторых*, общественные отношения сложнее природных процессов и явлений. На макроуровне они состоят из материальных, политических, социальных и духовных отношений, которые настолько переплетены между собой, что только в абстракции можно оторвать их друг от друга. Но кроме макроуровня есть еще микроуровень общественной жизни, где связи и отношения различных элементов социума носят более запутанный и противоречивый характер, что их раскрытие тоже представляет немало сложностей и трудностей. *В-третьих*, социальное отражение имеет не только непосредственный, но и опосредованный характер. Одни явления отражаются непосредственно, а другие опосредованно. Так, например, политическое сознание отражает политическую жизнь непосредственно, т. е. оно фиксирует внимание только на политической сфере общества, а социальная философия опосредованно. *В-четвертых*, социальное познание может осуществляться через ряд опосредствующих звеньев. Это значит, что духовные ценности в виде определенных форм знаний об обществе передаются из поколения в поколение и каждая генерация использует их при изучении и выяснении тех или иных сторон социума. Современному физическому мало что дают физические знания, скажем, XVII века, но ни один историк античности не может проигнорировать труды Геродота и Фукидида. И не только исторические произведения, но и философские работы Платона, Аристотеля и других корифеев древнегреческой философии. Мы верим тому, что писали античные мыслители о своей эпохе, о своем государственном устройстве и экономической жизни и т. д. И на базе

изучения их сочинений у нас создается свое собственное представление о далеких от нас временах. *В-пятых*, субъекты истории не живут изолированно друг от друга. Они вместе создают материальные и духовные ценности. Они принадлежат к определенным группам, сословиям и классам. Поэтому у них формируется не только индивидуальное, но и сословное, классовое, кастовое сознание, что тоже создает определенные трудности для исследователя. Поэтому обществоведы надо найти такие объективные критерии, которые бы позволили ему четко и ясно определить это общественное сознание. *В-шестых*, общество изменяется и развивается быстрее, чем природа, и наши знания о нем быстрее устаревают. Поэтому необходимо их постоянно обновлять и обогащать новым содержанием. Иначе можно отстать от жизни и науки и впоследствии скатиться к догматизму, что крайне опасно для науки. *В-седьмых*, социальное познание непосредственно связано с практической деятельностью людей и в силу этого оно так или иначе затрагивает интересы классов, сословий, власти и т. д. Поэтому оно часто носит конъюнктурный характер, что ничего общего не имеет с наукой.

Постмодернисты правы и в том, что описание изменений современного мира требует применения новых методов и средств познания. Но никак нельзя на этом основании, как это делают постмодернисты, отвергать старые испытанные методы научного анализа. Не выдерживает критики их оценка деятельности просветителей. Нельзя согласиться с отрицанием мировоззренческих функций философии. Вообще если философия перестает играть какую-либо **мировоззренческую роль**, если она не способствует формированию культуры мышления, не помогает духовному обогащению человека, то она теряет всякое значение и нет никакого смысла тратить время на ее освоение. И, конечно, абсолютно неприемлемо нигилистическое отношение постмодернистов к философии рационализма. Именно в преодолении кризиса современного общества **исключительная роль принадлежит рационализму**. Иррационализм, связанный с эмоциями, чувствами и безрассудным поведением, может обострять, а не разрешать социальные конфликты и межгосударственные противоречия. На базе иррационализма не решить глобальных проблем современности — проблем войны и мира, здравоохранения, проблем экологии и т. д.

Появление homo sapiens — величайший скачок в эволюции природы. Возникновение рационалистической философии — гигантский шаг в развитии философии. Рационалистическая философия — философия Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, просветителей XVIII века, Канта, Гегеля, Маркса — есть величайшая культурная ценность. Не философия рационализма виновата в том, что мы пере-

живаем глубочайший кризис, а то общество, в котором мы живем. Поэтому задача нынешних философов заключается в том, чтобы защитить эту философию, исследовать современные реалии средствами этой философии и указать пути преодоления кризиса и перехода к качественно новому обществу.

Как уже отмечалось, постмодернисты выступают с позиции нигилизма и релятивизма. Они критикуют почти все фундаментальные положения классической философии, отвергают ее гносеологические и онтологические наработки. Конечно, без критического анализа предшествующих философских течений и философских методов исследования нельзя решать возникшие проблемы. *Повторяю еще раз: без постоянного обновления логического аппарата, философских категорий, без преодоления устаревших философских положений нельзя двигаться вперед, нельзя развивать философию.* Но критика критике рознь. **Абсолютное отрицание всего прошлого, кроме вреда, ничего не дает для приращения философских знаний.** Нигилизм приводит в конечном итоге к отрицанию самой философии. Постмодернистские словесные упражнения, игра в слова, переворачивание исторической действительности под видом ее новой интерпретации тянут философию не вперед, а **назад**. Поэтому постмодернистская философия — это философия, зовущая **в никуда**, она видит тупиковую ситуацию, критикует ее, но не предлагает выхода из нее.

Постмодернисты отвергают логику и эмпирический мир. Правильно пишут А.Сокал и Ж.Брикмон относительно постмодернистской парадигмы: «...Если есть желание заниматься наукой, будь то физика или социальная наука, следует оставить радикальные сомнения в отношении логики или возможности познать мир посредством опыта»³⁹⁸. Постмодернисты руководствуются иррационализмом, ничего общего не имеющего с научными методами исследования объективного мира. Их туманные интерпретации науки привлекают неискушенных читателей и слушателей, особенно молодежь. А.Сокал и Ж.Брикмон пишут, что они «познакомились в Париже со студентом, он блестяще закончил обучение физике и увлекся философией, и в частности Делезом. Он пытался понять «Различие и повторение». Прочитав математические фрагменты, которые мы критикуем, он признал, что не понимает, к чему клонит Делез. Однако из-за репутации глубины этого философа он не мог решиться признать, что если даже он сам после серьезного изучения дифференциального и интег-

³⁹⁸ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С. 156.

рального исчислений не понимает эти тексты, то это, скорее всего, потому, что они ничего не значат. Нам кажется, что этот эпизод должен был, наоборот, заставить его быть более критичным по отношению к оставшейся части произведения Делеза»³⁹⁹. Таких студентов много не только в Париже, но и в Москве. Многим из них больше нравятся туманные и бессмысленные рассуждения, чем четкие и ясные философские мысли. К сторонникам классических философских традиций они относятся настороженно. Но они даже не подозревают, что в ясных мыслях и идеях больше глубины, чем в туманных высказываниях. Они зря теряют свое время на изучение трудов постмодернистов, но их в этом невозможно убедить.

У постмодернистов отсутствует исторический взгляд на общество. Они в этом плане оказались на уровне французских просветителей XVIII века, которых они любят критиковать, но которые были людьми своей эпохи, когда еще не созрели необходимые условия для исторического подхода к социальным и природным феноменам. Однако сейчас, когда науки достигли колоссальных успехов, игнорировать принцип историзма означает шаг назад. Нельзя, скажем, писать о современной цивилизации без исторического подхода к анализу этого сложного социального феномена.

Постмодернисты отрицают классические средства исторического познания. Прежде всего, они отвергают объективный характер исторического прошлого, представляют его как искусственную конструкцию с помощью языка. «...Постмодернистская парадигма, которая прежде всего захватила господствующие позиции в современном литературоведении, распространив свое влияние на все сферы гуманитарного знания, поставила под сомнение «священных коров» историографии: 1) само понятие об исторической реальности, а с ним и собственную идентичность историка, его профессиональный суверенитет (стерев казавшуюся нерушимой грань между историей и литературой); 2) критерии достоверности источника (размыв границы между фактом и вымыслом) и, наконец, 3) веру в возможности исторического познания и стремление к объективной истине...»⁴⁰⁰. Эти «священные коровы» являются не чем иным, как фундаментальными методологическими принципами исторического познания.

Постмодернисты понимают трудности социального, в том числе исторического, познания, связанные прежде всего с самим объектом

³⁹⁹ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002. С 156.

⁴⁰⁰ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и интеллектуальной истории // Одиссей. 1996. С. 26.

познания, т. е. с обществом. В социально-историческом познании наиболее рельефно проявляются мировоззренческие позиции исследователей, изучающих деятельность людей, имеющих собственные интересы, цели и намерения. Волей-неволей обществоведы, особенно историки, привносят в исследования свои симпатии и антипатии, что в какой-то степени искажает реальную социальную картину. Но нельзя на этом основании все гуманитарные науки превратить в дискурс, в словесную эквилибристику, в лингвистические схемы, не имеющие ничего общего с социальной реальностью. «Текст историка, — утверждают постмодернисты, — это повествовательный дискурс, нарратив, подчиняющийся тем же правилам риторики, которые обнаруживаются в художественной литературе... Но если писатель или поэт свободно играет смыслами, прибегает к художественным коллажам, позволяет себе произвольно сближать и смещать разные эпохи и тексты, то историк работает с историческим источником, и его построения никак не могут полностью отвлечься от некоторой данности, не выдуманной им, но обязывающей его предложить по возможности точную и глубокую ее интерпретацию»⁴⁰¹. Постмодернисты отвергают субъектно-объектные отношения, объект исчезает, а субъект, т. е. исследователь, по-своему, чисто произвольно, интерпретирует исторические источники, абстрагируясь полностью от той исторической действительности, которую эти источники так или иначе должны отражать. Они не видят никакой разницы между научным познанием и художественным изображением социальной действительности. Они утверждают, что между мифом и, скажем, тем или иным историческим фактом никакой разницы нет. Они до того упростили средства и методы познания, что, по существу, ликвидировали науку как особую отрасль знания.

Сегодня, утверждает Серр, нельзя употреблять понятия «ложь» или «истина». По его мнению, сегодня нужно говорить: это уже прошло, это уже устарело. Беллетристика же ничем не отличается от исторических исследований. Серр категорически отвергает само деление «беллетристика» и «наука». Он обвинил просветителей в том, что они якобы все, что не соответствовало научным данным, объявляли иррациональным. «Выступая против деления «беллетристика и наука», продолжаю читать одновременно Плутарха и физиков...»⁴⁰².

Но Серр бьет мимо цели. Никто не запрещает читать ни Плутарха, ни Дюма, ни Гюго, ни Пушкина, ни Толстого, изобразивших в

⁴⁰¹ Гуревич А.Я. Историк конца XX века в поисках метода // Одиссей. 1996. С. 7.

⁴⁰² Serres M. Eclaircissements. Paris, 1992. P. 79.

своих произведениях исторические персонажи и исторические факты. Напротив, выдающиеся художники слова обогащают наши знания о прошлом, помогают нам глубже проникнуть в сущность исследуемой эпохи, чтобы составить более или менее верную картину исторической действительности. Если мы изучаем деятельность Александра Македонского, то, конечно, мы должны прочесть замечательную биографию Александра, написанную Плутархом. Кстати, биография Плутарха может быть использована как исторический источник, поскольку он приводит много исторических фактов, которые не всегда можно найти в других источниках. Но Плутарх жил в начале нашей эры, когда еще историческая наука не располагала современными средствами познания и исследования исторического прошлого. Берем более близкие нам исторические события. Возьмем, например, роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Толстой как художник изображает порою исторических личностей через призму собственного видения и собственного отношения к этим личностям. Для этого он использует вымысел, без чего невозможно ни одно художественное произведение. Разумеется, те высказывания, которые Толстой приписывает, скажем, Наполеону I или Александру I, являются плодом творчества писателя, а не историческими источниками. И вообще надо сказать, что нельзя изучать Бородинскую битву с помощью даже такого великого произведения, как «Война и мир» Толстого. И не надо упрекать, как это делает известный русский критик П.А. Вяземский, величайшего романиста в том, что он исказил историческую картину. «Книга «Война и мир», — пишет П.А. Вяземский, — за исключением романтической части, не подлежащей ныне моему разбору, есть, по крайнему разумению моему, протест против 1812 года, есть апелляция на мнение, установившееся о нем в народной памяти и по изустным преданиям, и на авторитет русских историков этой эпохи»⁴⁰³. Если на «Войну и мир» смотреть как на исторический труд, то П.А. Вяземский прав. Но на самом деле он не прав, потому что, как известно, «Война и мир» есть не исторический труд, а замечательное художественное произведение, посвященное интереснейшим событиям первой половины XIX века, хотя по логике постмодернистов и «Война и мир», и другие художественные произведения, изображающие Бородинское сражение, представляют собой такие же исторические труды, как, например, исторические исследования Соловьева или Ключевского.

⁴⁰³ Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 265.

Итак, постмодернисты отрицают объективную реальность, объективную истину, классические средства познания действительности и все сводят к анализу текстов, к дискурсу. Но этот дискурс можно вести бесконечно и не получить никаких научных результатов. А без научных результатов нет ни социального познания, ни познания вообще.